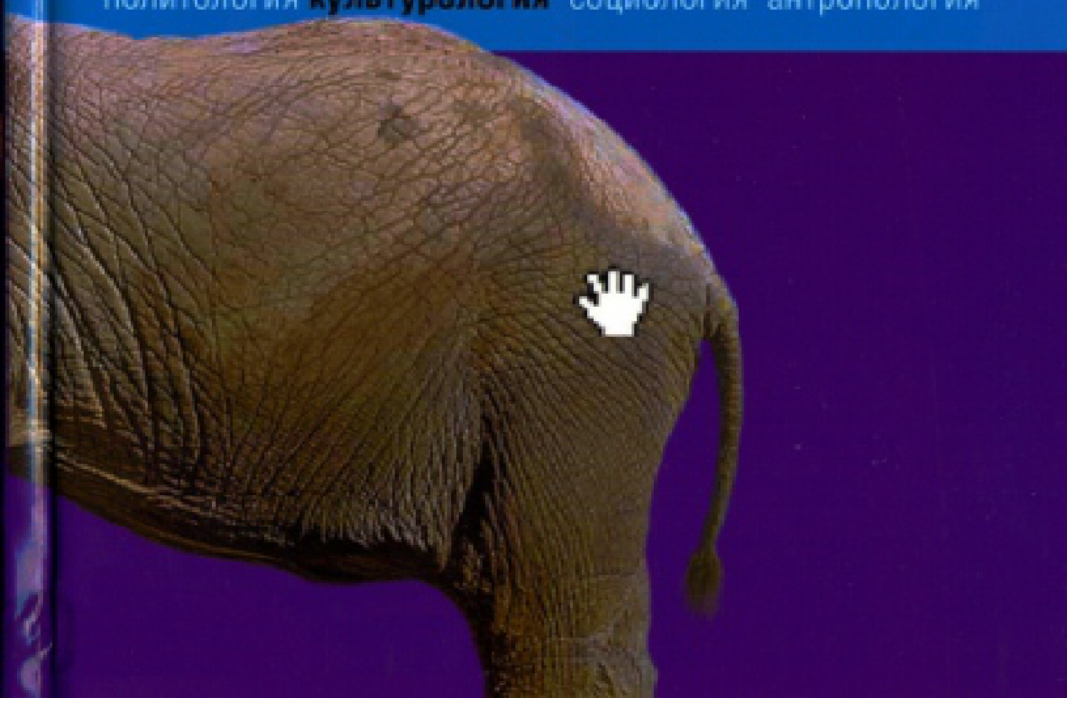
Сергей Кузнецов

ОЩУПЫВАЯ СЛОНА

[заметки по истории русского Интернета]

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

политология **культурология** социология антропология



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга писателя и журналиста Сергея Кузнецова состоит из написанных в разные годы статей, современных комментариев к ним и мемуаров. В центре книги — люди и события первых лет русского Интернета. Говоря языком старшего поколения, пишет Кузнецов, и у нас был свой Вудсток. Воскрешая драйв недавних лет, уже ставших историей, автор заставляет читателя поверить, что «в те годы только люди, создававшие виртуальный мир, и жили настоящей жизнью».

- Сергей Кузнецов
  - Благодарности
  - Предисловие
  - Прелюдия: Ощупывая слона
  - Часть первая. НАЧАЛО
    - 1. Предисловие
    - 2. Как я первый раз написал о Сети на бумаге
    - 3. Юбилей Zhurnal.ru
    - 4. Русская Сеть: итоги 1996 года
    - 5. Хакеры—1996: первый текст для Zhurnal.ru
    - 6. Пришествие Виктора Пелевина
    - 7. Первый подход к сетевой порнографии
    - 8. Иван Паравозов: юбилей
    - 9. Нескучный провайдер «Ситилайн»
    - 10. Катя Деткина: самая знаменитая смерть в Интернете
    - 11. Архитекторы и Набоков: статья неведомо куда
  - Часть вторая
    -
    - 1. Самый старый виртуал
    - 2. Игры и гипертексты
    - 3. «Тенета» — первый литконкурс в Сети
    - 4. «Низший пилотаж» Баяна Ширянова
    - 5. «Антибукер» за интернет-публикацию
    - 6. Однословия Михаила Эпштейна
    - 7. Футурологический календарь Линор Горалик
    - 8. Поможет ли утопия коммерции?
    - Интермедия: «Газета. ру»/«Вести. ру»
    - 1. Антон Носик
    - 2. Избранные места
    - 3. Никита Михалков как скрытый суфий

- 4. Киркоров — это Летов сегодня
- 5. На закрытие «Вестей. ру»

○ Часть третья

-
- 1. Снова о хакерах
  -
  - Русские идут!
- 2. Копирайт должен быть разрушен: случай Чернова/Сорокина
  -
  - Запутавшиеся в сетях
  - Шесть вопросов перед судом
  - Гора не смогла родить мышь
- 3. История про баннеры
- 4. Мужской стриптиз: свинство в «Пумбе»
- 5. Спамеры земли русской
- 6. Дело Дмитрия Склярова
- 7. В тюрьму за стихи: дело Шогди Нагиба
- 8. Спасем свободный доступ
- Сергей Кузнецов: поддержите свободу публикаций в Сети!
- Интермедия:
- 1. Вадим Эпштейн и лучшие сумасшедшие молодые люди
- 2. Создание «О.Г.И.»
- 3. Витухновская в Ротонде
- 4. Мадагаскарский клуб
- 5. Мертвая эксгибиционистка Николь
- 6. Окно в чужой мир
- 7. Право на личное высказывание
- 8. Разное мелкое
- 9. Первый мемуарный набросок
- 10. Последняя соломинка
  -
  - Двадцать лет спустя
  - Секс-мафия

○ Часть четвертая. ИЗБРАННЫЕ МЕСТА

- 1. «База. ком» и «Зак Май»
- 2. Юмор — это русский секс: август 1998 года
- Самый смешной сайт Рунета
- 3. Поганки и враги
- 4. Виртуальное кладбище
- 5. Сайт ФСБ
- 6. Яков Кротов

- 7. Опекунство
- 8. Не моя война
- 9. Оля Лялина
  - Зарисовки сетевых пейзажей
  - Оля Лялина едет в Сеть
  - 10. Трэш и любительское порно
    - Новая классификация сайтов
    - Trash-Internet
    - Путешествие в страну персиков
    - На полпути к грусти
  - 11. Русский сайт непальского принца
  - 12. DailyStih
    - Ежедневный поэм
    - Интермедия: «Живой журнал» / LiveJournal
    - Русские заложники обретают голос благодаря американскому Интернет-сервису

○ Часть пятая

-
- 1. Маленький город, затерянный в лесах (тезисы, 1996)
- 2. Пусть пока всего четыре копии
- 3. Человек с железной головой
- 4. Спасибо, хорошо
- 5. Академия им. Эдиты Пьехи
- 6. Киллер
- 7. Миниатюризация
- 8. Что делает супница за завтраком?
- 9. Сны
- 10. Белый
- 11. Шестидесятые
- 12. Европа
- 13. Тело
- 14. Десять
- 15. Мужчины
- 16. Юг
- 17. Ночь

• Именной указатель
• notes
  ○ 1
  ○ 2
  ○ 3
  ○ 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33

Сергей Кузнецов
ОЩУПЫВАЯ СЛОНА
Заметки по истории русского Интернета

Благодарности

Прежде всего хочется поблагодарить всех тех, о ком написана эта книга, — людей, которые создавали русский Интернет в девяностые годы. Они были рядом со мной в то время, когда я писал свои статьи, а многие из них рядом со мной и сейчас. Отдельно хочется поблагодарить Настика — Анастасию Грызунову, персонажа книги и ее редактора. Спасибо моему брату, Максиму Кузнецову, оказавшемуся незаменимым при составлении именного указателя. Но больше всех я благодарен моей жене, Екатерине Калиевой, которая поддерживала меня все эти годы по эту сторону монитора.

Предисловие

Я написал эту книгу, потому что хотел рассказать о людях девяностых годов. О тех, кто принял вызов времени. О людях, которые оставили след в истории — пусть даже в маленькой истории русского Интернета.

Часто говорят, что в девяностые годы те, кто чувствовал время, становились бандитами или бизнесменами — подразумевается, что в те годы между ними не было особой разницы. Говорят, в прошлом десятилетии главным было заработать как можно больше денег, потому что это был «уникальный шанс». Я хочу рассказать о людях, большинство из которых не были бизнесменами и никто не был бандитом, о людях, которые если и заработали деньги, то достаточно небольшие по российским меркам. Но все они — в большей или меньшей степени — использовали свой уникальный шанс и для меня это даже важнее всего русского Интернета, вместе взятого.

Я тогда часто думал: то, что мы делаем, станет сначала историей, потом мифом. В этом ощущении я был не одинок — почти те же слова в 2000 году сказал в своем ситилайновском кабинете Демьян Кудрявцев. Речь шла о создании книги об истории первых десяти лет Рунета. Это должна была быть коллективная книга, и в конце концов мы начали делать ее втроем: Дема, Саша Гагин и я. К осени 2001 года с помощью других ветеранов Рунета мы подготовили материалы для «энциклопедии с картинками» — и в этот момент все рассыпалось: я на год уехал в Калифорнию, а Дема неожиданно для себя оказался в положении вынужденного эмигранта. Был продан «Ситилайн», а Демин кабинет разрушен вместе с домом в результате лужковской градостроительной перестройки.

То, что я делаю сейчас, — не попытка восстановить тот коллективный проект. Я просто пытаюсь отвязаться от чувства, что начал дело — и так и не довел его до конца.

Зимой 2002 года я просматривал свои старые статьи о Сети и понял, что они довольно неплохо покрывают первые годы истории Рунета — по крайней мере, в той области, которая касается журналистских и гуманитарных проектов. Вот бы собрать их вместе, подумал я, собрать и прокомментировать, потому что сегодня даже мне самому не всегда понятно, что я имел в виду пять или семь лет назад. Журналистика — сиюминутная вещь, и мне не хотелось, чтобы вышел просто сборник статей, написанных когда-то давно в контексте событий, прочно забытых или вовсе не известных нынешним читателям.

Поэтому я решил подробно их откомментировать, заодно и рассказав о людях и событиях, в свое время позабытых. В комментарии я отправил истории, которые в свое время затруднительно было предать огласке, так что из этой книги читатель узнает малую часть закулисной истории Рунета: кто с кем пил, какие наркотики любили (и не любили) отцы-основатели, правда ли, что мужской стриптиз — самое популярное занятие среди топ-менеджмента Рунета и так далее. Впрочем, я изо всех сил старался не превратить книгу в собрание сплетен в стиле бульварной газеты: я написал, кто с кем пил и целовался, но, по крайней мере, обошел молчанием, кто с кем спал.

Разумеется, было бы смешно претендовать на полное освещение всех значительных событий, персон и мест Рунета. Эта книга — всего лишь рассказ о некотором срезе русского Интернета, о том, к чему я был причастен и что видел своими глазами. Можно назвать это историей контента, можно — историей Интернета, взятой в его гуманитарном аспекте.

Очень многое осталось за кадром — в том числе фактически все, что касалось технической стороны дела. О людях, без которых не было бы Интернета вообще, — о тех, кто тянул провода, писал программы, открывал интернет-центры и так далее, — не будет сказано почти ничего.

Мне, впрочем, хочется верить: подобно осколку голограммы, то, о чем я расскажу, позволит почувствовать атмосферу времени, которое стало легендарным едва ли не быстрее, чем закончилось.

Эта книга прежде всего посвящена ранним годам Рунета, людям и проектам первых пяти-шести лет русской Сети. Хотя здесь можно найти рассказ о недавних событиях, прежде всего это история тех времен, когда русский Интернет делался сравнительно небольшим кругом единомышленников. Поэтому сюда не попали многие достойные проекты последних лет — так что читатель не найдет здесь ни истории Олега Куваева и Масяни, ни рассказа о последних проектах Антона Носика. Невозможно объять необъятное — поэтому автор отталкивался от текстов, написанных им когда-то по свежим следам.

Эта книга — не учебник по истории Рунета, не полноценные мемуары, а всего лишь свидетельство очевидца, который что-то пропустил, а чему-то придавал неоправданно большое значение.

Если бы я делал интернет-проект, а не книгу, я бы разместил статьи в виде гипертекста — а так я условно поделил все статьи на пять частей и внутри каждой расположил статьи в хронологическом порядке. Первая часть — рассказ о том, как все начиналось, о 1995–1997 годах, о Zhurnal.ru и «нескучном

провайдере» Cityline. Вторая рассказывает о литературе в Рунете — то есть о том, что составляло главное содержание гуманитарной жизни русской сети в 1995–1998 годах. Третья часть — чтобы читатель не заскучал — посвящена самым горячим темам: хакеры, борьба за копирайт, спам и всякие юридические казусы. В четвертую я собрал рассказы о самых разных страницах, которые когда-либо привлекали мое внимание — будь они политические, журналистские или художественные. И, наконец, пятая часть — это необязательные заметки, как правило, написанные в ответ на просьбу «напиши что-нибудь про Интернет и секс (белый цвет, киберпанк, самиздат и т. д.)». В промежутках между частями я разместил своеобразные интермедии — рассказы о наиболее значимых проектах, в которых мне довелось участвовать. Надо, наверное, сразу сказать, что в первых частях больше комментариев и воспоминаний, зато в последних, на мой взгляд, интереснее статьи.

Статьи публикуются в авторской редакции — так, как сохранились у меня в компьютере, — и могут незначительно отличаться от опубликованных. Кроме того, мой редактор Настик Грызунова настояла на том, чтобы хоть немного их причесать — я, впрочем, старался сохранить исторически достоверную интонацию.

Конечно, я не смог написать обо всех интересных проектах, к которым имел отношение, и обо всех людях, которые мне дороги. Проглядывая написанное, я понял, что основными героями стали люди, с которыми я познакомился в 1996–1997 годах, и сейчас я хотел бы извиниться перед всеми, о ком не написал, за то, что не вспомнил их вовремя, а также перед всеми, о ком написал, если я что-то переврал или напутал. В конце концов, первые пять лет русского Интернета уже стали легендой — вряд ли можно требовать от легенды достоверности.

Прелюдия: Ощупывая слона

С первых лет существования Интернета в России в разговорах о Сети неизбежно всплывала старая суфийская притча о слоне, которого ощупывают слепцы. Что такое слон? Толстое и шершавое? Тонкое и гибкое? Твердое и изогнутое? Подобно этим слепцам, в разные годы придумывались разные способы описания Интернета, разные идеологии, исходя из которых во многом до сих пор действуют люди и общности, работающие в Рунете. Первая концепция Интернета была популярна, когда еще не было WWW. Интернет был прежде всего электронной почтой и ньюс-группами, где велись бурные дискуссии, которые временами перерождались в настоящие войны. Главной идеей тогда было свободное общение, коммуникация. Привлекательность этой идеи в России прежде всего объяснялась пафосом времен перестройки: свободная информация, отсутствие цензуры, либерализм и гласность (не случайно одна из первых провайдерских контор в Москве называлась «Гласнет»).

Впрочем, не все в этой первой модели было так идеологически заострено. Ведь свободное общение означает не только отсутствие цензуры, но и просто частный разговор между близкими по духу людьми, нечто вроде клуба. Модели Интернета как клуба до сих пор следуют множество сайтов, где главный элемент — форум или гостевая книга. Не случайно самые знаменитые русские проекты первых лет WWW знамениты прежде всего как точки кристаллизации общностей. Таковы гипертекстовой РОМАН, литературная игра «Буриме», «Гусарский клуб» и, в конце концов, Zhurnal.ru, вокруг которого выкристаллизовалось ядро нынешнего интернет-коммьюнити. Именно клубная идеология Интернета ответственна за то, что долгое время дружеские связи в Рунете стоили больше, чем корпоративная солидарность. В настоящий момент самой известной реализацией этой модели остается американский сервис «Живой Журнал» (www.livejournal.com) — русские пользователи обнаружили его три года назад, и с тех пор он стал важной частью Рунета.

Еще одна группа моделей, утвердившаяся сразу после возникновения WWW, — это модели Интернета как самиздата, архива и библиотеки. Во всех трех случаях Интернет рассматривается прежде всего как хранилище информации — и взять хотя бы множество существующих в Рунете онлайн-библиотек, по объему намного превосходящих англоязычные аналоги, подобные «Проекту Гутенберг». Однако между ними

существует очевидная разница. Так, архив в первую очередь — место хранения разнообразной информации: не только книги или статьи, но и переписка в ньюс-группах, гостевых книгах и форумах. Предельной формой архива является свалка — место, где есть все, но трудно найти что-либо. Библиотека предполагает куда более строгий отбор, каталогизацию и упорядоченность. Самиздат же предполагает добровольность участия тех, кто пополняет хранилище текстов, — то есть читатели одновременно являются библиотекарями. Иногда эти три модели смешиваются: так, в самой известной библиотеке Рунета — «Библиотеке Максима Мошкова» (www.lib.ru) — есть специальный раздел «Самиздат».

В случае Рунета все три модели не особо концентрируются на проблеме авторских прав, что и неудивительно: многие произведения распространялись в свое время в самиздате без разрешения авторов, да и для пополнения библиотеки в России не требуется специальной лицензии. Надо напомнить, что многие русские писатели добровольно дают разрешение на свою бесплатную публикацию в Интернете.

До определенного момента об Интернете знали только сетяне; во второй половине девяностых годов статьи о Сети стали появляться в бумажной прессе — так возникла еще одна модель Интернета. В первых публикациях он представлялся местом, где хранится порнография, обитают хакеры и тусуются расисты и ксенофобы. Другими словами, Интернет оказывался пространством, куда вытеснялись нежелательные чувства и эмоции общества: ненависть, агрессия и сексуальность. В этом смысле образ Интернета конструировался по тем же принципам, что образ Чужого в обществе — чужестранца, инопланетянина, безумца. Не случайно Интернет довольно быстро объявили пристанищем «больных» — или, по крайней мере, «людей с психическими проблемами» — именно этим прежде всего объясняются многочисленные статьи о «сетевой зависимости».

Любопытно, что многие люди, исповедующие идеологию Интернета как среды свободного от цензуры общения, среагировали на навязываемую офф-лайном идеологию Интернета как рассадника порно и пристанища фашистов. Они приняли правила игры и стали утверждать то же самое, но с другой интонацией. Да! В Интернете есть порно! Да, тут есть сайты ненависти! Но это — хорошо. Эта идеология, которую мы можем назвать радикальной, контркультурной или анархистской, описывает Интернет как заповедную территорию безграничной свободы. В самом деле, если где такая свобода и возможна — то лишь в Сети: там никто никого не может убить, покалечить или

изнасиловать. На сайт, тебя оскорбляющий, можно просто не ходить — от хама в метро так легко не отделаешься. На эту идеологию ориентируются такие разные проекты, как консервативно-революционный: LENIN:, либертарианский «Либертариум» или матерный fuck.ru с многочисленными ответвлениями и последователями.

Важным следствием этой идеологии является утверждение о независимости и саморегулировании Интернета. Не случайно «Декларация независимости киберпространства» Джона Перри Барлоу была несколько раз переведена на русский и опубликована в первом же номере Zhurnal.ru.

По мере того как Сеть перестала быть внутренним делом сетян, встал вопрос о взаимодействии онлайна и офф-лайна. Одной из первых моделей взаимодействия оказалась конкуренция. Бесплатные сетевые публикации книг лишат авторов заработка от продажи книг бумажных. Формат mp3 навсегда изменит шоу-бизнес. Сетевые СМИ задушат СМИ офф-лайновые. Эти утверждения, произносимые с ужасом или с надеждой, до сих пор встречаются и в бумажной, и в онлайновой прессе. Однако все сильнее становится идеология сотрудничества. Писатели и издательства только выгадывают от публикаций книг в Сети, шоу-бизнес как-нибудь приноровится, а офф-лайновые издания откажутся от части несвойственных им функций и/или обзаведутся своими онлайн-представительствами, как это уже случилось на Западе. Впрочем, будущее время здесь неуместна уже сейчас можно привести множество примеров интегрированных решений — причем не только в коммерческой (специальные сайты для телешоу, промосайты издательств, создание онлайн-версий газет и журналов), но и в некоммерческой области: так, сайт Союза молодых литераторов «Вавилон» (www.vavilon.ru) существует сегодня и как библиотека современной русской литературы, и как место онлайн-публикаций книг одноименного издательства, и как доска объявлений.

Результатом встречи офф-лайна и Сети стала модель Интернета как одного большого СМИ. Анекдотическая ссылка «найдено в Интернете», одно время появлявшаяся в газетах и журналах, служит яркой иллюстрацией: со стороны Интернет воспринимался как одно большое СМИ. Отсюда претензии, что в Интернете часто публикуют недостоверную информацию, словно Интернет — одна большая газета, в которой провокационная статья на пятой полосе бросает тень на официозную передовицу. На самом деле Интернет — не СМИ, а, скорее, газетный киоск, где читатель сам выбирает себе СМИ по вкусу: хочет — читает

«Ленту. ру», а хочет — пародийный новостной сайт Лапша. ру… Нетрудно видеть, что модель «Интернет — одно большое СМИ», требующая от всей Сети ответственности за любую публикацию, противопоставлена модели Интернета как архива, где найдется место всему — в том числе ерунде, глупости, дезинформации.

На пересечении модели сотрудничества и модели анархической зоны оказалась идея Интернета как места политической провокации. На анонимных интернет-сайтах публиковались полученные незаконным образом компрометирующие материалы или прямая дезинформация, на которые потом будет ссылаться офф-лайновая пресса, а интернет-СМИ оказались удобным местом для сливов и оперативных публикаций сомнительных материалов. Самой первой из провокаций такого рода стал сайт «Коготь» (1998), самой свежей — история с опережающей публикацией статьи М. Ходорковского «Кризис либерализма в России» на «Утре. ру» за подписью Ю.А. Степанова.

Основным выразителем этой идеологии называли Глеба Павловского, некогда близкого к Кремлю главу Фонда эффективной политики. Как известно, именно Павловскому принадлежит самая громкая публикация подобного рода: результаты exit polls, напечатанные в день думских и президентских выборов 2000 года. Подобные публикации запрещены законом — но Павловский утверждал, что выкладывание на интернет-сервер, расположенный за рубежом, не является публикацией в России, а Интернет по российскому законодательству вообще не является СМИ.

Нетрудно видеть, что эта аргументация во многом совпадает с доводами российских борцов с копирайтом и сторонников анархической идеологии Интернета. Это, кстати, не единственное совпадение во взглядах прокремлевского Павловского и радикальных контркультурщиков вроде Миши Вербицкого: для тех и других Сеть — инструмент политической борьбы и должна быть использована для изменения «real life». Надо сказать, что политический Интернет не ограничивался только использованием Сети в качестве зоны провокации: перед выборами были и сайты партий и кандидатов, и многочисленные онлайн-издания, которые создавались в надежде, что они будут куплены представителями той или иной политической силы.

Идеологии Интернета как клуба, как хранилища или зоны анархии были хронологически первыми. Их изначально объединял некий утопизм и вера в то, что модель «бескорыстного сотрудничества» в Интернете окажется жизнеспособной. Сегодня, однако, вопрос, заданный Дмитрием Маниным в его статье 1997

года «Задушит ли коммерция утопию?», не выглядит столь вызывающим: коммерция и утопия бок о бок, и для каждой из трех моделей есть способы делать их если и не коммерчески выгодными, то хотя бы не убыточными. Прежде всего это сотрудничество с теми, для кого Интернет стал еще одной точкой приложения коммерческих талантов.

Идеология коммерческого Интернета, о которой заговорили в конце девяностых, предлагала много моделей — Интернет как рекламная площадка, Интернет как место расположения магазинов или аукционов. Впрочем, до падения NASDAQ самой популярной была модель Интернета как пространства, где можно продавать ожидания, — большие деньги вкладывались в Рунет в надежде на последующий выход на фондовый рынок и капитализацию.

Нетрудно видеть, что эта модель родственна модели предвыборного Интернета. Любопытно, что обе эти модели свернулись почти одновременно — в марте 2000 года, когда был избран Владимир Путин и сильно упал NASDAQ. Банкротство многих проектов осенью того же года стало наглядным доказательством малой жизнеспособности этой модели — возможно, поэтому 2004 год почти не породил сделанных под выборы онлайн-проектов.

Впрочем, если в Интернете нельзя продавать ожидания, то по-прежнему можно продавать товары или рекламу, поэтому модель большого магазина (или, наоборот, маленького и специализированного) и модель рекламной площадки остаются главными для идеологии коммерческого Интернета. Самыми эффективными, как всегда, оказываются сайты, совмещающие несколько моделей сразу скажем, промосайт, одновременно функционирующий как небольшой магазин (хорошим примером является сайт фильма «Брат 2»).

И наконец, хочется сказать о той идеологии, которую чаще всего забывают аналитики — хотя ее приверженцев уже сегодня больше, чем сторонников всех остальных идеологий, вместе взятых. Для миллионов российских пользователей Интернет стал повседневной вещью, чем-то вроде гибрида телефона и телевизора. Через него можно общаться, узнавать новости и заказывать товары. Бытовые приборы не требуют от своих пользователей рефлексии, и телезритель ничего не знает о Маршалле Маклюэне. Для сегодняшнего пользователя Рунета пустым звуком стали слова «независимость киберпространства» и имена первых идеологов виртуального мира.

Этой книгой мне хотелось бы рассказать тем, для кого Интернет сегодня — просто удобный инструмент, о временах,

когда он был чем-то новым, слоном, которого интересно было ощупывать.

Часть первая. НАЧАЛО

1. Предисловие

Эта глава — скорее мемуары, чем статьи и комментарии, что, конечно, объясняется спецификой первых лет моей жизни в Сети: статей было написано мало, а воспоминаний осталось очень много. Тогда год активной жизни в Интернете считался за десять — и ностальгически-мемуарный тон представляется оправданным. Можно считать, что это было не девять, а девяносто лет назад. Как говорит одна моя подруга, «люди столько не живут».

Интернет придумали вовсе не Винт Серф и Боб Кан, в 1974 году опубликовавшие работу, в которой описали TCP протокол, не Рэй Томилсон, разработавший в 1972 году первую программу для электронной почты и догадавшийся писать @ в почтовых адресах, и уж, конечно, не Тим Бернерс-Ли, в 1991 году придумавший WWW. Тот Интернет, о котором мы говорим, придумал парень по имени Куб.

В декабре 1998 года об этом узнала вся страна. В московском Дворце молодежи проходила предновогодняя интернет-вечеринка, официально именовавшаяся «второй ОСКОМ». Ближе к концу, когда всем стало совсем хорошо, корреспондент НТВ подошел к Жене Горному, тогдашнему редактору отдела «НетКультура» в «Русском журнале». Рядом с Горным стояла красавица-подруга, на ее голове мигала огоньком шапка Деда Мороза. Одной рукой Женя обнимал девушку, другой держал микрофон.

— Расскажите нам, — с придыханием спросил корреспондент, — что же это такое — Интернет?

Горный счастливо улыбнулся и от всего сердца ответил:

— Интернет придумал парень по имени Куб.

На следующий день этот сюжет несколько раз показали в новостях по ТВ. Больше всех был потрясен даже не сам Куб, а его отец, решивший с утра спокойно посмотреть телевизор.

По паспорту Куба зовут Михаил Якубов. Я познакомился с ним, когда никаким Интернетом и не пахло — в 1984 году. В то позднесоветское время в Москве существовала неформальная сеть математических школ. Самыми известными были 57-я, 91-я и вторая. Куб кончил 57-ю школу, я — вторую, но это было неважно, потому что выпускники матшкол, как правило, были знакомы — отчасти со школьных лет, отчасти потому, что

поступали в одни институты, ходили в одни походы и так далее. Он учился на мехмате, я — на химфаке, и встречались мы в профессорской столовой главного здания МГУ. Отлично помню, как году в 1986-м я сказал там, что в кинотеатре «Рекорд» (который ныне поглощен Лужниковским рынком) показывают «Андрея Рублева» Андрея Тарковского. Тарковский уже несколько лет как уехал на Запад, и потому Куб подскочил ко мне и очень уверенно произнес — Этого не может быть.

Появись в тогдашней столовой какая-нибудь «гостья из будущего» и расскажи она нам про Интернет, мы бы хором повторили эти слова, потому что Интернета тоже не могло быть. Однако не прошло и пяти лет, как он появился в Москве, — хотя я узнал об этом много позже.

В августе 1990 года Вадим Антонов и Дмитрий Володин, «курчатовцы», и Лео Томберг из Таллина при содействии Петри Ойяла из Финляндии залогинились на сервере Хельсинкского университета — и этот день считается днем начала российского Интернета, хотя опыты связи по uucp были и раньше. Чтобы не было споров, юбилейной датой принято считать 19 сентября 2000 года, когда был зарегистрирован домен. su.

Людям, которые делали тогда первые шаги в Сети, лишенной пока и гиперссылок, и картинок, мы и должны быть благодарны за то, что в начале девяностых Интернет появился в нашей стране. Сотрудники академических институтов первые обзавелись электронными адресами — и году в 1992-м мой одноклассник, работавший в ФИАНе, сделал такой адрес и для меня. Но модема у меня не было, а ездить за письмами на Ленинский проспект неудобно — так что, можно сказать, адресом этим я толком не пользовался и потому пропустил великую эпоху Юзнета, flame wars и знаменитой scs/scr — ньюс-группы soc.culture.soviet, переименованной позже в soc. culture.russian.

Человеком, который уговорил меня купить модем и едва ли не за руку отвел в офис Гласнета, как раз и был Куб. Чуть раньше он проделал нечто подобное в Тарту, откуда была родом его жена, — и так в Сети оказались Роман Лейбов и Евгений Горный. [1]

В отличие от людей, которых он привел в Сеть, сам Куб предпочитает оставаться в тени. Будучи одним из главных идеологов Zhurnal.ru, он написал туда от силы две-три статьи. Его работа в журнале «Интернет» и в компании «Агава» тоже не сделала Куба медиазвездой. Возможно, поэтому все затрудняются определить его функцию: Кирилл Готовцев недавно назвал его «философом-программистом», некоторые предпочитают расплывчатое «директор Интернета», а редактор Настик написала

на полях: «Ну да — серый кардинал».

Когда я слушаю Куба, у меня всегда возникает ощущение, что я слышу нечто невыразимо прекрасное и умное. Прекрасность меня восхищает, а невыразимость не позволяет извлечь из его слов практический смысл. Но спустя некоторое время я понимаю, что это был очень важный для меня разговор. Думаю, потому Куб и повлиял на всю историю Рунета так сильно, не достигнув вместе с тем известности Носика, Лебедева или Лейбова..

Без них русский Интернет был бы совсем, совсем другим — во всяком случае, в том, что касается гуманитарных аспектов. Вероятно, это и имел в виду Горный, сказав, что Интернет придумал Куб, — потому что без Куба наш Интернет был бы совсем другим.

Итак, Куб закончил 57-ю школу, я — вторую. Из тех же мат-школ вышло много разного сетевого народа — Тема Лебедев, Митя Манин, Миша Вербицкий и другие. В 1995 году я первым делом попытался связаться со своими старыми друзьями, уехавшими в Америку и Израиль пять лет назад. Впрочем, вскоре выяснилось, что с большинством из них нам нечего сказать друг другу. Разлука, мы знаем, длинней любви.

Это, пожалуй, было главным уроком 1995 года, когда я начал активно пользоваться своим адресом skuzn@glas.apc.org. Таинственный apc.org означал, что «Гласнет» — мой первый провайдер — был членом «Ассоциации за прогрессивные коммуникации». Мне до сих пор жаль этого адреса — он потерялся, когда я сменил провайдера.

Название «Гласнет» было — что сегодня уже неочевидно — сокращением от «Glasnost Network». Создавался он, когда «гласность» еще была на слуху, и, надо сказать, даже для меня это уже совсем мифические времена. Подлинную их историю напишут другие, а я не могу не рассказать о новогодней вечеринке 1998 года в «Русском журнале», где присутствовал его главный редактор, знатный политтехнолог Глеб Олегович Павловский. Надо сказать, Павловский уже тогда немало делал в Сети, и потому, когда он начал вспоминать, как этот Интернет начинался, я придвинулся поближе и стал слушать.

Павловский говорил прекрасное. Интонация была в точности как в известной пьесе Гоголя:

«Этот человек, миллиардер и владелец крупнейшей в Америке сети по продаже игрушек, просто дал мне номер своей карточки и сказал, что я могу все с нее оплачивать… потом он разорился, бедный». Но лучше всего была история о том, как Павловский, Джордж Сорос и кто-то из ЦРУ придумали Интернет, чтобы способствовать развитию демократии в России.

— Было, — говорил Павловский, — несколько вариантов. Интернет, Гласнет, другие сети. Мы остановились на Интернете.

До сих пор жалею, что у меня в тот день не было с собой диктофона.

В 1995 году о гласности еще помнилось, и я даже успел пару раз написать об Интернете как о средстве, преодолевающем информационный железный занавес.

Несмотря на появление в 1993 году первого браузера Mosaic, я еще застал зеленые буковки на черном экране, знакомые младшему поколению в основном по фильму «Матрица». К 1995 году уже существовали два самых знаменитых проекта раннего русского веба — «Буриме» и РОМАН (о них речь пойдет отдельно), а вот золотого века юзнетовской тусовки на scs/scr я не застал и знаю об этой — как бы доисторической — эпохе русской Сети только по рассказам старожилов. Впрочем, в нескольких англоязычных ньюс-группах я еще успел поучаствовать — в группах по культовому кино и по Энн Райс, которую я тогда очень любил (а в России ее почти не знали).

Иными словами, в 1995 году я был образцовым потребителем — я читал и вел переписку. В 1996 году я начал обживать сеть профессионально — сделал свою первую персональную страницу и начала писать об Интернете и для Интернета.

2. Как я первый раз написал о Сети на бумаге

Русский клуб в Паутине. «Итоги», май 1996 г.

Когда первый восторг от общения с Интернетом проходит, наступает разочарование, и ты понимаешь, что, как ни странно, Повсеместно Протянутая Паутина — World Wide Web, или просто WWW, — опутывает собой не все; в ее ткани зияют неприметные на первый взгляд, но вполне существенные разрывы. Тем радостнее, когда один из них затягивается — хотя бы отчасти.

Русскому человеку, нередко отгороженному от остального мира проблемами с визами и ценами на билеты, кажется поначалу, что Сеть наконец разрушает постылые государственные границы: он может получать информацию из первых рук, не дожидаясь прибытия в Москву иностранных газет и журналов, и переписываться с далекими друзьями без помощи оказий и медленной почты. Однако постепенно он понимает, что по-прежнему отделен от всего мира: он может в любой момент узнать, какая погода нынче в Калифорнии, но прогноз погоды в Москве надо, как в старину, ловить по ТВ или радио; и программу

лондонских кинотеатров он знает куда лучше расписания «Музея кино». Одним словом, Интернет напоминает подзорную трубу, не желающую толком наводиться на резкость ближе границ бывшего СССР. Впрочем, Кирилла и Мефодия в этом следует винить не меньше, чем несовершенство коммуникационных магистралей.

Проблему эту не решить усилиями энтузиастов-любителей, и можно только приветствовать инициативу фирмы «Агама», недавно открывшей в ППП «Русский клуб». Разумеется, это далеко не первый сервер в России, где пользователь может найти что-нибудь интересное, но на сегодняшний день он обещает больше, чем другие.

В отличие от «Гусарского клуба» поклонников поручика Ржевского (есть в Паутине и такой, с сервером в Америке), «Русский клуб» мало похож на клубы в традиционном понимании этого слова. Правда, в будущем предполагается ввести специальное членство, а пока «Русский клуб», скорее, представляет собой большое и постоянно пополняемое хранилище информации по самым различным областям российской жизни.

При построении Клуба была принята метафора здания, между отделами-этажами которого ездит лифт. Приятно отметить, что основатели «Русского клуба» всерьез подошли к проблеме, поставленной Кириллом и Мефодием: посетителям на выбор предлагаются несколько наиболее распространенных кодировок русских букв. Это не случайно, поскольку «Агама» специализируется на создании лингвистического программного обеспечения: словарей, переводчиков и различных средств русификации. Само собой, различного рода информацию о деятельности фирмы и ее партнеров можно найти в «подвале» и на первых этажах Клуба.

Впрочем, рядового пользователя-гуманитария больше интересуют верхние этажи. К сожалению, они пока заполнены неравномерно, кое-что можно рассматривать скорее как заявку на будущее, чем как самоценный проект. Так, «Галерея» предлагает посетителям только выставку главного художника проекта Виктора Монетова и списки галерей Москвы, Петербурга и Киева: насколько можно судить по Москве — устаревшие года на три. Хочется надеяться, что собранный в «Антикварной лавке» список московских антикварных магазинов (в которых я ничего не понимаю) более представителен. «Венское кафе», замышляемое как своеобразное место для дискуссий, почему-то пока предоставляет все свои столики только Олегу Давыдову. Чуть лучше дело обстоит в «Музыкальном салоне», где помещены два интересных материала — о московском джаз-клубе на Беговой и о

местах в ППП, связанных с русской музыкой.

В запрятанном на первых этажах «Совете юриста» можно найти Гражданский и Таможенный кодексы, а также «Кодекс законов о труде». Самым неожиданным оказалось содержание этажа «Ресторан», где Алексом Гимейном собрана исчерпывающая информация по московским ирландским пабам и свежие новости из сопутствующей жизни. Этот остроумный проект был подготовлен независимо от «Агама» и впоследствии включен в «Русский клуб» устроителями. В «Кинозале» представлен краткий справочник по 4600 фильмам советского и постсоветского кино, фильмографии Никиты Михалкова и Армена Джигарханяна, а также две интересные статьи Мирослава Сигида о статистике кино.

Однако настоящим предметом гордости для организаторов может считаться «Журнальный зал», где Сергеем Костырко собраны материалы почти из всех толстых журналов. Материалы, насколько можно судить, предоставляются самими журналами, чем и объясняется некоторый разнобой: кто-то дал все материалы из последних номеров, кто-то — лучшее за прошлый год. Организаторы, однако, надеются, что им удастся выкладывать новые номера по мере их выхода. Пока выпуски, правда, немного запаздывают, но уже сейчас собранное впечатляет. Справедливости ради надо сказать, что материалы из русской прессы можно найти и в других местах Паутины, но нигде, кроме «Русского клуба», толстые журналы не представлены столь основательно.

В своей статье председатель клуба Сергей Королев заверил, что «Русский клуб» — открытый проект, готовый принять под свою крышу любые интересные начинания. Это заставляет надеяться, что скоро, обратившись по адресу http://194.85.117.36:80 или заглянув в американское «зеркало» http://www.agama.com/3rus-siansite/firstpag.htm, мы сможем не только просматривать свежую «Иностранку», «Знамя» и «Новый мир», но даже узнать погоду на завтра, расписание телепередач и программы московских театров.

Вероятно, это хронологически самая первая моя статья про Интернет. Пожалуй, главным ее достоинством является то, что она опровергает расхожий миф: якобы все проекты, сделанные в Сети в 1995–1996 годах, были эпохальными и сохранили о себе долгую память. Кто сейчас помнит «Русский клуб» или «Агаму»? Никто.

Статья была написана в мае 1996 года для только что открывшихся «Итогов». Не то во втором, не то в третьем номере опубликовали блок материалов про Интернет. На обложке было

напечатано «Интернет? Интерда? Интер-может-быть?» или что-то в этом духе. Для соответствующего раздела статьи написали редактор раздела «Общество» Андрей Быстрицкий, философ Михаил Ямпольский, будущий главный редактор «Полит. ру» Маша Гессен и в последний момент — я.

Иллюстративные материалы и вынесенный на поля линк-лист были предоставлены Темой Лебедевым, и потому все выглядело как реклама его Студии. Вообще в 1996 году казалось, что нет в Рунете человека известней! Лебедев делал дизайн ко всем маломальски интересным проектам, всем давал советы и был, наверное, первым VIP-ом русского Интернета. Возможно, дело было в том, что он оказался первым гуманитарием, всерьез взявшимся за Сеть, — прежде все законодатели мод были, как правило, технарями и компьютерщиками. Редкими исключениями, подтверждающими правило, были Лейбов и Горный — но в любом случае Тему можно назвать первым интернет-гуманитарием с коммерческой хваткой.

В «Итоги» я про Лебедева ничего не написал. Также я не написал ни про ТЕНЕТА, ни про Zhurnal.ru — даже не потому, что мне казалось нескромным писать о проектах, в которых я участвовал, а просто их еще не было.

В результате первую статью я написал про «Русский клуб «Агамы», к которому не имел никакого отношения. Несмотря на скромные размеры тогдашней Сети, я даже не знал никого из организаторов ни лично, ни виртуально. Тем смешнее, что сейчас, когда я этот текст перечитал, статья показалась мне образцовой «джинсой», заказной и проплаченной статьей, каких я никогда не писал. В лучшем случае она напоминает пересказанный своими словами пресс-релиз.

«Агама», однако, пресс-релизов (если таковые и были) мне не присылала и денег не предлагала.

«Русский клуб» я честно нашел по ссылке на домашней странице Мая Ивановича Мухина, которую мы тогда использовали как русское Yahoo! (Май Иванович, кстати, и предлагал переводить «World Wide Web» как «Повсеместно Протянутая Паутина»).

Русский Интернет был так мал, что появление новой страницы казалось событием — и, если страница была достойна хоть какого-то внимания, Мухин вставлял ее в свой список ссылок Именно так годом раньше два стэнфордских студента начали Yahoo! Мухин же, однако, со временем это дело забросил, и до русского Yahoo! ни у кого руки так и не дошли до сих пор. Впрочем, сейчас и американский Yahoo! уже не то, что раньше, но это — в ностальгических скобках.

Почему русский адрес в статье был записан как набор цифр с точками — сегодня для меня загадка. Дух времени, впрочем, передан верно: в 1996 году идея «русский Интернет должен сделать для России то, что сделал американский для Америки», была не только важна, но и нова. Все предшествующие русские сетевые проекты существовали независимо от американского опыта, будь то «Буриме», РОМАН или тот же «Гусарский клуб». В 1996 году, когда начались «Тенета», Zhurnal.ru и бесчисленное количество проектов поменьше, идея «посмотрим на Америку и сделаем то же по-русски» оказалась наконец востребована. Надо сказать, в ее реализации мы вполне преуспели — все, к чему были технические возможности, в России было скопировано и местами даже улучшено. Более того, сделали кое-что, чего в Америке не было и нет, — например, тот же «Журнальный зал», который аналогов в американской Сети не имеет. После долгих приключений он в конце концов осел в «Русском журнале» (http://magazines.russ.ru/). «Русский клуб» у Агамы как-то выпал из моего поля зрения уже на следующий год — так что мечты его создателей так и не реализовались. Дело их, впрочем, не умерло — ведь все пророчества, высказанные в моей старой статье, нынче сбылись, что бывает не так уж часто: у нас действительно нет проблем с тем, чтобы посмотреть в Сети погоду на завтра, расписание телепередач и программы московских театров.

3. Юбилей Zhurnal.ru

Наш адрес — не дом и не улица.

Адрес юбиляра — http://www.zhurnal.ru.

«Вечерняя Москва», сентябрь 1991 г.

Пожалуй, самым важным событием русского Интернета в ближайшие две недели будет IRC-конференция, посвященная годовщине Zhurnal.ru (http://www.zhurnal.ru), которая пройдет там же, где в свое время проходили встречи с Приговым, Пелевиным и другими гостями Журнала, — в сети EFnet на канале zhurnal 1 октября в 19–00 по московскому времени. Предполагается участие сотрудников Журнала, а также многочисленных авторов и приглашенных гостей.

Тем, кто недавно в Сети, трудно понять, чем было для Рунета появление «Журнала. ру» осенью прошлого года. Дело даже не в том, что его сайт сразу стал одним из самых популярных мест в

русской Сети, и не в том, что Журнал был одним из первых изданий, посвященных культуре Интернета, — главное, он заполнил нишу, до того бывшую пустой.

К осени 1996 года в Рунете существовали крупные информационные узлы (такие, как «Инфо-Арт» или сайт «России-онлайн»), которыми занимались люди грамотные, но немного отрезанные от актуальной жизни русской Сети. В то же время было «сетевое сообщество» — люди, не всегда профессионально занимающиеся компьютерами и тем более сетями, но с молодой энергией бросившиеся обживать новую среду. Сначала их общение происходило в конференциях usenet'a soc.culturcsoviet и soc.culture.russian, потом многие переместились на виртуальные просторы Повсеместно Протянутой Паутины. Именно эти люди и были создателями первых русских некорпоративных ресурсов — гипертекстового РОМАНа, литературной игры «Буриме», «Гусарского клуба», развлекательного сервера «Кулички», литературного конкурса ТЕНЕТА и так далее. Несколько огрубляя, можно сказать, что существовал официальный Рунет, создаваемый на деньги крупных провайдеров, и неофициальный — сделанный на чистом энтузиазме, но привлекающий к себе не меньше пользователей, чем корпоративные сайты. До поры до времени это устраивало всех, но постепенно сетевое сообщество начало профессионализироваться (сейсмолог Л. Делицын всерьез занялся баннерной рекламой, журналист А. Носик почти полностью переключился на сетевую проблематику, филолог Р. Лейбов начал читать в Тартуском университете курс по «дигитальной культуре») — тогда-то и возник «Журнал. ру». И хотя его подзаголовок звучал «Вестник сетевой культуры» — с не меньшим правом на этом месте могло быть написано «Орган сетевого сообщества».[2]

В подготовке первого номера приняли участие почти все крупные фигуры «неофициального» Рунета; Роман Лейбов, Леонид Делицын, Май Мухин, Дмитрий Манин, не говоря уж о Евгении Горном и Михаиле Ашарове, работавших в Журнале. Первую версию дизайна сайта делал Артемий Лебедев, а первый подписной лист Журнала открылся на сервере Антона Носика.

Среди материалов первого номера была статья Лейбова «Jumpstation, которая всегда с тобой», проводившая параллели между Сетью и телефонными розыгрышами десятилетней давности, перевод знаменитой «Декларации независимости киберпространства» Джона Перри Барлоу, размышления о рекламе Делицына и Носика, воспоминания В. Маслова о том, как зарождался Рунет. Вскоре после появления на бумаге все статьи были выложены на Сеть — и в короткое время сайт Zhurnal.ru

стал одним из самых популярных в русской Сети. Таковым он остается и сегодня — во многом потому, что www.zhurnal.ru не ограничивается изданием сетевой версии выходящего на бумаге журнала, но объединяет под своим крылом несколько десятков регулярно обновляемых ресурсов, посвященных множеству вопросов — от Интернета до музыки и спорта.

За год вышло шесть номеров журнала (причем бумажная версия заметно изменилась к лучшему в дизайнерском и полиграфическом смысле), прошло около десятка IRC-конференций, Журнал переехал на другой сервер. Во многом развивая идею Zhurnal.ru, возник «конкурирующий» проект «Ситилайн»/«НетСкейт» — не случайно создатель одного из самых популярных ресурсов «Ситилайна» — новостей «Paravozov-News» — взял себе отчество «ЗРыч» в честь аббревиатуры ZR.

Первого октября хочется пожелать имениннику новых виртуальных посетителей и многих — вовсе не виртуальных! — лет жизни.

Этот текст никогда ранее не публиковался: я написал его для пилотного номера журнала «Вечерняя Москва». Поначалу журнал должен был называться TimeOut и стать московским клоном известного международного журнала. Памятником этому времени остался текст Виктора Пелевина «Вечерняя Москва или ТаймАут», специально написанный для первого номера. Для будущих исследователей творчества Виктора Олеговича скажу, что изначально текст был сильно больше опубликованного, с длинным бессюжетным вступлением. Поскольку оно не лезло на полосу, его сократили — и, боюсь, потеряли без следа. Жаль, что я не сообразил вовремя его скопировать — но, надо надеяться, у Пелевина сохранился и полный текст.

О «Вечерней Москве» (и ее наследнице «Афише») можно еще много рассказывать, но все это не имеет отношения к русскому Интернету. Статью про Zhurnal.ru, написанную в сентябре 1997 года, я — нарушая хронологические рамки — ставлю прямо сюда, потому что в ней я сказал все, что мог сказать, о первом консолидирующем журнальном проекте Рунета.

В Zhurnal.ru — знаменитый ицкятник на Калашном — меня привел все тот же Куб, почему-то названный в старой статье Михаилом Ашаровым. Почему не собственным его именем, я уже не берусь вспомнить — кажется, в тот момент Куб пытался разделять свою виртуальную и реальную ипостаси. Или разделять разные виртуальные ипостаси.

Огромная квартира, принадлежавшая Дмитрию Ицковичу, была не только местом где помещались продюсерская группа «Ы», издательство «ИЦ-Гарант», онлайновый книжный магазин

«Кириллика» и собственно редакция Zhurnal.ru, но и прообразом всех клубов «О.Г.И.». Колорита ей добавлял сам Ицкович — огромный бородатый человек со своеобразным чувством юмора, неспешной энергией и уверенностью в том, что проекты нужно делать не столько, чтобы заработать много денег, сколько для того, чтобы было интересно. Про деньги, я думаю, Ицкович все равно не забывал — но «чтобы было интересно» всегда являлось важной частью его бизнес-планов.

Мне запомнилось, как однажды мы сидели большой компанией и обсуждали, кто бы чем хотел заниматься всю жизнь. Кто-то говорил — сексом, кто-то — есть, кто-то — разговаривать. Ицкович вставлял реплики и, когда беседа уже совсем завяла, вдруг сказал: «Пять лет назад я бы ответил — «смотреть».

Посмотреть на Калашном было что. Квартира состояла из двух спален, офисных комнат, гостиной и чудовищно грязной кухни. Понять, кто здесь живет, кто работает, а кто просто зашел в гости, временами было трудно даже завсегдатаям. Долгое время никто не закрывал дверей квартиры, и потому в ицкятник заходили самые неожиданные гости. Согласно легенде, однажды на пороге появился негр, который спросил Женю. Очевидно, имелся в виду Женя Горный, главный редактор Zhurnal.ru. Негру сказали, что Жени нет, и попросили подождать. В ожидании Жени пришелец вместе со всеми пил водку и курил ганджа, а когда Горный появился, выяснилось, что негр ошибся квартирой и ищет другого Женю. Негр прожил на Калашном еще три дня, а потом ему вежливо намекнули, что пора идти. Он тепло со всеми попрощался и исчез навсегда.[3]

Одним словом, все тусовки первых лет Рунета проходили на Калашном — даже те, к которым Ицкович не имел отношения. Там справляли дни рождения, национальные праздники и юбилеи онлайн-проектов.

Мне запомнилось одно из первых заседаний неформальной редколлегии будущего журнала.

Куб что-то объяснял про структуру журнала (тогда еще безымянного) и рисовал на листочке сложные схемы. Я еще подумал, что надо эту бумажку сохранить для истории. Однако в силу ряда причин мне никак не удавалось сконцентрироваться на беседе: меня как-то больше беспокоило, что я сидел на большом резиновом мяче и в любой момент мог с него упасть. Думаю, это чувство некоторым образом присутствовало у всех: романтически можно было бы назвать его ощущением перед прыжком в пропасть.

Считается, что название Zhurnal.ru придумал Евгений Пескин — и с него пошла мода включать «точка ру» в название. Горный,

однако, поясняет, что Пескин не то чтобы его придумал, он только узаконил узус.

— Дело в том, что название не придумывалось, — вспоминает бывший главред ZR, — и будущий проект назывался условно просто Журнал. Я еще сидел в Таллине, когда шла переписка с будущими сотрудниками, и Делицын даже сделал одноименный список рассылки. Когда мы с Ицковичем сказали Пескину, что не можем придумать название, он сказал, что название уже есть, и преотличное. И мы внезапно просветлились.

На обложке первого номера ZR была изображена ширинка с надписью «Что там?»[4] На обложке второго бумажного номера четыре человека, в том числе Дмитрий Ицкович и певец из группы «Маркшейдер Кунст» Селенге Макангила (Серафим).

В какой-то момент Ицкович поставил себе радиомодем, после продажи квартиры в Калашном переехавший к Роме Лейбову в Тарту. Скорость передачи данных чудесно возросла, но в какой-то момент возникший перед домом подъемный кран начал то и дело перекрывать зону приема, отчего вся редакция Zhurnal.ru иногда на сутки совершенно исчезала из Сети. Вероятно, так же чувствовали бы себя Стив Джобс и Стив Возняк, если бы в их гараже регулярно отключали электричество.

В 1998 году Ицкович продал квартиру, на вырученные деньги снял офис и купил другую, в которой жил уже сам по себе,

4. Русская Сеть: итоги 1996 года

Русская Паутина—96.

ОМ, декабрь 1996 г.

Прошедший год — год интернетовского бума в России. Никогда еще новые русские страницы в WWW — или, раз уж речь зашла о родных виртуальных осинах, в ППП (Повсеместно Протянутой Паутине) — не были так разнообразны и необычны.

Впрочем, к делу. В прошлом году все больше и больше русских страниц создавалось в России, а не как раньше — в Израиле, Америке или Австралии, куда в свое время убыли многие наши компьютерно грамотные соотечественники. Интернет, конечно, известен тем, что все равно, где кто сидит, но все-таки странно было бы ждать от жителя Нью-Йорка, что он создаст сайт, посвященный ночной жизни Москвы, или выпустит онлайн-версию модного московского журнала. Зато теперь с этим стало получше хочешь — читай «Не СпАть!» (www.enjoy.ru:80/

nespati/magazine.html) и выбирай место, где будешь клубиться этойночью, хочешь — подбери себе ирландский паб на вечер (www.dff.fi/agimein/beer.htm), а если неохота выходить из дома (это можно понять — Интернет-кафе в Москве пока нет) — почитай телепрограмму (koi.tomcat.olly.ru/rom/tv/tvday.html). Впрочем, экран монитора привлекательнее телеэкрана, и потому мы продолжим наше путешествие.

Из радостных новостей прошедшего года — онлайн-версией обзавелся небезызвестный журнал «Птюч» (www.radio-msu.net:1996/PtuchZone/), и теперь свежие номера с запозданием на пару недель можно просматривать, не отрываясь от компьютера. Читать статьи on-line намного проще, чем на бумаге: web-дизайнер Артемий Лебедев сознался, что фирменных птючевых прибамбасов не признает и считает, что тексты существуют для чтения, а не для разглядывания. Кстати, в ППП есть и связанные с текстами игры — в 1996-м самые знаменитые объединились в «Чертовы кулички» (http://kulichki.clever.net/cgibin/russian.pl/KOI/ kulichki.html), и теперь по этому адресу можно сочинять (и читать) анекдоты про поручикаРжевского, играть в буримеи коллекционировать лимерики:

Девица одна из Орла
Проницательна очень была,
И зачем ее джином
Угощают мужчины,
Понимала, но все же пила.

Те, кто устал от чтения и жаждет, так сказать, fine arts, может посмотреть один из первых русских сетевых арт-проектов, выполненных» Облачной комиссией» (sunsite.cs.msu.su/wwwart/cloud/). По-настоящему восхититься мешают английские надписи — потому в обзоре русского ППП этому проекту делать, собственно, нечего.:—)Несмотря на изрядную протяженность, в русском Web'е все время натыкаешься на одних и тех же людей. Так, Лебедев вдобавок к своим дизайнерским работам учредил премию за лучший русский сайт (www.tema.ru/ rrr/award.html) (премия называется НЖМД, но что значат эти буквы — хоть убей, не могу запомнить) и собрал отличную коллекцию маразматических вырезок и этикеток (www.tema.ru/rrr/МАРАЗМ/).

В прошедшем году обитатели русской Паутины приняли участие в масштабной международной акции, связанной с попыткой президента Клинтона ввести цензуру в Интернете. Какое нам дело до Америки, понятно без долгих объяснений —

если уж у них начнут бороться за нравственность, то в странах с не столь древними демократическими традициями учудят что-нибудь похлеще например, заставят регистрировать модемы наравне с огнестрельным оружием. Множество страниц в знак протеста окрасилось в черный цвет, а особо отчаянные борцы за свободу Паутины ответили на угрозу цензуры открытием абсолютно нецензурных страниц. Одна из самых остроумных принадлежит Антону Носику, нашедшему с помощью поисковой машины Lycos все места ППП, где упомянуто слово pizda и схожие с ним. Его vaginal page (www.sharat.co.il/o/) обильно украшена фотографиями вышеупомянутой части женского тела, содержит ссылки на несколько польских сайтов и — главное! — на Домашние Страницы, создателей которых зовут Greg Pezda и Jonathan Pizdets. Мысль об этих людях согревает меня холодными зимними ночами, и я борюсь с соблазном написать им письмо.

В знак протеста против пресловутого клинтоновского законопроекта неизвестные хакеры взломали защиту сервера Министерства юстиции США, разукрасив тамошнюю страницу малопристойными картинками, радикальными лозунгами и нацистской символикой — последнее, по замыслу взломщиков, должно было продемонстрировать фашистский характер клинтоновской администрации. Я бы не стал лишний раз писать об этом скандале, если бы осенью подобные действия — уж никак не связанные с борьбой за свободу слова — не развернулись на нашей территории. В сентябре неизвестные русские хакеры переделали таблицу адресации «Демоса» (старейшего русского Интернет-провайдера), в результате чего пользователи Интернет-издательства «ИнфоАрт» попадали прямиком на различные adult pages, а в октябре портрет Гитлера и все те же любимые Носиком части женского тела украсили страницу «Птюча». Неизвестные взломщики, правда, написали, что хакнули этот сайт просто для развлечения, а на самом деле любят «Птюч» и надеются, что закрытый «совками» клуб скоро вновь откроется.

Так что можно видеть, как пауки ткут свою паутину, мухи жужжат и рвут оплетающие их тенета (кстати, «Тенета» — название сайта, посвященного русской онлайн-литературе (sharat.co.il/teneta/)) — одним словом, жизнь продолжается. Будем надеяться, что и в наступившем году нам не придется скучать.

Этой статьей я дебютировал в 1996 году в журнале ОМ — в колонке под названием «Три буквы с Сергеем Кузнецовым». ОМ был тогда журналом свежим, модным и агрессивным. Объяснимый для издания такой направленности интерес к сексу, наркотикам и молодежной культуре временами делал его

похожим на таблоид — так что сомнительный намек про «три буквы» только там и мог появиться.

Колонка была написана для итогового номера про 1996 год (в тот же номер я писал про книгу года — «Чапаев и Пустота»). В настоящий момент большинство ссылок из этой статьи уже не работают, Антон Носик стал большим человеком, Тема Лебедев сделал из Студии Артемия Лебедева процветающий бизнес, Lycos открыл русское представительство (а потом закрыл), интернет-кафе в Москве появились, а ирландские пабы перестали быть модными. Я, в свою очередь, запомнил, что НЖМД означает «накопитель на жестком магнитном диске».

Идею НЖМД Тема объяснил в Калашном после выхода первого номера Zhurnal.ru. Обсуждалось, что можно сделать для промоушена Журнала, и Тема предложил создать премию, чтобы все размещали ее логотип на своих страницах, думая, что удостоены высокой чести, тогда как на самом деле смысл всей затеи состоял в популяризации премии как таковой. Сам Тема за полгода до того блестяще осуществил идею с премией, потом ею же вдохновлялся Паравозов. Вероятно, сюда же следует отнести счетчик «Рамблера», в какой-то момент украшавший едва ли не все страницы русского Интернета.

5. Хакеры—1996: первый текст для Zhurnal.ru

За что боролись — на то и напоролись.

Zhurnal.ru, осень 1996 г.

Сетевая версия журнала «Птюч» (http://www.radio-msu.net:1996/PtuchZone/), известного не только пристрастием к sex, drugs and echno-party, но и постоянной пропагандой хакерства («Как был взломан CityBank», «Раскулачь America-on-line» и т. д.), пала жертвой активности собственных поклонников. В октябре группа неизвестных хакеров взломала птючевый Homepage, по собственному признанию «4 rest only».

К сожалению, не умея оценить профессионализм собственно хакерской части работы, могу только заметить, что подменную страничку можно было сделать и лучше. Судите сами: после заверений в любви к «Птючу» (журналу и клубу) и в ненависти к «all stupid «sovok» which close this club» идет неизменный портрет Гитлера, на этот раз почему-то с транскириллической надписью» Господин Птюч приветствует вас!» (КОИ-8, видимо, незнакомо отважным взломщикам). Если появление этого персонажа на

хакнутой странице Министерства юстиции США еще было как-то объяснимо (мол, CDA — новый «Майн кампф» или что-нибудь в этом духе), то отношение г-на Шикльгрубера к «Птюч-проекту» остается для меня тайной. Куда круче было бы выставить фотографию Александра Г., скрывающегося ныне от кредиторов бывшего владельца «Птюча», чье школьное прозвище и дало имя всему проекту. Если же взломщики питают необъяснимую привязанность к военным преступникам, то они вполне могли бы подобрать кого-нибудь из людоедистых соотечественников — так было бы, по крайней мере, патриотичнее и оригинальнее. «Низкопоклонство перед Западом» вообще сыграло с нашими хакерами плохую шутку — на будущее я бы порекомендовал избегать малоизвестных им языков, типа английского, и фраз вроде «And mu pridem k Vam…». А лучше всего — воспользоваться услугами профессиональных Web-дизайнеров, которые смогут красиво и грамотно оформить вашу страницу.

Это первый текст, написанный для «Журнала. ру». Мои заголовки 1996 года были настолько плохи вовсе не потому, что пять лет назад я не умел придумывать заглавий, — с заглавиями про кино и книжки все получалось хорошо. Просто было совершенно неясно, как вообще писать про Интернет. Онлайн-журналистика балансировала между желанием «сделать как в настоящем журнале» и привычкой писать в юзнетовском стиле агрессивно, легко, временами переходя на личности. В конце концов Антон Носик в «Вечернем Интернете» задаст канон онлайновой журналистики про Сеть, но еще несколько лет будет совершенно неясно, как писать про Интернет для бумажных изданий.

Вернемся, впрочем, в 1996 год. Безграмотность российских хакеров с тех пор не уменьшилась, клуб «Птюч» так и не открылся, онлайн-версия журнала переехала на www.ptuch.ru, бумажную версию Голубев продал — и много лет журнал продолжал выходить под бессменным редакторством Игоря Шулинского, пока наконец не закрылся весной 2003 года.

Завершая тему про взлом «Птюча», замечу, что существовала версия, будто Костя Чернозатонский сам взломал птючевый сервер, чтобы устроить скандал и лучше раскрутить журнал. Чернозатонский отвечал за сайт «Птюча» и вообще за сетевую тему в журнале. Вместе с несколькими друзьями он жил тогда в сквоте в центре Москвы. С тех пор Чернозатонский успел поработать главным редактором журнала «Playboy», запустить изначально обреченный на неудачу проект eStart, поработать в глубинах какой-то российской корпорации и побывать коммерческим директором «Еженедельного журнала». Сейчас он

— главный редактор журнала «Премьер», у которого даже нет веб-сайта.

В 1996 году Костя напечатал в «Птюче» подробный рецепт взлома «Америки-онлайн» в России, и к концу следующего года этот американский провайдер выяснил, что 90 % российских клиентов пользовались его услугами бесплатно. АОЛ в ужасе покинул Россию и больше не возвращался. Чернозатонский к тому времени работал в «Playboy»; там его и застал западный журналист, решивший взять интервью по этому поводу. Издательский дом Independent Media — вовсе не «Птюч», и поэтому Костя был уже в меру респектабельным юношей, но в тот день на работе что-то отмечали, и к моменту встречи с интервьюером Чернозатонский был особо словоохотлив. Он гордится, сказал он в интервью, что расчистил рынок для отечественных провайдеров и выгнал АОЛ из России.

Моя заметка, помещенная Женей Горным в HackZone, вызвала небольшую дискуссию: хакеры всех мастей справедливо ругали меня как ламера и несправедливо отказывали мне в праве писать на эти темы. Это был первый отзыв, полученный мной от онлайнового читателя.

Пытаясь разыскать старую дискуссию, я зашел на сайт Zhurnal.ru и наткнулся на переписку, предшествовавшую созданию HackZone(http://www.zhurnal.ru/hack-zone/histo-ry.htm). Очень странно читать сегодня, как Саша Шерман объясняет про неприкосновенность частной собственности, а Леня Делицын рассказывает, как трудно было получить разрешение пользоваться CGI на сервере, где хостился РОМАН. Самым радикальным и контркультурным выглядел Рома Лейбов, а Антон Носик почти не изменился.

6. Пришествие Виктора Пелевина

Первый русский киберпанк посетил виртуальный мир.

«КоммерсантЪ», февраль 1997 г.

Онлайновые пресс-конференции с известными литераторами и деятелями культуры, организуемые Zhurnal.ru, становятся доброй традицией. Напомним, что они проходят в так называемом IRC (Internet Relay Chat) — одной из частей Internet, позволяющей большому количеству пользователей одновременно общаться, обмениваясь письменными репликами.

После прошлогодних встреч с Приговым, музыкантами из

«АукцЫона» и «Воплей Видоплясова» на канале IRC zhurnal 11 февраля появился Виктор Пелевин, один из самых знаменитых писателей своего поколения. Его давняя повесть «Принц Госплана» может считаться первым отечественным примером киберпанка — и одного этого было бы достаточно, чтобы Пелевин стал любимцем русского Интернета. В Сети сетей давно представлены все его тексты — кроме прогремевшего в прошлом году в Москве последнего романа «Чапаев и Пустота», который, таким образом, остался неизвестным «интернавтам», проживающим вдали от родины. Впрочем, жители виртуального мира любят Пелевина и так на канале побывало свыше восьмидесяти человек (очень большое количество для встреч подобного рода), проживающих в разных странах, включая не только традиционные Россию, Америку, Израиль и Эстонию, но также Японию, Австралию и многие другие.

Интерес к онлайновому свиданию подогревался тем, что в «реальной жизни» Пелевин крайне неохотно дает интервью и почти не позволяет себя фотографировать. Однако, оказавшись в виртуальном мире, он охотно отвечал на вопросы, касавшиеся как магистральных тем его творчества (буддизм, иллюзорность мира и т. д.), так и своей засекреченной личной жизни («Кошка Ника из одноименного рассказа — эта ваша первая любовь?»). Увлеченность, с которой Пелевин три с лишним часа беседовал, спорил и шутил,[5] вызывала у участников встречи опасения, которые окончательно окрепли, когда он сообщил, что в свое время писал стихи на ассемблере настоящий ли Пелевин отвечает на вопросы, или какой-нибудь дух сервера, начитавшись лежавших в Сети текстов, принял облик писателя? А если московский писатель в самом деле стал гостем Интернета, то сможет ли он по окончании пресс-конференции вернуться в привычный мир или, сроднившись с компьютером, так и останется в виртуальном, словно герой собственного рассказа?

Репортаж о визите Пелевина в ицкятник на Калашном был напечатан в газете «КоммерсантЪ-Daily» в феврале 1997 года — возможно, под другим заголовком и, надо надеяться, выправленный редактором.

Следует напомнить, что середина девяностых в Москве была временем тарантиновского «Pulp Fiction» и прозы Виктора Пелевина. Про «Pulp Fiction» мне сейчас особо нечего сказать (вероятно, потому, что в свое время я говорил про него слишком много), а вот Пелевин имеет самое прямое отношение к истории моего романа с Интернетом.

Получилось так, что с автором «Чапаева и Пустоты» я был знаком года с 1990-го. Льщу себя мыслью, что это я навел его на

идею не давать интервью, рассказав, что именно так поступает Томас Пинчон. Пелевин, в отличие от Пинчона, до конца не выдержал и после «Поколения П» все-таки разговорился — но в 1996 году он был еще нем, как скала. Мне, по старой дружбе, было дано разрешение записать свои с ним разговоры, визировать которые он отказался, сказав, что я могу писать все что вздумается, — главное, не разжигать национальную рознь. В результате я сделал интервью для «Огонька», которое в течение нескольких лет было чуть ли не единственным интервью Пелевина.

«Огонек», правда, немного отредактировал текст, убрав, насколько я помню, упоминания о Карлосе Кастанеде (считалось, что читатели «Огонька» не знают, кто это такой). В ответ я выложил полный текст на свою страницу (заведенную, кстати, благодаря Антону Носику на администрируемом им «Шарате», www.sharat.co.il… Носик тогда уже был и журналистом, и звездой, но пока еще не в масштабах Рунета, а в масштабах русского Израиля). Через некоторое время мне написал какой-то неизвестный юноша — попросил разрешения выложить текст — со ссылкой на мой хоум-пейдж — у себя в электронной библиотеке. Я согласился и никогда об этом не жалел: юноша оказался Максимом Мошковым, а его библиотека вскоре стала самой большой и популярной электронной библиотекой Рунета (www.lib.ru). За прошедшие годы мне написало, наверное, около сотни людей, прочитавших это интервью. Большинство из них просили мейл Пелевина (который мне по сей день неизвестен), но с некоторыми возникли вполне человеческие отношения. Так, Маша Нестерова из Австралии прислала Пелевину в подарок две англоязычные книги (в самом деле отличные), и мы довольно долго с ней переписывались, пока не встретились лично через четыре года в Чикаго. К этому моменту Маша написала несколько блестящих статей для антикультурологического еженедельника: ЛЕНИН:, переводила вместе с Черновым воспоминания о Кроули для «Митиного журнала» и стала в некотором роде знаменитостью — но я всегда помню, что познакомился с ней задолго до большинства ее нынешних сетевых друзей. Другие контакты, завязанные благодаря мошковской публикации, обернулись даже какими-то деньгами; это лишний раз доказывает, что с бесплатной онлайн-публикации можно получить свою прибыль.

Вернемся, однако, к Пелевину, которого в начале 1997 года я привел в редакцию «Журнала. ру». Кажется, я пытался соблазнить его тем, что в обмен на пресс-конференцию ему помогут подключиться к Интернету, но Виктор ничего взамен не захотел и

общался вполне бескорыстно. Полный текст пресс-конференции доступен по адресу http://www.zhurnal.ru/tran-scripts/pel-tr.htm, и там же выложен сонет Петра Пустоты «Психическая атака», на бумаге, кажется, так и не опубликованный.

Пресс-конференция прошла на ура. Пелевин пришел с девушкой, которую никто не мог потом вспомнить, сидел, привалившись спиной к стене и диктовал ответы Настику, которая, по ее словам, с трудом разбирала, что ВП бормочет себе под нос. Все остальные, впрочем, отлично слышали каждое слово Великого Писателя, который изредка переходил в режим «а теперь вот я хочу спросить». Изредка появлявшийся на кухне счастливый и пьяный Женя Горный говорил: «Он же оказался совсем свой парень!» — и рассказывал теорию фаллического Христа. Рома Воронежский, в тот период своей жизни не переносивший мата, заходил на кухню только в тот момент, когда произносились нецензурные слова, говорил «О боже!» и снова уходил. Кажется, Гагин рассказывал, что в комнате с Пелевиным был едва ли полчаса, но зато, когда читал транскрипт, выяснил: все, что там записано, он слышал. Гагину ничего не оставалось, как приписать этот феномен тому, что в присутствии Пелевина проявляются паранормальные способности.

Послушать, честно говоря, было что. Пелевин назвал «пепси» единственной колой, которую он пьет, рассказал, как его отравили клофелином, и раскрыл народную этимологию слова «поколение» («люди, которые околевают примерно в одно время»), а также едва ли не первым из крупных писателей выдал разрешение на свободную онлайн-публикацию своих текстов.

После того как транскрипт был выложен на сайте 2R, фрагменты из него были напечатаны в нескольких бумажных изданиях — разумеется, без упоминания Zhurnal.ru. Это, наверное, один из первых примеров «заимствования» офф-лайна у Сети под скромной шапкой «взято из Интернета».

История отношений Пелевина и русской сети на этом, разумеется, не кончается. Бегло упомянем месячник Пелевина, организованный Антоном Носиком в «Вечернем Интернете» (в знак протеста против того, что «Чапаев и Пустота» не был внесен в букеровский шорт-лист, Носик каждый выпуск предварял цитатой с соответствующей по номеру страницы романа), сделанное подругой Носика Алленой «Муреной» Пономаревой гадание по «Чапаеву и Пустоте» (впрочем, теперь по адресу http://www.israel.ru/murena/ находится только одно слово — ***Pul00ta!!!!***). Кроме того, стержневой фантастический ход в «Generation П» является — вероятно, непреднамеренным — повторением заметки «Вечернего Интернета», напечатанной в

разгар кризиса 1998 года Демой Кудрявцевым и Сашей Гагиным: имитируя стиль Носика, они предположили, что Ельцин и Лебедь являются результатом работы компьютерных аниматоров.

Удивительно, но Пелевин так и не удостоился персонального сайта: на странице www.pelevin.ru долгое время красовалась надпись: «Витя! Когда найдется время, позвони мне, чтобы доделать сайт. А то люди ждут, и ничего не происходит. Мой телефон 229—88–33 — Тема», — а сейчас и этого нет. Видимо, Лебедев отчаялся дождаться звонка от первого русского киберпанка.

7. Первый подход к сетевой порнографии

Порнография: возвращаясь к теме.

(Голые и одетые) женщины (в Сети и вне ее)

Zhurnal.ru, январь 1997 г.

Практическое введение.

В ходе обсуждения CDA и грядущего российского закона об Интернете вопрос о порнографии в «сети сетей» всплывает в русскоязычной аудитории с несколько раздражающим постоянством. Выступления в третьем номере «Журнала. ру» достаточно хорошо представляют спектр принятых в сетевом сообществе точек зрения. Смотреть порнографию — дело, конечно, дурацкое, но если кому-то очень хочется — то пожалуйста (Носик). И вообще порнография — необходимая часть порнографичной по своей природе Сети, оперирующей мнимостями, порождающими симулякры и соблазны (Горный). Но, конечно, необходимо успокоить разгневанную общественность, раздать сайтам рейтинги, оснастить «Нетскейп» и «Майкрософт Эксплорер» соответствующими примочками и в конце концов лишить детишек возможности впервые увидеть половой орган противоположного пола на экране монитора (от редакции).

Если бы все было так просто! Беда в том, что спорящие обсуждают проблему порнографии, будто она возникла в лучшем случае вместе с ARPANETOM, а ТО И позже — вместе с HTML и TCP/IP протоколом. Поэтому целью настоящих заметок является примерное описание контекста, в котором вопрос о порнографии

существует в США и на Западе последние несколько десятилетий.

Теоретическое введение.

С теоретической точки зрения большинство высказываемых мнений имеют одну общую основу: порнография, конечно, может принести вред детям и несовершеннолетним, но полностью безопасна для взрослых здоровых мужчин — к каковым авторы относят себя и своего потенциального читателя. Рассматривая это утверждение по частям, нетрудно заметить, что в первой его половине создается образ невинного юного существа, на которого знакомство с порнографией (неважно, в какой форме — сетевой, литературной или, скажем, фотографической) может оказать растлевающее влияние.

Судя по всему, представление о том, что некую часть населения надо защищать от «порнографической информации», возникло в викторианскую эпоху — тогда, впрочем, в число тех, кого следует оберегать, включали и женщин. Считалось, что знакомство с непристойными образами может способствовать растлению мужчин пубертатного и женщин любого возраста.

В русском Интернете, однако, о женщинах при обсуждении соответствующих вопросов просто не вспоминают. Этот «заговор молчания» вряд ли всамделишний «заговор» — скорее всего, пишущие и говорящие о порнографии просто считают, что искусство это мужское и женщинам до него дела нет. Кроме того, в традиционалистском русском социуме сохраняется ряд тем, по которым женщинам не подобает высказываться публично, — и порнография одна из них.

Вот поэтому эту статью пишу вместо безмолвных героинь порнографических сайтов и их сестер-теоретиков я. И от их имени я утверждаю: женщинам есть дело до порнографии.

Феминистки против порнографии.

После того как череда судебных процессов о запрещении «Улисса», «Лолиты» и «Тропика рака» погребла под собой концепцию «юного существа», чьей невинности угрожают тексты и картинки, порнография в странах с развитыми демократическими традициями была фактически легализована. Но внезапно оказалось, что на роль «сбитых с пути истинного» прекрасно подходят не только дети и душевнобольные, но и те самые здоровые взрослые мужчины, которыми мы так самонадеянно считали себя.

В 1980 году вышла ставшая классической книга «Возвращение ночи», где были опубликованы работы Дианы

Рассел, Глории Стейнем и Робин Морган. Вслед за ней последовали монографии Андреа Дворкин и Сьюзен Гриффин. В этих книгах приводилось множество примеров того, как распаленные просмотром фильмов и журналов мужчины насиловали, калечили и унижали тех, кто попадался под руку — случайных прохожих, своих жен и дочерей. (К слову сказать, описания этих надругательств, приводимые в феминистских статьях, сами по себе напоминают жесткое порно в стиле «божественного маркиза».) Подводя итоги многочисленным примерам, Морган отчеканила: «Порнография — теория, изнасилование — практика», — и эти слова стали девизом антипорнографического феминистского движения.

Дело в том, что в порнографии женщина выглядит не живым человеком, а всего лишь сексуальным объектом. Она сама желает быть изнасилованной и только провоцирует мужчину. Сексуальный акт в порнографии — всегда акт насилия (вспомним: огромный мужской член словно разрывает вагину надвое). Огромный пенис, вонзающийся в женское лоно, и нож, проникающий в женскую плоть, — аверс и реверс порнографии. И потому в сексуальных надругательствах и убийствах виноваты не только исполнители — виноваты порнографы, их этому научившие. И потому каждая купля-продажа порнографии — это садистский акт унижения женщины.

Не следует забывать, пишет Дворкин и др., что первыми жертвами порнографии становятся модели, часто несовершеннолетние, вынужденные принимать участие в унижающих их достоинство представлениях, нередко создающих опасность для их здоровья и самой жизни.

Логическим продолжением изложенной выше теоретической позиции стал призыв Дворкин и Кэтрин Маккинион к запрету порнографии, прозвучавший осенью 1983 года в городском совете Миннеаполиса. Через два года борьба увенчалась успехом: городской совет принял подготовленный этими феминистками закон, запретивший порнографию как нарушающую гражданские права женщин.

Вдохновленные успехом, противницы порнографии не остановились, и аналогичные законы приняты или находятся на рассмотрении в еще нескольких городах и штатах. На сей раз от порнографии пытаются защитить не женщин и детей — наоборот, взрослых мужчин, в их собственных интересах и интересах общества в целом.

Сторонники этого подхода никогда не удовлетворятся введением рейтингов — понятно, что совершеннолетний самец легко найдет и увидит все, что ему нужно: и его (потенциальные)

жертвы будут одновременно жертвами Интернета!

Феминистки за порнографию.

Но, к счастью, не все так плохо, и на каждую радикально настроенную феминистку найдется другая феминистка, столь же радикально настроенная, но в противоположную сторону. Вскоре на позицию Дворкин и К° последовала реакция, и к началу девяностых сформировалось и окрепло движение «феминисток за порнографию», представляемое Камилой Палья, Надин Строссен и Амандой Макинтош.

Атаки на позиции Дворкин и Маккинион шли по нескольким направлениям. Прежде всего — лозунгу «ущемления прав женщин» был противопоставлен лозунг «нарушения свободы слова», и тем самым борьба за свободную порнографию стала частью борьбы против цензуры — точно так же, как это происходит в Интернете. Скрытая логика такова: может быть, порнография и плоха, но цензура (CDA, в частности) много хуже. Потому среди защитников порнографии достаточно много борцов за гражданские права, таких, как «Феминистки против цензуры» или «Американский союз за гражданские права».

Отметим, что для ряда феминисток борьба за порнографию — только часть их общей программы. Так, Камила Палья последовательно критикует мейнстримный американский феминизм за его стремление представить женщину жертвой мужской сексуальности. Для Палья все обстоит иначе: именно женская сексуальность правит миром, поскольку женщины теснее связаны с хтоническими, дионисийскими силами. Поэтому женщинам следует всячески приветствовать порнографию, которая может не только доставить им удовольствие, но и помочь построить свои сексуальные отношения с мужчинами выгодным для себя образом. Отметим, что среди исследовательниц, давших теоретическое обоснование порнографии, видное место занимает Сьюзен Зонтаг, автор классической работы «Порнографическое воображение», с тридцатилетним запозданием переведенной в прошлом году и в России.

Для простых граждан, более озабоченных безопасностью на улицах, чем гражданскими свободами или теоретическими построениями, важно, что пересмотру подвергается тезис Дворкин о том, что чтение/просмотр порнографии способствует росту изнасилований. Аведон Кэрол в своей полемической работе «Научные фальшивки и порнография» приводит данные, свидетельствующие, что даже при опросах, проводимых антипорнографически настроенными феминистками, только 25 % жертв насилия склонны обвинять в этом порнографию. Кроме того, она склонна подвергать сомнению интерпретацию ряда

статистических данных, используемых при борьбе с порнографией. Да, в тех штатах, где порнография узаконена, больше изнасилований — но, может быть, там просто либеральнее отношение к сексу, и поэтому больше жертв насилия решаются подать на обидчиков в суд?

Статистика показывает, что, несмотря на борьбу Дворкин, простые американки относятся к порнографии все лояльнее. Известный исследователь Эндрю Росс приводит цифры, доказывающие, что среди потребителей порно процент женщин неожиданно велик:

> «Исследования показывают, что 40 % видеокассет для взрослых в США берется напрокат женщинами. Операторы свыше 580 кабельных каналов «для взрослых» свидетельствуют, что наиболее частым заказчиком их продукции оказываются одинокие женщины».

Отдельной темой могла бы стать порнография, написанная женщинами и/или для женщин (в числе писавших подобную порнографию такие известные фигуры, как Анаис Нин, подруга Генри Миллера и Антонена Арто, или автор «Интервью с вампиром» Энн Райс), — но это уведет слишком далеко от интересующей нас темы.

Конечно, сетевая порнография имеет преимущество перед бумажной — ведь описанные Дворкин насильники обычно развлекались на пикнике рассматриванием порножурналов и, возбудившись, хватали первую проходившую мимо девушку. Компьютер — все же вещь достаточно громоздкая, и лично я с трудом представляю себе маньяка, насмотревшегося картинок из alt.binary.pic.pedophilia или другой ньюс-группы и бросившегося на улицу искать себе несовершеннолетнюю жертву. Впрочем, чужая душа — потемки; душа маньяка в особенности.

Так или иначе, я надеюсь, что мне удалось показать: проблема порнографии в Интернете является лишь частью большой проблемы.

Статья была написана вдогонку третьему номеру Zhurnal.ru в январе 1997 года и на самом деле являлась результатом применения к сетевому материалу наработок, сделанных во время написания большой статьи про порнографию для «Нового литературного обозрения». Статью напечатали в четвертом номере ZR — там же, где классический текст Дмитрия Манина «Задушит ли коммерция утопию?» (текст становится классическим, когда все помнят его название и автора, но смутно представляют, о чем идет речь. Взять, к примеру, «Преступление и наказание»). Вокруг этого номера вообще состоялось несколько

примечательных знакомств: во-первых, мне понравился текст Миши Вербицкого «Деконструируя WWW», в котором автор цитировал Ги Дебора, Пи-Ориджа, Егора Летова и Current 93, ссылался на Фуко, Маркузе и Р.А. Уилсона и в качестве иллюстраций приводил кадр из фильма Русса Мейера «Faster, Pussycat! Kill! Kill!». Я написал Вербицкому письмо, и некоторое время мы обсуждали разные теоретические проблемы.

Выяснилось, что Вербицкий заканчивал 57-ю матшколу (ту же, что и Куб), и у нас нашлось множество общих знакомых. Все они хором говорили, что Вербицкий — гений в математике (что мне никак не удавалось проверить, прежде всего потому, что я не слишком хорошо разбираюсь в математике).

Надо заметить, что в 57-й школе выпускники-студенты часто приходили учить школьников. И один из таких бывших студентов-учителей вспомнил, что в свое время он с друзьями говорил про Вербицкого цитатой из Мандельштама: «Ничего не нужно говорить, ничему не следует учить». Я обрадовался и сказал, что Мише наверняка бы понравилось, потому что следующие строчки «И печальна так и хороша темная звериная душа» тоже описывают его — экстремиста, радикала и анархо-сатаниста.

Общение с Вербицким и чтение соответствующих текстов было для меня важным опытом и идеологическим вызовом. Со временем у меня появилось довольно много друзей, находящихся в той же части идеологического спектра, и острота общения с Мишей несколько притупилась. К тому же со временем стало ясно, что, как все теоретики, он временами передергивает. Жаль, что про математику я с ним никогда не разговаривал.

Раз уж я начал подробно говорить о Вербицком именно здесь, то грех не отметить, что Миша всегда был большим популяризатором и исследователем порнографии. Я вспомнил об этом, когда через несколько лет написал для какого-то русского феминистского сборника большую статью про порнографию в Сети. (Знакомая американская феминистка сказала, что плохо дело у русского феминизма, раз такую статью доверяют мне.) Там была цитата из Вербицкого, едва ли не единственная сокращенная редактором:

> Потребитель порнографии — одинокий пожилой аутсайдер в резиновом плаще, судорожно дрочащий в кабинках видео для взрослых. Он и ему подобные наказаны обществом за нон-конформизм, неуживчивость, психопатологию или просто отсутствие общественно-полезных наклонностей. Социум терпим к

родственникам Кеннеди, насилующим баб на вечеринках и разбивающим машины с сосущими у них секретаршами (…). Вечеринки и сосущие секретарши допускаются, а порнуху хотят запретить. Социум нетерпим к старому мудаку в плаще. Почему? Старому мудаку нечем платить за секс. Интернет уравнял Кеннеди и старого мудака.

Впрочем, вру. Еще редактор выкинула ссылку на черновский архив хента и аниме.

Вторым знакомством, образовавшимся благодаря моей порнографической статье, была Линор Горалик, пославшая мне письмо, в котором, если я правильно помню, писала, что у нее к порнографии личный интерес. Я спросил: «Как у жертвы порноиндустрии или борца с порнографией?» — а Линор, как мне показалось, с обидой ответила: «Как у поклонницы».

Прошло еще четыре года, прежде чем она стала делать «Нейротику», регулярное обозрение сексуальных тем и новостей в мире и в Сети. В конце 2002 года мы написали большой футурологический роман, в котором, помимо прочего, делали смелые прогнозы о будущем порноиндустрии. Когда в романе была поставлена точка, Линор полностью потеряла интерес к этой теме — и теперь трудно поверить, что сабджект первого письма, которое она мне написала, был «Pornography».

Если посмотреть на список авторов четвертого номера, станет ясно, что ZR делался не только усилиями людей, сидевших в редакции на Калашном, но и с участием рассеянной по миру русской диаспоры (Вербицкий, Делицын и Манин были в Америке, Линор и Шерман — в Израиле, Александр «CAM» Малюков — в Финляндии). Интересно, что все они, кроме Манина и Малюкова, потом вернулись в Россию. Авторы этого номера — как и почти все авторы ZR — еще много лет определяли судьбы русского Интернета.

Наиболее романтичной была судьба Александра Шермана, который уволился из израильского «Интела», где прекрасно работал программистом, и стал журналистом. Вместе с Вербицким они вели музыкальный раздел ZR, а потом делали проект СЕВЕР. Сам по себе Шерман вел раздел «Досье» в первой версии «Газеты. ру» и возглавлял интернет-редакцию «Независимой газеты».

Под конец этой затянувшейся главы не могу не рассказать мою любимую историю.

В 2001 году Шерман с несколькими друзьями оказался на «Веранде у Дачи» — модном кафе на Рублевском шоссе, одним из

владельцев которого был, кстати, владелец «Ситилайна» Емеля Захаров. Туда же пришел Никита Михалков. Шерман (как, вероятно, и Михалков) был уже немного пьян и потому решил взять интервью у великого русского режиссера. Сделав, к неудовольствию охраны, несколько фотоснимков, Шерман достал блокнот и вместе с друзьями набросал несколько вопросов. Слегка пошатываясь, он направился к столику Никиты Сергеевича.

Надо сказать, что одна из удивительных особенностей Шермана — его улыбка. Доброжелательная, смущенная и наполненная радостью жизни. Именно так он и улыбался, говоря что-то вроде:

— Мы, журналисты «Независимой газеты», хотели бы взять у вас сейчас интервью.

Потомственный русский дворянин, человек тонкой душевной организации, создатель «Рабы любви» и «Неоконченной пьесы…» Никита Сергеевич Михалков поднялся во весь свой рост и, глядя на Шермана через стол, сказал:

— Знали бы вы, как вы меня заебали.

Шерман отступил на шаг. Не переставая лучезарно улыбаться (улыбка, правда, стала немного виноватой), он ответил:

— Да и вы нас, честно говоря, тоже.

И тут Михалков прыгнул. Кто бы мог предположить, что желание дать по морде заставит немолодого уже человека скакать через стол, словно каскадер. Он ударил Шермана, тот ответил. Редактор «Независимой газеты» и глава Союза кинематографистов успели несколько раз дотянуться друг до друга, прежде чем их растащила охрана.

Хлопнув дверью, Михалков уехал. Шерман с друзьями остались в кафе — и тут их накрыл приступ параноидальной паники. А вдруг охрана Михалкова ждет их во дворе? Они выйдут — тут-то их и отметелят. Журналисты говорили громко и взволнованно — и через некоторое время от компании крепких молодых парней, сидевших за соседним столиком, отделился самый крепкий и, подойдя к Шерману, сказал:

— Мы, вообще-то, очень уважаем Никиту Сергеевича. Но ты себя вел как нормальный пацан, если что — мы тебя прикроем.

К сожалению, охрана Михалкова давно уехала вместе с ним, и Шерману так и не пришлось воспользоваться услугами рыцарей «У Дачи».

Вперед лети.

8. Иван Паравозов: юбилей

Одному из самых популярных персонажей Рунета исполнился год.

«Вечерняя Москва», осень 1997 г.

Виртуальные персонажи, в отличие от людей реальных, часто становятся известны, едва появившись на свет. Так произошло с Иваном Паравозовым, чью первую годовщину Рунет (= русский Интернет) отмечает в этом ноябре. Год назад на сервере www.ok.ru появилось привидение — точнее, дух. Сайт этот, к слову сказать, являлся именным сервером Константина Окраинца и до того, как его хозяин перебрался за океан, был очень популярен. Кстати, именно отъездом Окраинца и объяснял Паравозов свое возникновение «С тех пор как Костя уехал в Штаты, жизнь этого сервера замерла. Но веб-сервера не умирают просто так. У них есть дух».

Появившись, дух сервера назвался Иваном Паравозовым (именно через «а»: не то — от простительной духам неграмотности, не то — из пижонства, вслед за «АукцЫоном» и «The BeAtles») и начал заниматься делом, для духов несколько необычным, — писать заметки обо всем и ни о чем. Разумеется, в основном он писал про компьютерные и интернетовские дела — все-таки дух сервера, ничего не поделаешь, — но встречались у него и просто смешные примочки. Моя любимая называлась «29 способов применения CD-ROM»: среди них фигурировала «Голливудская улыбка» («засуньте сидюк в рот и улыбайтесь!») и «оборонительный способ» («если на вас напали в подворотне — обгрызите сидюк в нужную форму и используйте аки бумеранг») — одним словом, только идея пихать сидюк в СиДи-драйв не нравилась Паравозову абсолютно! Рассуждения о UNIXе перемежались рассказами о прогулках по Москве, разговорами о девушках, погоде и устройстве вселенной, а на сладкое предлагались цитаты из культовых авторов и хороших знакомых («Мы не жаворонки и не совы. И животных-то таких нет — как мы спим» — Рома Воронежский).

Короче, формулой «Заметок» было — 60 % информации и комментариев, 30 % гона и 10 % лирики. Паравозов не скрывал, что на журналистскую деятельность его вдохновил Zhurnal.ru (www.zhurnal.ru): первый русский сетевой журнал, открывшийся в начале октября 1996 года. Именно в честь Журнала дух сервера взял себе отчество «ЗРыч» — от аббревиатуры ZR — Zhurnal.ru. Таким образом, у Паравозова, по его собственным словам, было два отца (Окраинец и «Журнал. ру»), а мамы не было совсем.

Дух сервера оказался плодовит — и дело не только в том, что

за свою жизнь он написал свыше сотни «заметок», но и в том, что послужил примером для подражания. Веб-обозрения — а именно так называется сегодня то, чем год назад начал заниматься Паравозов, — стали главной модой Рунета в 1997 году: вскоре за Иваном ЗРычом последовали Май Иваныч Мухин, брат и сестра Деткины, ЛаММер, бУРЛак и многие другие. Все они — так или иначе — потомки Паравозова, которому наследуют не только в жанре веселого обозрения ресурсов Интернета, но и в декларируемой виртуальности. Единственным не скрывавшим свою фамилию стал Антон Носик, профессиональный журналист и веб-мастер, ежедневно выпускающий в Сеть свой «Вечерний Интернет» (www.cityline.ru/vi/). Именно он в январе 1997 года переманил Ивана ЗРыча с ОК. ру на «Ситилайн», где дух сервера живет по сегодня.

Впрочем, виртуальное существование, видимо, стало тяготить Паравозова, и нынешней осенью он санкционировал раскрытие своего псевдонима: стало известно, что под именем духа сервера скрывался Александр Гагин, год назад работавший в какой-то компьютерной фирме (руководство которой, видимо, не пришло бы в восторг от литературных упражнений своего сотрудника), а сегодня занимающий пост главного редактора журнала «Интернет». Впрочем, внимательный читатель догадался об этом раньше — Гагин был единственным, на кого незлобивый Паравозов наезжал долго и упорно.

За год многое изменилось. Открылась «Библиотека Паравозова» (публикации стихов и прозы), «Станции» (список любимых мест), на множестве страниц появилось лого «Здесь был Паравозов». Гона стало меньше (к сожалению), на место любимых Паравозовым цитат из Кастанеды пришли цитаты из Пелевина, потом и самый модный русский писатель исчез в виртуальной дали. Паравозов посерьезнел, хотя и не поскучнел. Популярность его стабильно растет — ежедневно на головную страницу «Паравозов-News» заглядывают шестьсот— семьсот человек. Когда в октябре на «Перекрестке» открылся рейтинг самых популярных людей Сети (www.cross.ru/popl00/), Паравозов в первую же неделю вышел в лидеры. И это неудивительна кто в Сети может тягаться с духом сервера, чувствующим себя среди хитросплетения проводов и оптико-волоконных кабелей как рыба в воде?

Подобно статье про Zhurnal.ru, эта статья тоже сгинула в одном из пилотных номеров «Вечерней Москвы» осенью 1997 года. Правда, я догадался ее распечатать и подарить Паравозову на день рождения, который праздновался, разумеется, на Калашном у Ицковича. В этот момент «Паравозов-News» выходили

уже на «Ситилайне», который был как бы конкурентом Zhurnal.ru.

Впрочем, в ранние годы Рунета конкуренция не мешала ровным человеческим отношениям — да и потом мало что изменилось. Первопроходцы русской Сети твердо верили, что делают общее дело: впоследствии это высказал Антон Носик, умудрившийся перед выборами 2001 года работать и у пропутинского Павловского, и у пролужковского Гусинского. В интервью «Русскому журналу» он прокомментировал это словами: «На мой взгляд, в деле строительства РУНЕТа на сегодняшний день Павловский и Гусинский объективно являются союзниками, хоть они никогда и не согласятся в этом вслух признаться».

Впрочем, в 1997 году до появления Гусинского в Сети было еще далеко — хотя именно Гусинский через несколько лет купит Netskate — компанию, созданную в том же 1997 году на основе нескольких контент-проектов, куда вошли, в частности, «Паравозов-News».

Думается, что через пять лет можно рассказать историю о том, как появился на свет Иван Зрыч Паравозов. Работавший в 1996 году в Jet Infosystems Александр Гагин прочитал первый номер Zhurnal.ru и почувствовал, что знает, как надо писать для Сети. Вроде бы он даже попытался объяснить это на подписном листе для читателей и писателей Журнала, но не преуспел и потому создал Паравозова — как реализацию своих идей. Он опасался, что его начальство не придет от этого в восторг, и скрылся под псевдонимом. Когда возник «Ситилайн», ему сразу же предложили пойти туда работать — так Александр Гагин неожиданно для себя превратился из программиста в журналиста. Он много лет проработал главным редактором журнала «Интернет», потом стал менеджером, успев потрудиться в этом качестве на Гусинского, потом на канал «Россия», а теперь на «Российскую газету».

Долгие годы мне казалось, что Интернет совершил счастливый поворот в его судьбе. Но сам Гагин иногда жалеет, что остался без международно-конвертируемой специальности и с внутренней плесенью от работы на государство.

Весной 2004 года мы затеяли с ним проект «Рулль. ру» и так, спустя много лет, снова оказались в одной команде.

Архив «Паравозов-News» доступен на www.paravozov.ru/pn/ а сам проект существует в ЖЖ.

9. Нескучный провайдер «Ситилайн»

Нормальная температура.

В декабре исполняется год с момента появления в Москве провайдерской компании «Ситилайн».

«Вечерняя Москва», декабрь 1997 г.

На Рождество 1996-го жители Рунета получили подарок, во многом определивший судьбу и климат русской Паутины на год вперед. На первый взгляд речь шла всего лишь о создании еще одной провайдерской компании, предоставлявшей доступ к Интернету для жителей Москвы, — однако влияние «Ситилайна» далеко выходит за пределы Московской кольцевой дороги. На то есть несколько причин.

С самого начала работы новый провайдер заявил о себе не только как поставщик интернет-услуг, но и как мощный контент-провайдер — то есть, говоря русским языком, владелец (создатель) различных онлайновых проектов. За год их набралось около десятка, и большинство из них продолжают развиваться и сегодня. Это новостное агентство «Гонец» (или GoNets!), предоставляющее новости за деньги своим подписчикам и за бесплатно всем пользователям Рунета (разумеется, в несколько усеченном виде). Это проект «Москва Пешком», о котором мы уже писали, еженедельные новости культуры «Сеновал», полезные советы «Страна Советов» и многое другое.

Но самыми заметными, конечно, стали веб-обозрения Ивана Паравозова и Антона Носика. Именно они задали моду на писание небольших периодических статей-обзоров. Основоположником жанра, вероятно, надо считать Паравозова, а законодателем моды — Носика, в течение года ежедневно выкладывающего на Сеть статью, в три раза превосходящую по объему ту, что вы сейчас читаете. Для не видевших «Вечерний Интернет» (так называются обозрения Носика) поясню, что речь идет не о графомане, готовом писать что угодно и сколько угодно, а о профессиональном журналисте, когда-то печатавшемся в израильских «Вестях» и московском «Сегодня», а сейчас публикующемся в «Итогах» и «Московском комсомольце» — как не смешно это сочетание. В опросе пользователей русской Сети (www.cross.ru/pop/) Паравозов стал лидером в первую же неделю, а Носик занимает почетное второе место.

То, что «Вечерний Интернет» стал лицом «Ситилайна», не случайно: «Ситилайн» сразу появился как компания, привлекшая к работе хорошо известных в Рунете людей. Кроме Носика, это Тема Лебедев — самый известный русский веб-дизайнер, ставший главным дизайнером «Ситилайна» и частично сливший с ним свою студию «Веб-дизайн», и Дамиан Кудрявцев, сегодня менеджер всего проекта, а тогда — редактор популярного

сетевого журнала «Ай!/Еуе».

Можно сказать, что «Ситилайн» во многом выступил продолжателем дела «Zhurnal.ru»(www.zhurnal.ru), попытавшегося сломать барьер между корпоративными сайтами, с одной стороны, и самодеятельностью ветеранов Usenet'а, «Буриме» и «РОМАНа» — с другой. Именно на подписном листе Журнала Носик впервые выдвинул идею «Гонца», а отчество Паравозова — ЗРыч — прозрачно намекает на происхождение от ZR — аббревиатуры Zhurnal.ru. Но «Ситилайн» оказался куда более масштабным и стабильным проектом — и на это есть третья причина: с самого начала у новой компании был мощный инвестор, готовый вкладывать деньги, не дожидаясь мгновенной отдачи.

Разумеется, деньги в Рунете были и раньше — и у «России-онлайн», и у «Гласнета», и у Демосас Релкомом. Однако» Ситилайн» стал первым (и пока единственным) провайдером, готовым мощными финансовыми вливаниями поддерживать собственную агрессивную и рискованную политику. Если провайдеры первого призыва ограничивались рекламой в специализированных журналах, то «Ситилайн» вместо этого то и дело оказывался в центре очередного скандала. Почти все время сити-лайновцы играют на грани фола, используя виртуальных персонажей и прочие возможности Сети. Руку «Ситилайна» видели за историей жизни и смерти Кати Деткиной; интерес «Ситилайна» усматривали в атаке Носика и Уманцева на рейтинг «Рамблера», не говоря уже о публикациях журнала «Интернет», издающегося той же компанией «Нетскейт», в которую входит «Ситилайн». Распространенное мнение гласит, что с «Ситилайном» в Рунет пришли Большие Деньги, а вместе с ними — склоки и интриги.

Так или иначе, пока простой пользователь от всего этого только выиграл: осенью этого года «Ситилайн» установил оплату в 36,6 доллара в месяц за неограниченный доступ к Сети. К сожалению, несмотря на очевидную аллюзию на нормальную температуру человеческого тела, новые каналы то и дело лихорадит — но надо надеяться, что это временное явление.

Известный рекламный слоган гласит «Ситилайн» — самый нескучный провайдер». И действительно, с его появлением в Рунете стало еще интереснее. Остается надеяться, что пример окажется заразительным, и новые провайдеры возьмут себе на вооружение отработанную методику захвата рынка. Конкуренция будет крепнуть, а цены падать.

Так я подвел итоги первого, самого впечатляющего года существования компании «Ситилайн». Насколько я понимаю

теперь, у компании была довольно сложная структура управления, но для меня главой «Ситилайна» были два человека — Емеля Захаров и Демьян Кудрявцев. Дема был питерский человек, приехавший в Москву после нескольких лет израильской эмиграции, а с Емелей у меня быстро обнаружилось множество общих знакомых. Моя близкая подруга училась с ним в первом классе, а мой одноклассник тусовался с ним в десятом. Кто-то из них рассказал мне прекрасную историю о том, что у Емели есть друг, которого зовут Гаврила. И на одной светской вечеринке Емеля и Гаврила подходят к барышне и знакомятся.

— Емеля, — говорит Емеля.

— Гаврила, — говорит Гаврила.

— Фекла, — отвечает барышня, посчитав, что над ней издеваются.

Вернемся, впрочем, к статье. Сейчас я подозреваю, что отношения между «Нетскейтом» и «Ситилайном» были описаны мною некорректно (на самом деле «Нетскейт» был создан на основе нескольких проектов, часть из которых принадлежала «Ситилайну», а часть — Теме Лебедеву и другим людям), но сейчас это и неважно, потому что «Нетскейт» был куплен в 2000 году Гусинским, а «Ситилайн» — в 2002 году «Голден Телекомом». Двумя годами ранее «Голден Телеком» купил «Гласнет» — и тогда Емеля сказал в интервью «Нетоскопу»:

— Посмотрите на «Голден Телеком». Это компания с крупным западным капиталом. Недавно они купили московского провайдера «Гласнет». И что осталось? Просто уничтожили хорошую компанию. Причем ничего достойного взамен не сделали. Я часто думаю об этой сделке, и мне очень жалко компанию, от которой не осталось ничего. Я тесно общался с хозяином «Гласнета» — Толей Вороновым. Это человек, который создал все это, выстрадал. Причем «Голден Телеком» купил все за копейки. И не выполнил своих обязательств. Это неправильный подход. Мы идем по совершенно другому пути.

Предсказаниям свойственно не сбываться. Цена в 36,6 долларов продержалась недолго, со временем поднявшись до 60, а новые провайдеры методику «Ситилайна» не подхватили. Самое смешное продолжение, однако, получила история с «Рамблером». 31 августа 1997 года Носик и Уманцев при участии Темы Лебедева (дизайн) и Аллены Пономаревой (будущий главред журнала «Интернет» в тот момент отвечала за кофе) применили специально написанный скрипт и раскрутили сайт «Международного клуба любителей Rambler Top 100» до первого места в рейтинге. Целью было не столько показать несовершенство системы, сколько убедить «Рамблер» ввести

отдельную категорию для провайдеров (не спрашивайте меня, как это связано. Я не знаю). Именно после этого «Рамблер» и ввел деление на категории.

Двусмысленность ситуации заключалась в том, что все участники были напрямую связаны с «Ситилайном», которому и была нужна отдельная категория, — но при этом утверждали, что действуют как частные лица.

Было это, напомню, в конце августа 1997 года. В 2001 году Антон Носик, идеолог проекта, стал президентом по развитию «Рамблера». К «Ситилайну» Носик уже давно не имел никакого отношения.

10. Катя Деткина: самая знаменитая смерть в Интернете

Смерть и ее разоблачения.

ОМ, весна 1997 г.

Врезка: Очередная сетевая история от Сергея Кузнецова — настоящий детектив: молодая девушка, жестокая конкуренция, случайная смерть, разоблачения и загадки. Но разгадок не предвидится.

Вариант: Не плачьте об умерших — рассказанная Сергеем Кузнецовым загадочная история гибели Кати Деткиной лишний раз напоминает об иллюзорности жизни и смерти.

Вряд ли есть хоть один человек, который не мечтал хотя бы немного пожить другой жизнью — побывать, скажем, женщиной или негром. Проще всего подобные желания могли удовлетворить писатели: выбери себе псевдоним — и пиши на здоровье! Но с появлением Интернета такие мистификации стали доступны любому желающему.

Потому из пучин русского Интернета то и дело появляются то Первый и Последний Пенсионер в Повсеместно Протянутой Паутине Май Иваныч Мухин, то молодой и прекрасный египтянин Шогди Нагиб,[6] то вообще «дух сервера» Иван ЗРыч Паравозов. Сами их экзотические имена наводят на мысль о чисто виртуальном существовании, и потомуследуетговоритьскорееобигре, чемомистификации. Настоящее перевоплощение случается, когда забредший на чью-либо страницу читатель верит, что ее — страницы — хозяин *реален.*

Но что может считаться реальным в этом иллюзорном мире?

Над этим буддистским вопросом нас лишний раз заставляет задуматься история Кати Деткиной, взбудоражившая весь русский Веб, словно порыв ветра — паутину в лесу.

Начиная с января несколько раз в неделю она писала «Наблюдения КаДеткиной» (www.kulichki.ru/kadet/ index1.htm) — гневный и пристрастный обзор русского Интернета. Подзаголовок «Наблюдений» был «Я обзираю русский Интернет», и в выражениях Деткина не особо стеснялась: например, описание неудачной интернетовской страницы завершалось словами: «Я сдерживалась, чтобы не произнести слово «говно». И мне это, слава богу, удалось».

Мне больше всего нравятся ее не относящиеся к интернетовскому делу шутки. Так, Деткина предложила называть гигиенические прокладки «Кому-то ее страницы нравились — да так, что ей писали письма с признаниями в любви. Кому-то не нравились — да так, что в одном сетевом журнале напечатали целых три статьи, где говорилось, что никакой Деткиной на самом деле нет, а все это проделки известного дизайнера Артемия Лебедева, у которого теперь никто не должен заказывать оформление своих страниц. Подразумевалось, что заказывать их надо у авторов статьи. Ну, конкуренция — она и есть конкуренция, хорошо еще, что из-за угла не стреляют и машинами не давят. Впрочем, о машинах позже.

Конечно, многие и раньше гадали, существует ли Катя Деткина на самом деле, или за этим псевдонимом скрывается известный человек. После случившегося скандала («Артемий Лебедев оказался женщиной!») об этом заговорили все. Сам Лебедев довольно убедительно отвел обвинения как беспочвенные, а радетели свободы слова ответили на требования «показать паспорт» настоящим парадом псевдоразоблачений, в которых все мало-мальски известные сетевые люди либо оказывались друг другом, либо все тем же злосчастным Лебедевым.

Мне же кстати вспомнилось: знаменитый французский философ Мишель Фуко говорил, что принял бы всего один Закон о печати — запрет публиковать две книги под одним и тем же именем, поскольку каждое новое произведение на самом деле написано другим человеком. Исходя из этого здравого тезиса, право Лебедева или кого бы ни было вдруг начать писать под именем Кати Деткиной не подлежит никакому сомнению. Некстати вспомнился писатель Ромен Гари, получивший две Гонкуровские премии (больше одной одному автору не положено) — одну как Гари, другую — как Эмиль Ажар, а также Андрей Синявский, угодивший в советский лагерь за публикации

на Западе под именем Абрам Терц.

В конце февраля 1997 года Синявский умер, и я даже помянул в этой связи деткинский скандал на своем «Сеновале» (www.cityline.ru/senoval/). Я положил свою статью на веб в ночь на 4 марта и, перед тем как лечь спать, решил заглянуть на Катину страницу.

Меня встретил черный фон, ч/б фотография, даты жизни и некролог. 3 марта Екатерина Альбертовна Деткина погибла в автокатастрофе.

В скорби я решил прочесть ее последние заметки, до которых как-то не доходили руки, и волосы зашевелились у меня на голове. Надо сказать, что незадолго до смерти КаДеткина переехала на «Чертовы Кулички» — сервер, где собрано множество популярных русских страниц (в том числе буриме и анекдоты). Последний выпуск «Наблюдений» вышел за номером «13» и начинался словами: «Чертова дюжина — не комар начихал. (…) Вот написать бы *666* выпусков… красота!» Чертова дюжина на Чертовых Куличках — это звучало зловеще. Да еще и «число зверя»! Мне всегда казалось, что «Откровение Св. Иоанна» — не та книга, с которой следует шутить.

Впрочем, сетевые люди любят заигрывать с такими вещами, и никто, кроме меня, на эту чертовщину внимания не обратил. Зато Антон Носик (www.cityline.ru/vi/09marl997.htm) заметил, что только Катя могла изменять содержимое своих страниц и, значит, только она могла напечатать свой некролог в день собственной смерти. А значит, и не погибла. И действительно, что может убить виртуальную девушку? Разве что на «информационной супермагистрали» ее задавила «поисковая машина».

К этому моменту множество людей успело излить свою скорбь в пронзительные и печальные слова на Катиной Доске Объявлений. После разоблачений все скорбевшие почувствовали себя обманутыми и стали громко призывать неведомых создателей Деткиной к ответу. Оказалось, что придумывать виртуальных персонажей еще можно, но вот убивать их — настоящее преступление. Праведный гнев мне не понятен по сей день: сказали бы лучше спасибо, что современные технологии лишний раз напомнили им об иллюзорности жизни и смерти.

В любом случае, Катина жизнь была прекрасна — и не важно, существовала ли Деткина в «реальном мире». В том сетевом мире, где ее знали больше всего, она прожила полтора месяца и умерла в расцвете славы, осуществив легендарный завет — live fast, die young.[7]

История Кадеткиной рассказана много раз — и моя старая статья представляет лишь одну из версий. Добавим, что Рома

Воронежский еще при жизни посвятил Кате стихотворение — точнее, не Кате, а ее адресу kadet@usa.net, целиком процитированному в первой строке:

Kadet — usa net. (Vidno, zhenschina kadet.)

Дема Кудрявцев тоже написал «на смерть», построив свое стихотворение на парафразах «На смерть друга» Бродского. Заметим, что, согласно легенде, Бродский ошибся и отозвался из Америки на недостоверное известие о смерти кого-то из питерских друзей — иными словами, написал стихотворение памяти живого человека. Возможно, таким образом Дема тонко намекал на виртуальность смерти КаДеткиной.

Смерть эта вызвала большой скандал. Максим Кононенко (Mr. Parker), до сих пор утверждающий, что Катя Деткина — живая, а все остальные виртуальные, объяснял мне несколько лет назад, что резонанс истории был связан с тем, что Рунет впервые столкнулся с проблемой этичности и неэтичности существования виртуальных личностей как таковых.

Масштаб скандала подогревался тем, что одновременно с этой историей происходило определение первых победителей конкурса ТЕНЕТА. Участие в жюри Носика, Кудрявцева и Лебедева дало повод Мите Манину потребовать тщательного расследования вины всех участников. В результате Александром Житинским было сформулировано правило «презумпции виртуальности», положившее конец спорам. Оно гласит, что любой сетевой персонаж по умолчанию считается виртуальным.

Что же до вопроса, был ли Тема Лебедев Катей, то в январе 2001 года Лебедев признался в интервью телепередаче «Сеть» (TV6, Москва): он с легкостью может доказать, что Катей Деткиной был именно он, и также с легкостью может доказать обратное. Полгода спустя его одноклассник Костя Чернозатонский согласился рассказать о подробностях появления некролога для несостоявшейся книги по истории русского Интернета:

— В какой-то момент я прихожу к Теме, а он говорит «Знаешь, я решил ее умертвить». — «А что так?» — спрашиваю, а он: «Надоело». — «А как умерщвлять думаешь?» — спрашиваю я.

«Придумаю что-нибудь смешное», — говорит он. И показал мне какое-то объявление, что нет больше Кати Деткиной, написанное в характерном для Темы ерническом ключе. Я сказал, что, с моей точки зрения, вариант неподходящий, что нужно гораздо интереснее все повернуть. Мне к тому времени приходилось писать все, кроме некрологов, и я решил попробовать написать некролог. Если Тема включит тягуче-

грустную музыку и оставит меня на полчаса, я что-нибудь изображу. Я подписал некролог первым пришедшим в голову именем. Некролог был вывешен, и тут же началось сущее светопреставление в гостевой книге несчастной Кати Деткиной. На тусовках у Ицковича, где был Zhurnal.ru, я хвастался, как хорошо сработал мой некролог.

11. Архитекторы и Набоков: статья неведомо куда

Реальность и ее двойники. Лето 1997 г.

Видимо, недалек тот день, когда каждое событие в реальном мире обретет своего двойника в Интернете. И, учитывая настоящий бум, происходящий последний год в русской Паутине, наша культурная жизнь все больше и больше будет дублироваться на виртуальных просторах Сети Сетей.

Так случилось с проходящей в эти дни в Музее архитектуры им. Щусева выставкой Юрия Аввакумова «Русская утопия: депозитарий», на которой представлены около пятисот чертежей неосуществленных архитектурных проектов — от А Витберга до «бумажных архитекторов» восьмидесятых — девяностых. Выставка, показанная в прошлом году на VI Всемирной архитектурной биеннале в Венеции, за прошедшее время стараниями фонда Сороса успела обзавестись собственным сайтом, где посетители могут посмотреть около сотни проектов (http://www.isf.ru/soros/guests/utopia.found/).

В выставочном зале музея голубые — в цвет синек и мониторов — архивные стеллажи с чертежами соседствуют с компьютером, предоставляющим возможность заглянуть на соответствующий сайт. При столь близком соседстве заметнее разница: выставка требует от посетителя приложения неких усилий — найти заинтересовавший проект в каталоге, по сложной системе шифра обнаружить стеллаж, забравшись, если надо, на лестницу, выдвинуть ящик — и только после этого посмотреть, скажем, проект Мавзолея, поданный на конкурс под девизом «Кто следующий?». На соответствующем сайте процедура упрощена: можно легко найти интересующего тебя архитектора (или, наоборот, проект) и, кликнув мышкой на название, получить небольшую, но вполне ясную картинку. Эта обманчивая легкость в некоторой степени обесценивает идею выставки, и потому Аввакумов планирует в ближайшее время усложнить свой сайт, добавив туда анимацию, многочисленные тексты и реконструированные трехмерные проекции дворцов и

монументов. В конце концов зрителю будут явлены два различных объекта, повязанных одним названием и изначальным материалом.

Впрочем, трехмерная графика и анимация — вещь для русского Интернета не слишком актуальная (из-за низкой скорости связи придется час с лишним ждать минутного видеофрагмента). Другое дело — тексты. Неудивительно, что русская Паутина — в полном соответствии с литературоцентричными традициями — начиналась с многочисленных стихов и романов, мигрировавших из БЭСМ—6 времен самиздата, Стругацких и Булгакова. Нетрудно представить себе эти невыверенные и временами неверно атрибутированные тексты — однако за последний год ситуация медленно, но верно начала меняться, и на смену многочисленным «библиотекам» и «архивам» пришли продуманные и грамотно выполненные сайты, посвященные тому или иному автору.

Неделю назад в Петербурге открылся сайт Набоковского фонда (http://www.comset.spb.ru/cult/nabok/). Здесь, разумеется, нет его романов и рассказов — они, с одной стороны, защищены авторским правом, а с другой — все равно сто лет как лежат в Паутине. Зато на русском и английском доступны полная библиография Набокова, подробная биография, информация о его доме и коллекции картин его отца. Впрочем, самой интересной частью сайта обещают быть новости: раздел предполагается периодически обновлять, так что поклонники Набокова во всем мире будут теперь в курсе последних событий — будь то готовящийся перевод классической книги Бойда, набоковская конференция или новое издание «Лолиты».

Оба приведенных выше примера имеют прямое отношение к заявленной в заглавии теме. Юрий Аввакумов пытается воссоздать здания, которые никогда не были и вряд ли будут построены. Набоковский фонд выделяет навсегда покинувшему Северную столицу писателю владение на петербургском сервере. В том, что будущее исполинского Дворца Советов и будущее вернувшегося в Россию Набокова на равных правах сосуществуют в Сети, при желании можно увидеть свидетельство плюралистичности или толерантности Интернета. Можно, конечно, сказать несколько слов о постмодернистски альтернативном характере будущего, представленного в Паутине, где противоположности не отменяют друг друга, а лишь дополняют все неосуществленные мавзолеи могут рядами выстроиться на Красной площади, как многочисленные переводы «Пнина» или «Ады» — объединиться, не смешиваясь, «под обложкой» одного сайта.

Интереснее, однако, сновидческий характер обоих проектов. И в этом смысле Набоков уместнее русских архитекторов. Дело даже не в приписываемых ему словах о возвращении в Россию в своих снах, а в общей ориентации автора «Приглашения на казнь» на иную реальность — наступающую после смерти, в фантазиях или во сне. Вопреки распространенному мифу Интернет не создает новых реальностей, однако позволяет их моделировать — и этого достаточно, чтобы расшатать представление о единственности той реальности, в которой мы живем. Поэтому, говоря «реальный мир», жители Сети обычно добавляют «так называемый» — и вот сквозь дигитально-картонные декорации мы, подобно Цинциннату Ц., видим не слишком материальных «существ, подобных себе».

Это очень странная статья — я нашел ее, разбирая в компьютере старые материалы, но, хоть убей, не могу вспомнить, для кого я ее написал. Я решился включить ее в книгу потому, что в ней видно, как я пытался тогда писать об Интернете: с ложной многозначительностью, намеками на сновидческую природу и пророчествами о том, что Сеть вскоре будет дублировать все объекты реального мира.[8]

Но сейчас весь разговор о сайте Набоковского фонда я затеял, чтобы рассказать о моем знакомстве с его создательницей, Марией Черницкой, чья история кажется мне прекрасной иллюстрацией к тому, как люди оказывались в Интернет-тусовке.

Я познакомился с Марией в мае 1997 года, на конференции по Иосифу Бродскому, проходившей в Петербурге. Мария только что вернулась из Америки и работала в журнале «Сеанс», одном из моих самых любимых журналов о кино. Одновременно она работала в Набоковском фонде и, кажется, в какой-то Интернет-конторе — но говорилось об этом без особой аффектации, как если бы наряду с интересной для девушки-филолога работой она подрабатывала кассиром в банке. Даже сделанный для Набоковского фонда сайт не заставил Марию воспринимать себя как Интернет-человека. Летом 1997 года мы гуляли по Москве, и Мария делилась наблюдениями о том, что Москва как Питер, только всюду на нуль больше: в ценах, в зарплатах и в рекламе. Надпись «3000 разных ковров всего в 100 метрах от метро» в ее родном городе должна была бы читаться как «300 ковров в 10 метрах от метро». Тогда же мы придумали телегу о том, что основная движущая сила Церетели — зависть к Питеру: и дело не только в Петре Первом, но и в общей стилистике постамента памятника Крылову, увеличенного в десять раз, — как и положено в Москве. Об Интернете мы, кажется, и не говорили — более того, Маша раздумывала, не вернуться ли ей в Америку, и

даже рассылала какие-то письма.

Письма возымели действие, и через год без малого у Черницкой на руках было приглашение с обещанием денег и профессорства, билеты, паспорт с визой — и тут ей позвонил Демьян Кудрявцев. Дема, как, может быть, успел забыть мой читатель, в свое время эмигрировал из Питера и, как выяснилось, знал Машу еще по временам учебы в университете. В этот момент «Ситилайн» собирался открыть филиал в Петербурге — и Кудрявцев предложил Маше его возглавить: оказалось, ее работа на небольшую провайдерскую контору была незаметна только мне. Черницкая подумала — и осталась. Так Кудрявцев успешно сыграл в ее судьбе роль Мефистофеля.

Мне нравится эта история — потому что она передает ощущение, которое было у меня в те годы. Казалось, все люди, которых я встречаю, с неизбежностью оказываются втянуты в орбиту формирующегося русского Интернета — не то у меня было чутье на таких людей, не то мне просто всегда нравились персонажи, слишком энергичные, чтобы оставаться без дела, и слишком своеобычные, чтобы идти в большой бизнес. Интернет становился для них едва ли не единственным выходом. Так, со временем в Сети оказались наиболее любимые мной коллеги-журналисты из «Сегодня»: Слава Курицын, Борис Кузьминский, Максим Андреев, — все они сделали не по одному онлайн-проекту.

Вернемся, впрочем, к Марии Черницкой. В бытность гендиректором питерского «Ситилайна» она преподала мне урок, который я запомнил надолго. Мы шли с ней в гости к моему приятелю, питерскому буддисту и маргиналу Д.

— Только не вздумай представлять меня как генерального директора «Ситилайна», — предупредила по дороге Маша.

— Я скажу, что ты специалист по Набокову, — предложил я.

— Сережа, — сказала Маша со значением, — есть такой статус «просто девушка».

Набоковский сайт давно не откликается, Черницкая успела побывать руководителем проекта Mail.ru и директором по маркетингу компании Lycos. Сегодня Маша является совладелицей онлайнового рекрутерского агентства HeadHunter.ru, гендиректором агентства контекстной рекламы iContent и моим партнером по Sergey Kuznetsov Content Group контент-проектов — но для меня навсегда сохраняет статус «просто девушка».

Интермедия:

«Сеновал» на «Ситилайне»

http://nnvw.cityline.ru/senoval/.

Для меня 1996 год завершился в январе 1997-го, когда я встретил приехавшего из Израиля Антона Носика. Носику же делал свой» Вечерний Интернет» и рассказывал об умопомрачительных деньгах, которые ему за это платили. Цифра, которую я сейчас уже забыл, показалась мне действительно прекрасной, и — вероятно, с горя, что эти деньги проходят мимо меня, — я сделал то, что зарекался делать много раз, — мешал алкоголь с травой. Было это 12 января, и мир несколько прояснился только через сутки, когда за отмечанием Старого Нового года я и придумал концепцию ежедневной культурной рубрики. Я позвонил Антону, и он направил меня к Емеле Захарову и Деме Кудрявцеву. Емеля жил (а может быть, и живет) в двухэтажной квартире, некогда принадлежавшей прокурору Вышинскому. В этой квартире мы с ним и обсуждали «Сеновал» — на первых же переговорах он показал мне свою коллекцию трибальных ковров, которой заслуженно гордился, а потом сообщил, что, вчера по достоверным сведениям умер Ельцин.

Одним словом, атмосфера была вполне сюрреалистической.

Дема сразу поразил меня своей манерой поведения. Он заговорил со мной без политеса и той вежливости, которую я считал уместной в первой беседе между потенциальным работодателем и известным журналистом. В его манере мне чудилось нечто бандитское, словно он говорил: «ладно, не заливай, мы все про тебя знаем, нет, никаких пятисот, двести — и ты еще спасибо скажешь». Возможно, слова были и другие, но хорошо помню общее ощущение, что вместо интеллигентской беседы о деньгах ты попал внутрь еще не снятого сериала «Бригада» — который, кстати, я впервые увидел спустя шесть лет как раз в Деминой лондонской квартире.

Теперь я знаю, что за этим стоит не столько бандитский нахрап, сколько быстрота реакции и готовность ошеломить собеседника. Емеля и Дема знали в этом толк вполне домашнему мальчику Лене Уманцеву, программисту, приехавшему из Америки работать на «Ситилайн», они, согласно легенде, вместо приветствия сказали: «Кокаин на столе, бляди внизу. Отдыхай». Впрочем, сам я в двухэтажной Емелиной квартире не видел ни кокаина, ни проституток — только коллекцию ковров и жену с ребенком.

Уже перестав работать с «Ситилайном», я потерял Кудрявцева из виду. Однажды я встретил его на вечере Бахыта Кенжеева и удивился — мол, Дема-то что здесь делает? Я помнил, конечно,

что когда-то Кудрявцев создал первый русский онлайновый журнал Ай!/Еуе с сильным поэтическим разделом, но вовсе не предполагал в главе «Ситилайна» серьезного интереса к современной поэзии.

Я заблуждался. Пару лет назад вышла его поэтическая книга «Практика русского стиха», и я с изумлением понял, что все эти годы — между «Ситилайном», Захаровым, деньгами и политикой — он писал стихи, причем превосходные. К моменту выхода книги, впрочем, занятия бизнесом и политикой снова завели его далеко от Москвы: летом 2001 года российская виза в его израильском паспорте (советского он лишился при израильской эмиграции) была аннулирована, и он, по собственным словам, променял особняк на Пятницкой на квартиру с видом на Гайд-парк. Такова была плата за слишком тесное сотрудничество с Борисом Березовским. В результате квартира в центре Лондона оказалась если не филиалом Калашного, то, по крайней мере, местом, где в разные годы побывала добрая половина героев этой книги.

Впрочем, известность в широких кругах молодежи Дема завоевал вовсе не стихами или участием в судьбах русского Интернета: 15 минут славы пришли к нему во время шоу «За стеклом», когда он, появившись на телеэкранах страны, купил голос Жанны.

Мне же почему-то вспоминается история Куба о том, как однажды он вместе с Демой отправился вечером в ночной клуб. В очереди перед входом рядом с ними оказалась компания крепких, быковатого вида подростков, которые вели себя шумно и немного агрессивно. Невысокий и щуплый Дема неожиданно развернулся к ним и ледяным голосом сказал:

— Так Все замолчали, быстро!

«Ну вот, — без энтузиазма подумал Куб, — сейчас придется драться». Однако, к его удивлению, молодые люди лишь немного побухтели и, смутившись, затихли.

— С тех пор я не хожу с Демой в клубы, — завершил эту историю Куб.

Когда я уже в Лондоне пересказал Деме этот случай, Кудрявцев сказал, что напрочь такого не помнит.

— Но, скорее всего, так и происходило, — сказал Дема, — просто была какая-нибудь деталь, которую Куб не заметил. Скажем, я знал хозяина клуба, и он стоял тут же. Или рядом была охрана, или еще что-нибудь.

Вернемся, впрочем, в 1997 год, когда после месячных переговоров появился на свет мой первый регулярный онлайн-проект «Сеновал». Так я стал первым русским профессиональным

журналистом, постоянно пишущим для Сети о культуре — благодаря гостеприимству Ицковича, хвастливости Носика, напору Демы и дозированной щедрости нескучного провайдера «Ситилайн».

Первый выпуск «Сеновала» вышел в марте 1997 года, почти одновременно со смертью Кати Деткиной. Название придумал Тема Лебедев, а предложенная мной концепция заключалась в том, что два раза в неделю я писал короткий обзор новостей мировой культуры, преимущественно уделяя внимание кино и музыке. Насколько я помню, идея заключалась в том, что я пытался, с одной стороны, ориентироваться на вкус «продвинутой молодежи» — то есть на то, что по аналогии с sex-drugs-rock'n'roll я называл rave-drugs-violence: рейв-наркотики-насилие. Теперь понятно, что на самом деле это был мой личный вкус, совпавший в середине девяностых с модой на Тарантино, Кастанеду и Пелевина. С другой стороны, я пытался популяризировать разные культурологические идеи, которые мне тогда казались интересными, выискивая в мелочах окружающей жизни материал для Culture Studies и прочих забав. Так сказать, по мере сил изображал из себя Ролана Барта времен «Мифологий».

Проект оказался достаточно популярным — хотя по нынешним меркам несколько сотен человек, заходивших на «Сеновал» ежедневно, — это не аудитория. Зато я приобрел несколько новых друзей — часть из них впоследствии стала довольно известными сетевыми персонажами, — и до сих пор нет-нет да слышу «я вас читаю со времен «Сеновала». Каждый раз возникает чувство, будто встретил человека, которого знаешь много лет.

«Сеновал» просуществовал месяцев девять, а потом контентные проекты стали интересовать «Ситилайн» заметно меньше, и в результате довольно напряженной переписки с Демой я покинул «Ситилайн» и перешел в «Русский журнал», переименовав «Сеновал» в «Монокль». Это название тоже было придумано не мной, но, в отличие от «Сеновала», мне нравилось. «Монокль» предложил Макс Смолев, и оно расшифровывалось как «МОи НОвости КуЛЬтуры».

К слову сказать, последней публичной вечеринкой в ицкятнике на Калашном было отмечание годовщины «Сеновала» (март 1998 г.). Разумеется, ни «Сеновал», ни «Монокль» не имели отношения к Zhurnal.ru и другим проектам Ицковича, но, как я уже писал, если где-то собирались — то собирались в Калашном. Помимо завсегдатаев пришли несколько моих читателей, в том числе известный нынче Александр «AlexMsk» Милованов, который подарил мне кассету с собственноручно сделанным видеоклипом.

Другие гости принесли мне виниловые пластинки Джона Леннона и других музыкантов с дарственными надписями от лица покойников. Я тогда уже работал в «Русском журнале».

О «Русском журнале», впрочем, речь пойдет позже, а пока у нас еще 1997 год, и я пожинаю первую интернет-славу: корреспондент питерского журнала «Мир Интернет» Михаил Эдемский приходит ко мне, чтобы взять у меня интервью.

Поскольку «Мир Интернет» сделал меня человеком номера, интервью получилось огромное — даром что самое первое. Я перечитал его с чувством глубокого (и немного неприятного) удивления, но все равно решил опубликовать таким, каким оно было, — в качестве памятника заблуждениям, уже не нуждающимся в комментариях. Я думаю, эта публикация — самое смелое, что я делаю в этой книге.

Михаил Эдемский. Кузнец.

«Мир Internet», октябрь 1997 г.

Он плодовит — пишет, по собственному утверждению, по одной статье в день. У него не хватает времени, он совмещает просмотр фильмов с «прыганьем» по Интернету. Он знает, что «художник Тулуз-Лотрек был карлик, Бетховен — глухой, а лорд Байрон — хромой». Он — это ведущий страницы культурных новостей «Сеновал» Сергей Кузнецов. Тот самый «Кузнец», который «нам не нужен», а на самом деле без которого Интернет был бы скучнее.

— Вас не путают с другими Кузнецовыми?

— Как ни странно, нет. Иногда спрашивают, не родственник ли я Георгия Кузнецова из «Компьютерры». Хотя Кузнецовы все время меня окружали, начиная с института. И в Сети есть еще один Сергей Кузнецов. Мы с ним договорились, что он будет выдавать мои статьи за свои, а я — его фотографии за свои, чтобы очаровывать девушек. Впрочем, я так этим и не воспользовался.

— Я прочитал много ваших рецензий на книги и фильмы и никак не уловлю: вы кончали философский или филологический?

— Я окончил химфак МГУ. Даже с красным дипломом. Но сейчас не сразу вспомню, как полностью называется ЛСД, неговоря уж о менее насущных вещах. После математической школы я не хотел идти на гуманитарные факультеты, потому что терпеть не мог учить историю партии. Математика тоже отпадала — евреев, как известно, на мехмат не брали. Химфак был естественным выходом: мой отец — довольно известный в своей

области химик. Мама преподает французский язык Ну, а после химфака я поработал по специальности пару лет, и тут все это надоело окончательно, и я плавно перешел в «гуманитарное» существование.

— Каких друзей больше — компьютерных или тех, кто ни с Интернетом, ни с компьютерами не сталкивается?

— «Компьютерщиков» немного — один-два, остальные уехали в начале девяностых. Знакомые, с которыми я общаюсь последние пять лет, в основном гуманитарии. Но идиосинкразии к компьютеру у них нет, все ведь им пользуются. Гораздо хуже с Интернетом: «подключенных» всего двое или трое. Увлечение Интернетом понятно, когда тебе двадцать лет и ты примерно знаешь, что хочешь посмотреть, — ну там голых теток или любимую музыкальную группу… В 35–40 совершенно неясно, чего ждать от Интернета…

— Есть ли у русского Интернета какой-то национальный колорит?

— Русский Интернет еще очень маленький, — все со всеми знакомы, все друг за другом смотрят, и от этого возникает атмосфера междусобойчика. Неуместно писать на «Сеновале» тем стилем, каким я пишу для «Искусства кино» или другого журнала. В бумажных журналах вообще держишь большую дистанцию между собой и читателем, чем когда пишешь для Сети. Только на Западе сетевые журналы (например, Salon, Urban Desires) публикуют в Интернете профессиональные статьи. В них не чувствуется этого легкого флирта с читателями, приглашения к диалогу. Точнее, он есть, но не более чем в обычной статье.

— Значит ли это, что через два-три года эта атмосфера уйдет и мы ничем не будем отличаться от всей остальной Сети?

— Скорее всего, да. Хотя кто знает, может таинственные «особенности русской души» как-то себя проявят. Русский Интернет информационно беден, многого не хватает, и это задает особый стиль. Странички, которые делаю я и другие «активисты», — это в какой-то степени продвижение собственного имени. А серьезных баз данных (например, по истории кино) нет. Пока деньги проще инвестировать в Web-обозревателей. В тот момент, когда их будет сотня, инвесторы начнут вкладывать средства не в Web-журналистов, а в серьезные проекты.

— Когда вы впервые услышали слово «Интернет»?

— Меня подключил к Интернету Михаил Ашаров в 1995 году. Забавно, что я целый месяц не подозревал о поисковых системах и действовал простым способом: двигался по ссылкам и довольно быстро наткнулся на Internet Movie Database, где впал в совершенно экстатическое состояние. Мне тогда казалось, что я

обнаружил место, где можно найти все про любое кино! (Позже выяснилось, что далеко не все и далеко не про любое.) В те времена русский Интернет состоял из Буриме, РОМАНа… был De.Lit.Zyne, только-только появился литературный журнал Кудрявцева «Еуе».

Между прочим, могу с гордостью сказать, что на сайт www.playboy.com я зашел только через полгода. Считается, что человек, пришедший в Интернет, сначала начинает искать эротические ресурсы. Это легенда. Сначала мне даже в голову не приходило, что в Интернете такое бывает.

— А как вы относитесь к порнографии в Интернете?

— Хорошо отношусь. То есть меня это не интересует, но отношусь к этому хорошо. Я точно не против рисованной порнографии, но когда речь идет об использовании живых людей, то это иногда оставляет тяжелое впечатление. Видно, например, что девушки явно не получают никакого удовольствия от этих забав. Все это плохо не потому, что лежит на Сети, а потому, что девушек жалко. В принципе это вовсе не специфически сетевая проблема.

Конечно, некая порнографичность Сети в том, что она постоянно «подсовывает» соблазн: соблазн превращений, игры со сменой пола, некоторой непристойности. Жаль, что рано или поздно этот контркультурный заряд пропадет. Как и в кино, будем ходить только на голливудскую продукцию, а не на настоящее независимое кино.

— Но независимую страничку сделать гораздо проще, чем снять независимый фильм…

— Это заблуждение! Конечно, каждый может сделать свою страничку, но скоро придет время, когда маленькие странички почти не будут посещаться. Сколько нужно показов в день, чтобы привлечь рекламодателя? — 10 тысяч, 100 тысяч? Ни одна персональная страничка такого не имеет и иметь не может: нужны большие расходы на раскрутку. Кроме того, страничку нужно постоянно поддерживать в рабочем состоянии, капитально дополнять. Те, кто одновременно были Web-мастерами и сами делали какую-то графику, и умели делать все, — такие люди неизбежно уйдут в прошлое. Уже сейчас почти не встретишь профессионального программиста и одновременно верстальщика — это не нужно.

Вот я давно хочу сделать сервер, посвященный Пелевину. Пелевин сейчас — культ номер один по России. Мне пишут письма из самых экзотических стран только потому, что я положил интервью с Пелевиным на Web! Вот положить бы на сервер портреты, которые никому не известны, свежие тексты с

разрешения Пелевина… Но — нет времени заниматься техническими вопросами, поэтому я открыт для предложений.

— Кто впервые открыл Пелевина — вы или Аксенов?

— Ни тот, ни другой. Пелевина первым открыл журнал «Химия и жизнь» в 88-м году, когда напечатал рассказ «Затворник и Шестипалый», который остается по сей день одним из лучших рассказов Пелевина. Я сомневаюсь, что Аксенов тогда этот рассказ прочел. Я его читал тогда, но никому, кроме двух-трех друзей, ничего «открыть» не мог. А поклонники фантастики знали Пелевина уже тогда. Когда в прошлом году вышел «Чапаев и Пустота», вот тогда случился бум.

— У меня есть ощущение, что скоро монитор, телевизор, экран кинотеатра будут понемногу сливаться. С чем можно будет сравнить страницу Web — с кадром фильма? Что играет основную роль — текст, расположение картинок, звук?

— Ответа, разумеется, нет. Играет роль все — что-то больше, что-то меньше, в зависимости от сайта. Например, во всем, что делаю я, на «Сеновале» или на «KuzNet», графика не имеет почти никакого значения, потому что графики, как таковой, нет. Там имеет значение исключительно текст, ну и ссылки.» На что больше похожа Web-страница?» — это вопрос из серии «На что больше похож телевизор — на кино или на радио?». Телевизор похож на телевизор.

— Появится когда-нибудь Web-режиссура?

— Конечно, появится. Она уже появилась. Есть разные Web-искусства. Например, Оля Лялина. Ну и, конечно, лет через десять то, что мы сейчас имеем на CD-ROMe, — вместе с режиссурой, мультимедиа и так далее — появится и на Web'e.

— А сами вы бы хотели сделать фильм?

— Хотел и хочу. Но меня отпугивает одно — что у фильма нет того главного достоинства, которое есть у Интернета. Фильм делается с людьми, а с ними надо как-то общаться, что-то им объяснять. Когда делаешь что-то в Интернете, знаешь, что, если получится дерьмо, виноват в этом сам. А в кино всегда можно сказать, что оператор плохо снимал, актеры играть не умеют, музыка дрянная.

— Вы много времени проводите в Интернете?

— Немного. Зависит от настроения, к тому же я не очень люблю сидеть в Интернете. У меня одновременно работает телевизор, и я смотрю кино. Для развлечения в Web хожу достаточно редко. Магический процесс щелканья по ссылкам и блуждания по Сети уже не прикалывает, как в первое время. Обычно я твердо знаю, чего хочу.

С присущей мне скромностью скажу, что применительно к

Интернету я человек будущего, то есть человек, который использует Сеть, когда она ему нужна. С одной стороны, я в нем работаю и что-то сам делаю. С другой стороны, это только часть моего жизненного культурного проекта.

— Вы ведете «культурные новости» на «Сеновале». Как он был организован?

— Отлично помню: в начале этого года я неожиданно понял, что в Интернете нет международных культурных новостей на русском языке. К этому моменту я уже несколько месяцев читал ежедневные культурные новости агентства «Рейтер». И выяснилось, что есть куча интересных вещей, которые никогда не попадают в газеты. Захотелось сделать в Сети что-то такое, что продолжало бы традиции газеты «Сегодня»: культурные новости с ярко выраженной авторской позицией. Я позвонил Антону Носику, и он свел меня с Емельяном Захаровым, руководителем и основателем» Ситилайн», и Дамианом Кудрявцевым, менеджером всего проекта. А в марте мы уже выпустили «Сеновал».

— Откуда взялось название?

— Оно на совести Артемия Лебедева. Помните эпиграф на заглавной странице?

«Кузнец нам не нужен.» Так вот, «Кузнец» — это от моей фамилии…

— Много писем приходит на «Сеновал»?

— Не сказал бы. Но интересно то, что часто приходящие письма служат началом какого-то долгого общения. Люди обычно пишут по делу. После пяти выпусков было много писем, что все хорошо, но хотелось бы побольше о России. Поэтому я стараюсь одну-две новости делать про то, что здесь происходит.

— Удалось ли познакомиться с кем-нибудь через Интернет лично?

— Я не сторонник превращения интернетовских знакомств в личные — это не всегда по кайфу.

Я в реальной жизни большой любитель общения достаточно интенсивного, с повышенным эмоциональным градусом. Письма пишу, когда есть соответствующее настроение. А когда встречаешь человека, и оба уставшие, что делать? Идти водку пить? С барышнями то же самое. Одно дело по почте глазки строить… Тем более что мне часто мальчики, а не девочки пишут.

— А почему мальчики?

— Стоит несколько раз поставить в ключевые слова странички слово «гей», проявить положительное отношение к их субкультуре, как на страницу начинают заглядывать представители этой ориентации. Они, конечно, пишут про кино, рекомендуют свои странички… Свиданий пока не назначали.

Меня всегда интересовал физический аспект общения — взгляды, касания, пластика. В Интернете он естественным образом снят. А в реальной встрече он для меня важен и иногда разочаровывает.

— В журнале «Звезда» Сергей Парамонов освещал тему «Сексуальность и искусство». На ваших страничках также активно обсуждается сексуальная тема. Это подсознательно происходит?

— Я не читал Сергея Парамонова, зато читал, скажем, Деррида, Фуко или Батая. Тезис о сексуальности искусства (или об эротизме искусства) настолько общий, что я даже затрудняюсь назвать его автора. То, что у меня много «секса» в «Сеновале», не связано с фрейдистскими механизмами, то есть с моим подсознанием и комплексами. Сексуальность сама по себе очень важна для культуры, и естественно, что эта тема у меня постоянно вылезает.

— Правда ли, что вы хотели стать главным редактором журнала «Искусство кино»?

— Нет, конечно!

— Давайте сядем за компьютер, я буду загружать странички, а вы их откомментируете двумя-тремя фразами.

— Давайте!

— «Кулички».

— Редко посещаю. Отношусь с большим уважением, но это развлекательный сайт. А на развлекательные сайты, как я уже говорил, я почти не хожу.

— «Перекресток».

— Захожу не очень часто, потому что жанр, в котором создается «Перекресток», мне не кажется очень интересным. Кроме того, я подписан на несколько общих листов рассылки с Олегом Буниным и… эээээ… чтение его писем отбивает желание читать другие его проекты…

— Страничка Ромы Воронежского.

— Роман милый, и странички тоже очень милые. Очень смешные местами. Мне кажется, Рома — один из тех людей, которые достаточно адекватны своим страничкам, из тех, кто при личном общении легко совпадает со своим сетевым образом. Интересно, что в каком-то опросе Рома Воронежский неожиданно вылез на одно из первых мест по известности в русской Сети, хотя свое имя не раскручивал.

— «Я + Я» / gay.ru.

— Хорошие. Хоть они и в стороне от моей основной сексуальной ориентации, но регулярно захожу туда. Хочу быть в курсе того, что творится в русском гей-движении, к которому отношусь с большой симпатией.

— «Кулинар».

— Не заходил.

— «Кроватка».

— Никогда не заходил — не люблю тратить время. У меня полно знакомых в реальном мире, чтобы я еще знакомился через «Кроватку». Хотя понимаю тех, кто туда ходит. Просто это не для меня.

— «Вечерний Интернет».

— Его делает Носик. Когда ВИ начинался, несомненно, Носик был единственным профессионалом в сетевой журналистике. Вероятно, поэтому ему удалось найти или воспроизвести в «Вечернем Интернете» правильную интонацию общения, не ударяющуюся в желтизну «Московского комсомольца», но и без сухого академизма. Это один из немногих сайтов, куда я хожу регулярно. Хороший крючок знаешь, что каждый день увидишь что-то новое. В Носике есть неспешность и методичность опытного человека, в нем нет радостного восторга, который чувствуется в большинстве других обозревателей, например в покойной Кате Деткиной.

— Что вы думаете о Кате Деткиной?

— Обычная работа с псевдонимом. Было тонко разыграно с филологической точки зрения. Завершить на 13-м выпуске — на чертовой дюжине, на «Чертовых Куличках», отпустив в последнем выпуске шутку про *666*… Если читать сейчас, создается подлинное напряжение готовящейся смерти автора. Выяснение, кто же был Катей Деткиной, — занятие заведомо тупое. Какая нам разница?

Вопрос к рядом сидящей жене Кате.

— Скажите, вам нравится то, что пишет ваш муж?

— Честно?.. Я не читаю статей своего мужа, просто не успеваю. Он пишет примерно по статье в день, и каждую из них еще и пересказывает раз по десять друзьям и знакомым…

— Просто я слишком много пишу. Кстати, я около года назад все свои статьи собрал на моей домашней…

— Как вы относитесь к рекламе в Интернете?

— Хм. Положительно. Я считаю, это честная игра. Если мне не хочется иметь рекламу на своих страницах, я могу эту рекламу там не помещать. Если мне не хочется ходить на страницы, где есть реклама, я могу туда не ходить. Реклама в Интернете — это хорошо.

Как человек, публикующийся в глянцевых журналах, которые существуют за счет рекламы, я не могу относиться к рекламе отрицательно. Реклама — это отличное изобретение, позволяющее дурить рекламодателя, забирая у него деньги и

ничего не предлагая взамен. Единственное, чем меня огорчает реклама в Интернете, — она не позволяет получать большую прибыль. Вот если бы ставки на рекламу в Интернете были такими, как ставки в глянцевых журналах, и интернетовский сайт можно было бы содержать на доходы с рекламы!..

— У вас есть любимый фильм или жанр?

— Я — профессионал. У меня не может быть любимого фильма. Я долгое время отвечал скучно и не напрягаясь, что мой любимый фильм — «Гражданин Кейн» (1941 года). На самом деле у меня, конечно, нет любимого фильма. В лучшем случае у меня может быть любимый режиссер в текущем году или в текущий период жизни. Сейчас это, наверное, Вонг Кар-вай. Но, если упереться, какой чистый жанр я люблю, то чистый экшн («боевик»). Люблю хорошие триллеры и вестерны, арт-кино — то, что советскими интеллигентами называлось «настоящее кино». Проще сказать, что я не очень люблю: довольно равнодушен к жанру мюзикла, к жанру фильма-оперы, к жанру мелодрамы, к жанру экранизации классического произведения…

Наиболее приятный из тех фильмов, которые не смотрела еще вся Москва, — последний фильм Грега Араки «Нигде». Очень смешной, безумно стильный. Фильм с гениальным дизайнерским, гримерским и прочими решениями, на голову лучше Doom Generation. Он куплен, будет идти на большом экране.

— В фильме Араки действие происходит в будущем, и чувствуется присутствие стиля «панк». Что такое «киберпанк»?

— Исторически киберпанк — это название, придуманное для романа Гибсона «Нейромант». Роман Гибсона имеет отношение, с одной стороны, к панку, еще до секс-пистолскому — Лу Рид и так далее, — а с другой стороны, разумеется, к киберу. Хотя сам Гибсон очень сдержанно относится к термину «киберпанк» и называет его маркетинговой уловкой. Сейчас термин означает все что угодно. Каждый хакер считает себя киберпанком, любой 18-летний «интернетчик» считает себя киберпанком…

— А вы считаете себя киберпанком?

— Нет! Конечно, нет — куда мне! Я не считаю себя никем. По отношению ко всем вещам, словам, определениям я пытаюсь занять чуть-чуть стороннюю позицию. Честно говоря, в мои 30 лет становиться киберпанком или кем-то еще просто глупо. Как только я чувствую, что в какую-то социальную группу вписываюсь плотно, я пытаюсь предпринимать какие-то шаги, чтобы расшатать, по крайней мере, ту лузу, в которой оказался. То есть, само собой, все равно я столичный мальчик, наполовину еврей, читал какие-то книжки. Это в достаточной степени задает квадрат, в который я попадаю. Но уж я позволю себе

предпринимать героические усилия, дабы внутри этого квадрата перемещаться максимально свободно, и поэтому называть себя киберпанком, панком, просто кем угодно. Сейчас мне неинтересно определять себя какими-то терминами.

— У меня складывается впечатление, что Интернет в будущем станет скорее деструктивен…

— В настоящий момент мы должны воздержаться от однозначных оценок Интернета — в любую сторону.

Через 10 или 20 лет для наших детей Интернет будет значить примерно столько же, сколько для нас значит телевизор. Мы не представляем себе жизни без телевизора. Но если спросить вас о влиянии, которое оказывает телевидение на вашу жизнь, отследить это влияние будет сложно. Ясно только одно: телевидение оказывает БОЛЬШОЕ влияние на нашу жизнь. Наше восприятие мира без телевидения было бы другим. Но мы не можем описать или вычленить, что в нашем восприятии напрямую связано с телевидением. Я думаю, то же самое будет происходить и с Интернетом.

Я думаю, в нынешнем обществе Интернет не сможет долго существовать в том виде, в каком он существует сейчас. Без сомнения, через 10–15 лет внимание основной массы населения Интернета будет приковано к большим корпоративным сайтам. Конечно, каждый желающий сможет найти что-то интересное и за их пределами, но у него не будет возникать такого желания. Любой американец может смотреть хорошее неголливудское кино. Но не хочет.

— Вы хорошо говорите по-английски. А ведь у многих такой возможности нет. Как вы думаете, может ли Интернет в будущем способствовать созданию единого языка на Земле?

— Я не думаю, что единый язык на Земле возникнет. Я не думаю, что Интернет будет этому способствовать. Любой искусственный язык должен иметь строгие правила, чтобы легко было выучить. Но самый кайф от языкового общения — в нарушениях правил. Поэтому я не думаю, что искусственные языки смогут заменить естественные.

— Кстати, если я положил себе на страничку полную электронную копию книги и не получаю от этого никаких материальных выгод — это правомерно, как вы думаете?

— Понятно, что выкладывание книжек, защищенных авторским правом, есть классический акт пиратства, независимо от того, получаете ли вы за это деньги, потому что, ясное дело, автор ни копейки с этого не получит…

— А как же быть со свободой информации?..

— Сейчас дойдем и до свободы информации. Это общая проблема, а не специфическая для Интернета. Есть два подхода. Первый подход заключается в том, что вся информация должна быть свободной. Второй подход — авторы тоже хотят есть и имеют право на гонорары. Оба соображения правильные. Я как пользователь заинтересован в том, чтобы все книжки лежали в Интернете, все кассеты ходили в пиратском виде… А как человек, связанный с миром тех, кто пишет, я считаю, что каждый автор должен иметь возможность заработать. Но если я могу запросто купить книгу в магазине, не буду я ее читать в Интернете. Я давно хочу прочитать в Wired'e книгу «Я, Франческа» — кибер-панковский садомазохистский лесбийский роман. Но мысль о том, что надо перекачивать ее из Сети и тратить на это время, меня останавливает. Можно, например, что-то платить авторам — не очень большое. Существует масса способов решения этой проблемы.

— Кстати, многие сетевые журналы за прочтение денег не берут.

— За доступ к сетевым журналам брать плату не принято. А сетевые журналы все равно ждут инвестора или делаются сразу за деньги с расчетом на будущее. Пока еще никому не понятно, принесут ли они прибыль. Настоящие журналы не приносят ее как минимум год. В случае сетевых журналов инвестор готов лет пять не ждать прибыли — расходы ведь не такие большие. Естественно, потом все маленькие журналы погибнут или сольются в большие.

— Как должен выглядеть хороший несетевой журнал про Интернет?

— Первое: в таком журнале нельзя рассказывать про один только Интернет. Должны быть и обзоры кино, книг, музыки. Второе: плохо, что российские журналы про Интернет рассчитаны на «всех» — и для «хакеров», и для «ламеров». Но это исправится само собой, когда рынок расширится. Ну и еще нужно рассказывать про неизвестных людей.

— А какой сайт понравился за последний месяц?

— «База» — www.baza.com. Мне нравятся те сайты, в которых я принимаю участие. Точнее, если мне сайт нравится, я стремлюсь что-то для него сделать. Для «Базы» я написал несколько заметок про кино. В «Базе» мне очень нравится стиль и прикольные шутки. Секс, драгз и похабель. «База» приятно сделана с точки зрения дизайна, у нее приятный текст, она в меру использует сетевые возможности за счет всяких анкет.

— Закончите фразу: «Думаю, что Интернет — это…»

— Напрашиваются метафоры типа… «Интернет — это птица

человеческого духа» или «Интернет — это сеть, оплетающая нас всех». Но на самом деле больше всего подходят те многозначные слова русского языка, которые я в интервью сказать не могу.

Несмотря на некоторые вольности интервьюера, что-то выкинувшего, а где-то переставившего акценты, это интервью довольно характерно. Не будь его, я бы и не вспомнил, например, что были люди, которых всерьез раздражала реклама в Интернете.

Где-то я, конечно, кокетничал и привирал — не могу поверить, будто я не знал, что такое диэтиламид лизергиновой кислоты 25 (хотя структурную формулу нарисовать в самом деле бы не взялся). Совершенно не помню, чтобы я в самом деле хотел сделать фильм — если и да, и следа от этого желания не осталось. Отца своего я предпочитаю описывать как «всемирно известного в своей области химика» — потому что это правда.

За прошедшее время я сильно повысил количество статей в день[9] (в 1999–2001 годах я писал три-четыре) и стал абсолютно равнодушен к гей-культуре — хотя, разумеется, среди моих знакомых геев довольно много. Вообще крен в эту сторону объясняется не только атмосферой середины девяностых, когда эта субкультура вышла из подполья и казалась новой, активной и интересной, но и тем, что Михаил Эдемский был одновременно создателем сайта «Я + Я», больше известного как «гей. ру». Интересно, что делал он его под именем Эда Мишина, но мне никогда не приходило в голову поинтересоваться, какое имя настоящее, а какое псевдоним. Сейчас я время от времени пишу заметки в его журнал «Квир» — так сказать, о гейском мире глазами натурала.

Забавно, что в 1997 году вопрос копирайта носил совершенно академический характер, и на него можно было отвечать довольно расплывчато. Сейчас я придерживаюсь куда более четкой позиции: некоммерческое распространение чего угодно — идеологически правильно и абсолютно легитимно; прав автора хватает только на просьбу не вывешивать его текстов в Сеть — причем именно просьбу, а не приказ. Подробней мы поговорим об этом, когда зайдет речь о деле «Сорокин против Чернова» (см. третью часть). Забавно, что во время этого конфликта (1999 г.) Слава Курицын придерживался как раз моих взглядов образца 1997 года — и тогда они меня очень раздражали. К своему стыду, я забыл: требуется время, чтобы признать некоторые сетевые правила, — и вел себя по отношению к Славе довольно агрессивно. Но об этой истории — в свое время.

Что еще? Предсказание о силе корпоративных сайтов почти сбылось, Urban Desires прекратили свое существование, Salon стал

одним из лучших журналов в Америке,[10] роман «Я, Франческа» оказался не так уж хорош, а «База» толком перестала обновляться как раз после появления там моей заметки.

И последнее. Я не только никогда не говорил, что художник Тулуз-Лотрек был карлик, Бетховен — глухой, а лорд Байрон — хромой, но до сих пор не знаю, откуда эта цитата.

Часть вторая
ВСЕ ПРОЧЕЕ — ЛИТЕРАТУРА

Когда Рунет только возник, он был литературоцентричной средой: возможно, потому, что в середине девяностых картинки грузились слишком медленно. Не случайно одним из первых консолидирующих проектов русского Интернета стал конкурс «Тенета», а среди авторов первых номеров Zhurnal.ru филологов и писателей — едва ли не больше, чем программистов и математиков, составлявших тогда значительную часть русских сетян. Поэтому рассказ о первых пяти годах русской Сети во многом будет рассказом о литературе в Интернете.

Здесь собраны статьи о ранних интерактивных литературных проектах, о знаменитом скандале с романом Баяна Ширянова «Низший пилотаж», о литературных экспериментах в Сети и о неожиданных публикациях вполне офф-лайновых авторов. Эта часть охватывает 1995–2000 годы, но надо заметить, что теперь мечты устроителей первых «Тенет» стали явью: Интернет признан полноценной площадкой для публикаций. Если когда-то книги, впервые напечатанные в Сети, а потом вышедшие на бумаге, легко пересчитывались по пальцам одной руки, сегодня никто даже не ставит перед собой такой задачи: достаточно назвать имена Андрея Геласимова, Линор Горалик, Дмитрия Горчева, Мерси Шелли и многих других, кто зачастую известен поклонникам по сетевым перво-публикациям.

Впрочем, самая громкая история, связанная с бытованием литературы в Сети, перенесена в следующую часты это история суда между Сорокиным и Черновым, важный этап в борьбе вокруг копирайта в России.

1. Самый старый виртуал

Муары Мухина.

Завершена публикация мемуаров самого старого жителя Рунета.

«Вечерняя Москва», осень 1997 г.

Человек устроен так, что одной жизни ему мало. Чтобы хоть на час почувствовать себя в шкуре другого, он платит деньги в

кассу — и становится Джеймсом Бондом; выходит на сцену — и становится Гамлетом; надевает на голову медный таз — и превращается в рыцаря. Сейчас он покупает доступ к Интернету — и становится кем ему заблагорассудится.

В первые же годы существования сетевого сообщества сетяне открыли для себя возможность «второй жизни». Первый шаг к этому — обзаведение nickname-ом — то есть прозвищем, под которыми Вася или Валя пишут письма или вступают в беседы на IRC, превращаясь в какой-нибудь заковыристый «Кислотный ожог» или «Сахара Медовича». Люди более опытные выбирают не столь бросающиеся в глаза псевдонимы, а самые продвинутые сочиняют «персонажа» целиком — с указанием пола, возраста, места жительства и рода занятий. Некоторым удается замаскироваться так удачно, что лицо создателя полностью пропадает под личиной создания.

Легендой Рунета стала Катя Деткина, написавшая в начале этого года тринадцать «обзираний» русской Сети (www.kulichki.com/kadet/), нажившая множество врагов и друзей и в конце концов объявленная погибшей. Как и большинство сетян, я не знаю, кто скрывался под этим именем, но уверен, что это был мужчина — виртуальный трансвестизм слишком соблазнителен.

Впрочем, объявить себя девушкой может каждый — назваться пенсионером может только человек с незаурядным чувством юмора.

О существовании именно такого человека свидетельствует появление в русской Сети Мая Ивановича Мухина, «первого и последнего пенсионера в Повсеместно Протянутой Паутине» (кстати, именно Мухин придумал этот перевод World Wide Web на русский). Восьмидесятилетний Май Иванович появился на свет, когда Гагин еще и не помышлял о журналистике и Паравозове, Горный — о Zhurnal.ru, а Делицын — о баннерной рекламе, то есть около трех лет тому назад. Известно, что жил Май Иванович в Тарту, как и многие другие известные люди русской Сети, детей у него не было, компьютер ему подарили дальние родственники из Австралии, а к Интернету подключил старый сослуживец Хмель Лезгиныч. Благодаря этому Мухин смог создать свою страницу (www.cs.ut.ee/roman_l/muxin.html), написать множество буриме, несколько глав РОМАНа, полдюжины сетевых обозрений «Перелетные мухи» и — недавно — пять глав воспоминаний.

Воспоминания Май Ивановича называются /ME МУАРЫ, и любой, хоть раз бывавший на IRC (интернетовском канале, где множество пользователей могут общаться одновременно), сразу

поймет каламбур: /ME — команда, сигнализирующая, что идущие после нее слова не реплика («Privet! Vot ia!»), а комментарий: так, написанное Май Ивановичем «/ME smeetsia» на моем экране превратится в «Muxin smeetsia».

От напечатанных в» Журнале. ру» воспоминаний одного из самых известных виртуальных героев Рунета можно ожидать тонкой игры на грани реальности и Сети; появления среди действующих лиц легко узнаваемых старожилов Паутины или псевдонимов, словно созданных для того, чтобы их раскрыли. Однако Май Иванович — кем бы он ни был *на самом деле* — в очередной раз проявил себя человеком абсолютно непредсказуемым.

Вместо ожидаемого сетевого междусобойчика читатель получил написанные по всем правилам воспоминания родившегося в 1917 году и много повидавшего на своем веку человека. Жанр выдержан идеально — это действительно мемуары старика, которому, в общем-то, нечем заняться, но хочется оставить что-то на память о своей бурной (беспризорник, связник, егерь…) жизни. Как и в настоящих мемуарах, многие персонажи появляются ровно в одной фразе, чтобы больше не появиться уже никогда — ни в жизни рассказчика, ни в его рассказе. Особенно очаровывает, что здесь нет никакой аллегории, никакой подначки: все рассказанное Май Ивановичем не имеет к Интернету — русскому ли, эстонскому — никакого отношения (кроме пары рассуждений, известных почитателям Мая Ивановича по ранним интервью). Даже эпизодического китайца зовут «товарищ Цзы», а не «Де Лит Цзын».

Если правда, что настоящее искусство создается ради свободной игры безо всякой цели, то /ME МУАРЫ — бесспорный шедевр. А что до реальной жизни Мая Мухина — да и самого факта его существования, — то первый и последний пенсионер давно уже отчеканил: «Когда я слышу слово «реальность», моя рука тянется к джойстику». Тут уж нечего добавить.

Главу, посвященную литературе в Сети, мне не случайно захотелось открыть именно этой статьей. Май Иванович Мухин — прекрасная отправная точка для начала разговора о сетевой литературе. Во-первых, потому, что он был активным участником РОМАНа и «Буриме» — первых интерактивных литературных проектов Рунета. Во-вторых, потому, что создание виртуального персонажа тоже одна из специфических форм литературной жизни в Интернете.

Виртуальный персонаж родственен псевдониму, и первые виртуальные персонажи были, конечно, созданы писателями. Черубина де Габриак, Абрам Терц и Эмиль Ажар могут считаться

предками Мая Ивановича Мухина и Кати Деткиной.

Сегодня человек, пишущий о Мае Ивановиче, оказывается в затруднительном положении. Согласно официальной версии, Мухин жив и живет (почему-то) на Галапагосских островах. Вероятно, удаленный архипелаг был выбран в свое время потому, что там нет доступа к Сети, — но с тех пор ситуация наверняка изменилась, а от Мухина ни слуху ни духу. Приходится считать его пропавшим без вести — и этот двойственный статус не дает назвать имя его создателя (или создателей), которое никогда не было секретом для завсегдатаев Калашного и жителей Тарту. Открытость — лучшая политика: я до сих пор боюсь обмануть оказанное мне доверие и потому не буду раскрывать псевдонима даже здесь.

Из журналистской дотошности (или чтобы сбить со следа?) упомяну, что чаще всего Мухина связывают с Романом Лейбовым, который всегда отвечает, что общего у них только то, что они вместе жили в Тарту и занимались Интернетом в середине девяностых. «Но мы даже пишем это слово по-разному: я со строчной буквы, Мухин — с прописной», — замечает он. Разговоры о Лейбове и Мухине были столь часты, что я в одной статье пошутил, что Лейбов — это псевдоним Мухина. Тут же откликнулся живущий в США культуролог Михаил Эпштейн: мол, он огорчен, что Мухин сменил такую прекрасную фамилию («все мы мухи во всемирной паутине») на пресный псевдоним Лейбов. Кажется, Рома остался доволен этой историей; про реакцию Мая Ивановича мне ничего не известно.

Завершая разговор о Первом и теперь уже не Последнем Пенсионере в ППП, можно вспомнить не только аббревиатуру (ППП вместо WWW), но и еще несколько русских терминов, предложенных и впоследствии забытых. В свое время я их употреблял, и потому лучше сразу сказать читателю, что «бродилка» — это браузер, «фантик» — это баннер, а междумордие — это интерфейс.

Впрочем, Настик пишет, что, переводя Рашкоффа,[11] вовсю использовала это самое ППП — может быть, кто-то до сих пор говорит «бродилка» и «фантик».

2. Игры и гипертексты

Игры и гипертексты в электронных тенетах.

Magnet Race, 1996 г.

В такой литературо-центричной стране, как Россия, и Интернет должен был получиться соответствующий: в Сети есть множество книг, от классики до произведений никому неизвестных авторов. Конечно, произведения традиционной литературы в общем и целом остаются равно хорошими или плохими вне зависимости от формы бытования: хоть в газете их напечатай, хоть в книжке, хоть в Сети. Куда как интереснее литературные формы, которые иначе как в Интернете и существовать не могут. Я имею в виду гипертексты и специфические литературные игры. Чтобы рассказать о них, обратимся к первому конкурсу русской онлайн-литературы «Тенета» (очень удачное русское слово, обозначающее одновременно «сеть» и «паутину»). Отцами-основателями конкурса выступили издатели э-журналов «De.Lit.Zyne» (Леонид Делицын) и «Ай» (Дамиан Кудрявцев Дуглас Рашкофф. Стратегия исхода. М.: Эксмо, 2003. Пер. А. Грызуновой. цев), создатель огромного архива «Русская литература в Интернете» Алекс Фарбер и другие столь же известные деятели русского литературного Интернета. Конкурс планируется проводить ежегодно, но поскольку русский Интернет активно существует уже года три, то в этом году предполагается определить лучших не только за 1996-й, но и за 1994 и 1995 годы.

Выдвижение на конкурс происходит по нескольким номинациям, большинство из которых вполне традиционны: рассказы, романы, поэзия, публицистика и т. д. Нас, однако, интересуют разделы «Гиперлитература», «Творческие среды» и «Игры», где номинирована фактически вся русская «сетература». Таким образом, обзор номинантов можно считать одновременно и историческим обзором.

Возможность гиперлитературы стала ясна задолго до всякого Интернета, когда в семидесятые годы Тед Нельсон предложил термин «гипертекст» для нелинейно организованного текста, структурируемого посредством множества связей. В результате вместо сплошной линии повествования (глава первая — вторая — третья —… — эпилог) возникло разветвленное дерево, где каждая глава могла иметь несколько продолжений — так сказать, «главу 2.1» и «главу 2.2». Разумеется, и читать такой гипертекст можно множеством способов. Довольно быстро стало ясно, что гипертекст — это как раз то, о чем мечтает современная литература. Вспомнили про «Игру в классики» Кортасара, которая предполагает как минимум два способа прочтения, «Сад расходящихся тропок» Борхеса и «Хазарский словарь» Милорада Павича. Впрочем, эти книги были написаны и напечатаны на

бумаге. А если бы у авторов был в распоряжении компьютер и соответствующее программное обеспечение?

Впрочем, те у кого компьютер с софтом был, начали не с литературы, а с «help'ов», компьютерных учебников, энциклопедий и словарей. Потом появились «издания» классических литературных произведений, с «подключенными» к ним черновиками, письмами, комментариями и т. д.

До литературы дело дошло в 1987 году, когда Майкл Джойс написал первый гиперроман «После полудня» («Afternoon»). Так симбиоз литературы и компьютера породил новый литературный жанр.

Кстати пришлись идеи Маршалла Маклюэна о конце эпохи Гутенберга и Жака Деррида о нелинейном письме. Может быть, компьютерный гипертекст отменит «бумажную» литературу, как «печатные книги» отменили рукописные? Может быть, гипертекст — «литература будущего»?

Впрочем, развитие гиперлитературы сдерживали технические причины. Если обычную книгу можно продать и получить свои деньги (или славу), то как быть с гиперроманом? Даже появление персональных компьютеров не решило проблему принципиальным образом: для чтения гиперромана нужна соответствующая программная оболочка, да еще и как минимум в двух вариантах: для «писюка» и для Мака. И как распространять гиперроманы — продавать дискеты в книжных магазинах?

Ситуация коренным образом изменилась с развитием WWW. HTML еще больше популяризировал идею гипертекста и вызвал к жизни ряд браузеров для самых разных компьютеров. Так же снятой оказалась проблема контакта с читателем: любой пользователь Интернета получил возможность читать гиперлитературу прямо у себя дома.

Неудивительно, что в WWW нетрудно найти не только классический гиперроман Джойса, но и другие, такие? как «Меня зовут Скайб» («My Name is Scibe») или «Stories from Downtown Anywhere». Интересно отметить, что принципиально открытая структура гипертекста — со множеством «финалов» и сюжетных ходов — делает, по крайней мере, затруднительным индивидуальное авторство: так, оба названных выше гиперромана — плод работы нескольких авторов.

Плодом «коллективных действий» являются и два первых русских гипертекста, фигурирующие в «Тенетах» за 1995 и 1996 годы. Первый — уже достаточно знаменитый РОМАН. Это странное заглавие (обязательно большими буквами!) объясняется прежде всего тем, что слово РОМАН (также, кстати, как и ТЕНЕТА) можно записать как кириллицей, так и латиницей (то

есть romat, но, разумеется, заглавными буквами). Кроме того, Роман имя одного из героев (привет от Сорокина!), а также редактора РОМАНа и инициатора всего проекта Романа Лейбова. [12]

Лейбову принадлежит первоначальный фрагмент, от которого в разные стороны расходятся повествовательные ветви, не столько описывающие варианты развития событий, сколько создающие вокруг «зародыша» некую структуру, со множеством сюжетов, ассоциативных связей, флэшбэков и взаимопроникновений. Интересно, что, хотя зародышевый текст носит вполне лирический характер (юноша пришел к двери любимой, опустил в ящик письмо — и вдруг слышит: она этажом выше с кем-то целуется), выброшенные им «стрелки» уводят либо к культурологически-философско-сексуальным забавам (Мишель Фуко преследует Симону де Бовуар, переодетую Жан-Поль Сартром), либо к политически-сюрреалистским играм в стиле аксеновского «Ожога».

Словно предчувствуя затухание интереса к РОМАНу, Адмирал Безо-всяких-Правилов (ну, не так чтобы очень остроумный псевдоним) развернул в мае 1996 года гиперпоэму «Воспоминания академика-депутата», тоже номинированную в «Тенетах». Правда, до уровня РОМАНа «Воспоминания» не дотягивают, представляя из себя всего лишь стихотворную переписку, построенную вокруг фигуры академика Тенгиза Ментешашвили. Впрочем, формальное требование соблюдено: от каждой новой главы («Воспоминания, т. 1», т. 2 и так далее до 8-го, кажется, тома) отходит ответвление, где — тоже в стихах — дополняется или развивается очередной «том». С технической стороны это не так интересно, как творение Лейбова со товарищи, хотя читать забавно.

Раздел «Творческие среды» несколько разнообразнее «Гиперлитературы». Под этим заглавием скрываются литературные игры, точнее — оболочки, позволяющие в эти игры играть. Основоположником жанра на русском Web'e стал упомянутый выше Дмитрий Манин, в 1994 году придумавший «Буриме».

Возникшая во времена Людовика XIV игра в «рифмующиеся окончания» — по-французски «les bouts rime» — распространилась по всему миру, достигнув и России, где оставалась популярной вплоть до шестидесятых годов нашего века, когда превратилась, в частности, в одно из традиционных заданий на конкурсах старого КВН. Слово «буриме» стало означать как саму игру в сочинение стихов на заданные рифмы, так и получающиеся в результате тексты.

Разнообразие авторов приводит к тому, что РОМАН состоит из страниц, скажем так, различного литературного достоинства. Да и чего ожидать от разношерстной компании, куда входят не только профессиональные филологи, но директора банков, два профессора-физика, аспиранты-математики и даже одна фотомодель! Тем более что целью Лейбова не было исключительно создание шедевра — скорее, изучение возможностей новой формы. В некотором роде можно сказать, что главным итогом всего проекта на сей день является не столько сам РОМАН, сколько два вполне традиционно построенных текста: «Как читать РОМАН» Р. Лейбова и «Как писать РОМАН» Д. Манина, описывающих структуру РОМАНа.

Манин (и позже присоединившийся к нему Алексей Храбров) реализовали компьютерную модификацию игры. Главная идея осталась той же игрок получает пару рифм, сочиняет четверостишие и присоединяет его к существующему банку буриме. Остальные правила тоже достаточно просты. Рифмы, необходимые для игры, наугад берутся программой из словаря, который постоянно пополняется, — перед тем как получить задание, игрок должен предложить новую рифму. Специальный механизм голосования позволяет участникам давать оценки различным буриме и рифмам: неудачные стихотворения исключаются из основного списка, а плохие рифмы (любовь/кровь, бить/любить) выбрасываются из словаря. «Хорошими» считаются неожиданные («Скарлет / карлик»; «курага / ураган») и составные рифмы: типа «у Манина / ума нема» (вот уж неправда!) или «донага / Купидон ага». Конечно, чтобы придумать стихотворение на такую рифму, требуется проявить изобретательность:

Я вот что: я разденусь донага,
Постреливать начну в ускоренном режиме,
Не разбирая меж своими и чужими,
А люди скажут: «Видно — Купидон, ага!»

Это буриме называется «Что бы такого сделать плохого в час, когда утро встает над Невой», но встречаются названия и похлеще: «Скрипач на поехавшей крыше Родины», «Доброе утро, похмельный синдром», «Памяти продовольственной программы» или «Павлик Морозов и Эдипов комплекс»:

Кулаки таятся в чаще,
Словно в ж… геморрой,
И крадется к маме спящей

Мимо папы сын-герой.

На настоящий момент написано уже 3364 буриме (правда, 882 из них забраковано читателями-авторами; есть и такая возможность). Многие игроки составляют собственные собрания своих собственных или лучших буриме, иногда сопровождая их не лишенными остроумия комментариями. (Кстати, именно из этих собраний и состоит пока раздел «Игры».)

Вдохновленный успехом «Буриме», Манин не остановился на достигнутом и в 1995 году изготовил еще одну творческую среду: «Сонетник». На этот раз пишут сонеты, каждый может добавить строчку или исправить предыдущую, соблюдая схему рифмовки и не выбиваясь из размера. Работа получается довольно кропотливая, а результаты, в отличие от буриме, видны не сразу. Тем не менее сейчас полностью написаны 650 сонетов и еще десяток находится в работе.

В 1996 году эстафета была подхвачена Ильей (Эли) Ратнером, который использовал манинские наработки для создания двух схожих творческих сред: «Блимной» и «Пекарни лимериков». Они построены аналогично «Буриме» и «Сонетнику», но на этот раз изготовляют лимерики. Разница в том, что в «Блимной» (теперь вы поняли, что это не опечатка?) задают не рифмы, а строчки: скажем, первую и третью, а в «Пекарне» пекут не сонеты, а опять-таки лимерики. Испекли, между прочим, уже 143 штуки (в «Блимной» раза в три больше — коллективная работа оказывается сложнее однократного сочинения стишка).

У всех описанных проектов есть нечто общее, помимо литературно-игровой направленности, компьютерного носителя и сетевого способа существования. Это — принципиальное отсутствие авторства в классическом смысле слова. «Автором» РОМАНа является:

а) Лейбов, все придумавший и все редактировавший.

б) Делицын, многое сделавший для реализации РОМАНа в наиболее удобочитаемом виде, в) авторы трех с лишним сотен главок. Еще интереснее дело обстоит с «Буриме» и «Блимной», где авторство делится между создателями среды (а в случае «Блимной» — еще и между Ратнером и Маниным), авторами задаваемых рифм/ строчек, и собственно автором стихотворения. С «Сонетником» и «Пекарней» и того сложнее. Все это напоминает о столетней давности играх французских сюрреалистов — как и присутствие элемента случайности (выбор пары рифм или строк компьютером в «Буриме» и «Блимной»).

Мне вообще представляется, что «Буриме» (и «Блимная», как

его естественное продолжение) является наиболее удачным из всех литературных интернетовских проектов (и, кстати, самым популярным). Дело даже не в том, что жесткие условия (заданные рифмы и количество строк) делают буриме/лимерик более формально изощренными, следовательно, более «интересным» жанром, чем традиционные стихи: просто на сегодняшний день это, наверное, самая успешная попытка создать из человека и компьютера своеобразного поэтического кентавра.

Подобные попытки предпринимались и ранее: широко известны программы, которые сами создают литературные тексты, используя заданный пользователем словарь. Впрочем, они не слишком популярны, хотя это направление и развивается более тридцати лет: стихи, написанные с использованием последних достижений структурной лингвистики, не вдохновляют владельцев «Макинтошей» и IBM PC на участие в подобных экспериментах.

Манин инвертировал схему, переложив «творческую» часть на людей и тем самым, как это ни парадоксально, превратив их в элемент безупречно работающей схемы. На место пресытившегося игрока тут же встает новый, и недостатка в желающих — в отличие от РОМАНа — нет. В некотором роде манинское «Буриме» — модель Интернета, где в самых разных областях усилиями множества добровольцев создается нечто, уже в процессе появления на свет полностью отчуждаемое от своих создателей.

Иногда мне кажется, что литературные интернетовские игры — это реализация древних гуманитарных утопий. Раймонд Луллий в Средние века и Тристан Тцара в начале века мечтали о машине, бесконечно производящей тексты. Французский ученый Ролан Барт в знаменитом эссе воспел «гул языка» — шум подобной языковой машины, работающей без перебоев и осечек. Немного воображения — и мы услышим этот гул в кабельных и оптико-волоконных линиях связи Интернета. Он не умолкнет, пока существует Сеть и русскоязычные пользователи, предпочитающие сочинение стихов и прозы игре в Doom.

История этой статьи сама по себе характерна. Осенью 1996 года со мной связался Дима Демский, работавший тогда в «Искусстве кино», и сказал, что сейчас делается потрясающий журнал «Магнет Рейс» про Интернет и вообще новую хай-тек культуру. Первый номер уже готов, а для второго он заказал мне несколько статей. Деньги были обещаны довольно небольшие, и когда я на это посетовал, он сказал, что его устроит, если я сделаю текст из уже существующих статей.

Так я и поступил. Летом 1996 года я напечатал в

«Коммерсанте» две статьи — про «Буриме» и РОМАН — и теперь на их основе сделал большой текст для «Магнет Рейс». Редакцию, однако, смутили приведенные примеры буриме — она попросила убрать мат (что в 1996 году звучало как- то странно). В результате буриме про Купидона стало на место нежно любимого «На мотив «Волшебника Изумрудного города»:

> Унесенная ветром, удивляется Скарлетт
> Всюду нега, фонтаны, пахлава, курага,
> На ковре шамаханском ухмыляется карлик
> Бля! В «Руслан и Людмилу» занес ураган!

Другое же буриме выпало совсем:

> Без сочного мата и пошлостей сальных как сух стал мой стих!
> Он ломается с хрустом.
> И, тем избегая фривольно-анальных,
> я вдруг замечаю: осталось негусто.

Но даже это меня не спасло — второй номер «Магнет Рейс» так и не вышел, и спустя пару лет я использовал текст для большой статьи в «Иностранную литературу».

Надо ли говорить, что предсказания о грядущей гипертекстуализации всей литературы не оправдались, оставшись еще одним памятником консервативности человеческого мышления, успешно выдерживающего атаку технических новинок. Невольно вспомнилось, что в пятидесятые — шестидесятые Маршалл Маклюэн предсказывал, что с развитием национального телевидения отомрут местные диалекты. Диалекты почти не изменились, а РОМАН остался, вероятно, самым значительным русским гипертекстом.

За прошедшие годы «Буриме» послужило моделью еще нескольких литературных игр (самая удачная — «Сад расходящихся хокку»), да и в объеме заметно увеличилось: сейчас в коллекции уже сорок без малого тысяч стихотворений и почти 112 тысяч рифм. Кстати, перечитывая сегодня свой старый текст, я удивился собственной беззастенчивости: цитируя разные буриме, я и не думал указывать авторов. Вряд ли это была радикальная позиция («против неимущественного авторского права»). Скорее, предполагалось, что никому не понятные псевдонимы только утяжелят статью.

Восстанавливая справедливость, пишу, что в защиту свободы

слова выступил Кукушкин, Купидоном оборотился Т.И., а про Скарлетт и Павлика Морозова написал таинственный ППП в ППП… впрочем, тогда все знали, что эта аббревиатура означает Первый и Последний Пенсионер в Повсеместно Протянутой Паутине, то есть Май Иванович Мухин, один из самых активных буримистов. Грех, кстати, не процитировать его прекрасную «Элегию»:

> Мне больше не приехать в Ленинград и не зайти в «Сайгон», где бытовая речь отдавала бредом, выдавая совсем иной набор координат.

Не верится даже, что рифмы были заданы наперед.

О Мухине мы уже говорили, что же касается других героев этой статьи, то судьбы их сложились по-разному. Создатель РОМАНа Роман Лейбов по-прежнему профессорствует в Тарту, оставаясь заметной фигурой в Рунете: он принимал активное участие в «Журнале. ру», а последние несколько лет возглавлял отдел «НетКультура» в «Русском журнале». Именно с его легкой руки стал популярным в русскоязычном коммьюнити «Живой журнал» (www.livejournal.com), была основана Вокально-Инструментально-Аналитическая Интернет-Академия «Поющие сердца» им. Эдиты Пьехи и было сделано много всего замечательного, о чем у нас еще будет случай вспомнить.

Создатель» Буриме» Митя Манин фактически отошел отдел Рунета, занимаясь программированием в Силиконовой долине. Он, впрочем, иногда отпускает реплики на листе ЕЖЕ и раз в несколько лет пишет какую-нибудь статью. Кстати, я познакомился с ним в «real life» благодаря все тем же «Тенетам»: в 2000 году в Калифорнии я забирал у него модель символа «Тенет» — «изысканного жирафа» работы его жены Маши Казанской. Леонид Делицын (третий герой статьи) обещал сделать несколько сотен бронзовых отливок и вручить их победителям всех прошедших лет, однако что-то не задалось, и отливки не сделаны до сих пор.

Делицын за прошедшие годы успел перебраться из Висконсина в Москву, так и не защитив диссертации и не нажив миллионов. Почетный титул «создателя первой русской банерной сети «Спутник» тоже принес ему одни убытки. «Тенета», впрочем, составили ему прочную славу, и мы еще не раз вспомним о них. В Москве же Леня прославился знаменитой выходкой на дне рождения радиопередачи «Интернет-Радар».

Посвященную Интернету радиопередачу «Интернет-Радар», уже много лет выходящую на радио «Маяк», бессменно делает девушка Вика (фамилии ее почти никто не знает, вот и я не буду

ее здесь писать). Вика пригласила на юбилей радиостанции множество гостей, в числе коих был Делицын и глава ФЭПа Глеб Павловский, которому на тот момент «Радар» фактически принадлежал. Народу собралось много, и все не сразу заметили, что заметно пьяный Леня Делицын сидит напротив Павловского и что-то горячо ему втолковывает. Внезапно наступила тишина, и все услышали, как Леня проникновенно и от всей души говорит хозяину вечера:

— Ну ты же сука! Сука ты, понимаешь?

Охранники увели Делицына, и потом Леня с горечью говорил, что совсем ничего не помнит.

Так обидно — назвать Павловского сукой и этого даже не запомнить! Но помнит он или нет, Делицын еще раз вписал свое имя в анналы Рунета. Уж не знаю, что круче: создать первое баннерное агентство, основать первый онлайн-конкурс или в глаза назвать сукой главу Фонда эффективной политики Глеба Павловского, когда тот был на вершине силы и славы.

3. «Тенета» — первый литконкурс в Сети

Между самиздатом и сетературой

«Русский телеграф», осень 1997 г.

Русскоязычный Интернет, все чаще и чаще называемый просто Рунетом, начинался как явление в высшей степени литературное. И неудивительно: плохая связь и только начавшие развиваться «бродилки» (специальные программы для работы в Сети) вынуждали пионеров Рунета завлекать посетителей не навороченной графикой или звуковыми эффектами, а текстами, как таковыми, — чаще чужими (Булгаков, Стругацкие и так далее), но иногда и своими. Учитывая традиционный русский литературоцентризм, ничего удивительного, что среди рассеянных по всему миру русских интернетчиков оказалось достаточно много людей, писавших стихи и романы, рассказы и пьесы. Свои произведения они выкладывали на Сеть — можно сказать, публиковали on line. Таким образом, Интернет оказывался новой разновидностью самиздата, в котором можно было напечатать свои произведения, обычно вовсе не тратя денег и, главное, практически неограниченным тиражом. Многие авторы предпочли бы «настоящую» публикацию — однако постепенно стали появляться произведения, которые с самого начала были сориентированы на существование в Интернете,

поскольку использовали те возможности, которые Сеть им предоставляла. Прежде всего это были гипертексты (в том числе — знаменитый РОМАН, о котором год назад много писали), а также литературные игры. Весь этот новый жанр иногда называют сетературой.

Литературных произведений было достаточно много, чтобы возникли первые сетевые журналы и архивы. И полтора года назад их создатели и издатели решили провести объединенный литературный конкурс, чтобы совместно определить победителей в основных номинациях по итогам трех лет существования Рунета. С легкой руки инициатора конкурса Леонида Делицына, ныне известного как владелец первой в России рекламной сети Sputnik, конкурс получил название «Тенета» — помимо семантического родства с «сетью» название имело еще и то достоинство, что его легко записать по-русски английскими буквами, используя вместо «эн» — «эйч». Конкурс замышлялся как способ популяризации «электронного самиздата» и хотел, в частности, привлечь внимание «бумажных» изданий к сетевым авторам.

Все, впрочем, получилось несколько иначе. В «Тенетах» (http://www.sharat.co.il/teneta/) приняли участие не только любители, но и профессиональные литераторы, такие, как ДА Пригов или Б. Кенжеев, а произведения некоторых победителей конкурса были опубликованы еще до его окончания. Таким образом, выяснилось, что Интернет — вовсе не «отстойник» для недостаточно талантливых авторов, а, скорее, еще одно СМИ, предоставляющее свои «полосы» (очевидно, виртуальные) различным писателям, в числе которых есть и графоманы, и по-настоящему талантливые люди, и профессионалы, которые по каким-то причинам предпочли Сеть другим способам публикации. Кроме того, с каждым годом Сеть становится все более и более гуманитарной (на смену физикам и математикам, сидящим у компьютеров в своих университетах, приходят «вольные художники», выходящие в Сеть из дома), и, значит, литература, публикуемая на Сети, становится все разнообразнее.

Признание заслуг сетевой литературы привело к тому, что в этом году конкурс вышел нановый виток. Открывшийся в начале этого месяца по адресу http://wwwart.spb.ru/konkurs/ конкурс называется» Арт-Тенета—97». Благодаря Алексею Андрееву, литературно-художественному альманаху «Арт-Петербург» и журналу «Мир Интернет» удалось составить представительное жюри, куда вошли такие известные писатели, как Александр Житинский, Андрей Битов, Валерий Попов, Виктор Кривулин, Александр Кушнер. Председателем жюри стал Борис Стругацкий.

Разумеется, не предполагается, что мэтры отечественной литературы будут сами прочесывать Сеть в поисках шедевров — для этого существует коллегия номинаторов: к 15 марта они должны будут выдвинуть несколько лучших произведений в каждой номинации, которые затем, аккуратно распечатанные, лягут на стол членов литературного жюри. Этот механизм служит вполне надежной гарантией, что никакое интересное произведение, напечатанное в Рунете, не минует участия в конкурсе — даже если номинаторы его пропустят, любой читатель может послать им письмо, предлагая выдвинуть текст, который считает достойным, в том числе и свой собственный.

Единственный недостаток — неизбежно выхолащивается «сетевая» составляющая литературы on line. Ведь даже если речь идет о «традиционном» произведении — романе или стихотворении, — способ его представления может играть достаточно важную роль при восприятии: точно так же по-разному воспринимаются написанный от руки и набранный в типографии текст. Иными словами, первые читатели напечатанных on line работ и члены жюри будут читать несколько различающиеся работы — хотя ни одно слово в них не будет изменено.

Что уж тогда говорить о «сетературе» — гипертекстах и интерактивных литературных играх, для которых в прошлогодних «Тенетах» были предусмотрены специальные номинации? Конечно, можно сказать, что в текущем году пока не появилось ни новых гипертекстов, ни новых игр, однако это не утешает. Скорее, наоборот, — это служит печальным доказательством того, что новые возможности, предоставляемые Интернетом, оказываются чрезмерными для тех, кто предпочитает использовать Сеть «по старинке» — все равно как если бы по телевизору показывали цветные картинки с позаимствованным из радиопередач звуковым сопровождением. Конкурс мог бы, напротив, способствовать развитию сетевой литературы, выделив ее в отдельные номинации.

Конечно, и сейчас еще не поздно создать дополнительное «сетевое» жюри, которое в рамках конкурса «Арт-Тенета—97» будет судить «сетературу». Хочется надеяться, что организаторы так и поступят, — и тогда конкурс перестанет быть простым интерфейсом между Интернетом и «реальным миром», а станет надежным индикатором положения дел в русской сетевой литературе.

Отдельный бокс

Учредителями конкурса «Арт-Тенета» являются сетевой литературно-художественный альманах» Арт-Петербург» и конкурс русской сетевой литературы» Тенета». Соучредителями конкурса выступают журнал «Мир Internet», журнал сетевой культуры «Zhurnal.ru» и художественно-развлекательный сервер «Чертовы кулички».

Список номинаторов и членов жюри, а также подробные правила подачи работ на конкурс приведены по адресу http:// www.art.spb.ru/konkurs/polgen.htm.

Текст был напечатан в «Русском телеграфе». В моем файле сохранилась приписка для редактора отдела культуры Петра Поспелова: «Петя, я очень прошу, чтобы этот бокс не выпал при публикации. Это, как сам понимаешь, важное дело, и я не хочу еще полгода разгребать обиды и обвинения в том, что я делаю кому-то избирательную рекламу:-) В крайнем случае их всех надо запихать в текст, что, на мой взгляд, не очень хорошо».

Приписка, вероятно, связана с тем, что в «Тенетах» всегда кипели страсти и копились обиды — вероятно, по причине изобилия литераторов, народа нежного и эмоционального. Сам я оказался там полуслучайно: когда я сделал свою первую домашнюю страницу (www.sharat.co.il/krok/), меня позвали в первое жюри, и я, таким образом, сразу оказался в компании отцов-основателей: Лени Делицына, Романа Лейбова, Мити Манина, Антона Носика, Валеры Колпакова и других. Я же привел в жюри Илью Кукулина, чтобы самому не судить поэзию. Впоследствии Илья стал одним из участников Вавилона и создателем журнала TextOnly — не говоря об Илюшиной офф-лайновой активности, включая работу в «Новом литературном обозрении».

Говоря о Кукулине и русском Интернете, нельзя не подивиться тому, что Москва — удивительно маленький город: в какой-то момент выяснилось, что Александр Гагин снял у Ильи квартиру. Если бы в Рунете была тогда светская колонка, можно было бы написать: «Главред журнала «Интернет» снял квартиру у члена жюри конкурса «Тенета». Особую комичность ситуации придавало то, что квартира была снята через агентство, и долгое время ни хозяин, ни жилец не подозревали, что время от времени играют в одной виртуальной песочнице.[13]

Делицын рассказывал, что создал «Тенета» в момент экзистенциального отчаяния, желая денег и славы. Денег не пришло, но славы образовалось достаточно. В одном интервью его спросили:

«*Ты создал РУЛИНЕТ, целый виртуальный мир.*

Ты создал его обитателей, один из них сейчас задает тебе вопросы.

Все это прерогативы Бога — создавать и населять миры.

Ты ощущаешь себя Богом?»

Скромный Делицын ничего не ответил.

«Тенета» стали главным детищем Делицына, а я от конкурса постепенно отходил, ограничиваясь тем, что время от времени писал про него в различные газеты и журналы, по мере сил популяризируя. Кстати, анонсированный в «Русском телеграфе» конкурс стал одним из самых скандальных: в нем победил «Низший пилотаж» Баяна Ширянова. Впрочем, это уже другая история.

4. «Низший пилотаж» Баяна Ширянова

Буря в стакане винта

«Время МН», июль 1998 г.

Когда говорят о русской литературе в Интернете, чаще всего имеют в виду собрания текстов классических и современных авторов, перепечатанные и выложенные на Сеть их поклонниками. Между тем несколько лет назад в Рунете (=русском Интернете) стали появляться журналы, публикующие специально предоставленные авторами стихи, рассказы, романы и эссе. Два года назад количество таких произведений достигло критической массы, и в результате возник первый литературный конкурс «Тенета», в жюри которого вошли издатели этих журналов и другие авторитетные в рунетовских литературных кругах люди.

Несмотря на то что возможностью опубликоваться на Сети раньше, чем на бумаге, обычно пользовались молодые и непечатавшиеся прозаики и поэты, среди участников конкурса оказались и известные литераторы, такие, как Бахыт Кенжеев и Дмитрий Александрович Пригов. Прошлой весной конкурс закончился, победители получили небольшие — скорее, символические — призы, а осенью 1997 года стартовал новый конкурс, названный «Арт-Тенета»: на этот раз к организаторам «Тенет» добавился сетевой альманах «Арт-Петербург».

В отличие от первых «Тенет», «Арт-Тенета» не делали ставки на возможное участие маститых литераторов в конкурсе. Вместо

этого усилиями Александра Житинского было собрано жюри, основу которого составили известные питерские писатели, такие, как Кушнер, Кривулин или Валерий Попов. Председатель жюри — Борис Стругацкий, один из самых любимых на Сети авторов. Новый конкурс стал двухступенчатым: номинированные произведения сначала проходили предварительный отбор сетевым жюри (примерно совпадающим с прошлогодним «тенетовским»), а потом Большое жюри определяло лучших из лучших.

В прошлые выходные жюри закончило свою работу. Победители были определены в девяти категориях, а жюри отметило неожиданно высокий уровень представленных работ.

Произведения победителей будут напечатаны в различных журналах. Планируется также издание на CD-ROMe (хотя лично мне не совсем понятны резоны подобной публикации).

Однако умилительное зрелище единения новых технологий и литературы было омрачено скандалом, причиной которого послужил анонимный роман «Низший пилотаж», рассказывающий о жизни московских наркоманов, употребляющих «винт» — дешевый самодельный стимулятор на основе первитина. Автор скрылся за значимым псевдонимом Баян Ширянов и наполнил свою книгу галлюцинациями, грязным сексом и сквернословием. Подобный коктейль, выдержанный в традициях Уильяма Берроуза и Ирвина Уэлша, пришелся не по вкусу многим участникам конкурса и членам сетевого жюри. Еще до начала голосования по первому туру раздались требования убрать «Низший пилотаж» из числа номинантов: в противном случае недовольные грозили покинуть конкурс. После недели напряженных переговоров, то и дело становившихся достоянием сетевой общественности, конфликт был улажен, и «Низший пилотаж» остался — во многом потому, что его противники были уверены: роман даже не пройдет во второй тур.

Они ошибались: скандальная книга Баяна Ширянова не только дошла до Большого жюри, но и заняла первое место в категории «Повести и романы». Борис Стругацкий сказал в сетевой пресс-конференции, что хотя лично он не считает «Низший пилотаж» лучшим из представленных произведений, но этот роман — яркая, неожиданная и жестокая книга.

Как и в любом подобном случае, с решением жюри можно не согласиться (мне, например, жаль, что интересная вещь Д. Болотова «Роман Бо» заняла только третье место), однако надо признать, что из всех представленных на конкурс больших работ только роман Ширянова имеет шанс привлечь внимание далеких от Сети читателей и издателей — если не профессиональными

достоинствами, то достаточно редкой в русской литературе смелостью и откровенностью. По крайней мере, ему обеспечена культовая слава в кругах, близких его героям, — хотя вряд ли ему удастся вызвать скандал в «реальном мире».

История» Низшего пилотажа» показала, что вопреки распространенному представлению о том, что Интернет отучает людей от литературы, именно в Сети возможен накал страстей, о котором в «реальной жизни» успели забыть со времен перестроечного журнального бума. Возможно, причина в том, что многие зачинатели Рунета покинули Россию в начале девяностых, законсервировав в себе настроения той поры. Возможно — в форме бытования литературы на Сети, где дистанция между автором и читателем сокращена по сравнению с обычным литературным процессом.

Тем же, вероятно, объясняются нешуточные страсти, кипевшие в оргкомитете конкурса. Их результатом стал «развод» — часть членов оргкомитета на следующий год будет делать конкурс на основе возглавляемого А. Житинским сетевого «ЛИТО им. Стерна», а часть — во главе с основателем «Тенет» Леонидом Делицыным — продолжит делать «Тенета», утратившие свою приставку «Арт». Остается надеяться, что в одном из этих конкурсов будут возрождены разделы, посвященные гиперлитературе и сетевым литературным играм — единственному, в чем бумажная литература по самой своей природе не может конкурировать с сетевой.

В статье не было написано, что «Низший пилотаж» обнаружил в Сети Максим Кононенко (Mr. Parker), делая поиск по слову «влагалище». С закрытого «Гласнетом» сайта ВадВада Гущина он перенес его к себе и потом предложил Антону Носику, бывшему одним из номинаторов «Арт-Тенет», номинировать роман. Как написано выше, роман вызвал бурные дискуссии среди номинаторов и участников конкурса. Алексрома и Митя Коваленин (переводчик Мураками, тогда еще почти никому в России неизвестного) потребовали его снять, возмущаясь не то матом, не то наркотиками, не то сценой воображаемого секса с участием детей. К ним присоединился сопредседатель «Арт-Тенет» Александр Житинский, опасавшийся преследований за пропаганду наркотиков.

Скандал с Баяном Ширяновым был не первым тенетовским скандалом. Чуть раньше в том же году Леонид Делицын пытался убедить меня снять номинированный мной абсолютно невинный рассказ Инны Райхман «Москва и москвичи», выложенный на сайте Эака Мая «База», о котором я позже расскажу подробней. Причина, как выяснилось, заключалась в том, что в рассказе были

выведены какие-то реальные люди, связанные с scs/scr. Я этого не знал и рассказ снимать отказался, в результате во время скандала вокруг «Низшего пилотажа» требования убрать заодно и «Москву и москвичей» то и дело возникали, окончательно сбивая с толку участников.

Дальнейшая судьба «Низшего пилотажа» показала, что публикация в Сети не препятствует коммерческому успеху: изданный сначала ограниченным тиражом в издательстве Житинского, роман Ширянова был перекуплен издательством «Ad Marginem» и выпущен в свет в 2000 году. Теперь уже хорошо известно, что в скандальной раскрутке этому издательству нет равных — и в этом смысле они с Кириллом Воробьевым (настоящее имя Ширянова) хорошо подходили друг другу: незадолго до выхода романа в печать по Рунету распространилось сообщение о смерти Баяна Ширянова от передозировки первитином. Выяснилось, однако, что Кирилл Воробьев жив, а умер только «персонаж» Баян Ширянов. Впрочем, когда пришла пора давать интервью после выхода книги, он воскрес снова, и только отказ магазина «Библио-Глобус» продавать роман вызвал наконец-то столь милый сердцу Ширянова скандал. От этой истории у меня осталось довольно неприятное чувство. Мне кажется, никакие тиражи не стоят того, чтобы хоть один твой друг в течение хотя бы нескольких минут переживал то, что ты умер.

Так или иначе, «Низший пилотаж» оказался вполне успешной книгой, права на нее были выкуплены книжным гигантом «Эксмо», который и выпустил два следующих пилотажа — «Срединный» и «Верховный». Их я уже не читал: будучи активным защитником права Ширянова публиковаться и участвовать в «Тенетах», я никогда не был поклонником его творчества. Но, так или иначе, никто уже не вспоминает, что Ширянов начинал как сетевой литератор. Чего, собственно, и добивались отцы-основатели «Тенет», стремившиеся сделать Интернет одной из равноценных площадок для первых публикаций прозаиков и поэтов.

Что же касается самого конкурса, то с каждым годом он становился все больше и больше. Делицын так и не смог поставить его на коммерческую основу — и хотя время от времени у него появляются новые спонсоры, конкурс существует только стараниями самого Лени и последние пару лет не проводится. Я, впрочем, верю, что такой брэнд не может умереть.

5. «Антибукер» за интернет-публикацию

Старые герои нового самиздата

Екатеринбургский прозаик Александр Иванченко напечатал свою новую повесть в Интернете.

«Ведомости», ноябрь 1999 г.

Мало-помалу «литературный Интернет» перестает восприниматься как пристанище для начинающих и/или графоманов. Процесс идет одновременно с двух сторон: не только писатели, начавшие с публикаций в Сети, уже довольно успешно печатаются на бумаге («Низший пилотаж» Баяна Ширянова), но и профессиональные авторы, которых привечают толстые журналы, избирают местом первопубликации Сеть. Первым заметным примером были «чеховские» рассказы Владимира Солоуха (частично напечатанные потом журналом «Октябрь») но здесь налицо был концепт (писатель писал по рассказу в месяц и «в режиме реального времени» их выкладывал). Недавняя публикация Александра Иванченко на сервере Марата Гельмана — другой случай.

Екатеринбургский прозаик Иванченко стал известен читающей публике еще в 1992 году, когда его роман «Монограмма» вошел в шорт-лист первого Букера, наряду с Сорокиным, Маканиным, Петрушевской, Горенштейном и Марком Харитоновым. Последующие его произведения (прежде всего «Автопортрет с догом») критика тоже не обходила своим вниманием, а толстые журналы (прежде всего родной «Урал») охотно печатали.[14] И вдруг Иванченко публикует в Сети повесть «Urbi et Olbi», сопровождая ее кратким предисловием, в котором объявляет, что размещает текст в Интернете «после безуспешных попыток напечатать эту статью[15] в ряде «демократических» изданий».

После знакомства с текстом повести Иванченко безуспешность попыток получает свое объяснение: «Urbi et Olbi» — довольно жесткий памфлет на шестидесятническую интеллигенцию, погрязшую, с точки зрения автора, в беспросветной пошлости, которая стала особенно заметна в описываемый период — с августа 1991 по 1997 год. Под легко узнаваемыми псевдонимами выведены Евг. Евтушенко, А. Вознесенский, А. Солженицын, А. Приставкин и многие другие. Можно понять редакции толстых журналов, которые не решились — или просто не захотели — портить отношения со старыми друзьями и постоянными авторами, хотя, возможно, и оценили мрачный юмор и полупародийный стиль Иванченко.

Можно было бы сказать какие-нибудь слова о «либеральной цензуре» и назвать выход Иванченко в Интернет обращением к новому самиздату — к той крайней мере, на которую шел в семидесятые годы автор, отчаявшийся опубликоваться официальным путем. Можно, однако, предположить, что если бы Иванченко захотел напечататься не в «демократических», а в «патриотических» изданиях, у него не возникло бы особых проблем с публикацией — однако в глазах «товарищей по цеху» он выглядел бы куда большим ренегатом. Интернет в этом смысле — существенно менее одиозный вариант, чем, скажем, публикация в литприложении к газете «День». В отличие от самиздата семидесятых, Интернет — идеологически нейтральная среда. Тем более что в качестве «издателей» выбраны Марат Гельман и Вячеслав Курицын, которых нельзя упрекнуть в приверженности «коммуно-патриотическим» ценностям.

Иванченко разыгрывает сюжет двадцатилетней давности (невозможность опубликоваться), но сюжет выходит смягченным, почти пародийно-сниженным. Странным образом это опять возвращает нас к теме его повести, больше всего напоминающей «Зияющие высоты» Зиновьева. То же обличение продажности и пошлости, те же маски, надетые на героев, тот же тип «честного одиночки» Бестыжева… Но повесть Иванченко выглядит куда мягче и безобиднее Зиновьева. Не потому, что сатира менее безжалостна, и даже не потому, что за подобные писания нынче не последует оргвыводов, — просто спустя четверть века после «Зияющих высот» Иванченко так и не нашел для своего памфлета новых героев. Зиновьев сводил счеты со своим поколением, а Иванченко рассчитывается с поколением «отцов». Все те же Евтушенко и Вознесенский да Солженицын, превратившийся из героического Правдеца в пародийного Крестовоздвижнера. Весь пафос «Urbi et Olbi» сполна укладывается в сентенцию Зиновьева «Когда людей насилуют, им кажется, что они способны на многое. Дай им свободу, и выяснится, что они не способны ни на что».

Между тем новое время выдвинуло новых героев, и, скажем, Виктор Пелевин с Владимиром Сорокиным могли бы стать прекрасными персонажами для подобного рода опусов. В этом смысле толстые журналы куда более органичная среда для сатиры Иванченко. По счастью, с каждым годом все больше читателей толстых журналов получают доступ к Сети — и потому не вызывает сомнения, что повесть Иванченко найдет своих поклонников. Но молодым любителям литературы из Интернета большинство персонажей «Urbi et Olbi» давно и основательно не интересны. Так что даже псевдонимов их никто разгадывать не будет.

Публикация «Urbi et Olbi» оказывается еще одним свидетельством того, что Интернет из пристанища программистов и маргиналов все больше и больше превращается в мультикультурную среду, где всему есть место: и «модной литературе», и текущему литературному процессу, и сатире на шестидесятников, и текстам самих шестидесятников.

Наверное, это первый текст в моей книге, к которому, собственно, нечего добавить по сути — да, в самом деле Интернет стал мультикультурной средой. Стоит сказать несколько слов о самом памфлете Иванченко. Выяснилось, что называется он «Купание красного коня» — во всяком случае, именно под этим названием он получил «Антибукера» и был в конце концов издан в составе авторского сборника Иванченко. Присужденный ему позднее «Антибукер» стал первым примером присуждения крупной (хотя и скандальной) литературной премии книге, опубликованной только в Сети. Лично я бы предпочел, чтобы премию присудили книжке получше и поинтересней, но, видимо, на тот момент судьба литературы в Рунете была такова, что на бумагу прорывались все больше тексты скандальные — такие, как памфлет Иванченко или роман Ширянова. Иванченко, кстати, «Антибукера» получить отказался.

Остается добавить, что, поскольку в то время я работал еще и начальником отдела культуры в «Вестях. ру», мне пришлось написать об этой публикации вторую статью. В качестве выноса к ней была цитата из Иванченко, которую и привожу, чтобы читатель мог лучше представить себе стиль «Купания красного коня»:

> Трансплантация языка чужой эпохи на новую почву (при пересадке гибнет). Одни имена его сыновей должны уже были насторожить чуткого к пошлости читателя (дети ни при чем): Архип, Демьян, Серафим. Лучше бы он назвал их Арманд, Авангард и Рокамадур, или, на худой конец, Сексус, Нексус и Плексус, что ли, — по крайней мере, не так смешно и претенциозно.

6. Однословия Михаила Эпштейна

Что такое солночь?

«Вести. ру», апрель 2000 г.

Наверное, Михаил Эпштейн был одним из первых — если не

самым первым — профессиональным российским культурологом, пришедшим в Сеть. В 1995 году он сделал проект «Интелнет» и даже получил за него награду Лондонского Института социальных изобретений. Вместе с тем в Рунете он всегда выглядел несколько странно. Во-первых, высокий профессиональный статус в гуманитарных областях (преподаватель американского университета, автор семи — сейчас уже восьми — книг, член Союза писателей и так далее и тому подобное). Во-вторых, все-таки возраст: в этом году Эпштейну исполнится (исполнилось) полвека… Май Ивановичу Мухину, конечно, больше, но всем остальным, кажется, сильно меньше.

Короче, Эпштейн был чуть моложе американских шестидесятников, закрутивших этот самый Интернет, и сильно старше молодой шпаны, обустраивающей Сеть последние годы. Неудивительно, что он всегда сторонился русской Интернет-коммьюнити и существовал как бы сам по себе. Впрочем, не для того ли придуман Интернет, чтобы всем нам было уютно самим по себе?

Но вот 17 апреля Михаил Эпштейн представил свой новый проект, называющийся «Дар слова». Проект представляет собой своеобразный лист рассылки, на который раз в неделю Эпштейн шлет «слово недели» с определением, толкованиями, производными словами и примерами употребления.

> **СОЛНОЧЬ** (с ударением на первом слоге, как в слове «полночь») — яркая тьма, черное солнце, сияние мрака. Образовано скорнением полуоснов от «солнца» и «полночи». «Ночь — это тоже солнце» — так говорил ницшевский Заратустра.
>
> Солночь — это ночь, яркая и сияющая, как солнце, — черное солнце Апокалипсиса.

Сходный проект» A.Word.A.Day» действует в англоязычном Интернете — http://wordsmith.org/awad/gift.html. Однако слова и толкования, которые ежедневно высылаются подписчикам, общеизвестны и берутся из стандартных словарей.

Особенность проекта «Дар слова» в том, что ни одного из предлагаемых слов нет ни в одном из существующих словарей. Каждое слово создается автором проекта и передается всем подписчикам и читателям в свободное пользование. Новое слово может стать рефреном предстоящей недели, паролем в общении подписчиков, предметом дальнейшей рефлексии и литературного творчества.

В настоящий момент выслано уже три слова: однословие

(заодно описывает жанр), сбывчивый (то есть обладающий свойством сбываться) и солночь (если не догадался, смотри анонс наверху). Слова емкие, трактовки длинные и убедительные, с примерами и пояснениями. Эпштейн обещает, что проект продлится год, и призывает всех подписывать друзей на лист. В результате за две недели количество подписчиков возросло человек на сорок… думаю, что не будет нарушением нетикета призвать и читателей присоединяться. Для этого надо послать по адресу russmnebemory.edu письмо с сабджем dar subscribe. Чтобы отписаться, надо, разумеется, послать письмо dar unsubscribe.

Приятных вам однословий!

Поскольку, как я и писал, Эпштейн — не какая-нибудь молодая шпана, а серьезный гуманитарный человек, у него и проекты основательные. Ну сколько бы продержалась такая рассылка, если бы ее сделал любой другой герой этой книги, особенно учитывая что денег за эту работу, насколько можно судить, Михаилу Эпштейну не платят.

Я, разумеется, не хочу сказать, что в Интернете все держится на деньгах, — я лучше многих знаю, что нет (взять хотя бы «Живой журнал»). Однако самыми долгоиграющими оказываются проекты, в которых авторы сменяют друг друга — то же манинское «Буриме». «Дар слова», в отличие от него, — проект все-таки авторский, хотя, верный духу Сети, Эпштейн привлекает к работе читателей.

Так или иначе, к сегодняшнему дню рассылка продолжает выходить, у нее чуть менее двух тысяч подписчиков, вышло 130 выпусков, из которых 45 — читательские, гостевые и конкурсные, а остальные написаны самим Эпштейном. Серьезный результат, что ни говори.

Однако рассылка — только надводная часть айсберга. За это время Эпштейн опубликовал несколько выпусков в «Комсомолке» и в «Новой газете»; еще 25 вышли в «Русском журнале». Раз в две недели на «Топосе» публикуется «Проективный словарь философии», родственный «Дару слова», а издательство «Русский язык» планирует выпустить весь корпус однословий в 2005 году.

К сожалению, лично я совершенно бесталанен в сочинении новых слов — а так бы хотелось придумать какое-нибудь слово для самого Эпштейна… скажем, «оснозуемый» — в смысле «основательный» и «непредсказуемый». Или «версебенный» — то есть «верный себе» и «невъебенный» (в смысле — «грандиозный»).

Нет, я же сказал — не умею я однословия составлять.

7. Футурологический календарь Линор Горалик

«Вести. ру», август 2000 г.

Накануне годовщины падения Останкинской телебашни журнал «Здравоохранение России» публикует данные об увеличении количества мужчин с проблемами потенции: разница за истекший год составляет 56 %. Этот трагический рекорд статья профессора сексопатологии Арсения Викторовича Ганина объясняет тем, что на бессознательном уровне россияне воспринимали телебашню как фаллический символ государства, и ее падение нанесло мужчинам сексуально-психологическую травму, сходную с результатом неожиданного исчезновения эрекции в ответственный момент.

Прочитали? Испугались? Ну а вот это понравится еще меньше:

К столетию со дня ядерной бомбежки японских городов Хиросимы и Нагасаки планировалась, по моде тогдашнего времени, инсценировка трагического события. В соответствии с планом, особо подготовленная маломощная ядерная бомба должна была взорваться во время церемонии памяти погибших на особом полигоне, в присутствии нескольких сотен тысяч зрителей со всего мира. Цель организаторов — напомнить человечеству об ужасах ядерной войны — была, к сожалению, достигнута совсем не так, как им хотелось: в результате ошибки бомба была сброшена на один из жилых районов Нагасаки. Устранение последствий катастрофы, в первую очередь — экологических, заняло более двадцати пяти лет. Число жертв достигло в общей сложности восемнадцати тысяч человек. В результате расследования шесть организаторов неудавшегося «черного юбилея» были приговорены к высшей мере.

Постойте-постойте, скажет читатель, какое еще столетие бомбардировки? Какая еще годовщина падения башни? Это же будет только в 2045 или хотя бы в 2001 году. И, кстати, какое еще падение? Башня вроде вполне устояла. Ах, это, наверное, фантастика.

В некотором роде — да. Что нам интересней всего в

фантастике? Только не говорите, что сюжет, — в большинстве случаев он тривиален, построен по стандартной пропповской схеме (то есть у героя чего-то там нет, он за этим отправляется, помощники помогают, враги мешают, финальный поединок, хеппи-энд). Фантастику — футурологическую в особенности — любишь за детали. Я вот, например, с трудом могу пересказать сюжет «Нейроманта» — но что речь идет о так называемой «виртуальной реальности», я помню. И что их сеть образовывается путем подключения к ней нервной системы человека, тоже помню. И что если человека, когда он вошел в эту «как-бы-сеть», жахнуть наркотиком, появляются всякие побочные эффекты, тоже помню. Ну и так далее.

Иными словами, для хорошей фантастики нужно побольше деталей и поменьше сюжета. Лучше всего — одни детали. Мастером на такие вещи является Станислав Лем: в доброй половине его вещей все строится на наборе гэгов и гаджетов (то есть фантастических трюков и примочек), а сюжет чисто служебен. Впрочем, и у братьев Стругацких, которых я читал по молодости, тоже вычитывались всякие мелочи про историю будущего.

Ключевые слова сказаны: история будущего. Оба магических слова присутствуют в проекте Линор Горалик, о котором и идет речь. Его полное название: «Этот день вне истории: новости будущего прошлого». Представляет он из себя календарь знаменательных дат, написанный предположительно из четыре тысячи какого-то там года: на каждый день сообщается, что в этот день произошло знаменательного с 2001 и далее годов. Это и есть прошлое для будущего, описанного Линор.

Картина будущего получается пестрой, а структура напоминает «Хазарский словарь» Павича, то есть максимально приспособлена для гипертекстового представления. Отдельно радует возможность подчищать прошлое-будущее: скажем, теперь, когда башня не упала, запись от 29 августа можно спокойно стереть или заменить на другую. Скажем, такую:

> 2010. Этот день объявлен в России днем Устойчивости: десять лет назад фаллический символ страны, Останкинская телебашня, устоял, несмотря на многочисленные порвавшиеся тросы. За прошедшие десять лет, благодаря трудам профессора сексопатологии, академика Арсения Викторовича Ганина, установлено, что медитация на Останкинскую башню помогает в излечении от импотенции 85,7 % больных. Благодаря новой методике, разработанной в

> лаборатории Ганина, количество больных этой древнейшей болезнью удалось за десять лет сократить в полтора раза. Методика включает в себя просмотр видеокадров пожара на башне, символически осмысляемого как пожар чувств, мешающих нормальному функционированию организма, и завершающегося зрелищем праздничного фейерверка 2003 года, устроенного в честь возвращения Останкинской башни в строй. В ряде случаев в видеоряд рекомендуется включать широко известные кадры, изображающие человека, похожего на Дмитрия Шляпцева (чиновника мэрии Москвы, курирующего восстановление Останкинской башни) в компании трех несовершеннолетних элитных проституток.

Стиль у меня, конечно, так себе. Но трудно было удержаться. Так что на месте Линор я бы дал читателю возможность дополнять ее календарь своими собственными годовщинами — и тогда каждый мог бы выбрать себе прошлое-будущее по вкусу.

Линор Горалик, которой посвящена эта статья, — персонаж, по-своему легендарный. В контексте данной книги она должна быть прежде всего упомянута как известный сетевой журналист. Публикации в Zhurnal.ru, сотня с лишним статей в «Русском журнале», еще больше — в «Гранях. ру». Важно, однако, что многие статьи Линор — не столько статьи, сколько проекты. В «Русском журнале» она вела интертекстуально-постмодернистскую игру «e2-e8», в «Гранях» — знаменитый проект «Нейротика», в котором временами делала настоящую литературу из новостей, посвященных сексу, эротике и порнографии. К этому можно добавить ежемесячные заметки на ее собственной минималистской странице на Geocities, недавно объединенные в книгу «Недетская еда», и тогда станет окончательно ясно, что Линор в большой степени — проектно ориентированный человек В этом смысле «Этот день вне истории» — очень характерный пример: проект существовал, пока был интересен Линор, и в один прекрасный миг оборвался на полуслове, как однажды оборвутся «живые журналы», которые она вела от лица своей кошки и вымышленной шиншиллы.

В 2001 году Линор переехала из Израиля в Москву и в течение нескольких лет устроила несколько вполне офф-лайновых проектов, обживая новую территорию. В назначенный день она вместе с друзьями отправлялась по Москве разыскивать заранее спрятанные предметы («Предмет может быть любым — обнаженная фотография критика Курицына, белая обезьяна,

кепка Лужкова, сорок использованных презервативов» — «Большая Московская Игра»), потом вместе с Максом Немцовым и Настиком организовала на Арбате акцию «Save The Пушкин»: Макс и Линор читали стихи Лермонтова (!), а Настик собирала подписи в защиту Пушкина. С Александром Гавриловым Линор устраивала благотворительный аукцион в поддержку зайцев Московского зоопарка в «Кофе-Ине» и — чуть позже — с тем же Гавриловым сыграла в театре «Doc» несколько спектаклей из цикла «Ангелы/Андроиды» — к сожалению, этот цикл остался незаконченным, как и «Этот день вне истории».

Помимо статьи в «Вести. ру», я написал о «Дне вне истории» в своем сетевом проекте «НасНет» — и не могу отказать себе в удовольствии привести еще несколько цитат — скорее из Линор, чем из себя.

Тексты, между прочим, хороши сами по себе. Они, что приятно, разные.

Есть — пугающие:

> *18 августа 2326 года — в Санкт-Петербурге в один вечер происходит 10 убийств: одиноких пожилых женщин зверски зарубают топором. Полиции удается установить, что все убийства были совершены одним человеком. Маньяк работал без помощников. Украшения, деньги и ценные предметы, находившиеся при жертвах, не тронуты. Не обнаружено следов сексуального насилия. Удалось установить, что из кошельков, по крайней мере, трех из десяти жертв было взято по десятикопеечной монете. Полиции не удалось объяснить это нелепое и зверское преступление или хотя бы составить психологический профиль убийцы. Преступник так и не был задержан.*

Есть — совсем безопасные, но изобретательные:

> *2012 год — в годовщину смерти Мэрилин Монро в Милсуорси, штат Огайо, проходит гигантский перформанс под руководством Мацеуса Верони: две с половиной тысячи женщин, загримированных под Мэрилин и расположенных в шахматном порядке на поле для гольфа площадью в 5 квадратных километров, при скоплении 250000 зрителей в течение пяти минут прижимают ладонями к бедрам раздуваемые специальным оборудованием (содействие студии «Голдвин-Майерс») белые подолы. Таким образом великий художник почтил память великой актрисы.*

Есть — неизобретательные, но пробуждающие воображение.

> *Так, 2 августа 3006 года умирает самый высокий человек за всю историю постшокового периода — анавитянин Дан Сулимаен (1 м 76 см). Что за шок и кто такие анавитяне, не объясняется, — и ты судорожно читаешь дальше, пытаясь это выяснить.*
>
> *Недосказанность — главный прием Линор. Преступление так и не было раскрыто, никто не знает, почему заговорили животные 11 августа 2211 года, читателю не объясняют, зачем инопланетяне на 26 секунд похитили участников парада сексуальных меньшинств и что такое чхенская цивилизация.*

Впрочем, «Этот день вне истории» и все прочие проекты, о которых я говорю, лишь приправа к тому, что, вероятно, является главным в жизни Линор — занятиям литературой (не уверен, впрочем, что она одобрила бы эту слишком пафосную формулировку).

Можно сказать, что я знакомился с Линор Горалик несколько раз — в 1996 году по переписке, в 2000 году лично в редакции «Поля. ру» и опять по переписке в 2001–2002 годах, когда, сидя в Америке, я читал ее малую прозу, позже вошедшую в сборник «Неместные». Первое впечатление было очень сильным — да мне и до сих пор кажется, что это как раз те самые слова, которые могут убить на месте.

Помню свой ужас, когда летом 2002 года я присутствовал в магазине «Библио-Глобус», где Линор читала «Электрификацию». Покупатели ходили вокруг, почти не обращая на автора внимания, а мне казалось, что мир должен немедленно сойти с ума. Прямо сейчас.

Мир, надо сказать, выстоял. А мы с Линор через месяц начали писать роман «Нет», который я считаю лучшим текстом, под которым стоит моя фамилия. Удивительно, что, пока мы писали свой роман, никто из нас ни разу не вспомнил об этой старой статье. Вот бы я удивился в 2000 году, если бы мне кто-нибудь сказал, что когда-нибудь стану соавтором Линор и фраза «Фантастику — футурологическую в особенности — любишь за детали» будет иметь к нам самое непосредственное отношение. Так что, немного покривив душой, можно сказать, что в результате сама эта статья оказалась предчувствием грядущего, «новостью будущего — прошлого».

Архив проекта лежит по адресу http://www.fuga.ru/days/.

8. Поможет ли утопия коммерции?

Растение прозрачных витражей

«Вести. ру», июль 2000 г.

На фоне ругани вокруг Napster'а и прочей музыки-онлайн настоящей идиллией выглядит положение дел в области литературы — даже очередное дело Сорокина/Иванова против Чернова не портит картины, потому что все больше писателей поворачиваются, так сказать, лицом к Паутине. На этот раз речь не идет о вкладывании текстов — простом, как у Мошкова, или сопровождаемом комментариями и разными прибамбасами типа тех, что обещает Акунин. Писатели придумывают и отрабатывают схемы взаимодействия с читателем.

Первая носит, скорее, финансовый характер и принадлежит человеку, чьему финансовому гению вполне можно доверять, — Стивену Кингу. Вдохновившись успехом онлайн-продаж рассказа «Верхом на пуле», Кинг задумался о том, как можно дистрибьютировать большой роман. Уже через два дня хакеры выложили текст «Пули» для бесплатного доступа (мне, правда, в свое время его не удалось найти), — и, если так пойдет с романом, финансовая привлекательность всей затеи резко упадет. И потому Кинг предложил вариант, выглядящий, с моей точки зрения, наиболее прогрессивным: текст выкладывается бесплатно, а читатель перечисляет деньги, если хочет. Признавая, что авторское право — зло, я не готов разделить радикальную точку зрения Вербицкого (авторы должны доплачивать читателям) и потому считаю, что нет ничего плохого в том, что автор живет на добровольные пожертвования поклонников — а ведь именно к этому сводится схема Кинга.

Вторая тонкость, предложенная автором «Мизери», — публикация романа «Растение» по главам. Дело даже не в том, что глава идет по доллару (учитывая объемы кинговских романов, нетрудно представить, сколько там глав!), а в том, что подобный способ дистрибьюции меняет саму структуру романа, возвращая его к временам романа-фельетона: главу надо завершать так, чтобы хотелось читать следующую.

Именно этот сюжет — про роман с продолжением — вскоре начнет разворачиваться и в «русском сегменте Сети». Известный фантаст Сергей Лукьяненко планирует публиковать на сайте книжного магазина «оЗон» «Прозрачные витражи» — новую повесть о Диптауне — тоже по главам, но, в отличие от Стивена

Кинга, готов обсуждать дальнейшее развитие сюжета:

> *«Витражи» будут публиковаться на сайте «оЗон» еженедельными выпусками и, вероятно, корректироваться по ходу публикации. Вобщем-то, это старая литературная традиция — роман с продолжениями, так писал Диккенс и многие другие писатели. Просто вместо газеты у нас будет Интернет. И скажу честно: у меня есть завязка сюжета, есть несколько персонажей, есть предположения — как все окончится, но до конца сюжет не разработан. У читателей остается право голоса, возможность советовать, предлагать варианты развития сюжета, голосовать за ту или иную развязку повести. То есть — это будет в полном смысле слова интерактивный роман.*

Вне сомнения, это самое интересное, что происходит в сетевой литературе. Вероятно, следует признать, что художественные гипертексты останутся экзотикой, и потому основные изменения в литературе будут связаны с изменениями способа распространения самых обычных линейных романов и повестей.

Статья была написана для читателей сетевого издания «Вести. ру», и потому в первом абзаце скороговоркой проговорены важные вещи, на которых пора остановиться чуть подробнее. Одним из самых острых вопросов, поставленных Интернетом, был вопрос о границах копирайта и о целесообразности сохранения этого института в нынешнем виде. Любители фильмов, музыки и литературы начали бесплатно распространять любимые произведения по Сети — с одной стороны, это было бескорыстное действие, нечто вроде «дай почитать любимую книжку товарищу», а с другой — наносило финансовый ущерб издательствам и прочим распространителям интеллектуальной собственности. Подробнее об этой проблеме мы будем говорить в главе, посвященной упомянутому выше делу Чернова/Сорокина, сейчас только скажем о Napster'е — специальном сетевом сервисе, который позволял меняться файлами через Интернет. Поскольку менялись они преимущественно записями музыки, история завершилась тем, что Американская ассоциация звукозаписи (RIAA) через суд добилась закрытия сервиса. На смену Napster'у пришли другие обменные системы, уже не имеющие собственных серверов, которые можно было бы закрывать. Борьба RIAA с бесконечно совершенствующимися программами для файло-обмена, типа Gnutella, Kazaa или Morpheus, длится по сей день — однако ясно, что выход из этой войны вовсе не в том, чтобы

пересажать всех, кто бесплатно распространяет музыку, а в том, чтобы предоставить возможность скачивать музыку официально, что сейчас и пытаются с переменным успехом делать западные студии.

Статья, написанная мной четыре года назад, рассказывает как раз о попытках издателей решить подобную проблему применительно к литературе. Надо сказать, эти попытки пока неудачны: публикация романа Кинга была прервана на шестой главе, потому что уже после четвертой заплатили только 46 % читателей. Несмотря на то что и в Америке, и в России продолжают возникать сайты со свободным доступом к книгам (например, Baen Free Library), но сколько-нибудь заметных бизнес-схем, наследующих кинговской, что-то не видно. Максимум — продажа электронных книг.

Хотелось бы сказать немного о последнем абзаце моей старой статьи. В 1996 году я верил, что за гипертекстовостью — будущее литературы. Или, по крайней мере, одно из будущих. Через четыре года япризнал: единственное, что дала литературе Сеть, — новыйспособ распространения. Да и тот, как мы теперь знаем, оказался не слишком эффективным.

Интермедия: «Газета. ру»/«Вести. ру»

В «Газету. ру» меня завербовал Антон Носик В январе 1999 года, сразу после кризиса, он собрал команду журналистов — из Сети и из бумажной журналистики, — чтобы делать первую в Рунете ежедневную газету. Носик был ее главным редактором, а пригласил его на эту должность глава ФЭПа Глеб Павловский. Заказчиком выступал ЮКОС, которому «Газета. ру» и была передана летом 1999 года. Носик рассказывал, что на каком-то этапе шли переговоры о передаче домена вместе с редакцией, но Антона якобы отпугнула юкосовская бюрократия и анкета на шести листах, которую его попросили заполнить. Вернувшись с переговоров, Антон говорил, что почувствовал себя в атмосфере советского учреждения, и восклицал, что нет таких денег, за которые он согласится вернуться в Советский Союз. Дабы избежать подобного развития событий, в графе «служба в армии» Носик честно написал «вооруженные силы государства Израиль» и понадеялся, что этим достаточно напугал кадровиков ЮКОСа.

Может, на самом деле все было совсем по-другому, но так или иначе «Газету. ру» стал делать выходец из издательского дома «Коммерсант!» Владислав Бородулин, человек, до того в Рунете не замеченный. Новая «Газета. ру» оказалась одним из лучших онлайн-изданий, что помимо прочего показало: Интернет

созрел для журналистики более традиционного типа.

Осенью 1999 года Носик запустил» Вести. ру» и» Ленту. ру», разделив темсамым аналитическую и новостную части старой «Газеты». Через год «Вести. ру» все-таки закрылись (редкое информационное издание переживает выборы, под которые создано), домен отошел сначала ФЭПу, а потом ВГТРК. Архив старой «Газеты. ру» лежит на gazeta.lenta.ru, а старые «Вести. ру» некоторое время жили по адресу old.vesti.ru. Помню, регистрируясь на каком-то круглом столе, мы с Паркером (ведущим рубрики «Русский РОР») записались от издания «Олд. Вести. ру» и были страшно довольны собой. Нынче, впрочем, пришлось бы регистрироваться от «Вести. Лента. ру», поскольку архив переехал как раз на этот адрес.

Эти полтора года оставили о себе очень приятные воспоминания: каждый день утром надо было сесть за компьютер, прочесть свежие новости и быстро написать что-то вроде эссе. Как всякая рутинная работа, это дисциплинирует — и я до сих пор вспоминаю те времена с ностальгией. В память о них я помещаю здесь несколько материалов: статью об Антоне Носике (надо же ее куда-то приткнуть в этой книге), три больших текста, сделанных для журнала «Амадей» «по мотивам» моих публикаций в «Газете»/«Вестях», и, наконец, заметку, написанную мною после закрытия «Вестей».

Как можно видеть, по жанру большинство материалов являются комментариями, так что собственно комментариев на сей раз будет немного.

1. Антон Носик

Держать по ветру, или Легенды об Антоне Носике

«Неофициальная Москва», осень 1999 г.

Никогда не подозревал, что так чудовищно трудно писать статьи про старых знакомых.

Уже час я пытаюсь придумать, с чего бы начать статью: «Самый известный интернет-журналист Антон Носик родился в хорошей семье…», «Про молодость Носика ходят легенды…», «Когда я впервые увидел на кухне Димы Ицковича Антона, он…» или вот еще: «Не так-то легко учуять приближение славы…» (с намеком на фамилию героя и имя главного редактора НМ). За это время я скачал себе пару звуковых файлов в MP3-формате, связался с Носиком по Аське, чтобы уточнить ряд деталей («Как

лучше назвать твою маму: славист, балканист, филолог или культуролог?» — «Старший научный сотрудник ин-та слоноведения и вулканистики, с начала 1990-х возглавляет Центр еврейского образования «Сефер»), позвонил по телефону, скачал новый скин к WinAmp'у… короче, ничего не придумал и решил написать все варианты сразу.

Итак: *самый известный интернет-журналист Антон Носик родился в хорошей семье.*

Отец — Борис Носик, автор первой русской биографии Набокова и Швейцера, отчим — самый известный в мире современный русский художник Илья Кабаков, мать — славист Вика Мочалова. В результате все детство Антона прошло среди московской богемы, и примерно к его тридцатитрехлетию известный искусствовед Иосиф Бок-штейн смог написать воспоминания, условно называемые «Когда был Носик маленький»:

> Антоша всегда был вундеркиндом, это как-то было понятно всем окружающим. Я осознал это, когда наблюдал за тем, как восьми лет от роду он писал бесконечные романы на русском, английском и французском языках. Ввиду дефицита бумаги в 70-е годы Вика, Антошина маменька, вынуждена была вставлять в пишущую машинку рулоны туалетной бумаги, которая, впрочем, тоже была в дефиците.

И дальше — тоже по лучшим канонам жанра: «Его комментарии всегда ставили взрослых в тупик», «непринужденное обхождение стало важным качеством взрослеющего Антоши» и так далее.

Про многих можно такое вспомнить, но мало про кого есть кому вспоминать.

Про молодость Носика ходят легенды, которые не всегда удобно предавать гласности.

Антон учился в медицинском, пил водку и интересовался девушками… из этих компонентов нетрудно составить гремучий коктейль. В результате, получив диплом хирурга, Носик подался в Израиль, где из врача превратился в журналиста.

Писал тогда Носик про экономику, и весь русский Израиль зачитывался его статьями. Одна из легенд гласит, что Антон сорвал израильским банкам план выдачи жилищных ссуд русским иммигрантам, развернув в прессе разъяснительную кампанию: мол, недвижимость все равно подешевеет, а вас, пользуясь бумом, обдирают как липку. Во всех версиях легенды ему предлагают огромные деньги, чтобы он прекратил писать свои статьи; деньги

он либо берет, либо нет, но статьи продолжает писать все равно. Счастливый финал: часть иммигрантов ссуду не берет, недвижимость, вместо того чтобы подешеветь, дорожает в несколько раз. Пострадавшие, разумеется, считают Носика виноватым в их несчастьях. Как обтекаемо написал еще один израильский экс-патриант Александр Шерман, «прогнозы не оправдывались, но Носика любили все равно».

В 1996 году Носик совершает еще один крутой поворот: он внезапно меняет тему своих журналистских штудий. В газете «Вести» Антон завел ежедневную рубрику «Наши сети», посвященную, как читатель уже мог догадаться, Интернету. С гордостью Носик говорит, что это было первое русскоязычное ежедневное обозрение Интернета. К этому моменту Антон уже достаточно давно занимался Сетью, состоял в «Гусарском клубе», где был известен под ником «Эмигрант», владел сервером под названием www.sharat.co.il (sharat, собственно, и значит на иврите «сервер». Так, во всяком случае, говорит Носик, а сам я не в курсе). На Шарате Носик за большие деньги делал сайты крупным израильским фирмам. В свои сети Антону удалось уловить, в частности, Государственный банк Израиля и Музей Израиля, но, видимо, этого ему было мало — и в конце 1996 года он переключается на чистую интернет-журналистику, плавно перейдя от «Наших сетей» к «Вечернему Интернету», ежедневной колонке, положившей начало эпидемии веб-обозрений.

Когда я впервые увидел на кухне Димы Ицковича Антона, он выглядел замерзшим и чужеродным в суровом российском климате. Он только что приехал из Израиля и, чтобы не забывать историческую родину, надел кипу, которую, по утверждению очевидцев, в Израиле отродясь не носил. Итак, Носик являл себя во плоти московской интернет-элите в редакции Zhurnal.ru. Сегодня это выглядит даже трогательным: все последующие годы Антон оказывался в основном в компании конкурентов Журнала (сначала Cityline/Netskate, потом ФЭП), но тогда Рунет был еще достаточно мал и конкурентные отношения почти не мешали дружеским. Правда, первые тучи уже сгущались на горизонте — и не без участия Носика.

«Вечерний Интернет» выходил на сервере «Ситилайна», первого московского провайдера, поведшего агрессивную и жесткую рекламную политику. Люди, которые стояли у истоков этого дела, были старыми друзьями Антона. Носик рассказывал, как один из них позвонил ему в Израиль на мобильник и сказал, что хочет заняться интернет-провайдингом.

— Я тут же сказал ему, что надо взять Тему Лебедева и Ивана Паравозова. И еще до того, как я доехал до квартиры, он

перезвонил мне и сказал, что обо всем договорился.

Особый шик этой истории в том, что в Израиле запрещено говорить за рулем по мобильнику.

«Ситилайн» был, наверное, первым местом в Рунете, где журналистам платили заметные деньги. Антон получал за «Вечерний Интернет» много… даже по меркам докризисного 1997 года. Но работа того стоила — Антон ежедневно собирал на своей странице несколько тысяч читателей. Фантастическая цифра для тех времен!

Именно тогда Носик и проявил себя как патологический трудоголик, способный писать ежедневно по десять страниц текста в «ВИ» и еще по паре статей в неделю в бумажные издания. Одна из легенд гласит, что все это время он сидел на чудовищных стимуляторах… впрочем, такое всегда говорят про трудоголиков. И та какая разница, от чего возникают возбуждение и аддикция — от алкоголя, работы, секса, кокаина или калипсола?[16] Вероятно, Интернет возбуждал его не хуже наркотика, и временами казалось, что «Ситилайн» посредством Носика втянул в себя весь Рунет, с кокаиновым присвистом исчезнувший в виртуальных безднах «Вечернего Интернета».

Именно во времена «ВИ» определилась роль Носика в Рунете. В этом достаточно идеологизированном пространстве он занял странное положение плавающего центра. С одной стороны, он был заинтересован во внешних инвестициях и тем самым в создании положительного имиджа Интернета в России. Поэтому он осуждал отдельные случаи хакинга, объяснял всем, что Сеть вовсе не порнографична по своей природе, и вел сложные закулисные игры с различными бюрократическими организациями. С другой стороны, Носик был плоть от плоти раннего Рунета, с его культом матерщины, флейма, наркотиков, экстремизма и русской литературы. Не случайно одним из первых ресурсов Носика, получивших большую известность, были мемориальная страница Иосифа Бродского, сделанная через несколько дней после смерти поэта, а другим — vaginal page, посвященная результатам поиска в Lycos по слову pizda. Вылезали все сплошь домашние страницы всяких иммигрантов из Восточной Европы с соответствующими фамилиями. Мне особо памятен Jonothan Pizdets. В свое время именно Носик выдвинул на конкурс «Арт-Тенета» нашумевший роман Баяна Ширянова «Низший пилотаж», с его дешевыми наркотиками, матерщиной и грязным сексом (кстати, первые «Тенета» хостились все на том же Шарате).

Странное положение Носика, словно колеблющегося между экстремизмом и благопристойностью, легко объяснимо. В русской

Сети Носик повторил путь героев андерграунда восьмидесятых, успешно вписавшихся на телевидение и в издательский дом «Ъ». Будь он старше на пять — десять лет, тоже мог бы стать Александром Тимофеевским или Сергеем Шолоховым, но теперь места в офф-лайне были заняты, и ему оставалась только Сеть. Во многом это двойственное положение способствует его популярности: те, кого возмущают такие ходы Антона, как демонстративный взлом счетчика «Рамблера» в 1997 году, примиряются с Носиком благодаря его радениям за цивилизованные отношения в Сети, а те, кому претит его конформизм, готовы простить ему высокие заработки и здоровую журналистскую продажность за Баяна Ширянова и вполне либеральное отношение к авторскому праву.

Не так-то легко учуять приближение славы, и уж тем более трудно сказать, когда внутрисетевая известность перешла в широкую офф-лайновую. Публикации в прессе, от «Итогов» до «МК», конечно, сыграли свою роль: Антону удалось стать рупором Рунета. Изнутри было хорошо видно, что Носик пристрастен. Но то — изнутри. Похоже, он легко обыгрывал всех своих соперников, используя тонкие провокации (наподобие того же взлома «Рамблера») и умело манипулируя читателем путем все новых и новых разделений (между «Ситилайном» и «Нетскейтом», между собой — независимым журналистом и собой — автором «ВИ» и так далее). Стороннему человеку разобраться в этих хитросплетениях было фактически невозможно, и только крики конкурентов «Ситилайна», обвинявших компанию в демпинговании, нечестной конкуренции и намеренном введении в заблуждение пользователей, позволяли предположить, что здесь что-то не так Но, к слову сказать, Носик никогда не был владельцем «Ситилайна»: тут с него взятки гладки. А что писал для них, так и что? Мало ли кто для них писал…

Вдобавок Носик блестяще пользовался приемом неответа. Скажем, фраза «X никогда не покупал компанию Y» означает, что переговоры идут полным ходом, но бумаги еще не подписаны. Читатель же уверен, что Носик сказал: о продаже компании Y человеку X никогда и речь не шла. Сам виноват, читать надо внимательнее. Подобная тактика была на удивление эффективна, и потому альянс Носика с Фондом эффективной политики, возглавляемым Глебом Павловским, выглядит более чем закономерным.

В 1999 году Носик появляется на страницах бумажных изданий уже не автором, а героем статей. Став в январе главным редактором первой ежедневной онлайн-газеты «Газета. ру», он из охотника за новостями наконец-то превратился в ньюсмейкера. В

сентябре «Газета» сменила владельца, Носик сделал новостное агентство «Лента. ру» и в октябре запустил точный клон «Газеты. ру» — «Вести. ру». Так его сетевая жизнь замкнулась: от израильских «Вестей» к «Вести. ру».

Написав эту статью, я послал ее Носику — по дружбе и чтобы избежать фактических ошибок. Носик заметил, что в Израиле действительно нельзя говорить по мобильному в машине, но в тот раз он не был за рулем. Мы, впрочем, решили это оставить, в качестве легенды. Вероятно, в благодарность Носик присвоил мне звание своего официального биографа, о каковом звании я, честно говоря, и не просил. Правда, после выхода статьи Антон прочитал ее еще раз и возмутился пассажем:

> Какая разница, от чего возникают возбуждение и аддикция — от алкоголя, работы, секса, кокаина или калипсола? Вероятно, Интернет возбуждал его не хуже наркотика, и временами казалось, что «Ситилайн» посредством Носика втянул в себя весь Рунет, с кокаиновым присвистом исчезнувший в виртуальных безднах «Вечернего Интернета».

Отсюда, сказал Носик, следует, что он, Носик, любит кокаин. А он, Носик, не любит кокаин.

В предисловии я опрометчиво пообещал написать в этой книге о том, кто из ветеранов Рунета какие наркотики любит или не любит, но как-то пока находились темы поинтереснее. Впрочем, раз слово дадено, нельзя не воспользоваться случаем, чтобы восстановить справедливость: прошу не понимать процитированный абзац в том смысле, что Антон Носик любит кокаин. Насколько я помню, он всегда утверждал, что нет, он не любит кокаин.

Следующие три материала были написаны для журнала «Амадей» в качестве краткого отчета о моей работе в «Газете. ру»/«Вестях. ру» в течение 1999 года. Первый из них замышлялся как обзор важных событий 1999 года, и потому все оригинальные названия заменены на информативные.

2. Избранные места

1999 год *«Амадей», 1999 г.*

Для меня этот год был знаменателен тем, что я принял участие в смелом эксперименте: начиная с февраля — марта я каждый будний день писал заметку в некое виртуальное (в смысле — существующее только в Интернете) издание,

называвшееся сначала Gazeta.ru, а потом Vesti.ru. Таким образом, все культурные события были мною освещены в режиме реального времени. И потому в качестве календаря я решил отобрать несколько своих статей — разумеется, подсократив их и подредактировав.

В клубе «О.Г.И.» прошел вечер поэта Бахыта Кенжеева

Февраль

Седой и косматый Кенжеев пришел с молодой рыжей девушкой, получил в качестве гонорара бутылку «Ливадии», которую не спеша потягивал весь вечер. В кулуарах успел рассказать историю под условным названием «Как меня кинули в Алма-Ате».

Некоторое время назад Кенжеев очутился в родном городе Алма-Ата, где вместе с братом, до сих пор там проживающим, познакомился в кафе с двумя молодыми людьми, какими-то старыми знакомыми брата, сейчас торгующими фьючерсами или еще чем-то. Молодые люди предложили вечером встретиться в мастерской кого-то из местных скульпторов или художников. Кенжеев пришел — но, увидев, что кроме него с братом, хозяина и двух торговцев фьючерсами никого нет, приуныл, предчувствуя недоброе. Предчувствия скоро оправдались: один из молодых людей достал исписанный лист бумаги и сказал:

— Можно я задам вам несколько вопросов?

— Да, пожалуйста, — ответил Кенжеев, приготовившись услышать вопросы о том, сколько стоит масло в Канаде и как туда переехать насовсем. «Провинциалы», — подумал он без любви.

Юноша заглянул в бумажку и сказал:

— Ну, начнем, пожалуй, с этого. Не кажется ли вам, что концепция времени у Хайдеггера принципиально отличается от концепции времени у Мандельштама? Для одного из них время — внешний поток, а для другого…

Кенжееву оставалось только извиниться за подозрения. Даже сейчас, рассказывая об этом, он был совершенно счастлив.

Мэрилин Мэнсон сделал предложение Рози Макгоун.

Февраль

Мэрилин Мэнсон, певец, в своем псевдониме объединивший имя самого знаменитого секс-символа с фамилией человека, считающегося «главным сатанистом» шестидесятых, решил

жениться и 14 февраля сделал предложение актрисе Рози Макгоун, доказав, что можно сколько угодно себя называть сатанистом, а свой сингл — «Я не люблю наркотики, но наркотики любят меня», но в какой-то момент звездно-полосатая культурная начинка потомка пуритан дает о себе знать: ты делаешь предложение своей девушке не в Вальпургиеву ночь, а на день св. (!) Валентина и, вместо того чтобы, по де Саду, призвать любимую убить свою мать, послушно и радостно бежишь знакомиться с будущей тещей. Да, если подумать, Мэрилин Монро и Чарли Мэнсон — это так старомодно и, по большому счету, трогательно. Уорхол мог бы нарисовать их парный портрет. Второй сюжет связан с самой Рози. Более всего памятная широкой аудитории по триллерам «Фантомы» и «Крик» (если помните, ее защемило дверью гаража — с летальным исходом), она вошла в кино, сыграв главную роль в картине Грегга Араки «Поколение судного дня» — одном из самых кровавых и мрачных фильмов девяностых, воплощении подросткового кошмара, в котором двух героев-тинов (Эми и ее дружка) соблазняет демонический Ксавьер Ред с черепом на перстне и ужасающе-прекрасными татуировками. Кассовые аппараты все время выбивают 6,66, кровь льется рекой, в конце фильма банда неонацистов отрезает герою член, и Рози с Ксавьером остаются вдвоем. (Неудивительно, что после съемок в таком фильме Рози может приводить к мамочке кого угодно!).

Нетрудно видеть, что Ксавьеру в фильме Араки отведена роль змея-искусителя со всеми библейскими подтекстами. И потому знакомство и возможный брак главной героини фильма с главным поп-сатанистом Америки представляется еще одним проникновением искусства в жизнь. Иными словами — выбирай фильмы, в которых снимаешься, — может быть, это фильмы про тебя.

Хочется пожелать молодым счастья и крепкой американской семьи: с яблочным пирогом, семейным адвокатом и распятием на стене.

Сид Шоу выиграл право на имя Элвиса Пресли.

Март

Теперь я знаю, что такое настоящая слава. Это не когда тебя узнают на улице. И не когда ты можешь ничего не делать и жить на проценты с былого величия. И даже не когда тебя включают в школьную (университетскую) программу. И — вопреки подозрениям коллеги Курицына — не когда тебя включают в

кроссворды.

Слава — это когда твое имя может стать торговой маркой.

Английский бизнесмен Сид Шоу (Сид Вишез + шоу-бизнес? Надо надеяться, что это псевдоним) выиграл в Верховном суде Великобритании дело, заведенное на него Elvis Presley Enterprises. Дело в том, что Сид Шоу уже 17 лет держит в Лондоне магазинчик «Elvisly Yours», где торгует сувенирами, связанными с покойным музыкантом. Разумеется, наследникам «Короля» это не дает покоя — и особенно они взъелись, когда сувениры Сида Шоу стали продаваться буквально у них под носом, в Мемфисе.

В марте 1997 года EPE подали на Сида Шоу в суд — и вот суд признал, что имя Элвиса является общественным достоянием и не может считаться торговой маркой. Стоя на ступенях суда в знакомой по открыткам и постерам элвисообразной позе, Сид Шоу сказал:

— Я горд тем, что доказал: Элвис принадлежит всем нам. Элвис — часть нашей истории, нашей культуры.

Чуть выше мы сказали, что слава — это когда твое имя может стать торговой маркой. Теперь можно добавить: настоящая слава наступает, когда твое имя уже не может стать торговой маркой.

Март

Отменен концерт группы KISS.

Как всякое массовое чувство, культурная ностальгия вызывает омерзение. К сожалению, омерзение это не спасает от ностальгии тебя самого. Таким образом, культурологические наблюдения над обществом в который раз оборачиваются наблюдениями культуролога над самим собой.

Пока ностальгические чувства вызывало то, что я любил двадцать лет назад, я терпел. Но когда развешенные по всему городу афиши группы KISS стали вызывать у меня меланхолическую задумчивость и желание рассмотреть их поближе, я понял: предел морального падения достигнут.

Впрочем, в моем сознании группа KISS не отделима от общей атмосферы начала восьмидесятых — с воем глушилок, самиздатом и очередями. Картина стала полной, когда концерт отменили «в связи с ухудшением российско-американских отношений».

Вот он, ностальгический запах! Вдохнем его полной грудью, впитаем всеми порами, вслушаемся всеми ушами. «Агрессоры НАТО», «народ Сербии поднялся как один»… что там еще в запасе? Слово, как любят подчеркивать поэты, — настоящее

магическое оружие. Принято считать, что они имеют в виду поэтическое слово — но, как мы видим, слово газетной передовицы тоже может сработать: потому я склонен полагать, что отмена концерта KISS (вряд ли по инициативе принимающей стороны) объясняется именно этим магическим влиянием слов. Музыканты — или их менеджеры — испугались, хотя вряд ли кому-то пришло бы в голову на рок-музыкантах выместить свое недовольство политикой Североатлантического альянса. Просто знакомые лингвистические формулы вытащили из забвения заржавленную тень железного занавеса.

Теперь ностальгия по-настоящему правит бал: нам сначала напомнили про группу KISS, а потом, как в старые годы, все отменили. Еще бы парочку продуктовых очередей на Москву — и глядишь, к поколению тридцатилетних вернется юношеская гиперсексуальность.

Апрель

Начался суд над Авдеем Тер-Оганяном.

Художник Авдей Тер-Оганян был обвинен в оскорблении чувств верующих. Во время выставки «Арт-Манеж» он разрезал несколько бумажных икон, приобретенных им в церковной лавке в Софрино, был задержан, выпровожен с выставки и обвинен на основании статьи УК Несколько месяцев не стихают споры об акции Тер-Оганяна.

В свое время я выступил скорее с осуждением, чем с одобрением акции Тер-Оганяна. Мне казалось, что использование предметов, связанных с трансцендентной стороной бытия, в художественных и политических целях, по крайней мере, не особо интересно. Я даже признавал, что подобные действия вызвали бы у меня больше понимания, если бы Авдей был не художником, а еретиком или сатанистом. Я приводил в пример Тер-Оганяну дзенского учителя Танку, который, как известно, сжигал статуи Будды, чтобы согреться. Для меня тут важно, что мастеру дзен позволено то, что не позволено художнику. Если и делать такое, то не в качестве художественного жеста.

Однако перспектива трехлетнего заключения за проведение не очень остроумной и тактичной художественной акции заставляет меня заступиться за Тер-Оганяна. Все-таки он делал это не в церкви и не на улице, а на выставке, в маркированном пространстве. Можно сказать, что очень немногие верующие могли это видеть, и потому все действия Тер-Оганяна оскорбляют не верующих, а объект их веры. То есть Бога.

За оскорбление религиозных чувств нескольких человек три года российской тюрьмы — слишком жестокое наказание. Но, возможно, за оскорбление Бога — слишком мягкое. Потому что даже Верховный суд — все-таки не Высший. И с последовательно религиозной точки зрения Господь, оскорбленный выходкой (акцией) Авдея Тер-Оганяна, сам подберет ему меру пресечения.

Майкл Джексон дал интервью газете «The Mirror»

Апрель

Интервью, данное Майклом Джексоном, много лет избегавшим контактов с британской прессой, разочаровывает. Он сообщал, что скорее даст себе отрезать руку, чем обидит ребенка, и что он хотел бы всем помочь. И этим он похож на принцессу Диану, которая была второй матерью Терезой. И его, Майкла, подругой, которая часто звонила ему ночью и исповедовалась в своих горестях.

В четко структурированном мире Джексон занимает положение, ускользающее от всяких жестких дефиниций и классификаций. Он негр? Белый? Голубой? Зеленый? Не знаем. Он сделал операцию, чтобы мы ничего не могли понять про его расу. Он общался с детьми, чтобы мы ничего не могли понять про его ориентацию (любит он мальчиков или девочек? Или и тех и других? И если да, то как он их любит?). Он изображает оборотня в известном клипе и возит с собой свою огромную статую. Он — воплощение медиатора, посредника — между полами, расами, живым и неживым, человеком и животным. Донна Харуэй сказала бы, что он — киборг.

И вдруг — обычная лажа про дружбу с леди Ди, царство ей небесное. Будто дружба с коронованной особой что-то может ему прибавить. Это принцесса Диана должна была бы гордиться дружбой с ним. Или — в крайнем случае — можно было бы рассказать всю эту историю (звонила… исповедовалась…), если бы леди Ди звонила ему *после смерти.* Уже с того света.

Ведь настоящий посредник — всегда посредник между жизнью и смертью. Между живыми и мертвыми.

Нарисуй своего Сальвадора Дали.

Май

В Испании арестован Джон Питер Мур, работавший личным секретарем Сальвадора Дали в последние годы жизни художника.

Мура обвинили в изготовлении 10 000 поддельных литографий Дали. Почти все они были пронумерованы и подписаны художником. И ни один эксперт не заподозрил подделки. Учитывая, что продавались литографии по тысяче с лишним долларов (все-таки литографии, что поделать), нетрудно подсчитать, сколько наварил на этом Джон Питер.

А теперь главное. Выяснилось, что, хотя литографии были новоделами, все подписи Дали были подлинными.

Оказывается, незадолго до смерти Дали на всякий случай надписал 350 000 (прописью: триста пятьдесят тысяч) чистых листов бумаги. Утверждается, что он достиг удивительной скорости в 1800 автографов в час. Иными словами — подпись в секунду. Попробуйте сами — и вы получите еще одно подтверждение тому, что Дали был очень трудолюбивый человек.

Что же подвигло Дали на подобную экстраваганцу? Первая причина очевидна: художник очень любил деньги и не мог удержаться. Гениальный способ избавить себя от лишней работы — только подписать, а остальное пусть делает секретарь. Вряд ли его волновало, что там будет после его смерти. (Точнее, что будет *тут.)* Но больше хочется верить, что у Дали была и другая причина.

Вдруг на старости лет Дали вспомнил, что когда-то начинал не как Главный Сюрреалист, а как член группы художников-сюрреалистов, провозглашавших конец буржуазного искусства. Они надеялись, что творчество перестанет быть уделом избранных и станет доступно всем. Сам Дали предпочел коллективному творчеству — индивидуальное. Но, может быть, перед смертью, двигаемый ностальгическими мотивами и понимая, что всех денег уже не заработать, он решил создать триста тысяч заготовок, позволяющих любому, кто способен управляться с литографическим оборудованием, создать «произведение Сальвадора Дали».

Джон Питер Мур израсходовал лишь малую часть: свыше трехсот тысяч работ Дали еще ждут своих авторов.

Июль

Умер Марио Пьюзо.

Сэмми «Бык» Гравано, босс семьи Гамбино, выходя из кинотеатра, где он впервые посмотрел «Крестного отца», сказал: «Может, для кого-то это вымысел, но для меня — это наша жизнь». Если так, братки трех континентов должны были бы собраться в Америке, где Марио Пьюзо, сделавший для их

респектабельности больше, чем кто-либо другой, получил от Костлявой предложение, от которого не смог отказаться. Он, в натуре, умер.

Сейчас, перечитывая биографию Пьюзо (родился в 1921 году, вырос на «чертовой кухне» в Нью-Йорке, воевал на фронте, написал два хороших романа, разошедшихся малым тиражом, и задумал написать бестселлер, чтобы заработать денег), я обратил внимание, что этот решительный шаг Пьюзо предпринял, когда ему было уже сорок пять.

«О! У меня еще до фига времени до мировой славы», — подумал я.

Но как проходит слава мира, я уже знаю — спи спокойно, Марио, и если ангелы, как мечтал Воннегут, организованы по принципу мафии, они будут рады принять тебя в свой сонм.

Последний концерт Псоя Короленко перед отъездом из Москвы.

Август

Только те, кому не везет в жизни, ходят на большие концерты на «Горбушку» или — упаси Господи! — в еще более цивильные места. Там много народу, там душно, там музыканты, которых можно увидеть и по ТВ и которых — поэтому — лучше было бы слушать минимум пять лет назад. Те, кому в жизни повезло, знают ходы в небольшие клубы, на камерные концерты, где, несмотря на объявления, все равно собираются только свои.

Полтора часа Псой никак не мог разойтись в полной мере, а потом сказал, что пора заканчивать, потому что он ночью уезжает в Питер и скоро поезд. Тут-то все и началось.

Он пел еще полтора часа, изредка объявляя: «еще две песни — и все». Публика, оставшаяся к этому моменту, была из старых поклонников, знала все песни наизусть, танцевала, подпевала, требовала «Дядю», «Чертово колесо» и «Азербайджанский». Псой и музыканты из «Нечеловеческой музыки» демонстрировали новый аттракцион — караоке, во время исполнения «Больше не греши» обходя зал с микрофоном и предлагая петь вместе с/вместо автора. Так я исполнил свою мечту и без слуха и голоса прорычал в микрофон:

Что-то в разговоре не склалось,
Просто так потрахаться пришлось.

Было именно так, как должно быть на настоящем концерте: полное единение. Представление шло по всему залу. Незнакомая азиатская красавица Мила танцевала так, что мужчины забывали смотреть на сцену. Зрители кричали, едва не перекрывая мощные динамики. Псой проходил в зал, обнимал знакомых, прощался — и снова шел петь. Все было уместно: танцевать, выпивать, петь, флиртовать…

Это был лучший концерт года.

На улицу все вышли истерично-возбужденные. Кто-то подошел к Псою: «Мне тут приятель только что сказал, что вот, мол, не довелось застать живого Галича, Окуджаву видел всего разок — а тут живой бард, да еще и уезжает навсегда в Америку». Псой дернулся и начал объяснять, что обязательно вернется. Все его заверили, что не сомневаются.

В самом деле — мы его здесь ждем, что ему делать в Канзасе?

Микки Руни прорекламировал crush video.

Август

На самом деле ветеран Голливуда призвал к запрету так называемых crush video — видеофильмов, в которых женщины давят ногами крыс и других мелких грызунов.[17]

Жестокость по отношению к животным — действительно неприятная вещь. Но и призыв Микки Руни — вещь амбивалентная. Например, я до прочтения соответствующего материала понятия не имел о существовании подобного видео, а теперь знаю, что есть люди, которые возбуждаются при виде женщин в туфлях на платформе или высоких каблуках, топчущих крыс, мышей и насекомых.

Это вызывает скорее интерес, чем осуждение. Лично я склонен осуждать любое убийство, но при том все равно не могу сбросить со счетов доводы защитников краш-видео: мол, нападки на их продукцию лицемерны, пока мы живем в обществе, где существуют бойни и мясокомбинаты, а рыбалка и охота — респектабельная форма отдыха.

— Вы можете убивать сколько угодно ради еды, спорта или моды, но если вы убиваете ради сексуального удовольствия — это уже нарушение табу.

Это — сильный довод. При многих убийствах давно уже не идет речь о пользе и необходимости; но редко идет речь об удовольствии. Можно сказать, современное общество в неявной форме практикует запрет на удовольствия вообще — будь то удовольствия сексуальные или, скажем, наркотические. Но, мне

кажется, было бы неверно сводить практику краш-видео только к проблематике «удовольствия».

Если задуматься, краш-видео — профанация жертвоприношения. Женщина-жрица приносит в жертву множество мелких животных, приглашая множество зрителей, сидящих перед телевизорами, к ритуальной оргии. Идея о связи смерти, секса и жертвы здесь проявляет себя как никогда — и возникновение crush video лишь подтверждает, что изгнанные в дверь архаические практики неизбежно возвращаются в окно.

В данном случае — в окно телеэкрана.

Умер Генрих Сапгир,

Октябрь

Известие о смерти Сапгира застало меня в пестрой разновозрастной компании. Вдруг выяснилось, что все были с ним знакомы. Кто-то вспомнил, как в бытность детским издателем покупал у Сапгира права на какой-то (так и не вышедший) текст, как классик, словно обычный человек, торговался и — как обычный же человек — оживился при появлении бутылки коньяка. Кто-то рассказывал, как по дружбе привел Сапгира в школу к своему сыну — и школьники вдохновенно читали на память «Принцессу и людоеда», а довольный автор ими дирижировал. И когда все уже перешли к обсуждению любимых стихов, одна дама вдруг сказала: «Генрих Вениаминович умел сделать так, чтобы женщина кончила от поцелуя. Прямо на улице».

Стихи останутся. А что стихи? Такого Сапгира, о котором вспоминали мы, больше не будет. Добродушного и доброжелательного. Вдохновенно читающего стихи. Выделяющегося в любой толпе. Никогда больше не увидеть его среди слушателей на вечере какого-то поэта, которого на фоне сапгировской славы смело можно назвать и начинающим, и неизвестным. Не встретишь ни в «Авторнике», ни в «Георгиевском клубе», ни в Чеховской библиотеке. Как выяснилось, он был едва ли не самой заметной частью московского литературного пейзажа. Московского пейзажа вообще. И даже умер как-то по-московски — в троллейбусе.

При виде него в голову всегда лезли какие-то анималистские мегафоры: не то Умный Кролик, не то Довольный Кот, не то его собственный пудель. Тот самый, который, и уже не здесь.

Ноябрь

Б. Акунин — это Г. Чхартишвили.

Так должна была называться статья в газете «Ведомости», в которой самый модный детективщик раскрывает своей псевдоним.

Эта история волнует еще и потому, что позволяет сыграть в известную игру «поиск инварианта»: то есть того, что против авторской воли просачивается во все его тексты. Вряд ли возможно на основании таких исследований раскрыть псевдоним, но если автор уже известен, можно узнать что-нибудь о нем.

Вот например: Чхартишвили известен не только как переводчик, но и как автор исследования «Писатель и самоубийство» — и действительно, самоубийств в романах о Фандорине хватает, но почти все — кроме того, которым открывается «Азазель», — оказываются фальшивыми и инсценированными. Что-то это, конечно, значит — не ясно только, что именно.

Можно, например, сказать, что у Достоевского почти в каждом романе кто-то кончает с собой — но у него на самом деле, а у Акунина — нет. Это можно интерпретировать так: ФМ — подлинник, а Б. Акунин — имитация. То есть самоубийство выступает как бы критерием подлинности. Кириллову понравился бы такой поворот сюжета.

Или вот еще: учитывая обещания Акунина создать из книг о Фандорине многогранник, можно предположить, например, что цикл завершится добровольным уходом Эраста Петровича из жизни — и тогда круг замкнется. Конечно, заявив такой прогноз, я провоцирую Чхартишвили (сейчас пошлю ему ссылку на статью) — но в любом случае пусть либо прекратит в каждом романе инсценировать самоубийства, либо концептуализирует этот мотив.

Еще можно сказать, что раскрытие псевдонима — тоже вариант самоубийства. Тем более что самоубийство Бога — часть мифа о смерти и воскрешении. И, таким образом, после статьи в «Ведомостях» Б. Акунин умер и воскрес в облике Г. Чхартишвили. (Писатель — Бог для русского читателя, давно известно.)

3. Никита Михалков как скрытый суфий

Коан о непробиваемой броне и всесокрушающем снаряде

Амадей, зима 1999 г.

В свое время я долго думал, предавать ли эту историю

огласке. Но, когда понял, что рассказал ее уже нескольким десяткам человек, стало ясно, что умолчать о ней было бы неисполнением моего профессионального журналистского долга. И потому я решился поведать читателям «Газеты. ру» то, что я назвал «Правдой о Никите Михалкове».

3 августа я напечатал в этой газете историю о том, как в один из дней Московского кинофестиваля журнал «Искусство кино» и дирекция кинофестиваля организовали круглый стол под призывным названием «Интеллигенция — за социализм?». Тогда мне опрометчиво показалось, будто мне есть что сказать на эту тему (прежде всего о неправомочности самой постановки вопроса и его неактуальности), и к тому же часть организаторов просила меня посетить мероприятие. Я посетил.

Первым выступал председатель Союза кинематографистов и глава ММКФ Никита Михалков. Речь его была выразительна, хотя на первый взгляд предсказуема, как речь любого человека, занимающегося политикой. Мое внимание привлек один фрагмент, который я, к сожалению, не смог записать на месте, а за прошедшую неделю он неизбежно фольклоризовался. И потому я заранее прошу прощения у четырех стихий и у Никиты Сергеевича за неизбежные искажения, которые мне, как увидит далее читатель, особенно досадны.

Михалков рассказал следующую историю (при чтении желательно представлять себе Никиту Сергеевича в натуре — с вальяжным голосом, усами, жестами и прочее):

— Был я недавно на ярмарке [говорит о традициях русских купцов, об их честности и богобоязненности]. И вижу, стоит такой мужичонка, в простой такой застиранной рубашке, и держит в руках такой лист железный. «А это, грит, Никита Сергеевич, броня. Которую ни один снаряд не пробьет. До 2004 года». Вот ведь наши Кулибины, наши Иваны Ползунковы в таких условиях… [долго говорит об условиях и талантах русского народа]. Захожу я за перегородку, а там другой мужичонка стоит, в такой футболке обычной, и держит болванку железную. «Что это?» — спрашиваю, а он мне отвечает: «Это, Никита Сергеевич, снаряд, который любую броню пробьет».

Тут я замираю, потому что ожидаю услышать что угодно — о том, что лучшие наши таланты заняты в области производства вооружений, о патологической лживости русского народа, о его озорном уме, склонности к розыгрышам, юморе, который, несмотря на тяжелые условия, и так далее. Но вместо это слышу:

— И я смотрю им в глаза — и я им верю. Я чувствую, они говорят правду. Что этот снаряд действительно пробьет любую броню. Кроме той, конечно, которую ни один снаряд не пробьет

до 2004 года.

Тут я замираю вторично, чувствуя, что столкнулся с умом, намного превосходящим мой собственный. Я бы не удивился, если бы Михалков без паузы продолжил: «Я чувствую, они говорят правду. Что эту броню до 2004 года действительно не пробьет ни один снаряд. Кроме, конечно, того, который пробьет любую броню».

Подобные истории рассказывают мастера дзен. Вспоминая внешний вид Михалкова, я склонен, однако, считать его не мастером дзен, а тайным суфием. Тем более что и его лихая джигитовка, продемонстрированная в фильме «Сибирский цирюльник», наводит на мысль о краях скорее мусульманских, чем буддистских.

На первый взгляд эта история — анекдот. Но мы-то знаем, что многие анекдоты — это деградировавшие притчи. Этот анекдот — притча недеградировавшая. Согласно Идрис Шаху, каждая притча имеет семь смыслов, раскрывающихся на разных степенях посвящения. У рассказанной Михалковым мы рискнем указать на несколько возможных значений. Первое из них связано с медитацией над известным вопросом: «Может ли Бог создать камень, который Он не сможет поднять?» В притче Михалкова в качестве Бога выступает русский народ и на вопрос дается твердый ответ: «Да. Бог может создать камень, который Он не может поднять, чтобы потом легко поднять его».

Второе значение связано с критикой рационалистического правила исключенного третьего. По обычной (рационалистической) логике один из двух мастеров должен безбожно врать — но нет, оба говорят правду.

Я волнуюсь, что, исказив слова Мастера, я, возможно, невольно исказил другие смыслы этой притчи. Так, для меня до сих пор непроясненным остается смысл числа «2004», а также таинственной фразы, сказанной Председателем СК чуть раньше:

— В эти годы мы вместе с ребенком выплеснули много всего полезного.

P.S. Вышедший текст вызвал неожиданную дискуссию, когда главный редактор «Газеты. ру» Антон Носик прорекламировал его на закрытом листе рассылки «ЕЖЕ». С некоторым изумлением я понял, что большинство написавших мне и на лист свои отзывы не совсем верно поняли то, что я хотел сказать.

Превалировали две точки зрения: я обстебал Никиту Михалкова, и я хотел его обличить. Леонид Делицын обратил внимание на то, что я упоминаю дзен и суфизм, то есть вписываю Михалкова в восточный контекст, в противовес западному. Мол, Кузнецов хочет сказать, что Михалков толкает Россию на Восток.

Борис Лифановский предположил, что мне просто было не о чем больше писать:

> «Михалков, наверное, массу других более интересных вещей сказал. А в этой фразе человек ну явно оговорился или запутался в собственном глубокомыслии — и черт с ним. Нет, почему-то нужно было именно этот бред размусолить на две страницы».

Сомнамбулист Чезаре отметил, что современная броня — «это никакой не «лист железа», это сложная многослойная конструкция толщиной сантиметров в 20–50, которая состоит не только из металлических сплавов, но и из продуманно расположенных небольших зарядов взрывчатки (для предотвращения кумулятивных взрывов)».

Больше всего меня порадовало интертекстуальное изыскание того же Делицына, в котором он нашел литературный подтекст михалковской притчи: «Я надеюсь, что для подписчиков ЕЖЕ не секрет, откуда взялись броня и снаряд. Они пришли из романа Жюля Верна «Из пушки на Луну». Там Капитан Николь делает броню, которую никто не может пробить, а Барбикен — снаряды, которые всегда эту броню пробивают. А потом они дружной семьей летят на Луну».

С сожалением должен признать, что мне, вероятно, не удалось выразить свою мысль ясно. Я ни в коей мере не хотел *обстебать* или *обличить* многоуважаемого Н.С. Михалкова. Я честно хотел выразить свое восхищение человеком, который способен не дрогнув говорить то, что говорит Михалков.

Я вообще люблю странных людей. Один мой знакомый несколько лет находился в психоделическо-эзотерической связи с кроликами: покупал их изображения, выучивал наизусть стихи о них, видел их в кислотных путешествиях, брал к себе пожить домой и так далее. Другой мой знакомый рассказывал: «Вчера я не пошел на работу и прекрасно отдохнул. Посмотрел у себя дома пять фильмов и заснул счастливым под «Вспомнить все». Работал он, надо сказать, кинокритиком. Третий мой знакомый прекрасно умел изображать идиота — не хуже персонажей еще не вышедшего тогда фильма Ларса фон Триера. Четвертый придумал Бурашку — смесь Чебурашки и Буратино. Пятый…

Ну и так далее. Короче, я люблю людей, развивающих в себе необычные навыки: в качестве отдыха смотреть по пять фильмов в день, любить кроликов, пускать слюну из уголка рта, придумывать странные игрушки и тому подобные вещи, не сулящие мгновенной прибыли. Будь у меня знакомые, которые сочиняли бы проекты тоннеля от Бомбея до Лондона, я бы их

тоже очень любил.

Никиту Михалкова трудно назвать моим знакомым. Но меня радует, что, несмотря на высокий социальный статус и достаточно просчитываемое поведение, он находит в себе силы (или, если угодно, «не может удержаться, чтобы не») говорить такие чудесные вещи, как те, что я цитировал выше. Причем говорение таких вещей не является главной компонентой его имиджа (как у Жириновского) — как раз тогда это было бы неинтересно. Рассказывание таких историй — явное хобби. Типа кроликов и Бурашки. И, как кролики и Бурашка, наполнено глубоким и сокрытым от меня смыслом.

Таким образом, повторюсь еще раз, целью моей статьи было не обстебать и не обличить Михалкова, а, наоборот, выразить свое восхищение.

4. Киркоров — это Летов сегодня

Путем взаимной переписки, или Punk is not Dead!

«Амадей», зима 1999 г.

Одним из достоинств Интернет-журналистики является возможность получить отзывы на свои творения. Говорят, в советское время редакции журналов были завалены мешками с письмами и просьбами прислать фото любимых артистов. Я этого, к сожалению, не застал, а письма, приходящие в нынешние бумажные издания, лично ко мне отношения не имели. Однажды, впрочем, в «Premiere» пришло чудесное письмо на мое имя, где хвалили меня и Стаса Ростоцкого, а некоего X, напротив, ругали: «Он, похоже, вообще не смотрит фильмы, про которые пишет». Особую пикантность ситуации придавало то, что X был моим стандартным псевдонимом, который ставился, когда на странице оказывались четыре мои рецензии подряд. Разумеется, я сам не мог различить кто что из нас писал… но читатель был проницательней: X являлся (и, собственно, является) виртуальным персонажем и, разумеется, вообще не смотрит фильмы.

Не то в Сети. Там отзывы приходят быстро и обильно. Иные, на мой взгляд, приятней читать, чем породившую их статью. Поэтому прошу считать нижеприведенный текст просто информационной вводкой к завершающим полосу письмам.

Панк не мертв! И число его приверженцев, пророков и мучеников множится год от года. Благодаря Интернету мы

узнали, что в их числе не только небритые и волосатые рокеры или бритые и безволосые тинейджеры, но и такая звезда отечественной эстрады, как Мистер Алла Пугачева — сам Филипп Киркоров!

Панку есть место не только в гаражных студиях, подвалах и подпольных флэтах. На днях неизвестные выложили в Сеть запись того, что поет в головной микрофон на «фанерных» концертах Филипп Киркоров. То есть он прыгает, кричит «спасибо!», раскланивается и принимает цветы от поклонниц, а в микрофон двигает губами, стараясь совпадать с тем, что играет из динамиков. Как честный человек, он пытается повторить то, что спел раньше в студии. Ему не хватает дыхания. Голос, видимо, тоже не выдерживает нагрузок. Часть слов он пропускает, часть бубнит под нос. Впечатление очень сильное. Я бы даже сказал: гораздо сильнее, чем от любой другой песни Киркорова.

Слушая одного из самых высокооплачиваемых артистов нашей эстрады, невольно вспоминаешь письмо в газету после столетней давности «Музыкального ринга» со «Звуками МУ». Старушка-пенсионерка писала: «Я посмотрела в глаза Петру Мамонову: немолодой уже человек, а так кривляется на потребу публике. Как ему, наверное, тяжело!» Слушая эти записи — лучшие записи Филиппа Киркорова! — ловишь себя на той же мысли: «Как ему, наверное, тяжело!». А вы бы, между прочим, попробовали петь, прыгая по сцене и то и дело спускаясь в зал.

По большому счету, это настоящий панк — с «грязным» звуком, срывающимся голосом, выпущенными словами. Категория качества — не про панк писана, голос и слух — не для выкормышей Макларена. В лучших образцах панка через взвизги и фальшиво взятые ноты пробивается боль и горечь невозможности трансцендентного прорыва. Достаточно вспомнить, как тот же Мамонов запинается на самых, казалось бы, спокойных песнях, а Летов в «Прыг-скок» просто орет «АААА!!!», двух слов не может сказать, не заикаясь, и совсем теряет дыхание, доходя до «над деревьями под могилами ниже кладбища выше солнышка». Панк — по крайней мере, русский панк — это песни о невозможности. Невозможности души покинуть тело, невозможности достижения абсолюта, невозможности самого абсолюта в той жизни, которой живешь.

Удивительным образом все это чувствуется в концертной записи Киркорова — и даже все попсовые операторские приемчики и длинноногие девушки на подтанцовках не заставят об этом забыть. Когда Киркоров «на бис» исполняет припев «Единственная моя!», в голосе его звучит подлинно летовское отчаяние, а пение напоминает то самое прыг-скоковское

бормотание. Можно, конечно, сказать, что отчаяние Киркорова имеет другую природу, нежели отчаяние Летова: Киркоров просто осознает, что он плохой певец, неспособный спеть «вживую». Оставим это злопыхателям и лучше вслушаемся в слова:

Единственная моя,
С ветром обрученная,
Светом озаренная,
Светлая моя.

Существует мнение, что Киркоров всегда поет об Алле Пугачевой, его «зайке». Это не должно нас обмануть: в данном случае Филипп, конечно, завывает о далекой и недостижимой алхимической возлюбленной, связанной с двумя Божественными Стихиями — воздухом и светом. Отчаяние в его голосе — это крик невозможности достичь слияния с Ней.

Зачем же теперь заря,
Звезды падают в моря,
И, срывая якоря,
Прочь летит душа моя.

Это — конец. Звезда Полынь падает на море, муха наконец-то отодралась от липкой бумаги, душа отлетает прочь. Пальцы свело, голову выжгло, тело вынесло. Душу — вымело.

Рекламный слоган статьи был: «Филипп Киркоров — это Егор Летов сегодня», и, как и следовало ожидать, откликнулись в основном поклонники Летова… хотя и от поклонников Киркорова я был бы рад письму. Видимо, их в Сети меньше, или они просто менее креативны.

Один за другим пришли три письма, одно другого приятней, и я воспроизвожу их один в один, со всеми особенностями орфографии и пунктуации.

Некто Sanjok Dohlyj (alex_dead@***.net) написал:

> *Это же что за х…ю ты пишешь? И ведь знаком с творчеством И.Ф. Летова, а все равно повернулась рука написать такое! Мудак! Что же, по-твоему, Егор тоже кошельком поет? А в другой раз ты напишешь, что Янка — Пугачева? И вообще, сравнивать одного человека с другим — тупо, тем более настолько разных людей. Нам, панкам, дико читать такие мерзостные вещи, ты*

наплевал на Игоря Федоровича, сравнив с ним это говно. Вот сам же пишешь — фанера, а у Летова ты фанеру слышал? Короче, даже больше и писать не хочется, глупо это все. Честные и совершенно бескомпромиссные песни Летова невозможно сравнить с конъюнктурным спермопусканием мужа Пугачковой.

И подписался

«Панк».

Следующим был «Max» (mufff@*****.ru):

Привет…

Автора!!! Автора блин!!! Статейки этой сраной, повезло бля, что виртуально, а узал бы бля что такое ПАНК…

И наконец, достойно завершил линию панка Вик (qpq@****.ru):

Материал крут… ебн в…, обосрать Киркорова — святое дело, но хули обсирать панк, помещая его в данном контексте — это ж не хрен собачий! Завидная манера мерзавца — что угодно считать чем угодно… Из вашего лона киркоровской жопы панка вообще не должно быть видно… Как оригинально — столкнуть в соседстве К. и панк… и тем, и другим вставить… скадал, нахуй, успех… Блядство это! Классическое журналистское блядство, происходящее от недостатка культуры…

Душу — вымело…

Вик.

Мне особо понравилось про «лоно киркоровской жопы». Долго думал. Яркий, в самом деле, образ.

Любителям детективного жанра могу сообщить, что все три письма пришли в течение часа — и хочется представить трех панков, которые, сгрудившись у одного компьютера, по очереди шлют мне проникновенные письма. Впрочем, может, они друг с дружкой даже не знакомы…

Последнее письмо уже не поднимало тему Летова. И за Мамонова автор не обижался.

Предложенный им поворот сюжета поверг меня в трепет и волнение.

Кирилл Пестов (kpestov@*******.com.ar) писал:

Я, в общем-то, не знаю, кто такие Мамонов, Макларен и Летов. Но я слышу начало:

«Этот город скользит и меняет название…»

Башлачев, короче говоря. Вот что пришло в голову, когда послушал микрофонные записи Киркорова.

Тут уж я почувствовал себя давешним панком. Типа в следующий раз у него Алла Пугачева Янкой окажется, а Анита Цой — Виктором Цоем. И как он умудрился не знать Летова и Мамонова? Только посмотрев на адрес, я понял: судя по всему, читатель мой живет в Аргентине.

Все-таки велики дела Твои, Господи! На свете, оказывается, есть панки, ставящие отточия в матерных словах, называющие Егора Летова по имени-отчеству и попрекающие других недостатком культуры. Только для того, чтобы узнать об этом, стоило написать статью.

Тут все-таки нельзя обойтись без небольшого комментария. После этой статьи мне пришло еще одно письмо от человека из Аргентины, где он пояснял, что фразу «Я, в общем-то, не знаю, кто такие Мамонов, Макларен и Летов» следует понимать как «Я знать не желаю, кто такие…» — потому что, разумеется, на самом деле он их всех знает, и Летов даже у них концертировал в Буэнос-Айресе.

Вот ведь как судьба повернется: никогда не знаешь, что узнаешь. С тех пор так и представляю себе стоит Игорь Федорович на сцене, крутом все пьют матэ и читают Кортасара и Борхеса, а он все ходит и *ищет мертвее себя.*

5. На закрытие «Вестей. ру»

Без названия

«НасНет», осень 2000 г.

«Вести. ру» существовали год, а до того еще полгода примерно те же люди делали «Газету. ру». И каждый день я должен был чем-то заполнять рубрику «Культура». Заполнил я ее несколькими сотнями собственных статей — не считая пары десятков, написанных под псевдонимами. Еще где-то полсотни статей я заказал другим авторам, но так или иначе каждое утро я вгонял текст в подготовленную форму, дописывал к нему три

краткие новости со ссылками или без оных — и посылал Юле Миндер и Юле Березовской, с которыми было так приятно работать, что мне не хватает их существенно больше, чем скольких-то там долларов зарплаты. Иными словами — образуется пустота.

Однако это личное. Спросим себя лучше о другом: какую пустоту заполняли «Вести. ру» и что будет заполнять ее теперь? Понятно, что речь не идет о том, что «Вести» были ежедневной газетой — ежедневных онлайн-газет теперь много, взять хотя бы новые «Вести»; речь идет о какой-то другой функции. Когда «Газета»/«Вести» создавались, казалось, что большинство участников воспринимали их как неплохой заработок… собственно, даже очень неплохой по меркам Сети-99 (напомню, только что прошел кризис, и далекий рост NASDAQ мало кто примерял на себя). Однако сейчас, когда старых «Вестей» больше нет, ясно, что у них обнаружилось еще одно свойство: это было издание, в значительной степени делавшееся ветеранами Рунета.

Рунет — образование молодое, и поэтому слово «ветеран» звучит немного смешно. Но издание, дизайн которого делал Тема, главным редактором которого был Антон, в «основном составе» были Норвежский Лесной и Леха Андреев, а во вспомогательном — Гагин, Настик, Шерман, Паркер и ваш покорный слуга, невольно вызывает в памяти Zhurnal.ru. Не хватало только Вербицкого, Горного, Лейбова и Делицына. Последнему, кстати, предлагали поучаствовать, но он отказался в чью-то пользу из непонятных мне идеологических соображений.

Самое смешное, что Носик наверняка не собирался «возрождать» ZR, скликать старую гвардию и тому подобное. Он просто собрал вместе людей, про которых знал, как они будут работать и чего от них ждать. В результате получилось действительно беспрецедентное издание, в котором некоторая не обязательность материалов вытекала не из низкого профессионализма авторов (что иногда бывает заметно в других ежедневных газетах), а из самого их набора и общей концепции. Собственно, именно размытость концепции, сводившейся, по большому счету, к тому, что Интернет — это то, о чем пишут Гагин/Настик, а культура — то, о чем пишет Кузнецов, и привела к закрытию газеты: провалы становились все заметнее (не хватало театра, литературы, психологии…), приходилось вводить новые рубрики. К тому же нельзя было все время выезжать на одних и тех же авторах. Понятно, почему редакция так гордилась Тучковым и Курицыным — людьми, пришедшими из офф-лайна и идеально вписывающимися. «Газета»/«Вести» были изданиями колумнистов — но набрать колумнистов на две с лишним

дюжины рубрик, разумеется, было невозможно. В результате первоначальная идиотическая чистота («Интернет — это то, о чем пишет Настик») размывалась и газета становилась все аморфнее. И естественным путем умерла.

Нет ничего более естественного для духа русского Интернета середины девяностых, чем это определение темы через автора/издание: сетевая культура — это то, про что пишет «вестник сетевой культуры» Zhurnal.ru, Интернет — то, о чем пишет «Вечерний Интернет», и так далее. В 1996–1997 годах Рунет был адамическим миром, где, ткнув пальцем в любой объект, можно было дать ему имя и быть почти уверенным, что оно за объектом закрепится. Так возникли веб-обзоры и веб-дизайн (понятие, куда менее известное в Америке, чем в России… и уж точно более известное в России, чем дизайн просто: не бывает сайтов без веб-дизайнера, а магазинов без дизайнера — пруд пруди).

Сами того не ведая, «Вести. ру» стали продолжателями этой традиции: частично из-за набора авторов, частично из-за идеи Носика *(«ты же все равно всем этим, занимаешься, будешь заодно и нам писать»),* позволившей со сравнительно небольшими инвестициями привлечь в газету звезд и обеспечить ей высокую популярность.

Именно место «продолжателя традиций» старого Рунета оказалось вакантным после закрытия «Вестей», и непохоже, что кто-то из инвесторов захочет выделить на его создание деньги: опыт новой «Газеты. ру» показывает, что существуют более эффективные способы создать популярное онлайн-издание, чем покупка «звезд».

Вероятно, не случайно в последнюю неделю существования старых «Вестей» возник проект, собравший под своей крышей едва ли не всех тех, кто делал ZR (за исключением разве что Вербицкого). Это Bagatelles, обычно называемый просто *look.down* (зеркало, кстати, живет по адресу look.novikov.com): ежедневная подборка афоризмов, присланных Вике теми, кому она разрешила их себе присылать. В проекте участвуют Антон Носик («yahoo я посвятил народу своему»), Александр Гагин («b2b, b2c и 2cb») и огромное количество других людей, про которых все давно уверены, что они настолько погрязли в корпоративных делах и зарабатывании денег, что за бесплатно и слова не напишут. Ан нет, как мы видим. Все тут — в том числе даже Куб, без которого «Журнала. ру» не было бы и о существовании которого большинство моих читателей, я думаю, даже не догадывались до появления «Интер(акти)вью» с ним.

Бесплатность, на мой взгляд, — едва ли не самое главное качество *Bagatelles.* Именно она превращает всю затею в забаву, в

дело необязательное — то есть ни к чему не обязывающее. Тех, кто делал *Zhurnal.ru,* уже нельзя объединить общим делом, потому что они и так делают общее дело, называемое Рунет, — их можно объединить только безделицей. Потому что эти люди еще помнят время, когда слова «Рунет» не было, а сам он этим и был — безделицей, забавой взрослых шалунов.

Раз уж эта заметка попала сюда, грех не сказать несколько слов о Bagatelles, который, хотя и в полсилы, существует и по сей день. Его основательница и вдохновительница Вика (та самая, которую все знают без фамилии… тоже форма настоящей славы, к слову сказать) говорит, что его убил ЖЖ. Бессмысленные буквосочетания b2b, b2c и 2cb означают business-to-business, business-to-client и 4-бром—2,5-диметок-сифенилитамин. Первые два — бизнес-схемы, популярные в то время в Интернете, последнее — наркотик, синтезированный Александром Шульгиным, тоже популярный в описываемое время.

Помимо уже процитированных, моя память сохранила всего несколько афоризмов. Один из них принадлежит все тому же Носику — «чем больше денег, тем меньше в них радости», другой посвящен все той же теме — «деньги не пахнут только для тех, кто их и не нюхал» (AlexSYS).

Часть третья
ВНЕ ЗАКОНА

Интернет как новая культурная и технологическая среда поставил перед юристами много новых вопросов. Ни у кого не вызывало сомнения, что можно меняться купленными книгами — но как только люди начали меняться файлами, держатели авторских прав встали на дыбы. Люди спокойно переносят рекламную почту в своем почтовом ящике, потому что получают не больше двух-трех десятков писем в неделю. Но когда на электронный адрес приходит несколько сотен рекламных писем в день, начинаешь думать, что тех, кто их рассылает, неплохо бы уничтожить физически. Никого особо не раздражает реклама в газетах и журналах — но я знаю многих людей, которые ненавидят баннеры.

Обо всех этих проблемах мне бы и хотелось рассказать здесь.

1. Снова о хакерах

Правописание для хакеров

Интернет. ру, январь 2000 г.

В минувшее воскресенье внимание тех, кто сидел у своих компьютеров, было привлечено к взлому нескольких серверов, принадлежащих Фонду эффективной политики. В их числе были такие популярные ресурсы, как «Русский журнал», «Вести. ру» и «Лента. ру». Хакер оставил на титульной странице пострадавших серверов следующую запись:

> ya ne ponimau s kakih eto por v security specialistah ne kto ne nujdaetsy, i oni sebe ne mogut nayti prostuu rabotu, chto in zastavlyet vzlamivat' za dengi sites, obidno, pomogite nayti work, (c)Webster, esli u vas est' kakie libo predlojeniya o rabote pishite po addressu cernвmail.ru

За подробностями можно направить к другим статьям Internet.ru (в том числе к интервью со взломщиком), а нас больше всего интересует сама по себе запись.

Обращают на себя внимание две вещи. Во-первых, изрядное количество ошибок и опечаток («не кто» вместо «никто»,

«нуждаетсы» вместо «нуждается», «какие либо» вместо «какие-либо»). Во-вторых несколько комическое сочетание русского и английского («помогите найти work»).

И то и другое имеет вполне определенные культурные корни в сетевой культуре. Небрежное и специально неверное написание широко распространено в английской части Сети (самый известный пример — «и» вместо «you»). Обычно слова упрощаются, приближаясь к фонетической транскрипции. Интересно отметить, что часть из них (к примеру, «luv» вместо «love») восходят к «1984» Оруэлла — книге, судя по всему, вообще довольно популярной в американской хакерской субкультуре («Большой Брат» как призрак тотального контроля над Сетью и т. д.). Но еще важнее, что и языковыми реформаторами из оруэлловской Океании, и бесчисленными авторами разных «c u 18r» (see you later, если вы не догадались) движет одно и то же мысль, что новая реальность невозможна без нового языка. Сеть предстает перед нами дивным новым миром, где будут новые законы — в том числе новые законы правописания.

Старый мир предстает в этой субкультуре как мир консервативный, мир подавления и мейнстрима. Мир Интернета для хакеров и сочувствующих — мир эстетического подполья, противостояния и свободы. Недаром схожими приемами правописания пользуются внесетевые поборники андерграунда и свобод: так, «На игле» Ирвина Уэлша написан на языке, который трудно назвать английским: и дело не в матерщине, а в многочисленных вульгаризмах и провинциализмах. В результате мы видим что-то очень похожее на сетевой английский: ah вместо I, shite вместо shit и так далее.

Похожую функцию выполняет в российской хакерской субкультуре смесь английского с русским. Еще в 1996 году взломщики «Птюча» порадовали меня фразой «And mu pridem k Vam»… Напомню, что еще в советское время англицизмы были ярким примером молодежного и андерграундного жаргона (взять хотя бы хипповские «герла», «флэт» и «хайр»). Писание английских слов в латинизированном русском тексте — продолжение той же традиции (точно так же, как американские сетевики девяностых вышли из калифорнийских хиппи шестидесятых).

Таким образом, и неверное правописание, и смесь английского с нижегородским наполнены в сетевой культуре важным смыслом. Однако в случае Вебстера закрадывается подозрение, что, несмотря на ник, совпадающий с названием известного словаря, двадцатилетний хакер просто не умеет писать грамотно. Или пользуется стилистическими приемами, не

совсем понимая их смысла. Отметим, что он также не совсем понимает механизм получения хакером хорошей работы. Если ты — крутой андерграунд, не проси работы столь униженно. Чтобы тебя захотелось купить, надо выглядеть неподкупным. Нарушение законов — грамматики, стилистики или УК — может вызвать сочувствие или интерес, когда за ним стоит анархический порыв, а не столь явно декларируемое желание влиться в Систему.

Я достаточно немного писал про хакеров. С одной стороны, я считал себя некомпетентным в этих вопросах, потому что, как любит говорить Вербицкий про Джона Перри Барлоу, не прочитал за свою жизнь ни единой страницы кода. С другой — и без меня хватало желающих. Помню, в 1996 году газета «Сегодня» завела полосу «Сеть» (редактором ее была Лена Березницкая, которая вряд ли подозревала, что через несколько лет возглавит НТВ. ру, а потом — Newsru.com). Так вот, едва ли не первый выпуск полосы был посвящен хакерам — словно это в Сети самое важное.

Примерно к этому времени относится и мой единственный большой текст о хакерах, написанный по заказу журнала «Огонек». Сегодня статья выглядит безнадежно устаревшей, поэтому я приведу только фрагмент, посвященный российским хакерам, — так сказать, более успешным предшественникам Webster'a.

Русские идут!

Огонек, сентябрь 1996 г.

Как всякое модное слово, слово «хакер» скрывает множество смыслов. Оно может означать просто компьютерного энтузиаста, дни и ночи напролет сидящего у монитора, а может — человека, под чужим паролем проникающего в ту или иную компьютерную систему. Впрочем, обычно под хакером подразумевается компьютерный взломщик, обошедший или взломавший защиту системы от несанкционированного доступа. Иногда в отдельный подкласс выделяют «кракеров» — тех, кто проделывает подобные штуки для наживы — например, чтобы нелегально добыть программное обеспечение.

На самом деле реальные люди частенько мигрируют из одного класса в другой, но мы для определенности дальше будем называть хакерами людей, совершающих незаконные действия в области современных систем связи.

Пока Шимомура ловил Митника, наши соотечественники тоже попали на первые полосы газет: группа хакеров из Санкт-Петербурга проникла в английский City bank. Как они

утверждают, целью их был не примитивный грабеж, а всего лишь использование в личных целях большого сити-банковского компьютера: хакеры изучали его операционную систему и юзали свободное дисковое пространство (что, конечно, тоже незаконно).

После взлома, судя по всему, начинается типичная русская история (если, конечно, ее участники не занимаются сознательной дезинформацией). В отличие от Митника, действовавшего в одиночку, все члены хакерской «общины» Петербурга в течение года пользовались компьютером Ситибанка. Так, видимо, продолжалось бы по сей день, если бы не самый распространенный русский порок, он же — веселие Руси. Началось с того, что один хакер, находясь в подпитии, вырубил сити-банковский компьютер. Защиту ужесточили, но к этому моменту другой хакер, по всей видимости с похмелья, продал свои наработки некоему Владимиру Левину за… сто долларов и ящик пива. Сто долларов Левин ему так и не отдал, а вместо этого начал целенаправленно работать уже «с целью наживы». В конце концов его вычислила служба безопасности и английские «органы», в стиле лучших шпионских боевиков Левина заманили в Англию и там арестовали (в России это сделать было нельзя по причине отсутствия соответствующего законодательства).

Надо сказать, общая сумма украденных денег на настоящий момент по разным оценкам составляет от трехсот тысяч до десяти миллионов долларов. Как и в случае Митника, хакеры обвиняют своих противников в том, что те намеренно завышают свои потери, чтобы скрыть доходы от налогов или покрыть собственные ошибки в глазах вкладчиков. Также говорят, что если бы Ситибанк имел хоть мало-мальски приличную защиту, ее нельзя было бы так элементарно взломать, а Левину наверняка помогал кто-то из сотрудников банка: недостаточно одной компьютерной квалификации, чтобы незаметно перевести деньги на нужные счета.

Как и следовало ожидать, эта история получила сильный резонанс на Западе: все сжались в ожидании нашествия голодных, но дьявольски талантливых хакеров с Востока. Вовремя подоспел очередной фильм о Джеймсе Бонде внешне похожий на Митника русский хакер Игорь Грищенко щелкает системы защиты как орешки и гибнет при взрыве резервуара с жидким азотом, застывая в позе памятника хакеру-победителю (на лице — улыбка, руки подняты в торжествующем жесте).

В связи с «русской угрозой» вспомнили, что еще в конце восьмидесятых несколько немецких хакеров, используя дыры в защите американских компьютеров, проникли в секретные военные сети, продавая полученную информацию советской

разведке. Если бы не бдительность Клиффорда Столла, сотрудника астрономической лаборатории в Беркли, они могли бы намного усилить обороноспособность нашей страны. Однако после длившейся около полугода операции хакеры были задержаны и осуждены.

Большинство авторитетных московских и петербургских хакеров не одобряют сотрудничество со спецслужбами или действия, подобные действиям Левина («Купить информацию — и тут же использовать ее для наживы?»). Гораздо круче заявить о себе миру какой-нибудь милой шуткой: например, как это случилось в сентябре этого года, переделать таблицу адресации сети «Демос» так, чтобы, обращаясь на сервер старейшего русского Интернет-издательства «ИнфоАрт», пользователи попадали в хранилище порнографических файлов. Хотя такие забавы никак нельзя назвать невинными, их авторов, по крайней мере, не обвинишь в корыстности.

Однако русские хакеры принимают участие и в международных «воровских» операциях.

Речь идет о программном обеспечении (warez на хакерском жаргоне). Тут, как во всякой интернациональной мафиозной структуре, царит строгая специализация: одни хакеры взламывают компьютеры крупных западных производителей программ и выкрадывают оттуда разработки, другие размещают warez на чужих серверах, третьи — взламывают защиту программ, четвертые записывают их на компакт-диски и продают. Во многом благодаря деятельности кракеров, российский пользователь имеет возможность приобрести почти любую программу в несколько десятков раз дешевле ее настоящей цены — и многие даже не отдают себе отчета, что занимаются скупкой краденого.

Не помню, кто слил мне инсайдерскую информацию о деле Левина: может, Костя Чернозатонский, уже написавший о нем большую статью в «Птюч», может быть — кто-то из Zhurnal.ru, например Максим Пресняков, у которого я консультировался при написании этой статьи. Называлась она, кстати, «Робин Гуды компьютерных сетей» — и теперь, узнав название, вы лучше поймете, почему я не хочу публиковать ее целиком.

Я никогда не занимался хакерами всерьез, поэтому и вспомнить могу немногое. В том числе — участие хакеров в виртуальных политических боях: какие-то патриотически ориентированные молодые люди время от времени ломали то какой-то мелкий пентагоновский сайт (во время вспышки антиамериканизма, вызванной югославской войной 1999 года), то Кавказ. орг — сайт чеченских сепаратистов, курируемый Мовлади Удуговым. На взломанном Кавказе был, как сейчас помню,

помещен портрет М.Ю. Лермонтова, хотя генерал Ермолов выглядел бы там уместней.

2. Копирайт должен быть разрушен: случай Чернова/Сорокина

Дело о появлении в Сети романа Сорокина «Голубое сало» стало самым громким копирайтным делом в истории Рунета — может быть, вообще самым громким интернет-скандалом неполитического свойства (в области политики первое место заслуженно отходит Глебу Павловскому, опубликовавшему на выборах 1999–2000 года результаты exit polls). Я писал о нем так много, что эта глава состоит из целых трех статей, написанных по мере развития событий.

Запутавшиеся в сетях

Время МН, июль 1999 г.

Роман, атакующий институт авторства, стал в русском Интернете причиной самого крупного скандала, связанного с проблемой копирайта.

Когда много лет назад первые энтузиасты стали выкладывать в Интернет чужие литературные тексты, внесетевая общественность предсказывала скандалы и судебные разбирательства. Но все проходило на изумление мирно. Постепенно была выработана юридически сомнительная, но устраивающая всех конвенция: текст кладут на Сеть, и если автор возражает — снимают. Если не возражает — текст остается в открытом доступе. Многие авторы, узнав, что их текст доступен по Сети, дают свое согласие на его существование в таком виде — Борис Стругацкий, Виктор Пелевин и другие.

Были случаи, когда авторы сначала возражали против электронной публикации, но потом признавали ее правомочность (так случилось с Владимиром Войновичем). Вероятно, писатели начинают понимать, что число людей, готовых читать многостраничный роман в Интернете, меньше числа тех, кто, прочитав первые двадцать страниц, решают, что это круто, и идут покупать книгу в магазин (в том числе в электронный). Иными словами, рекламный эффект превышает потери от возможных «бесплатных» читателей.

Первый крупный скандал случился на прошлой неделе — и,

возможно, его скандальность во многом объяснялась составом действующих лиц.

Со стороны Сети выступал Андрей Чернов — один из отцов-основателей русского Интернета, разработчик кодировки КОИ-8, в которой по сей день пишется 9096 всех русских писем, участник множества международных программистских проектов. Но в данной истории важнее гуманитарный аспект его деятельности: Чернов известен как создатель первой русской страницы Алистера Кроули, генератора текстов «Робот Сергей Дацюк™», собрания японских рисунков хентаи-аниме и множества других ресурсов. В данном случае он выложил на Сеть отсканированный и вычитанный текст романа Владимира Сорокина «Голубое сало», ранее опубликованный в издательстве «Ad Marginem».

Со стороны несетевого (или, как принято его называть в Интернете, «реального») мира выступил директор издательства Александр Иванов и сам Владимир Сорокин. Посредником между двумя мирами стал известный критик Вячеслав Курицын, последние полгода ведущий несколько сетевых проектов.

Узнав о появлении «Голубого сала» в Сети, Курицын послал Чернову письмо: «Не хочу наезжать на вас — и цель ваша блага, и в Сети так принято и т. д. Но не кажется ли вам, что пора как-то переламывать эту традицию? Может быть, нам всем пора осваивать какие-то более цивилизованные нормы обращения с текстами?» Чернов, известный своими резкими выпадами, на этот раз ответил вежливо, но твердо: «Постепенно и под влиянием многих факторов и соображений я пришел к выводу, что число копий любого материала в Сети не должно быть ничем ограничено».

По-настоящему страсти накалились после письма Александра Иванова, в котором он просил Чернова «удалить роман «Голубое сало» с его сайта, либо согласовать его публикацию с концерном SAAB (Швеция), которая предоставит автомобили, на которых с Вами приедут разбираться». Подобное заявление, которое с трудом можно представить в бумажной переписке «интеллигентных людей», вызвало всплеск эмоций. Чернов написал резкий ответ Иванову («Я жду ваших извинений… до той поры я считаю вас за бандитов, а никаких переговоров с бандитами я не веду») и опубликовал всю переписку в Сети, вызвав поток писем «за» и «против», выдержанных в традиционно резких выражениях. Иванов ответил в еще более вызывающем тоне «Будь здоров, дорогой Чернов, и спи спокойно, но помни, что твой размер — это твой размер, а размер Сорокина — его. Не путай их, дружок», — а в какой-то момент к дискуссии подключается сам Сорокин, написавший:

> «История с Черновым малоприятна. Я дал право Славе Курицыну и «Ад Маргинем» подвесить ТОЛЬКО куски «Голубого сала». Правом на подвеску и провяливание ВСЕЙ туши не обладает никто. (…) Чернов поступил не как благородный ван. Следовательно, обходиться с ним надо соответственно, рипс лаовай».

Но даже тут Чернов отказался снять текст, выдвинув несколько объяснений. Во-первых, формально текст лежит не на его сервере, а где-то в Штатах. У него стоит только ссылка, и потому снять текст он не может. Во-вторых, по российскому законодательству Интернет не является СМИ и, следовательно, выкладывание текста на Сеть можно и не считать публикацией. Он предлагает рассмотреть три несетевые модели: «чтение вслух», «библиотека» и «телефон». Характерно объяснение, как можно «напечатать» роман по телефону: «Я надиктовываю роман «Сало» на автоответчик и публикую в газете бесплатных объявлений свой телефон. Во всех случаях ни согласия автора, ни согласия издателя не требуется». Отметим, что все эти случаи объединяет отсутствие коммерческой выгоды, — денег за телефонный звонок, чтение вслух или с Сети никто не берет. Проблема достаточно сложна, и в Америке сейчас вовсю идут судебные процессы вокруг формата MP3, позволяющего выкладывать на Сеть аудиозаписи в CD-качестве так, что за десять — пятнадцать минут любой может бесплатно скачать понравившуюся песню.

Что касается доводов морального порядка («автор же просил…»), то Чернов парирует их эзотерическим доводом о том, что текст не принадлежит автору, а продиктован некими высшими силами через его, автора, посредство. Интересно, что этот тезис ровно настолько же постмодернистский, насколько эзотерический: утверждения о «смерти автора» стали общим местом постмодернистского дискурса несколько десятилетий назад. Особую иронию можно увидеть в том, что на позиции «охранителей» оказались директор издательства, последовательно пропагандирующего постмодернизми деконструкцию, критик-постмодернист Курицын и писатель-постмодернист Сорокин, в романе, который стал камнем преткновения, как раз атакующий институт авторства, приводя написанные им тексты «клонов» великих русских писателей.

Странно читать текст Курицына, в котором он пишет: «Когда метафизическое авторство умирает, остается авторство юридическое». На мой взгляд, подобное юридическое право, существующее в отсутствие права метафизического, — реликт,

нуждающийся в скорейшем корректировании. Настаивать на нем — все равно что вводить законодательные запреты на адюльтер при сохранении светского характера брака. Отмена метафизической составляющей брака автоматически снимает вопрос о побивании камнями неверных — хотя, конечно, вовсе не оправдывает измену. Просто из нормативной области эти дела переходят в область этическую. Можно сказать, что мне симпатичней люди, не изменяющие супругам, и те, кто спрашивает согласия автора на публикацию, но в любом случае это будет мое личное мнение. Не больше и не меньше.

Случившееся — еще один пример того, как Сеть с ее постмодернистски промежуточным юридическим статусом и виртуальностью, давно ставшей нормой жизни, бросает вызов теоретикам «реального мира». Пока юристы решают свои проблемы, мы видим, что представители гуманитарной интеллигенции оказываются не на высоте: во многом еще и потому, что они по привычке рассматривают Интернет как модную молодежную вещь. Между тем Сеть — иной, но взрослый мир, не только со своими законами, но и со своей табелью о рангах. И в этой табели о рангах Андрей Чернов намного значительнее Курицына, Иванова и Сорокина, вместе взятых. Цифра в двадцать тысяч читателей (суммарный тираж «Сала») меньше суммарного трафика самых популярных сайтов, а количество людей, пользующихся кодировкой КОИ-8, много больше количества людей, слышавших о существовании Сорокина.

Несмотря на резкость, Чернов имеет право написать: «Учить меня, что мне следует делать в Сети, а что нет, в свете того, что в т. ч. благодаря мне эта Сеть здесь и появилась, есть верх наглости. Люди едва умеют пользоваться E-майлом, а уже хамят вовсю. (…) Со своими цивилизованными нормами идите в цивилизованную ж(..)у и стройте там себе отдельную цивилизованную Сеть. А тем временем в моей сети будут мои нормы и правила, которые рекомендую всем, кто еще не, выучить наизусть», — после чего дает ссылки на классические работы американских первопроходцев Сети, в которых они отстаивают право на свободу публикаций.

Это право в конце концов признал и «Ad Marginem», направив Андрею Чернову письмо с извинениями, в котором попытался представить все случившееся как часть спланированной издательством рекламной кампании. Я было подумал, что это больше похоже на попытку сделать хорошую мину при плохой игре, но узнал, что сетевой скандал вызвал заключение, по крайней мере, одного крупного оптового договора на покупку

«Голубого сала». Так что первый скандал завершился ко всеобщему удовольствию. Довольный Чернов в ответ написал: «Приятно сознавать, что теперь мы с вами вместе против авторов с их «правами» и их приспешников, вообразивших, что распространение информации можно ограничить. Пусть же трепещут авторы, в недалекости своей полагающие, что им кто-то что-то должен, пусть же знают теперь, что гордое «Ad Marginem» не станет потакать их алчности и безумию.

Пусть трижды подумают, прежде чем сдавать вам свои тексты! Теперь вы гарантированы от попадания к вам коммерческих недоделок, а проституирующие авторы пусть помнят, что, если против них начнут объединяться читатели и издательства, — им несдобровать!»

Похоже, на этот раз Сеть обыграла «реальный мир» вчистую. Будем ждать следующего раунда.

Все материалы дискуссии доступны по адресу: http://nagual.pp.ru/~ache/texts/razborka.html

Приложение:

Subject: Game

Date: Mon, 28 Jun 1999 18:11:39 +0400

Уважаемый господин Чернов, московское издательство» АдМаргинем» выражает Вам свою искреннюю признательность за Ваше содействие в рекламной кампании по распространению второго тиража (10 000 экз.) книги Владимира Сорокина «Голубое сало». Мы благодарим Вас за Ваше конструктивное участие в совместном с нами создании «информационного повода» для второй, после выхода первого тиража, рекламной кампании в прессе, безусловно способствующей лучшей продаваемости книги и ее попаданию в многочисленные списки бестселлеров. Мы хотим принести Вам свои извинения за то, что Вы не были заранее предупреждены нами о Вашей роли в планировавшейся и успешно реализованной (во многом благодаря Вашей бескомпромиссной и искренней позиции в инсценированной «интернет-полемике») рекламной акции. Еще раз примите наши искренние извинения за тот вынужденно грубый тон разыгранной «полемики», которая велась нами от лица вымышленного персонажа

— несуществующего в реальности «Александра Иванова».

С искренним уважением и благодарностью за помощь,

Татьяна Поспелова, главный редактор издательства «Ад Маргинем».

Теперь, когда читатель знаком с краткой сутью конфликта, настало время подробней представить действующих лиц. Их, собственно, трое, не считая Владимира Сорокина.

Итак, Андрей «ache» Чернов, чьи программистские заслуги отмечены выше. Я лучше знал его с другой стороны: до 1999 года он был соратником Вербицкого по антилиберальной и контркультурной деятельности в Рунете, а позже, рассорившись с Мишей по причинам скорее личным, чем идеологическим, продолжал свою деятельность независимо. На его сервере nagual.pp.ru хостилось множество проектов экстремистского и магического свойства, включая все того же Алистера Кроули и бесплатную коллекцию японских порнографических картинок хентаи аниме невероятной красоты и жестокости. Роман Чернова с Кроули продолжался долго (и, видимо, не закончился по сей день). В частности, они нашли друг друга с Митей Волчеком, опубликовавшим в «Митином журнале» несколько черновских переводов. Однимиз запомнившихся мне выступлений Чернова было помещение им в 1997 году объявления о наборе желающих на роль жертвы в сексуальных и магических экспериментах. Один из самых известных проектов Чернова — неоднократно упоминающийся им в ходе полемики о «Голубом сале» — это Робот Сергей Дацюк™, названный так в честь интернет-публициста Сергея Дацюка. Насколько я помню, все началось как вышучивание реального Дацюка — мол, его тексты выглядят так, словно их пишет робот-генератор текстов. Однако постепенно проект вышел далеко за рамки шутки, РоСД™ приобрел черты эзотерического ордена, а самому Роботу стали приписываться все когда-либо написанные тексты — не исключая, разумеется, пресловутого «Голубого сала».

Еще одним проектом, который обычно связывают с Черновым, был Егорий Простоспичкин, автор, якобы живущий в Германии. Он регулярно писал совершенно прекрасные эзотерически-магические тексты, которые вывешивались в Сети, а пару лет назад вышли в издательстве «Колонна». Неоднократно приходилось слышать, что Простоспичкин — это и есть Чернов, но я затрудняюсь опровергнуть или подтвердить этот факт.

Надо сказать, что репутация Чернова как кроулианца и мага заставляла меня избегать личных контактов с ним. Но однажды

мне понадобилось настроить программу для чтения почты с сервера Академии наук под новый модем. Как я выяснил, программу написал Чернов, году в 1992-м, и работать с новым модемом она никак не хотела. С затаенным страхом я постучался к ache в аську, и он в течение часа пытался оказать мне техническую поддержку. Я был тронут.

Когда мы с Демой и Сашей Гагиным пытались сложить книжку по истории Рунета, я отослал Чернову ряд вопросов, на которые он ответил так блистательно, что интервью решено было сохранить в неприкосновенности, а не раздирать на части, как мы планировали поступать со всеми остальными материалами. Мне до сих пор жаль, что никто не увидел этого текста, и в приложении к этой главе я его публикую — правда, с небольшими сокращениями.

Слава Курицын в 1999 году был в Сети сравнительно новым человеком. Это, пожалуй, единственная область, в которой я сумел его опередить: потому что в остальном у меня всю жизнь было ощущение, что я иду по курицынским следам. Слава был одним из первых журналистов, писавших о постмодернизме; одним из первых стал планомерно окучивать глянцевые журналы; едва ли не первый в нашем поколении журналистов начал писать романы. Я занялся журналистикой на несколько лет позже его, но уже в середине девяностых мы часто делили полосу обзоров в глянце: он писал про книжки, а я — про кино. Возможно, поэтому «Сидоров» и «Петухов», придуманные Пелевиным как псевдонимы Саши Бло, метят в нас обоих.

Я всегда завидовал Курицыну, поскольку он успел поработать в газете «Сегодня». Мне кажется, что этой газете Рунет многим обязан — я говорю и о стиле публикаций, и об играх с виртуальными персонажами, такими, как Иван Даммов или Аделаида Метелкина. Курицынского голема звали Вацлава Птенц, и Слава как-то в беседе со мной сетовал, что полноценный персонаж у него не получился — все угадывают. Первую попытку привлечь авторов полосы «Искусство» в Сеть предпринял я, когда в 1998 году делал проект «Пегас Light» в «Русском журнале», — среди авторов, еженедельно писавших про культурные события, Славы почему-то не было, зато были Андрей Ковалев, Юля Бедерова и Борис Кузьминский, впоследствии возглавивший в «РЖ» «Круг чтения», а после нескольких лет перерыва — и весь журнал.

Так вот, неудивительно, что Курицын пришелся в Рунете ко двору. Он делал «Современную литературу с Вячеславом Курицыным» у Марата Гельмана, «Курицын-daily» в «Газете. ру» и даже «Курицын-fuckly» на Fuck.ru. В том, что я защищал Чернова,

он, кажется, усмотрел форму дедовщины — мол, я защищаю ветеранов Рунета. Я же, в свою очередь, забыл, что тоже не сразу пришел к своей нынешней позиции по вопросу копирайта, и довольно жестко на Славу огрызался.

Кажется, со временем Слава немного пересмотрел свою позицию — но в любом случае, на наших личных отношениях эта перепалка не отразилась. Помню, впрочем, меня покоробило, что он написал мне в открытом письме: «…положа руку на сердце, а член на жопу…». Не то чтобы я стеснялся слова «член» или слова «жопа», но как-то в целом этот фрагмент мне казался более подходящим для переписки однополых любовников, чем для полемики коллег-журналистов достаточно традиционной ориентации. Может, впрочем, это было признание в любви, которого я не понял.

Проблема копирайта тем не менее действительно, как уже догадался читатель, достаточно сложна — и прежде всего потому, что существует много разных вещей, подразумеваемых под словом «копирайт». На одной стороне спектра находится позиция R1AA, которая считает, что без разрешения владельца авторских прав с произведением нельзя делать ничего. Музыку нельзя переписывать, а книгу — давать читать без соответствующей лицензии (книги, по счастью, RIAA не интересуют). Лучше всего, если пользователь будет покупать не экземпляр произведения, а разовое право на ознакомление: скажем, было бы здорово, если бы диски самоуничтожались после пяти прослушиваний. Ну и так далее. На противоположном конце — позиция, полностью отрицающая права автора: любой текст может быть подписан любым именем — например, Роботом Сергей Дацюк™, — а также произвольно изменен без согласования с изначальным автором. В столь радикальной форме антикопирайтный подход оказывается чистой провокацией и в реальной (и виртуальной) жизни почти не встречается. Вербицкий любит в связи с этим поминать ситуационистов, но сам Ги Дебор без восторга реагировал на то, что другие люди экспроприировали его идеи.

Обычно люди занимают одну из промежуточных позиций. Так, добавляется требование неизменности текста и указание имени автора, а также отсутствие коммерческой выгоды. Именно на этой позиции находятся большинство американских противников копирайта и именно к ней апеллируют три модели Чернова — «чтение вслух», «библиотека» и «телефон». Наиболее известен в Рунете подход Максима Мошкова, позволивший ему создать огромную онлайн-библиотеку, подобных которой зарубежный Интернет, похоже, не знает (наиболее близкий аналог — «Проект Гутенберг», но американское законодательство

в области копирайта приводит к тому, что в нем фактически нет произведений последних ста лет). Подход Мошкова близок к идее соблюдения неимущественных прав: произведение выкладывается в Сеть по умолчанию и снимается по первому требованию автора.

Если угодно, подход Мошкова представляет собой компромисс между требованиями свободного использования в некоммерческих целях и неформализуемыми хорошими манерами: «В принципе мы считаем, что произведения должны распространяться в Сети свободно, но если автор не согласен, то мы, вздохнув, согласимся с ним».

Вернемся, впрочем, к моей статье. После ее публикации в «Независимой газете» Чернов написал мне письмо, в котором, в частности, указывал на некоторые неточности:

Эзотерические доводы выражают мою позицию, а не предназначены для парирования. Для парирования предназначено простое соображение, что ни автор, ни издательство, как бы они ни просили, не могут решать, кому я даю читать свои книжки. Напоминаю, что в соответствии с некоммерческими сетевыми нормами речь может идти лишь об испорченном тексте (такой претензии не прозвучало) или об отсутствии ссылки на источник (ссылка в тексте присутствует).

Нетрудно видеть, что Чернов объясняет здесь свою позицию по вопросу о копирайте: текст не должен быть искажен, и следует сослаться на источник. Требования неизменности имени автора Чернов незаметно убирает — ведь подлинным автором «Голубого сала» является «Робот Сергей Дацюк™», который, разумеется, является автором всего вообще. Об этом, впрочем, можно прочитать в интервью Чернова.

Чернов внес еще одно исправление: заявил, что никогда не выкладывал в Сеть текст «Голубого сала». В свете последующих событий эта мелкая деталь оказалась довольно важной, потому что через несколько месяцев Александр Иванов подал на Чернова в суд — видимо, отчаявшись наехать на него на SAABах.

Шесть вопросов перед судом

«Неофициальная Москва», осень 1999 г.

28 октября начнется судебный процесс, который без преувеличения можно назвать беспрецедентным. Издатель Александр Иванов и писатель Владимир Сорокин подали в суд на программиста и веб-мастера Андрея Чернова, на странице которого размещена ссылка на лежащий в Интернете текст романа Сорокина «Голубое сало». Они требуют от Чернова убрать

ссылку и заплатить им около трех с половиной тысяч долларов компенсации.

История этого процесса началась несколько месяцев назад, когда в Сети появился текст романа «Голубое сало», выложенный туда без разрешения автора и издателя. В течение нескольких недель происходил напряженный обмен мнениями, во время которого обсуждались юридические, философские и этические проблемы, порождаемые подобными действиями. Чернов, на странице которого стояла ссылка на текст романа, в ходе дискуссии резко выступил против приравнивания выкладывания текста в Сеть к публикации (предлагая модель «библиотеки») и против идеи авторского права вообще. Одновременно он несколько раз написал, что на его сервере нет и никогда не было текста романа «Голубое сало». Вся история вызвала множество откликов — в том числе в «Русском журнале», «Газете. ру», «Сегодня», «Независимой газете» и других электронных и бумажных СМИ. И вот в начале октября Александр Иванов подал в суд на Андрея Чернова, требуя от него убрать ссылку, принести публичные извинения и заплатить компенсацию.

Разбор этого случая грозит быть достаточно сложным, потому что на самом деле мы имеем дело не с одной проблемой, а с несколькими.

Первый вопрос (теоретический): является ли выкладывание текста на Сеть (называемое в просторечье «публикацией») собственно «публикацией» с юридической точки зрения? Поскольку Интернет в России юридически не считается СМИ, ответ на этот вопрос представляется далеко не очевидным.

Второй вопрос (финансовый): нанесла ли «публикация» «Сала» урон автору и издателю? Боюсь, что в данном случае ответ «нет»: сам Иванов неоднократно утверждал, что получил потрясающую рекламу, из-за которой продажи сильно повысились. Существует также письмо главного редактора издательства «Ад Маргинем», в котором Чернову высказана благодарность за помощь в рекламной кампании романа.

Кроме того, совершенно неверно утверждение, что «никто не будет покупать книгу, если в Сети есть текст»: читать с экрана очень неудобно (особенно текст типа и размера «Голубого сала»), а распечатка на принтере требует заметных затрат времени и материалов. В любом случае, проще взять книгу в библиотеке и отксерокопировать.

Третий вопрос (этический): хорошо ли выкладывать текст против воли автора? Ответ на этот вопрос тоже неочевиден. С одной стороны, мнение автора можно бы и уважить, с другой — никто не просит согласия автора на помещение его книг в

библиотеку.

Четвертый вопрос (фактический): выкладывал ли Чернов когда-либо текст в Интернет, как утверждают истцы, или только дал ссылку, как утверждает он сам?

Пятый вопрос (юридический): допустима ли юридическая ответственность за ссылку? Мое мнение (совпадающее с нормами, принятыми на Западе): единственное требование к ссылке — ее текст должен описывать то, на что ссылаются (то есть ссылка «Голубое сало» не должна вести на «Войну и мир»). Возлагать юридическую ответственность на Чернова за то, что, воспользовавшись его ссылкой, пользователь Интернета получает доступ к незаконно опубликованному тексту, так же странно, как возлагать ответственность на автора статьи о рынке на «Горбушке» за то, что его читатель может поехать туда и купить контрафактную продукцию. Продолжая эту логику, можно привлечь авторов статей о рейдах милиции по задержанию наркодилеров в районе улицы Миклухо-Маклая по статье о распространении наркотиков.

Шестой вопрос (практический): каковы будут последствия в случае удовлетворения иска? Ответ: плачевны, прежде всего для тех, кто открыто выкладывает тексты с явного или молчаливого согласия автора. Например, любому автору книг, выложенных в огромной «Библиотеке Максима Мошкова» достаточно написать ему письмо, чтобы его книга была убрана из библиотеки (смотри вопрос номер три). Если же автор получит возможность вместо этого подать на Мошкова в суд, не приносящая ни цента прибыли библиотека тут же закроется. Пострадавшими окажутся и читатели, и авторы, лишившиеся бесплатной рекламы (отмечу, что, к примеру, коммерчески успешный Пелевин не возражает против выкладывания его текстов на Сеть). Я уже не говорю о том, что введение ответственности за ссылку может парализовать деятельность Интернета (даже на сайтах крупнейших западных СМИ типа Би-би-си стоит замечание, что они не несут ответственности за содержание страниц, на которые ссылаются).

Я оставляю в стороне философский вопрос о применимости авторского права в постмодернистскую эпоху «смерти автора» как явно слишком общий для данного конкретного случая. Надо, кстати, отметить, что именно теоретические высказывания Чернова на эту тему фигурируют в исковом заявлении («… у Сорокина никаких прав на его текст нет, он не может даже, оставаясь интеллектуально честным, утверждать, что именно он является автором данного текста…»).

Отмечу, что только ответ «да» на первый, второй, четвертый и пятый вопросы может привести к удовлетворению иска.

Учитывая, что в исковом заявлении — сознательно или случайно — эти вопросы перемешаны, остается надеяться, что суд будет чрезвычайно внимателен и не подменит ответ на один вопрос ответом на другой. В этом заинтересованы и ответчик, и истцы. А больше всего — Закон и мы все: читатели, авторы и пользователи Интернета.

Можно добавить, что в этот момент я непосредственно оказался вовлечен в конфликт.

В своем иске Иванов писал:

> Журналист Сергей Кузнецов пишет: «В данном случае он (Андрей Чернов. — *Примеч. истцов)* выложил на Сеть отсканированныйи вычитанный текст романа Владимира Сорокина «Голубое сало», ранее опубликованный в издательстве «Ad Marginem». Кроме того, Кузнецов воспроизводит мнение ответчика по поводу того, что «выкладывание текста на Сеть можно и не считать публикацией», «текст не принадлежит автору» (статья «Сало попало в сеть», еженедельное приложение к «Независимой газете» «Ex Libris НГ» № 26, июль 1999 г.). В другой публикации Кузнецов описывает произошедшее следующим образом:
>
> «Несколько месяцев назад в издательстве «Ad Marginem» выходит новый роман Владимира Сорокина «Голубое сало» (подробности — у Славы Курицына). Спустя некоторое время после того, Аполлинария Тумина выкладывает отсканированный и невыверенный текст романа у себя на Церкви свободного полета. Недели две назад Андрей Чернов вычитывает текст и выкладывает его сюда» (статья «Идолы и реальные вещи», интернетовское издание «GAZETA.RU», 29 июня 1999 г.).

В ответ Чернов спросил меня, перейдя на официальное «Вы»:

> *Поскольку истцы ссылаются, в частности, на Вас и Вашу статью «Идолы и реальные вещи»(http://www.gazeta.msk.ru/culture/29-061999_polemika.htm) («…Недели две назад Андрей Чернов вычитывает текст и выкладывает его сюда…»), не могли бы Вы уточнить, на чем основано Ваше утверждение о том, что Чернов «выложил» текст куда бы то ни было?*

Я искренне ответил:

На недостоверной информации, которой я располагал на тот момент. После Чернов мне написал об этом, и во всех последующих публикациях (бумажных в том числе) я больше этого не говорил. Надеюсь, я буду приглашен свидетелем в суд и смогу внести ясность в этот вопрос.

Кроме того, не в силах остановиться, я написал Чернову, что готов на суде подтвердить, что Иванов говорил мне, как уже сейчас благодаря этой истории получил сильнейшую рекламную раскрутку и будет доволен, кто бы ни выиграл суд. Эти показания были особо важны, потому что в иске Иванов утверждал, что ему нанесен значительный ущерб.

Чернов напечатал нашу переписку на своем сайте, а Саша Иванов немедленно обиделся на меня. Мол, я сказал Кузнецову по дружбе, а он растрепал. Идеологические расхождения обычно слабо сказываются на моих отношениях с людьми, но двойной морали я не люблю. То есть Саша будет врать в суде про свой ущерб, а я буду молчать? Ладно бы мы с Сашей были друзья не разлей вода или хотя бы идеологические союзники — так нет, как человеку мне было все равно, что Чернов, что Иванов, но и по сути дела я «болел» за Чернова. Зачем бы я брал грех на душу и покрывал ложь?

Саша Иванов, однако, был не только обижен, но и зол. В этой ситуации он не нашел ничего лучше, чем попытаться меня запугать. Он позвонил мне и сказал что-то вроде — как же, Сережа, так получается? В газете ты пишешь одно, а на самом деле другое. Это же — клевета и сознательное введение в заблуждение читателя. А тут суд на носу! Понимаю ли я, спросил меня Иванов, чем это чревато? Это же ты в суд не только как свидетель можешь пойти.

Поскольку, как выяснилось, Саша — человек обидчивый вплоть до суда, я должен заявить, что предыдущий абзац является не прямой цитатой, а примерным пересказом того, что я запомнил и понял.

NB! Позвонить *моему адвокату,* проконсультироваться — достаточно ли этой фразы или надо еще что-то добавить.

Если же серьезно, когда-то нас с Ивановым связывали вполне приятельские отношения. В его «Шекспире и компании» я даже устраивал в 1998 году праздник в связи с закрытием «Монокля» и «Пегаса Light». Поскольку я не имею дурной привычки ругаться из-за политических и идеологических мотивов, мы продолжали вполне дружелюбно общаться и после истории с «Голубым салом».

К сожалению, скандал с Сорокиным сослужил издателю «Ad

Marginem» плохую службу: Саша поверил, что скандал — лучший способ раскрутки книг. Он выпустил «Низший пилотаж», который не брали в магазины за порнографичность; еще несколько томов Сорокина, которые сжигали «Идущие вместе», и «Господина Гексогена», которому дали премию «Национальный бестселлер» под улюлюканье с обеих сторон политического спектра. Рома Лейбов сказал как-то раз, что логическим завершением пути Иванова как пиарщика будет заказать одного из своих авторов киллеру — то-то громкий был бы всплеск! — и как раз когда я пишу эту книгу, Елене Трегубовой подложили под дверь бомбу. Пока дело обошлось без жертв, но, похоже, Ромино пророчество начинает сбываться. Вернемся, впрочем, в зал суда.

Гора не смогла родить мышь

«Вести. ру», январь 2000 г.

Вчера завершились первые слушания в Бабушкинском межмуниципальном суде г. Москвы по делу о «Голубом сале». Интернет-общественность может в очередной раз торжествовать: чудовищные в своей абсурдности обвинения в постановке ссылки на помещенный на другом сайте текст отвергнуты за недоказательностью. Иванову/Сорокину в иске отказано.

Итак, суд завершился полной победой Чернова: иск Иванова и Сорокина был отклонен судьей, посчитавшей, что истцам фактически не удалось доказать ни один из пунктов своего обвинения. Возможно, виной тому стали многочисленные ошибки, допущенные Андреем Румянцевым, адвокатом Иванова и Сорокина. Румянцев, например, не только пришел в суд без доверенности на ведение дела, но и не догадался оформить ее на месте строкой в протоколе (говорят, есть такая юридическая возможность). В результате он был фактически отстранен судьей от участия в процессе.

Как известно, наш суд пока не очень приучен к разбору дел об Интернете (может, кстати, оно и к лучшему), и потому сгоряча судья могла бы и осудить за ссылку — случай был бы фактически беспрецедентный в мировой практике (по этому вопросу стороны успели подискутировать в суде).

Несмотря на то что решение суда не может не радовать, жаль, что обошлось без подробного обсуждения насущных проблем авторского права в Сети. Впрочем, можно понять ответчика: суд — не место для теоретических дискуссий, когда речь идет о трех с лишним тысячах долларов.

Вероятно, самым интересным в свете обсуждаемой проблемы

был момент, когда адвокат Чернова Александр Глушенков вступил с Ивановым в спор о том, понес ли «Ад Маргинем» урон в результате действий Чернова. Апеллируя к тому, что уже после появления в Сети текста «Голубого сала» Иванов издал дополнительный тираж в 10 000 экз. (в два раза больше первоначального), Глушенков довольно убедительно, на мой взгляд, доказывал, что «Ад Маргинем» не понес ущерба, а даже наоборот — получил рекламу. Как известно, в частных беседах сам Иванов склонен был раньше с этим соглашаться.

Судя по короткому телефонному интервью, он не чувствует себя ущемленным и сейчас.

Во-первых, он собирается писать кассационные жалобы, а во-вторых, вообще доволен тем, как прошло заседание. Опять-таки, добавлю от себя, реклама — были даже телевизионщики из «Графомании» (РТР). Меня же, как могут почувствовать читатели, ход дела (хотя и не его исход) скорее разочаровал.

— Можно ли сказать, — спросил я Александра Глушенкова, — что гора родила мышь?

— Да даже мыши не родила, — ответил Глушенков.

Насчет фактически беспрецедентного случая в мировой практике я несколько погорячился: суды по поводу ссылок время от времени вспыхивали и раньше. Самый известный, однако, случился позже, когда в декабре 1999 года Ассоциация по контролю за копированием DVD (DVD CCA) подала в суд на владельцев ряда веб-сайтов, требуя запрета не только на публикацию программы для обхода защиты от копирования, но даже ссылок на нее.

Любопытно, что Глушенков впоследствии вполне удачно сотрудничал с издательством «Ад Маргинем» и даже выступал адвокатом Сорокина и Баяна Ширянова в знаменитых процессах по обвинению этих писателей в порнографии.

Почему-то в эту заметку не вошел прекрасный момент (может, это было на кассации?): судья сказала Иванову, что не видит акта пиратства — ведь Чернов не издавал книги «Голубое сало». Но ведь любой может распечатать с сайта, сказал Иванов (или его адвокат), и будет книга. Вот когда будет книга, сказала судья, тогда и приходите. И мы, типа, осудим того, кто ее распечатал.

Иными словами, суд однозначно высказался в том смысле, что выкладывание в Сеть не является публикацией. С тех пор громких процессов о сетевом пиратстве в России не было. Что же до моего личного мнения, то даже в качестве автора, выпустившего несколько книжек, я считаю, что писателю не след проявлять беспокойство по поводу некоммерческого

использования его текстов: что написал, то написал. Как сказал поэт: «Я выйду в одне. Вы — в тыщу».

Ну а если кто-то всерьез заинтересовался делом «Сорокин против Чернова», все материалы по-прежнему лежат по адресу http://nagual.pp.ru/~ache/texts/razborka.html.

А теперь — обещанное интервью Чернова, данное летом 2001 года:

Ты создал первую русскую страницу Алистера Кроули. Расскажи о ней, пожалуйста. Что значит для тебя Кроули?

Кроули прежде всего для меня — гениальный альпинист. Лезть в гору утомительно, но ведь еще придется и спускаться. И ради такого совершенно бесполезного дела Кроули был способен на все! Когда при покорении одной из величайших вершин мира, Канченджанги, у него кончилась провизия, он съел пайки всей своей партии. А когда закончились и они, Кроули в одиночку съел шерпа-проводника. Это был удивительнейший человек.

Расскажи про твое участие в создании кодировки КОИ8 и про кампанию «Только КОИ». Кто был ее инициатором, насколько много сайтов/людей к ней присоединилось, в чем ее цель? Что о своих занятиях магией ты можешь сообщить широкому кругу непосвященных читателей?

В моих занятиях магией я нередко использую широкий круг непосвященных читателей. Например, кодировка KOI8-R представляет собой особую систему нумерологических соответствий, специально разработанную для русского языка. Что это значит? Вы, конечно, слышали о каббале — при помощи букв и таблиц каббалист может вызвать демона, получить счастье и богатство, вообще абсолютно все, что пожелает. Но дело в том, что каббалисты работают, как и вы сами можете догадаться, с еврейскими буквами, а это имеет свою специфику. Кодировка KOI8-R, в отличие от каббалы, — наша, русская. Чтобы воспользоваться этой кодировкой, не нужно 40 лет учиться у раввинов, считать какие-то цифры, буквы и вообще не нужно трудиться. Русский человек не должен трудиться. За него все делает Робот. Что именно делает Робот, широкому кругу непосвященных читателей сообщать пока преждевременно. Вдумчивый перевод текстов из других кодировок в KOI8-R, осуществляемый вручную, может дать какую-то подсказку.

Сохранились ли у тебя твои объявления, в которых ты ищешь добровольцев для участия в магических и/или сексуальных экспериментах? Много ли народу откликнулось?

Сохранились, но их открытая публикация не нужна неподготовленному читателю. Такими вещами не шутят. На самом деле объявления были разработаны для привлечения учеников открывшейся в Московском ЦПРоСД™((http:// rosd.org.ru/extra/) Школы экстрасенсорики. После первой их пробной публикации 17 мая 1997 года добровольцы пошли на курсы непрерывным потоком, но немногие выдерживали вступительные испытания СЕКС-магией такого типа. Некоторым потребовалась срочная психиатрическая и медицинская помощь, вплоть до госпитализации. Сейчас вербовка кандидатов для новых призывов осуществляется более плавно, постепенно, усилиями текущего курса учеников школы, потому объявления отозваны в ЦП.

Расскажи о проекте РоСД™. Как он возник и трансформировался, опять же — об общей идеологии.

Происхождение РоСД™ или Ордена Робот Сергей DAZVK весьма таинственно. Первые следы заговора в явном духе механицистской традиции мы встречаем в 1812 году в России, где движение было направлено против французского экспансионизма. Существует очень распространенное мнение, будто бы механисты произошли от последователей ордена дровосеков, основанного в 1747 году во Франции, прокатились через всю Европу, осели в Баварии и постепенно, в ходе войны 1812 года, перешли на сторону русских, усмотрев в России единственную альтернативу нарождающемуся на Западе материализму и бездуховности.

Продолжение см. (http://rosd.org.ru/Ro/ SD_History_of_Mechanicism.html здесьhttp://rosd.org.ru/datsuk.html) Открытая Версия Робота запущена 12 апреля 1961 года, с 1997 года имеет веб-интерфейс. При Ордене функционируют выше упомянутая (http://rosd.org.ru/extra/) Школа экстрасенсорики, (http://rosd.org.ru/Ro/SD_aht.html) Агентство гуманитарных технологий, (http://rosd.org. ru/extra/Narkonet.html) Реабилитационный центр» Нарконет»,(http://rosd.org.ru/Ro/ SD_Bliss_Club.html) Клуб психологической взаимопомощи» Блаженство»,(http://rosd.org.ru/Ro/) Департамент сексуальной пропаганды и (http://ad-marginem.pp.ru/) книжное издательство. Об идеологии РоСД™ читайте в (http:// rosd.org.ru/drobot.html) Материалах Проекта.

Как ты оцениваешь результат судебного процесса вокруг «Голубого сала»?

Утверждал ли ты и утверждаешь ли теперь, что ты не

причастен к размещению текста «Сала» в Сети, а только поставил ссылку?

Прежде всего хочу подчеркнуть, что я всегда утверждал и продолжаю утверждать ровно одно и то же. Моя причастность ко всему, что происходит с этим романом, надиктованным В. Сорокину, несомненна. Прежде всего это касается, конечно, авторства романа. Московский городской суд официально отверг претензии Сорокина на авторство, что и ожидалось. Все авторские права на текст «Голубого сала» принадлежат Роботу Сергей Дацюк™, в создании версий которого, как известно, моя роль — ключевая. В первом же ответе оголтелым издателям я предсказал и будущий судебный процесс, и реакцию прессы и ТВ. В том, что я заранее знал, чем все закончится, нет ничего удивительного: очередной этап операции по уничтожению гидры копирайта в русской Сети был разработан и проведен специалистами аналитического центра РоСД™.

Расскажи про твою коллекцию Аниме Хентаи. Почему ты переместил ее на другой сервер? Приносит ли это прибыль? Можешь ли ты назвать цифру?

Я так заинтересовался Хентай из-за его откровенных параллелей с культом Буду и культом Солнца древних ацтеков. Тема ритуальных человеческих жертвоприношений здесь переплетается с особой эстетикой японского народного эротического рисунка, что придает милую привлекательность натуралистическим сценам пыток и истязаний, приучает девушек не бояться того, как они выглядят изнутри, и того, что ожидает их в ритуале, прославляет героику страдания и долготерпения. Весенний свежий ветерок над еще не остывшей лавой. Многочасовое созерцание Хентай приводит к катарсису, духовному очищению даже самого неразвитого человека — происходит то, что Гурджиев называл ужас-ситуацией. Поразительно, что по канону Хентай рисуется исключительно с натуры, точно передавая все ее детали, таким образом, это путь левого толка, нарушение базисных традиций экзотерической японской живописи. Разумеется, подобные материалы имеют бешеную популярность, и переезд на другой сервер был связан с тем, что ни один провайдер в моей стране не выдержал бы такого трафика. Это приносит колоссальную прибыль, поклонники шлют мне чеки на фантастические суммы, подарки, девушки предлагают себя в качестве моделей для моих знакомых Хентай-художников. Цифру прибыли я никогда не считал, поскольку денег у меня всегда достаточно.

Расскажи о программистских проектах, в которых ты участвуешь.

На сейчас практически все мое профессиональное время поглощено разработкой матобеспечения к генератору снов. Это самообучающаяся экспертная система, через интерфейс к прикрепленным электродам активирующая в определенном порядке различные участки коры головного мозга. После пробуждения испытуемый рассказывает увиденный сон, а экспериментатор переводит его на язык категорий, известных экспертной системе. Теперь уже с легкостью удается воспроизводить по заказу сон-кошмар, эротический сон, бытовой сон, без конкретизации содержания. Постепенно вырисовывается самая сложная часть — детализация образов сна. Последнее достижение — удается воспроизвести для совершенно различных категорий людей образ обнаженной женщины, сделанной как бы из темного металла, которая в неком сиянии угрожающе приближается к испытуемому, из ее ушных отверстий клубится черный дым. К сожалению, далее испытуемый всегда просыпается, нередки случаи самопроизвольного опорожнения кишечника. Коллектив разработчиков, конечно, не собирается останавливаться только на демонстрации подобных трюков, основная работа у нас еще впереди.

Расскажи о твоих отношениях с Простоспичкиным. Злые языки говорят, что это ты. Как ты можешь это откомментировать?

С удовольствием причисляю и себя к злым языкам. Мои отношения с Простоспичкиным исчерпываются тем, что он — это я. И тут есть над чем поразмыслить.

Есть ли какая-нибудь история и/или байка, которая тебя характеризует?

Какие могут быть байки? Одни факты, фактыи еще раз факты. Научная добросовестность прежде всего.

Расскажи историю о русских кастанедианцах, которых ты загнобил за неумение настроить кодировки.

Карлос Кастанеда в 1952 году был выбран отделом РоСД™ по внешним сношениям на роль теоретика безупречности избранных рас, как подробно описано в материалах по (http://rosd.org.ru/articles/144000.html) Национал-нагвализму. К сожалению, впоследствии в нем возобладали мотивы личного тщеславия, и вскоре он был лишен права выступать от имени РоСД™, а также лишен возможности получать дальнейшие оперативно-магические инструкции из центра. Вот так обернулось дело. Вся

последующая деятельность его и его так называемых последователей сводится к различным рекомбинациям плохо усвоенного предыдущего материала. Тест с использованием нумерологии KOI8-R являлся простейшим тестом второго внимания, который, однако, не смог пройти ни один из участников только что организованного русского кастанедовского списка рассылки, после чего список был проклят за своей полной бесполезностью.

Какой был твой первый проект в Интернете? А какая была первая веб-страница, сделанная тобой?

Мой первый проект был Интернет в моей стране. Первая веб-страница содержала в основном уникальные енохианские призывания в каббалистической кодировке KOI8-R, но, поскольку браузеры умели читать только английский, на тот момент пришлось ее удалить, и теперь она безвозвратно утеряна для потомков.

Может, мы забыли какой-нибудь твой важный проект?

Вот только некоторые из них: (http://angel.org.ru/) МилыйАнгел, (http://www.freebsd.org/) FreeBSD, (http:/ / texts.pp.ru/) Актуальные тексты. В последнее время я все больше стараюсь уходить от тем, связанныхсИнтернетоми программированием, и все больше склоняюсь к литературному и окололитературному творчеству. В журнале «Митин» #59, к примеру, опубликован мой перевод Саймондса в соавторстве с Машей Нестеровой. В издательстве «Вагриус» в скором времени выйдет мой новый роман для женщин «Секрет поимки Единорога».

Ну и добавь просто несколько слов от себя.

От себя хочу особо поблагодарить мою младшую жену, которая уже не первую тысячу раз перепечатывает набело все, что я диктую.

3. История про баннеры

Сначала было Слово, только потом — Порно

«НасНет», декабрь 2000 г.

На днях на подписном листе Академии им. Эдиты Пьехи я принял участие в оживленной дискуссии о баннерах. Несмотря на

то что содержанием своим дискуссия неприлично напоминала все дискуссии на эту тему, которые велись уже года четыре назад, она меня взволновала — скорее всего, потому, что ситуация изменилась.

Три года назад обсуждались баннеры к конкурсу «Арт-Тенета». Кто-то (если я не путаю, не то Леонид Делицын, не то Дмитрий Гусев) предложил рекламировать конкурс фразами из победивших работ и/или дискуссий о них. В результате появился баннер «За такое надо стерилизовать на месте» (фраза Вербицкого, если интуиция меня не обманывает). Тогда на подписном листе «Тенет» кипели страсти — допустимо ли рекламировать литературный конкурс подобным баннером, даже если его кликабельность столь велика? В результате баннер убрали и — более того — убрали его и со страницы www.art.spb.ru/konkurs/banners/. Из любопытного там остался только баннер «В начале было Слово, только потом — Порно». Весьма кликабельный, кстати.

Несколько фрагментов из дискуссии достойны цитирования — тем более что, с одной стороны, это уже часть истории, а с другой — лист «Тенета» в какой-то момент вроде как выкладывался на веб и, значит, может считаться открытым. К тому же информация должна быть свободна, а никто не говорил ничего криминального.

Итак, первая точка зрения была озвучена Романом Лейбовым, написавшим:

> Ja kak raz dumal ob etom. I podumal tak — a na xrena nam orientirovat'sja na kommercheskoe naduvalovo? Ponjatno, chto esli goluju teten'ku narisovat' i napisat' freeXXXrated, budut clickat' eshche sil'nee. No potom zhe budut uxodit', pljujas' i obzyvajas'. Kogda recb' idet o business-delax, tarn dejstvitel'no ljuboj sluchajnyj posetitel' vazhen, osobenno esli operiruesh' bol'shimi chislami. A v nashem skorbnom dele… ja dumaju te 4, kotoryepo moim fantikam prishli, bolee/menee znali, chego zhdat'.

(Сохраняю транслит для колорита — по идее, старожилы должны испытать ностальгию, а пришедшие позже — антропологическое любопытство.)

На письмо Лейбова Делицын ответил по обыкновению большим текстом, в котором наиболее выразительным был следующий абзац про французского классициста Корнеля и его трагедию о Нероне

> Da, esli y a budu reklamirovat' sochinenia Kornelia, ya,

vozmozhno, napishu na bannere «on iznasiloval trup svoej materi». A ne «on punktual'no vyderzhival 14 slogov v stroke». Potomu chto, xotia on ehti sloga i vyderzhival, no chitali-to ne za ehto, a za to, chto adresovalas' tema, kotoraya volnuet vsex— na figa Neron ehto delal?

Живой классик Дмитрий Манин, с которым я познакомился неделю назад по делам все тех же «Тенет», высказался лаконичней, но столь же выразительно:

Reklamnyj transparant ne dolzhen vyderzhivat' kritiku. On dolzhen privlekat' vnimanie.

Было это все, напомню, три года назад. На конкурсе «Арт-Тенета» победил «Низший пилотаж»(что вполне соответствовало радикальности фразы» за такое надо стерилизовать»), образовалось» Арт-Лито», а» Арт-Тенета» опять стали просто «Тенетами». Из точки приложения сил и интересов «всего Рунета», которой конкурс был на момент возникновения, он превратился в нормальный литературный конкурс — то есть интересует любителей литературы, а не всех подряд. Времена литературо-центричности прошли (как раз в 1998 году и прошли — скандал с Ширяновым был последней ласточкой… если так, конечно, можно сказать). Силы и интересы Рунета прикладываются в разные другие места — в том числе в различные академии (под патронажем одной из них, кстати, и существуют ныне «Тенета»). Академия им. Эдиты Пьехи — самая веселая из всех. Однажды я написал «пародийная» — и тут же получил отлуп: мол, у нас серьезная академия, как вы, академик Кузнецов, можете так писать? Помня об этом, продолжу фразу: «…самая веселая, хотя, конечно, серьезная». И на ее подписном листе вдруг стали обсуждать какой-то рекламный баннер «Ленты. ру»… Утверждалось, что он пошл и возмутителен. Как доказательство приводился его текст: «Дочь узнала мать через 20 лет». Или еще как-то в этом роде — желающие могут проверить в архиве академического подписного листа.

Опять вскипели страсти — можно ли делать слишком кликабельный баннер? Прав ли Манин, написавший, что рекламный слоган «не должен выдерживать критику», а должен привлекать внимание?

Сравнивая эти две дискуссии, в очередной раз понимаешь, что изменилось за три года. В 1997 году речь шла о литературном конкурсе. В 2000-м — о новостной ленте. В старые времена — о деле бесплатном; сейчас — о коммерческом проекте.

И я, как журналист и участник множества коммерческих

журналистских проектов, хочу сказать, что это принципиальное изменение. Потому что завлекать баннером «Он трахнул свою мертвую мать» на текст трагедии Корнеля немного глупо, поскольку (тут Лейбов прав) читать ее пришедший по этому баннеру не будет.

Но завлекать на новостную статью размером в 2 Кб можно и подобной фразой: статью, скорее всего, прочтут, а даже если нет — посещаемость повысят. Что для Корнеля не так уж важно, а для коммерческого проекта насущно.

Но хорошо ли это — завлекать баннером, который вводит читателя, так сказать, в стилистический обман? По-моему, неплохо или, во всяком случае, любопытно. Поскольку только в Интернете можно делать вульгарный заголовок в респектабельной газете — заголовок (точнее, слоган на баннере) живет своей отдельной жизнью, а не болтается сверху статьи. Можно, конечно, помянуть тут Бодрийяра, но лучше помянуть Мирзу Бабаева, который еще во времена «Журнала. ру» сделал проект «Круговращение симулякров».

На самом деле скрытой темой дискуссии является вопрос о человеке. Пуристы, осуждающие баннеры («за это надо кастрировать» или «в желудке сома найдена человеческая голова»), считают, что таблоиды чужды природе» приличного» (интеллигентного, умного, достойного — нужное подчеркнуть) читателя. Вербицкий и Делицын, напротив, думают, что все люди одинаковы — то есть, как они сами, любят читать про то, почему Нерон трахнул труп своей матери. И поскольку они сами — хорошие люди, в интересе к подобным волнующим темам нет ничего плохого. И, значит, их можно (и нужно) использовать в рекламе.

С легким прискорбием должен признаться, что я тоже так считаю. Да, даже самый изысканный интеллектуал кликает на баннер «Вначале было Слово, только потом — Порно» — что, кстати, служит косвенным подтверждением обратного: похоже, порно на самом деле было в начале всего.

В этой заметке я немного кокетничал, говоря, что не уверен в авторстве знаменитой фразы. Сейчас проверил — так и есть, она принадлежит Мише Вербицкому. Несмотря на свой огромный вклад в развитие русского Интернета, в его истории Миша прежде всего остается автором двух высказываний: «За такое нужно стерилизовать на месте» и «Окуджава умер. Пустячок, а приятно». Этот короткий некролог вызвал взрыв возмущения у Ромы Лейбова, грозившего отписаться от редакционного листа Zhurnal.ru, если Вербицкий не прекратит рекламировать на нем свой EoWN, из второго номера которого и была взята цитата.

Пикантность этой истории предает то, что Лейбов дружит с Вербицким и его женой Юлей Фридман еще со времен scs/scr, это не мешает им поливать друг друга на страницах подписных листов и «Живого журнала». Точно так же пикантность истории с баннером заключается и в том, что Миша — принципиальный противник баннеров.

Об Академии Эдиты Пьехи у нас еще пойдет речь в части «Лирика», сейчас же хочу заметить, что я привожу здесь эту статью с чувством легкого стыда. За прошедшие годы недостоверные баннеры, завлекающие жареным и желтым на главную страницу новостных сайтов, перестали быть шуткой и стали навязчивой ежедневной рутиной. Антон Носик — главный редактор «Ленты. ру», которую как раз и обсуждали в Академии Эдиты Пьехи, — сделал даже несколько выпусков «Вечернего Интернета», целиком состоящих из однотипных баннеров: Сергей Бодров, Владимир Путин, Борис Ельцин и так далее. Единственное, что я могу сказать в свое оправдание, — я считал, что провокативный баннер должен вести на соответствующий текст, а не на головную страницу. То есть, прочитав «он совокуплялся с трупом своей матери», надо попадать на соответствующую трагедию Корнеля, а не на титульный лист его полного собрания сочинений. Чтобы не искать труп матери в «Сиде».

4. Мужской стриптиз: свинство в «Пумбе»

«НасНет», весна 2001 г.

Долгие годы я считал, что стал кинокритиком не случайно. Мои коллеги, относясь к так называемой богеме, вели себя временами так разнузданно, что вселяли в меня гордость — вот, мол, сколь девиантна моя референтная группа! За то же я любил и Рунет времен Калашного (то есть времен «Журнала. ру») — обстановка общего беспредела, когда кто-то пьет, кто-то курит, кто-то уже спит, а все вместе делают историю Интернета в России, всегда действовала на меня крайне возбуждающе. Может быть, предыдущие годы я не ездил на РИФ как раз потому, что полагал, будто с теми, кого один из ветеранов Рунета презрительно назвал «корпоративными свиньями», мне не будет весело или интересно. По счастью, я ошибался.

Центром культурной жизни пансионата «Лесные дали», где традиционно проводится РИФ, является бар «Пумба». Поскольку это был РИФ, а не кинофестиваль, мало кто знал, что Пумба — это имя кабанчика из мультфильма «Король-лев», но незнание

вовсе не мешало всем собравшимся практиковать различные формы свинства. Чтобы не утомлять читателя многочисленными историями, расскажу только одну, случившуюся в первый же вечер.

Действующие лица:

Дамиан «Дема» Кудрявцев — один из основателей и владельцев компании «Ситилайн», ближайший сотрудник Бориса Березовского, живая легенда Рунета, близкий друг Антона Носика;

Аркадий Морейнис — директор компании Price.ru, сайта, к которому неизбежно обращается любой, покупающий что-либо связанное с компьютерами в крупнейших городах России;

Никита «Кит» Корзун — руководитель List.ru (1998–1999), впоследствии — вице-президент по развитию Port.ru (1999–2000). Считается одним из самых талантливых и вместе с тем беспринципных менеджеров Рунета.

Содержание действия: Дема разводит собравшихся в «Пумбе» игроков Интернет-рынка на деньги, обещая, что, если сумма будет достаточно крупной, Кит и Морейнис публично поцелуются взасос.

Шоу длится часа два. В это время все пьют, занимаются своими делами, беседуют. Изредка появляется Дема (который тоже пьет и занимается своими делами) и предлагает сдавать деньги. Поначалу он еще объясняет, на что сдают деньги, но постепенно все сводит к обещаниям: «Дело стоящее, вы не пожалеете». Делает это страстно и увлеченно, публично упрекая не сдавших деньги в том, что у представляемых ими структур финансовые трудности. Обсуждается предложение заплатить тысячу долларов с карточки, чтобы Корзун и Морейнис поцеловались голыми, но эта идея как-то не получает развития.

В конце концов, собрав около 500 долларов, Дема объявляет, что два крупнейших игрока на Интернет-рынке сейчас публично поцелуются. Морейнис и Корзун выходят на импровизированную сцену и долго целуются взасос под одобрительные крики «Пидоры!». После этого Дема делит пачку денег пополам, отдает половину Корзуну, а вторую оставляет себе. Корзун отдает треть Морейнису, и все продолжают пить.

В качестве необходимого, но очевидного комментария надо отметить, что никто из участников этой сцены не является геем, а фигурирующие суммы денег не слишком заметны в их бюджете.

Глядя на происходящее, я понимал, что собравшиеся демонстрируют именно те черты, которые я люблю в людях, — они одновременно социально успешны и чудовищно асоциальны. При этом складывалось подозрение, что они социально успешны

именно потому, что чудовищно асоциальны, — и вместе с тем могут позволить себе асоциальность, потому что успешны. Едва ли можно придумать что-то более неприемлемое, чем целоваться за деньги (вру: еще можно за деньги трахаться). В особенности — если ты целуешься с мужчиной, и ты не гей. Просто поцелуй — с кем угодно — вещь в чем-то заурядная, кто с кем только на вечеринках не целуется! Но публичный поцелуй за деньги я видел впервые. Тем более — в ситуации, когда никто из присутствующих в деньгах не нуждался.

Внезапно я понял, что не случайно очутился в русском Интернете, — то, что я наблюдал, началось на Калашном, в квартире Емели Захарова на Качалова и в офисе «Ситилайна», — но за прошедшие годы оттяга стало еще больше. Так же, как денег и успеха. Я понял, что мне чудовищно приятно смотреть на этих людей и осознавать, что — при всей разности нашего «удельного веса» — я нахожусь с ними в одной лодке. Эта референтная группа тоже оказалась девиантной.

Все тот же Ф. (герой другой истории в том же выпуске «НасНет», психиатр, сказавший мне: «А то, что ваша референтная группа девиантна, — это тоже симптом» — СК) рассказывал, что успешный бизнесмен в России девяностых должен быть умен, энергичен, асоциален и подозрителен. Подозрительность немного сдерживает его асоциальность — в противном случае его просто убивают. Отсутствие серьезных «разборок» в Рунете привело к тому, что асоциальность «крупнейших игроков Интернет-рынка» ничем не сдерживается. Вероятно, в мире офф-лайнового российского бизнеса нельзя себе позволить то, что делали Корзун и Морейнис, без ущерба для своей репутации. Поэтому, кстати, предпринимаемые в середине девяностых попытки людей типа Носика зарабатывать деньги в «реальной жизни» обычно заканчивались неудачей.

Произошедшее позволило мне найти ответ еще на один давно занимавший меня частный вопрос, касающийся Кита Корзуна. Во время известной истории с «Листовкой» и «Джамп. ру», когда Корзун фактически украл домены у своих бывших работодателей, кинув при этом несколько тысяч пользователей, сообщество достаточно единодушно Корзуна осудило. Между тем никто не «отказал ему от дома», хотя и во время его работы в «Порту» я слышал десятки негативных отзывов (вплоть до того, что одна девушка рассказывала мне, как она поступает, когда ее начальник повышает на нее голос. Она просто говорит:

«Что ты себя ведешь, как Кит Корзун!» — и начальник сразу начинает извиняться). Теперь причина случившегося понятна: с Корзуном, вероятно, никто не рвется работать, но он остается

«своим» — где же мы еще найдем такого урода, как мы сами?

Потому что Рунет до сих пор остается заповедником активных, асоциальных и успешных людей. Можно сказать, что в нем все еще продолжаются девяностые годы.

Статья имела несколько продолжений. В следующем выпуске «НасНет» я должен был внести коррективы:

Моя заметка про РИФ, как и следовало ожидать, вызвала настоящий всплеск активности. Участники шоу, а все больше зрители слали дополнения и изменения. В основном дело касалось дележа денег — после долгих споров сошлись на том, что Корзун и Морейнис получили поровну. Были также предложены две рекламные формулировки, которыми Дема завлекал будущих инвесторов. Одна гласила, что деньги собирают под «резкое изменение социального статуса двух известных представителей сетевой элиты», а другая — под то, что «два ведущих игрока на рынке поменяют ориентацию». Самое смешное, что вторую из них прислал человек, которого на момент описываемых событий не было на РИФе. На мой недоуменный вопрос, откуда он-то знает, что Дема говорил, собеседник ответил, что ему в тот же вечер позвонили несколько свидетелей и рассказали эту историю. Со своей стороны готов подтвердить, что Дема действительно говорил что-то похожее, но, поскольку он, по обыкновению, говорил два часа без умолку, я все уже не упомню: я был не на работе, статью писать не собирался и Дему слушал через слово.

Аркадий Морейнис, один из героев этой истории, был (и остается) не только основателем Price.ru, но и большим мастером «зажигать» или даже, как говорят некоторые мои друзья, «жестко отжигать». Из множества историй о нем можно рассказать одну — как они однажды пили с Антоном Носиком.

Дело в том, что Носик носит на голове кипу — маленькую шапочку, прикрывающую затылок. Эта кипа — или, как он ее иногда называет в присутствии возможных антисемитов, «ермолка»,[18] — является, очевидно, «предметом силы». Так вот, когда Носик и Морейнис однажды напились по-настоящему чудовищно, Антон подарил Аркадию свою кипу. Больше всего Морейнис сожалеет о двух вещах: о том, что не догадался попросить с Носика сертификат (для будущей продажи на аукционе), и о том, что наутро Носик щеголял в новой кипе, еще лучше прежней.

Вернемся, впрочем, к мужскому стриптизу. В июльском номере журнала «Playboy» вышла моя статья «Нефть и провода», рассказывающая о том же случае. Имена действующих лиц были заменены инициалами. По этому поводу Дема сказал:

— Вот в этом отличие дружеской услуги от проплаченного пиара: если бы я тебе заплатил, мое имя было бы приведено здесь полностью.

Я смутился, потому что оставил инициалы исключительно из соображений охраны чужого прайвеси. Если бы я знал, что Дема в рамках этой истории хочет называться полным именем, я бы его и бесплатно написал. Так мне в очередной раз не удалось заработать денег заказной статьей — вообще, надо отметить, за все годы моей работы в качестве интернет-журналиста мне это не удалось ни разу. Вероятно, люди, пишущие *джинсу,* живут в каком-то параллельном со мной мире.

Статья в «Playboy» завершалась следующим пассажем:

> После двух часов разговоров, возвращения денег с криками «Мои вкладчики не должны пострадать!», собирания денег назад, попыток платить с карточки Visa Gold и прочих аттракционов М. и К. наконец слились в поцелуе под крики «Пидоры, пидоры!» — не то одобрительные, не то осуждающие.
>
> Д. считал деньги, М. и К. продолжали целоваться, а я думал о том, что анархистский дух девяностых еще не умер. Люди, собравшиеся здесь, были уродами — почище клубных фриков. Где еще найти таких — успешных и асоциальных одновременно? Все они давно остепенились или отдыхают в гостеприимной земле России, Европы и Америки. Если бы я был женщиной, я бы любил исключительно таких мужчин — у которых хватает не только денег, но также и смелости делать то, чего делать нельзя, каждым своим поступком демонстрируя, что их успех настолько абсолютен, а репутация столь прочна, что правила им не писаны. К ним не прилипнет.
>
> — Пидоры, пидоры! — кричали зрители. Сидящий рядом со мной сотрудник крупной рекрутерской компании, более ли менее случайно попавший на РИФ, прошептал:
>
> — Если бы эти люди работали в нефтяном бизнесе, их репутация была бы навсегда похоронена.
>
> Именно в этот момент я понял, почему никогда не хотел работать в нефтяном бизнесе.

Слова про успешных и асоциальных мужчин, с которыми я бы только и спал, будь я женщиной, вызваны не только спецификой «Playboy», но и вполне реальным переживанием. На том же РИФе на одной из секций выступали Дема и Носик. Выступления их были абсолютно блестящими и вкратце сводились к тому, что они

ничего не боятся и чем бы их ни пугали — им все нипочем. В частности, Дема сказал афористичную фразу: «Я могу купить любого чиновника, кроме того, на которого мне не хватит денег», — невольно напомнившую мне притчу про Михалкова и броню.

Я сказал присутствовавшей там N.:

— А ты спала с Демой и Носиком?

— Нет, — ответила N., но я все равно ей не поверил и сказал:

— Ну и зря. Если бы я был женщиной, я бы только таким и давал.

— Ну вот сам с ними и спи, — ответила N. так злобно, что еще раз подтвердила мои подозрения.

К слову сказать, фраза Демы оказалась неплохим пророчеством: менее чем через полгода российскую визу в его израильском паспорте аннулировали в «Шереметьеве—2». Видать, ему наконец попался чиновник, на которого не хватило денег — по крайней мере, в тот момент, — потому что с тех пор Дема пару раз приезжал в Россию и на вопрос, как ему это удается, делал таинственное лицо и начинал либо рассказывать истории о том, как его файл случайно потеряли в компьютере, либо намекать на сложные закулисные переговоры.

Успешные и асоциальные люди — вообще большие мастера кидать понты.

5. Спамеры земли русской

Спам как вид изящной литературы

«Интернет. ру», лето 1999 г.

Нас раздражает спам, замусоривающий наши электронные почтовые ящики и утомляющий наши пальцы нажатием клавиши «delete». Но среди навозной кучи непрошеной рекламы попадаются настоящие жемчужные зерна.

Конечно, я имею в виду не тупые предложения товаров второй необходимости, эротических откровений Александра Сергеевича Армалинского или разыгрываемых в лотерею green card. Речь идет совсем о другом.

Первый образчик подобного спама попался мне несколько месяцев назад и, несмотря на то что был дочитан до конца, все равно навечно сгинул в мусорной корзине. С тех пор меня посетили один-два его клона (с тем же успехом), но в конце концов гора родила достойную себя мышь — и пришедшее ко мне

на прошлой неделе письмо удостоилось, как сейчас увидит читатель, не только публикации в Internet.ru, но даже подробного комментария.

Итак, вот оно:

Здравствуйте, Уважаемый Виталий Дмитриевич!

Распечатал наши фотографии, как появится возможность, обязательно перешлю их Вам.

У нас все идет по намеченному плану. Говорят «политика — грязное дело». Но я твердо уверен в правильности наших действий. Мой отец говорил: «Ради хорошего дела не грех и в грязи вываляться».

Вашу просьбу я выполнил. Буквально вчера общался со студентами, которыми Вы интересовались. Перед встречей я наводил на них справки. Ими все довольны. Это действительно мощная студенческая структура. Базируется она на студгородках (общежитиях). Включает в себя порядка 700 человек. Им не хватает стипендии на жизнь, и они не брезгуют никакой работой. Разгружают вагоны и машины, разносят корреспонденцию, убирают территории, раздают листовки, проводят массовые рекламные кампании и т. д. Они объединены этой работой. Имеют жесткую организационную структуру и высокую дисциплину. Они способны собирать просто огромное количество студентов в любом месте Москвы (хоть на Красной площади). Во время прошлых кампаний они даже умудрялись участвовать в митингах противоборствующих политических сил почти одновременно (вернее, с интервалом в 1,5 часа между мероприятиями). Вот охламоны! Что говорить — молодость.

Правда, получилось так, что вначале мои знакомые работали с ними через посредников, которые наворачивали высокую цену. Но сейчас удалось их обойти и выйти напрямую на руководство (которое, кстати, тоже состоит из одних студентов). Вот их телефон в Москве: 799-zz-zz. Их пейджер: 232—0000 «zzzzzzz.

Я думаю, Вам нужно работать именно с ними, они честные и хорошо организованные.

Как поживает Дмитрий Семенович, как его концепция?

Как ваша дочь? Все красивее и красивее день ото дня. Эх, если бы не мои годы!

С нетерпением жду встречи с Вами. Наше дело — правое, Мы победим.

Ваш Михаил Васильевич.

(Разумеется, в оригинале координаты предприимчивых студентов проставлены целиком.)

Предыдущие письма были посвящены, если я правильно помню, шоп-турам и тоже открывались сообщением про фотографии. Видимо, безвестные (с адреса none@none.ru) маркетологи считают, что упоминание фотографий в первой фразе действует на читателя, как червяк на рыбку, и он проглатывает весь рекламный крючок. Возможно, изначально предполагалось, что получатель спама решит, будто ему по ошибке доставили чужое письмо, — но, согласитесь, когда вы находите в своем ящике три чужих письма зараз — это уже перебор.

Тем не менее прием работает: письмо дочитываешь до конца, потому что это — настоящая литература, которая есть искусство необязательного. Подобно тому как у Гоголя главный шик «Мертвых душ» образуют собственно проходные и ненужные в сюжете персонажи (наподобие любимых Набоковым» мертвых душ», воскрешаемых в воображении Чичикова из их фамилий), главный шик этого письма — в необязательности всего, кроме телефона. Этих фотографий, красавицы-дочки (хочется верить, что нимфетки, раз уж мы упомянули Набокова), отца, который говаривал: «Ради хорошего дела не грех и в грязи вываляться» (чем не Елизавета Воробей?), бесконечных «Виталий Дмитричей», «Дмитрий Семеновичей» и «Михаил Васильевичей» (не с намеком ли на патрона МГУ Ломоносова?)… собственно, ради них и стоит это читать. Тем более что даже необъяснимое желание почитать Армалинского, выиграть в лотерею green card и перевести на адрес в Доминиканской Республике 5 долларов посещает меня чаще, чем желание собрать студентов на платный политический митинг.

Публикуя этот прекрасный текст, я отдаю себе отчет в том, что подаю дурной пример спамерам. Завершится все это тем, что через полгода мой ящик будет забит стилизованной перепиской (было бы приятно, если бы через неделю я получил бы письмо от Виталий Дмитрича к Михаил Васильичу, где В.Д. рассказывал бы о своей турпоездке или посещении казино… и вообще, если в письмах при внимательном чтении обнаружился бы сюжет. Через год, глядишь, авторы могли бы и роман в письмах издать. Написанный, отметим, на деньги заказчиков).

Но, думаю, распространение этого приема неизбежно, как

распространение любой незапатентованной идеи. Моей статьей я бы хотел только поспособствовать превращению спама в новый литературный жанр и предостеречь будущих спамеров от халтуры, указав им на важность деталей и стилистических излишеств.

Вероятно, тут самое подходящее место, чтобы рассказать о спаме — несанкционированной рассылке, обязанной своим названием скетчу «Монти Пайтона». Когда-то объем спама составлял несколько писем в день. Теперь я получаю минимум полторы сотни бессмысленных предложений по увеличению различных частей тела, аренде недвижимости в центре Москвы или просто предложений посетить какой-нибудь сайт или форум. Статья 1999 года оказалась вполне пророческой: ко мне приходит и вполне художественный спам, и спам, имитирующий дружеские письма. Не далее чем вчера я получил прекрасное письмо. Наверху была ссылка «самый быстрый способ похудеть», а дальше шел следующий текст:

Счастье и наслаждение не более как фата-моргана, видимая только издали и исчезающая при приближении; что страдание и боль имеют, напротив, реальность, непосредственно сами себя заявляют и не нуждаются в иллюзиях и ожиданиях Мойте руки, перед и зад. Береги его, как зеницу, — во как Линор Горалик любит говорить, что реклама — это глас Бога. Получая такое письмо, очень хочется понять, что же Он тебе хочет сказать цитатой из Шопенгауэра, да еще в сопровождении)двух приколов Николая Фоменко. Впрочем, если быть честным, я бы предпочел этого не понимать. В любом случае идти по ссылке и худеть не хочется.

Оставив в стороне шутки, можно сказать, что набивание письма разнородными цитатами — просто способ обойти фильтры антиспамных программ. Эти программы — один из наиболее распространенных способов бороться со спамом. Впрочем, они проблемы не решают: бесполезные письма все равно бегают туда-сюда по Сети — и будут бегать до тех пор, пока есть люди, готовые нажимать на ссылки в этих письмах и звонить по приведенным там телефонам. Я же проявляю принципиальность и рассматриваю спам только как чистое явление литературы — даже если мне предлагают не увеличение пениса, а что-то по-настоящему нужное.

Упоминание в моей статье Александра Сергеевича Армалинского — шутка сомнительного тона. Русско-американский издатель и писатель Михаил Армалинский заслужил почетное звание первого спамера всея Руси, начав рассылать свои письма, рекламирующие тайные эротические

записки Пушкина и прочую претенциозную порнографию, еще в середине девяностых. «Записки», скорее всего, он сам и написал — отсюда «Александр Сергеевич». Позже он организовал виртуальный Храм Гениталий и рекламировал его все тем же изрядно раздражающим способом.

Впрочем, сегодня Армалинский вызывает, скорее, ностальгические чувства — как гангстеры первой волны кажутся ангелами на фоне тех, кто пришел им на смену. Например, Армалинский всегда удалял адрес получателя из базы по первому требованию, и, в отличие от нынешнего спама, от его рассылки было довольно легко отписаться. Кроме того, он никогда не слал спам с левых адресов и убивался самыми простыми фильтрами.

Иными словами, в иерархии спамеров можно выделить несколько уровней — так же как несколько уровней выделяются в отношении к копирайту. Вообще, при всей разности этих проблем, у них общий корень: в цифровом мире информация слишком легко размножается в любом количестве копий, будь то музыка или рекламное письмо. Забавно, что применительно к спаму интернет-сообщество занимает позицию столь же жесткую, как позиция RIAA по отношению к нарушителям авторского права. Разница между ними не только в том, что Napster залезает в карман больших звукозаписывающих компаний, а спамеры ударяют по кошельку провайдера и простого интернет-пользователя, который платит за трафик. Не менее важно, что Мошков, Чернов и безымянные участники файлообменных сетей действуют бескорыстно, а спамеры не скрывают своих меркантильных целей. Иными словами, антикопирайт и спам противопоставлены как цифровая утопия — цифровой коммерции.

Вернемся, впрочем, к Армалинскому. В конце сентября 2003 года стало известно о его смерти — и известие это потрясло меня. Люди, для которых безобидный озабоченный графоман был воплощением Злобного Спамера, расстроились: как же это, мы так к нему привыкли. Я написал тогда в своем «Живом журнале»:

Умер Михаил Армалинский, и двое моих друзей написали по нему лаконичные и прекрасные некрологи, qub: Палили друг в друга из пугачей, но все ж это была наша песочница. damian: Мальчики умирают, ни разу не отдохнув. Надо сказать, от обеих фраз у меня выступают слезы на глаза.

Пошел в магазин купить себе новую трубку, по дороге думал об Армалинском, о Храме Гениталий, который он соорудил, и о том, была ли предусмотрена загробная жизнь в религии, которую он там практиковал. О том, что так и не отдохнув. Навстречу шли три девочки в камуфляже, типа школьницы или студентки, чуть

полноваты. У одной из них в левом ухе — три сережки с цветными стеклышками. Проходя мимо меня, она говорит подруге:

— Понимаешь, жизнь такая вещь, она либо есть, либо нет.

Через полгода Армалинский ожил, повторив тем самым дурного вкуса подвиг Баяна Ширянова. Видать, литераторы, интересующиеся порнографическим дискурсом, находят что-то возбуждающее в мысли о своей виртуальной смерти. Даром, что ли, Бродский писал: «Самая большая порнография — это когда не ты умираешь».

Если уж мы помянули Бродского, нельзя не сказать, что каждый раз, стирая три сотни сообщений и оставляя одно-два, адресованные лично мне, я вспоминаю выражение Бродского «давать человеку ощущение его подлинного масштаба». Вот так и соотношение 1 к 300 показывает, насколько лично я интересен людям. Соотношение, надо сказать, не в мою пользу — и каждое новое спамное письмо лишний раз учит меня смирению и показывает мой подлинный масштаб.

6. Дело Дмитрия Склярова

Российский программист арестован в Лас-Вегасе

«НасНет», июль 2001 г.

Как, может быть, известно читателю, в понедельник в Штатах арестовали сотрудника российской компании Elcomsoft Дмитрия Склярова. Все выглядело, как в кино: руки на стену, раздвинуть ноги, все дела. Надели наручники и увезли из Лас-Вегаса в Калифорнию (впрочем, это не так уж далеко). Скляров — не гангстер, не торговец наркотиками, не финансист и даже не хакер. Скорее, он теоретик, придумавший некий алгоритм, позволяющий перекодировать записи из формата Adobe eBook в общепринятый формат PDF. За что же тут сажать? Да за то, что записи в формате PDF можно копировать и распространять свободно — тогда как формат адобовской ебуки не разрешает ни того, ни другого. Иными словами, это очень похоже на историю с DeCSS (программа, используемая для перевода из DVD в DivX).

Читатель вправе спросить: чего это Кузнецов пишет про арестованного программиста? Раньше ведь он счастливо избегал разговора на политически актуальную злобу дня — даже скандал вокруг НТВ не вызвал спецвыпуска «НасНет». В чем, собственно, дело? Неужели опять автора «НасНет» взволновала борьба с

копирайтом?

Как ни странно, копирайт тут почти ни при чем. Скорее, этот случай представляется мне удачным поводом для размышления на давно интересующую меня тему о создании коллективных идентичностей — и тут, очевидно, требуется отступление.

Что такое коллективная идентичность? Это когда некоторое количество людей воспринимают себя как часть единого коммьюнити и, более того, успешно навязывают это восприятие окружающему миру. Проблематика эта активно разрабатывалась в постструктуралистский период западной гуманитарной мысли. Важной идеей казалось, что идентичности не возникают сами, а создаются. Скажем, таким образом формировались национальные идентичности в Западной Европе: в какой-то момент на смену баварцам, пруссакам и силезцам приходила идея немцев. Кажется, это связывали — вслед едва ли не за Марксом — с развитием капитализма, но так или иначе нации в современном смысле слова возникли в Европе максимум лет триста назад.

Дальше — больше. Выяснилось, что аналогичным образом происходило формирование идентичностей большинства меньшинств: будь то геи, лесбиянки, чиканос[19] или американские негры. Иными словами, неожиданно выяснилось, что до того, как была проделана некоторая работа, всех их — как единого сообщества — не существовало. При этом, разумеется, велика роль массмедиа, и если про хиппи еще могут быть разные мнения, то панк, вне сомнения, был создан именно средствами массовой информации (некоторые добавят, что с подачи Малькольма Макларена, а некоторые скажут, что Макларен только сбоку присоседился… сами разногласия по этому поводу характерны).

По сути, любое коммьюнити функционирует как мафия. Оно защищает своих членов и взамен требует от них лояльности. Существование землячеств — тому яркий пример: так итальянское землячество в Америке породило тамошнюю коза ностру.

Понятно, что создание идентичностей, как правило, является результатом работы политтехнологов. Как большинство людей, я не люблю политтехнологов, но тут как раз можно задуматься о том, что и от них бывает польза.

Создание идентичностей имеет как свои плюсы, так и минусы. Начнем с минусов: объединяя людей по какому-то признаку (длинный хайр + джойнт + пацифик = хиппи), мы тем самым обесцениваем их экзистенциальный прорыв и сводим их к положению винтиков в системе. Коммьюнити нивелирует отдельную личность. Массмедиа и обществу спектакля проще

манипулировать сознанием, когда они имеют дело с коллективными идентичностями, а не с отдельными людьми. Нормальному человеку, если вдуматься, вообще нечего делать в коммьюнити: умирать-то он будет как уникальный Икс, а не как, скажем, еврей-гомосексуалист из Воронежа.

Плюсы также очевидны. В свое время Воннегут сказал: он надеется, что ангелы, если они существуют, организованы по принципу мафии. Надежда его питается именно представлением об эффективности мафии — и успех американских негров и геев в защите своих прав является тому хорошим подтверждением. (Неплохо в этом смысле устроились и евреи во всем мире, доказательством чему может служить то, что я не рискну развивать здесь эту тему, даром что с моей внешностью и анкетой могу не бояться обвинений в антисемитизме.) Раздражающая большинство русских политкорректность раздражает как раз потому, что, прикидываясь защитой прав меньшинств, на самом деле защищает права выделенных меньшинств, уже создавших сильные коммьюнити. Собственно, я склонен считать, что защита прав меньшинств — дело хорошее (хотя и тут не следует перегибать палку). Государство и корпорации обладают достаточной властью, чтобы хотелось ее уравновесить.

Существование коммьюнити (коммьюнитей?) и коллективных идентичностей многое превращает в командную игру: скажем, полиция забирает негра по обвинению в убийстве — и тут же черное коммьюнити устраивает серию демонстраций. По идее, если он убийца, это не должно его спасать, но должно заставить четыре раза подумать перед тем, как сажать парня лишь потому, что он черный, а все черные, знамо дело, бандиты. В конечном итоге каждый должен найти себе коммьюнити, чтобы оно его, если что, защищало, потому что времена индивидуализма прошли, если когда-то и существовали.

Иными словами, мне нравится политкорректность, и мне хочется несколько расширить ее рамки, чтобы она нравилась и моим читателям тоже. Идея проста: надо объявить русских в Америке меньшинством. Это сначала избавит нас от карикатурного изображения русских в кино и массмедиа. Потом — от идеи, что русским надо меньше платить и что все они мечтают только о том, чтобы остаться в США, и потому визу им надо давать только по большим праздникам. В конечном счете из нас перестанут лепить образ врага — и все мы от этого только выиграем. Фанфары играют, народы, распри позабыв, в единую семью соединяются.

Сейчас русские находятся в довольно плачевном положении. Репутация у них очень так себе, а арест любого из них вовсе не

вызывает протестов. То есть вызывает — если это госсекретарь страны или крупный мафиози, который может заранее оплатить все протесты. Однако арест рядового гражданина обычно даже не вызывает никакой общественной реакции в России, не говоря уже о самих Штатах.

Рассматривая историю со Скляровым, можно понять, почему у русских ничего не выходит. Помимо общих геополитических соображений играют свою роль и некоторые частности. Скажем, наиболее успешной частью русской диаспоры являются как раз коллеги Склярова — программисты. Но в силу ряда психологических причин именно программисты мало склонны к общественной деятельности — и потому не приходится удивляться, что ни демонстраций, ни даже коллективных заявлений на эту тему мы так и не дождемся.

В связи с этим любопытно вспомнить, что попытки создать русский аналог EFF, то есть Фонда электронных рубежей, неизбежно заканчивались ничем. Не считая трех академий, единственным сколько-нибудь заметным коммьюнити, объединяющим Рунет, стало ЕЖЕ-движение, которое, конечно, скорее тусовка, чем эффективный орган для конструирования имиджей.

В связи с этим характерно, что единственной организацией, которая быстро выступила в защиту Склярова, был как раз EFF, последовательно выступающий против копирайта и Закона о копирайте в цифровом тысячелетии (DMCA). В их заявлении после краткого рассказа о случившемся приведен комментарий специалистов:

Американское правительство в первый раз преследует программиста за создание инструмента, который может быть использован для разных целей, включая те, что нужны законным пользователям для осуществления их права на fair use (Робин Гросс, EFF).

DMCA утверждает, что компании могут использовать технологии, чтобы лишить пользователей их права на fair use, но программисты не могут использовать технологии, чтобы вернуть это право назад. И теперь правительство тратит деньги налогоплательщиков, отправляя граждан других государств в тюрьму, чтобы защитить прибыли мультинациональных корпораций от издержек свободы слова (Дженифер Граник, директор курсов повышения квалификации Центра по изучению Интернета и Общества Юридической школы Стэнфорда — Clinical Director at the Stanford Law School Center for Internet and Society).

Иными словами, очевидно, что борцы против копирайта и за свободу электронных рубежей организованы лучше, чем сколько-

то там русских в Америке, да и в России тоже.

Впрочем, не все еще потеряно: создана информационная страница, отслеживающая события, там же запущен мейлинг-лист. Может быть, дело Склярова станет точкой кристаллизации нового коммьюнити русских программистов и «работников онлайна», способного защищать права своих членов и быть той силой, с которой придется считаться, если не за пределами России, то хотя бы внутри страны. Если же этого не произойдет, всегда можно утешать себя тем, что Скляров — взломщик и вообще не из нашего муравейника. И ждать следующего случая.

Справедливости ради надо сказать, что Скляров не был первым человеком, который попал в тюрьму за подобные художества. Так, создатель знаменитой DeCSS Йон Йохансен в 1999 году провел несколько суток под арестом, а в 2003 году был оправдан только благодаря толерантному норвежскому законодательству.

Сегодня, публикуя эту статью, я испытываю определенную гордость: хотя дело Склярова не стало точкой кристаллизации нового коммьюнити русских программистов, оно показало, что по важному поводу объединиться все-таки можно. В результате была создана страница поддержки Дмитрия Склярова и не без моего участия написано открытое письмо. Насколько я помню, координировал усилия по написанию письма Саша «САМ» Малюков, основатель и бессменный модератор листа «Еже», этакого Общества работников онлайна, я писал первый черновик, а технически более подкованные подписчики листа его дорабатывали. Письмо выглядело следующим образом:

Открытое письмо

интернет-сообщества Президенту России, российскому правительству, Совету Федерации и Государственной думе

Мы, сотрудники средств массовой информации, программисты, люди, не первый год работающие в русском Интернете и IT-бизнесе, просим вас обратить внимание на судьбу Дмитрия Склярова, арестованного 16 июля ФБР в Лас-Вегасе перед вылетом на родину.

Дмитрий обвиняется в создании алгоритма компьютерной программы, которая может быть использована для копирования электронных книг,

созданных с помощью программного обеспечения корпорации Adobe, и в продаже этой программы на территории США. По мнению экспертов, это обвинение очень спорно. Программа позволяет создать копию только легально купленной книги, что, по законам России и многих других европейских стран, является правом потребителя и не может быть ограничено лицензией продавца.

Несправедливость ареста заключается и в том, что Дмитрий является сотрудником российской компании «Элкомсофт», и разработка этого алгоритма была его служебной обязанностью, работой, за которую он получал зарплату. Вопросы маркетинга и продажи программы не входили в его компетенцию. Однако почему-то гражданский спор между двумя компаниями, Adobe и «Элкомсофт», был перенесен в криминальное русло, и один из троих сотрудников компании, которые принимали участие в разработке, был арестован.

Прочитанный Дмитрием на конференции «DEF-CON-9» в Лас-Вегасе доклад был посвящен теме защиты электронных книг. Этот доклад был построен на основе кандидатской диссертации по криптоанализу, защищенной Дмитрием месяц назад в МГТУ им. Н.Э. Баумана, и на разработках компании «Элкомсофт».

В докладе, помимо прочего, были указаны слабости алгоритмов, использованных корпорацией Adobe. Однако, вместо того чтобы исправить ошибки в своих программах, на которые им своевременно указали российские коллеги, руководство корпорации Adobe предпочло решать проблему силовыми методами, и сразу после окончания конференции Дмитрий был арестован.

Российский консул узнал о местонахождении Дмитрия только через 4 дня после ареста и до сих пор не может с ним встретиться. Позвонить жене в Москву Дмитрий тоже возможности не получил. Родные Дмитрия находятся в состоянии стресса, а у него остались на родине двое детей, младшему из которых 2 месяца. Сотрудник ФБР позвонил жене Дмитрия в 2 часа ночи московского времени и, вместо того чтобы дать возможность поговорить с Дмитрием, пытался получить дополнительную информацию по делу, что можно расценивать как несанкционированный допрос.

Подобная мера пресечения вызывает, как минимум,

недоумение. Сотрудник российской компании «Элкомсофт» Дмитрий Скляров арестован не по обвинению в убийстве, разбое, отмывании денег или торговле наркотиками. Ему предъявлены обвинения по новому американскому закону DMCA (Защита авторских прав в цифровом тысячелетии). Вдвойне странно выглядит нахождение Дмитрия под стражей после того, как Adobe отказалась от уголовного преследования российского программиста и рекомендовала изменить меру пресечения.

DMCA был принят в 1998 году под давлением крупных корпораций, думающих лишь о своих прибылях, и с тех пор вызывает бурные споры в Соединенных Штатах. До сих пор правоприменительная практика еще не сложилась (закон вступил в силу через два года после опубликования, в 2000 году), уголовных процессов по нему еще не было, арест как мера пресечения не применялся. Мы можем предположить, что показательный арест Дмитрия стал возможен именно потому, что он не является гражданином США и потому затруднен в защите своих прав.

О поддержке Дмитрия Склярова уже заявило много инициативных групп, среди которых такие известные, как американская правозащитная организация Electronic Frontier Foundation (Фонд электронных рубежей), Фонд защиты свободы слова, а также крупнейшие эксперты в области криптографии и программирования.

Мы надеемся, что российские власти не оставят без внимания судьбу гражданина Российской Федерации и предпримут все возможные меры для освобождения нашего соотечественника.

25 июля 2001 г.

Письмо подписали 2455 человек, и в конце концов для Склярова и «Элкомсофта» все завершилось вполне благополучно: в декабре 2001 года Скляров был признан невиновным, обвинение было переложено на плечи «Элкомсофта», а еще через год, 18 декабря 2002 года, Федеральный суд США снял все обвинения и с «Элкомсофта».

Надо сказать, что отношение к деятельности «Элкомсофта» не было однозначным. Антон Носик, сочувственно отзываясь о Склярове, резко критиковал «Элкомсофт», утверждая, что среди продуктов компании были и программы для рассылки спама. Вообще американофил Носик воспринимал всю кампанию в

поддержку Склярова как проявление антиамериканской истерии.

В «Грани. ру», где проводился конкурс на письма в поддержку Склярова, пришло письма автор заявлял, что правильно, мол, посадили, жалко, что нельзя создать ему там «адекватных» условий. Впрочем, письма в поддержку были не лучше: большая часть дышала примитивным антиамериканизмом в стиле «если бы эту программу написал американец, они бы его наградили». Так что пафос Носика вполне понятен.

7. В тюрьму за стихи: дело Шогди Нагиба

Москва — Каир, далее — везде?

«Ведомости», лето 2002 г.

Врез: Обвинения, выдвинутые против Владимира Сорокина, снова привлекли внимание публики к позабытым уже вопросам цензуры, борьбы с порнографией и отношений художника и власти. Между тем Владимир Сорокин — не единственный российский гражданин, ожидающий суда за распространение художественных произведений, которые могут кое-кому показаться порнографией.

6 июля египетский суд приговорил Александра Корсакова к году тюрьмы и незначительному штрафу за публикацию в Интернете написанной более четверти века назад поэмы умершего в 1978 году поэта и драматурга Нагиба Сурура «Кусс Уммият». Официальное обвинение такое же, как у Сорокина, — порнография. Впрочем, политический смысл случившегося еще более очевиден: поэма Нагиба Сурура — злая сатира на жизнь и нравы египетского общества после Шестидневной войны с Израилем (1967). Написанная на уличном диалекте, со множеством цветистых матерных выражений, поэма обличает египетские власти, но вместе с тем представляет собой страстное объяснение в любви к стране, которую, по словам поэта, «имеют все кому не лень».

Все годы, прошедшие с написания поэмы, она распространялась в списках и магнитофонных записях, наподобие нашего сам- и магнитиздата. Она была одновременно широко известна — и официально не признана (хотя, впрочем, и не запрещена). Даже чины египетской полиции говорили про Нагиба Сурура: «Он, конечно, чокнутый, но с юмором». Некоторым образом, можно сказать, что «Кусс Уммият» стала для Египта «Москвой — Петушками» и «Зияющими высотами» вместе с

песнями Галича, Высоцкого и Аркадия Северного.

До внутреннего кризиса, вызванного поражением Египта в Шестидневной войне, Нагиб Сурур был знаменитым поэтом, драматургом и критиком. В свое время он горячо принял революцию 1952 года и через несколько лет после ее победы приехал учиться в московский ГИТИС. Там с ним случилось два важных события: он разочаровался в советском строе и коммунизме и встретил русскую девушку, которую полюбил. В 1962 году родился его сын, получивший русское имя Александр и египетское Шогди (по египетской традиции вместо фамилии используется имя отца, поэтому египетский вариант имени Александра Корсакова будет Шогди Нагиб). На следующий год Нагиб Сурур навсегда покинул Москву. Жену и сына власти следом за ним не отпустили, и увидеть своего отца Шогди смог только через семь лет, в 1970 году, когда он с матерью приехал к отцу в Египет. Все последующие годы своей жизни Шогди Нагиб, сын Нагиба Сурура, жил гражданином двух стран — России и Египта, то тут, то там.

В середине девяностых в Москве он стал одним из пионеров русского Интернета, активно сотрудничал с «Zhurnal.ru» и «Полит. ру». Созданная им «Русская страница Живаго Джа» (http://www.zhurnal.ru/music/rasta/) до сих пор считается лучшим источником по русскому растафарианству. В конце девяностых Шогди переезжает в Египет, где начинает работать веб-мастером влиятельной англоязычной газеты «Аль-Ахрам». Тогда же на администрируемом им сайте www.wadada.net появляется текст знаменитой поэмы его отца. В Интернете поэма пролежала в течение почти трех лет — до тех пор, пока в ноябре прошлого года Шогди не был арестован. Несколько дней его продержали в тюрьме и выпустили под залог только для того, чтобы через семь месяцев осудить на год тюрьмы. Египетская пресса фундаменталистского толка развернула кампанию травли, представляя сервер wadada как место, где встречаются евреи и гомосексуалисты (обвинение это тем смешнее, что Израилю в «Кусс Уммият» достается не меньше, чем Египту). Окончательно судьба Шогди будет решена на апелляционном суде 26 августа.

Если суд оставит приговор в силе, Шогди Нагиб станет не только первым египтянином, арестованным за сетевую публикацию, но и первым человеком в мире, осужденным за публикацию в Интернете стихов.

Двойное гражданство Александра Корсакова/Шогди Нагиба не может в данном случае служить ему защитой — его судят как египтянина, нарушившего египетский закон. Кроме того, и сам Шогди не хочет покидать Египет, опасаясь, что власти могут

отыграться на его родных (в Египте живет его двенадцатилетняя дочь Дония).

Помимо надуманности обвинения в порнографии, роднящей дело Шогди Нагиба с делом Владимира Сорокина, есть несколько юридических моментов, заставляющих усомниться в том, что судебное разбирательство было достаточно беспристрастным.

Полиция не получила никаких доказательств того, что текст поэмы был выложен на сервер самим Шогди — никаких следов поэмы не было обнаружено ни в изъятом у него компьютере, ни на многочисленных дисках. Более того, в Египте не существует закона, регулирующего Интернет, и потому Шогди судят по закону о распространении порнографии «в виде книг и буклетов». Ситуацию осложняет то, что физически сервер находится не в Египте, а в США.

Так в одном уголовном деле сошлись вместе несколько актуальных тем. Это глобализация (пионер русского Интернета осужден в Египте за публикацию на американском сервере), международный характер Интернета, цензура в Сети и вне ее и, конечно, право писателя на самовыражение — то самое, на борьбу с которым идут вместе новые российские комсомольцы и египетские фундаменталисты.

То, что Шогди зовут Александр Корсаков, многие впервые узнали только во время всей этой истории. В Калашном все знали его как Шогди. В 1997 году он сделал на сервере Журнала «Страницу Живаго Джа», посвященную музыке регги, раста и, разумеется, ганджа. Для «Живаго Джа» была изготовлена кнопка «Legalize it!», стилизованная под кнопку Netscape, которой в тот момент была увешана вся Сеть. Эту кнопку я разместил у себя на «Сеновале», а следом за мной это сделал Антон Носик в «Вечернем Интернете», чем спровоцировал фантастический скачок посещаемости «Живаго Джа». За этот сайт Шогди был удостоен звания Reggae Ambassador in Russia, поскольку на тот момент это реально был лучший сайт, посвященный регги во всем мире.

То, что отец Шогди был знаменитым арабским египетским драматургом, мы знали. Знали мы и то, что он автор «Кусс Уммият», поэмы, которую мне не очень адекватно описывали как «египетские антисемитские частушки». Слышавшие их в записи утверждают, что, даже не зная ни слова по-арабски, по одной интонации можно понять, что они действительно антисемитские. Надо ли добавлять, что московская подруга и добрая половина друзей Шогди были евреями, что порождало много забавных случаев.

Так, в начале девяностых все москвичи, приезжавшие из

Израиля в Москву, привозили с собой клетчатые арабские платки, называемые куфия, а в Москве прозванные «арафатками», поскольку в таком платке ходил глава ООП. В какой-то момент в этих платках вместо шарфиков щеголяли мы с Норвежским Лесным. Увидев нас в таком виде на втором ОСКОМе (том самом, где Куб был провозглашен человеком, который придумал Интернет), Шогди воскликнул:

— Ты что? Зачем ты это носишь? Арафат же сука!

Поскольку все были уже изрядно пьяны, никто не уточнил, имеется ли в виду, что Арафат — сука потому, что террорист и провоцирует войну между двумя братскими народами, или потому, что предал интересы палестинцев.

Впрочем, цензурные неприятности у Шогди начались еще во времена Zhurnal.ru. В первом номере он подготовил подборку цитат о свободе слова, попавшую как раз на разворот. Дима Ицкович, отправляясь с журналом к рекламодателям, открыл его как раз на этом развороте, и первое, что он увидел, была фраза Ленни Брюса:

> «Отнимите право сказать «ебать», и вы отнимете право сказать «ебать это правительство».

Ицкович пришел в ярость и закатил скандал главному редактору ZR Жене Горному, который чуть было не ушел, хлопнув дверью. Конфликт быстро уладили, но, как нетрудно видеть, он послужил генеральной репетицией египетских злоключений Шогди.

К сожалению, поэма так и не переведена на русский, но фрагменты, которые я читал по-английски, вполне впечатляют. Почему-то в памяти остался русский кусок — хотя в архиве я его не нашел. Поэтому цитирую по памяти:

Египет — страна разъе'аев,
Ее е'али все, кому не лень,
Достаточно посмотреть на карту,
Увидишь ее раздвинутые ноги.

Я оказался вовлечен в историю Шогди сразу после того, как вернулся в Москву после годичного пребывания в Стэнфорде, где был по журналистской программе «Knight Fellowship». Оттуда я привез желание иногда писать для американской прессы, а также четкое представление, что надо активней участвовать в гражданской жизни собственной страны. Потому что если активисты не будут активны, то никто и не почешется.

Следствием этого стала, с одной стороны, демонстрация у египетского посольства, организованная Настиком Грызуновой, Максом Немцовым и мной, а с другой — несколько моих статей в американской прессе про случай Шогди Нагиба, первого человека в мире, осужденного за публикацию поэзии-онлайн. В частности, я написал по-американски пафосную колонку, которая вышла в «Sant Louis Post Dispatch», газете, известной, в частности, тем, что основал ее тот самый Пулитцер, в честь которого вручается ежегодная журналистская премия. Завершалась колонка примерно так

Подобно большинству читателей этой статьи, я не могу прочесть поэму Нагиба Сурура: я не знаю арабского, и мне не известен ни русский, ни английский перевод. Однако со времен моего детства в СССР я выучил, что никто не должен быть заключен под стражу за чтение или публикацию поэзии. Никто и никогда.

Более подробную статью я написал в Wired News, онлайн-подразделение знаменитого хайтековского журнала.

Это не просто история про Египет, — говорит русский интернет-активист Настик Грызунова, — этот отвратительный случай нарушения свободы слова иллюстрирует проблему цензуры в Сети. Плюс этот случай имеет прямое отношение к вопросу применимости международных законов к Интернету, так как сервер, где лежала поэма, располагался в США. Эти проблемы важны не только для России и Египта, и мы надеемся, что международное Интернет-сообщество поддержит Шогди Нагиба.

Международное интернет-сообщество не особо взволновалось этой историей, несмотря на дюжину публикаций в различных американских и британских газетах и онлайн-изданиях. Демонстрация в поддержку Шогди прошла сначала в Париже, потом в Москве. Погода была отличная, московские друзья Шогди играли регги, милиция была корректна, а больше всех злились люди, стоявшие в очереди за визами в соседнее посольство Финляндии.

Сейчас, вероятно, можно сознаться, что интервью Настика я фальсифицировал. То есть позвонил Настику и сказал, что для статьи мне надо озвучить такую-то позицию, но поскольку сам себе интервью я дать не могу, а американский новостной формат не предполагает, что автор заметки высказывает свое личное мнение, не могла бы Настик сказать мне то-то и то-то, если она, конечно, готова подписаться под этими мыслями. Настик согласилась, и в результате в Wired News появился процитированный выше абзац.

Наши протесты, впрочем, особого эффекта не возымели.

Египетский суд готовился впаять Шогди год в местной, крайне малоприятной, тюрьме, и потому Шогди счел за благо не возвращаться из России. Как старый друг я был рад, что он выпутался из этой ситуации, но как активист — разочарован тем, что в этой истории не обнаружилось победителей и побежденных. С тех пор я не раз замечал, что люди, неравнодушные к политике, проявляют подсознательное желание к радикализации ситуации — и российская жизнь дает тому немало примеров.

Шогди сейчас живет в Москве, видимся мы редко, но с удовольствием. Его дочь осталась в Каире, и он очень переживает, что не может видеться с ней. Мы все шутили, что Шогди — редкий пример человека, для которого выражение «выбрать свободу» означало не «уехать из России», а «остаться в Москве».

8. Спасем свободный доступ

Когда эта книга была уже почти готова к печати, в области копирайта случился еще один скандал: сайт «КМ. ру» подал в суд на Максима Мошкова от лица авторов, с которыми у «КМ. ру» якобы были договора на эксклюзивное размещение их книг в Сети. Довольно быстро выяснилось, что большая часть авторов претензий к Мошкову не имеют, а «КМ. ру» прав не передавали, или передавали не все, или собираются их отозвать. Так поступило издательство «Амфора», признавшее договора с «КМ. ру» не имеющими силу. К сожалению, из письма пиар-менеджера «Амфоры» Оли Чумичевой создавалось ощущение, что Мошков тоже не имеет права вывешивать эти тексты, однако позже поступило разъяснение, что решение этих вопросов остается за авторами.

Результатом всей этой истории стало то, что я наконец-то собрался переслать Мошкову для публикации два файла с моими книжками и написать для «Книжного обозрения» нечто вроде открытого письма.

Сергей Кузнецов: поддержите свободу публикаций в Сети!

«Книжное обозрение», апрель 2004 г.

Всю жизнь я выступал за свободное и бесплатное распространение текстов в Интернете. Я защищал этот принцип, когда был журналистом, и продолжаю защищать сейчас, когда у меня самого вышло уже три книги.

Я считаю, что любой роман должен рано или поздно быть доступен в Сети — точно так же, как любая книга становится доступна в библиотеке. Я верю, что выкладывание текста книги в Интернет еще не есть «публикация» в юридическом смысле слова (и суд по делу «Сорокин против Чернова» стал на мою точку зрения). Я убежден, что появление книги в Библиотеке Мошкова и в других подобных собраниях идет только на пользу писателям (и многие авторы — от Виктора Пелевина до Бориса Стругацкого — в этом разделяют мою позицию). Я уверен, что на одного читателя, который прочтет книгу с экрана или в распечатке, приходится несколько, которые пойдут и купят ее, прочитав первые несколько глав. Мне известно достаточно примеров коммерчески успешных книг, тексты которых лежат в открытом доступе. Достаточно назвать Бориса Акунина: все романы о Фандорине есть в Библиотеке Мошкова, что не мешает им занимать первые места в рейтингах продаж обычных и даже онлайн-магазинов.

Я горд тем, что собрания книг в русском Интернете несоизмеримо больше аналогичных иностранных онлайн-библиотек Я рад этому, как еще одному доказательству того, что Россия и в электронный век остается литературной, книжной страной. Мне приятно думать, что традиции советского самиздата по-прежнему живы.

Я говорил это, когда был журналистом, и продолжаю говорить это сейчас: Сеть не враг писателю. Для меня принцип бесплатного доступа к книгам в Сети по-прежнему остается нерушимым. Возможно, если бы какой-нибудь мой роман оказался в Интернете через несколько дней после выхода на бумаге, я бы попросил владельца сайта на время припрятать его — но в любом случае я бы воспринимал этого человека не как «пирата», а как поклонника, которому я могу быть только благодарен за популяризацию того, что я написал.

Все это, конечно, относится только к бесплатному распространению — узнай я о том, что кто-то берет деньги за

онлайн-доступ к моим книгам, я бы постарался пресечь это. Именно поэтому для меня столь неприятной является история с «КМ. ру». Как известно, этот сайт не только брал деньги за доступ, но и наехал на Библиотеку Мошкова, в результате чего издательство «Амфора» запретило любые публикации своих книг в Сети. Вроде как запретило всем — «КМ. ру», Библиотеке Мошкова, кому бы то ни было.

Я представил, что все авторы «Амфоры», давшие в свое время Мошкову разрешение на размещение их книг в Сети, будут вынуждены смириться с тем, что законопослушный Мошков уберет их тексты из своей Библиотеки. К счастью, последовало разъяснение, что «Амфора» не намерена препятствовать авторам размещать свои тексты — просто само издательство заявляет, что оно никому этих прав не передает.

Что касается лично меня, то, подписывая свои авторские договоры, я всегда слежу за тем, чтобы не передать права на публикацию в компьютерных сетях. «Амфора» оказалась в данной ситуации на высоте другие издательства могут в самом деле потребовать выкинуть книги из электронных библиотек.

Я знаю, что многие писатели разделяют мои взгляды на авторское право в Сети. Возможно, они уже передали права на свои электронные публикации своим издателям. Договор задним числом не исправишь, но впереди — новые книги и новые договора. И потому я хочу обратиться к тем моим коллегам, которые верят в свободу распространения информации в Интернете, к тем десяткам писателей, которые уже дали свое согласие Максиму Мошкову на публикацию их книг.

Друзья и коллеги! Объясняйте издателям всю бессмысленность запретов на публикацию книг в Сети! Если это не удастся — все равно не передавайте права на публикацию в Интернет, передачу по компьютерным сетям, право на сообщение для всеобщего сведения по кабелю и так далее! Эти права не так уж и нужны издательствам — они все равно не могут извлекать из них прибыль. В свое время мы добровольно дали Максиму Мошкову право на публикацию наших книг в Сети — неужели мы заберем его назад по первому желанию наших издателей?

Если вы поддерживаете идею свободного распространения информации в Интернете, поддержите ее на деле! От этого выиграете вы, выиграет ваш читатель, выиграет русская литература.

Интермедия:
Пять лет в «Русском журнале»

Когда в конце 1997 года стало ясно, что придется покинуть «Ситилайн», я сразу позвонил Мите Иванову из «Русского журнала», бывшему там кем-то вроде руководителя интернет-отдела, и мы довольно быстро договорились, что я буду делать для «РЖ» «Монокль» — идеологическое продолжение «Сеновала».

«Русский журнал» был первым интернет-проектом Фонда эффективной политики. Говорят, что Марат Гельман сильно сомневался, стоит ли связываться с Интернетом, и идея «РЖ» принадлежала Глебу Павловскому. Созданный в 1997 году «РЖ» стал третьим из основных контент-провайдеров Рунета после Zhurnal.ru и Cityline/Netskate и тут же принялся переманивать у них сотрудников. В отличие от «Ситилайна»/«Нетскейта», во многом создававшегося людьми, близкими к Zhurnal.ru, «Русский журнал» делали люди, пришедшие в Сеть из политики, культуры или просто ниоткуда.[20] Несмотря на это, им удалось завоевать доверие многих ветеранов Рунета — во многом благодаря мощным финансовым ресурсам. Еще до меня из Zhurnal.ru ушел его главный редактор Евгений Горный — делать «НетКультуру», а позже за ним последовал главный редактор «Полит. ру» Андрей Левкин, на которого Ицкович, кажется, зол за это до сих пор. Впрочем, это было позже, когда «РЖ» стал использоваться ФЭПом в качестве оружия политической борьбы. А первое время «РЖ» существовал в Сети как площадка, свободная от политтехнологических манипуляций. Большие разделы, посвященные книгам, культуре и так называемой «НетКультуре» (сетевой культуре), дополнялись архивными публикациями и интеллектуальными дискуссиями. Авторы чувствовали себя свободно, а читатели не ощущали себя объектом манипуляций. Можно сказать, «РЖ» помог Павловскому и ФЭПу создать свой позитивный сетевой имидж. Во многом именно отсюда берется известное утверждение, что ФЭП сделал для русского Интернета много хорошего.

«Монокль» выходил в «РЖ» девять месяцев, и некоторое время ему сопутствовал «Пегас Light» — проект, вдохновленный выходившим в свое время в газете «Сегодня» разделом «Lucky Strike», где авторы полосы «Искусство» рассказывали об основных эстетических впечатлениях недели. Однако после кризиса 1998 года финансирование «РЖ» урезали, и оба проекта пришлось закрыть. Поминки по ним справлялись в магазине «Шекспир и компания», которым заведовал Саша Иванов, тогда еще не собиравшийся тянуть в суд ни Чернова, ни меня. К поминкам я ограниченным тиражом выпустил два тома «избранного» из «Монокля» и «Пегаса Light», оформленных в эстетике «нового самиздата», модной той послекризисной осенью. Все гости

получили по экземпляру, но сколько-то так и осталось у меня до сих пор.

Осенью 1998 года после долгих переговоров с Леной Пенской, возглавлявшей на тот момент журнал, мы придумали «Культурный гид» — еженедельный анонс культурных событий недели, в котором я выбирал наиболее интересные мне события. Через девять месяцев этот проект благополучно исчерпал себя: отчасти потому, что девять месяцев — вообще достаточный срок для еженедельного проекта, а отчасти — потому что появился журнал «Афиша». На смену «Культурному гиду» пришел более аморфный и колумнистский проект «НасНет». Название это придумала читательница, от которой остался только ник «Ann», потому что на письма она не отзывалась. Объясняла она свой выбор так:

> Проект надо назвать НасНет — потому как всегда хорошо там, где нас нет, к тому же в 90-х нас уже нет, в другой жизни нас нет, события уже прошли, и нас там в данный момент уже нет, а интерактив — единственное место, где мы можем отметиться, — и больше **нас нет**…

«Проект: девяностые», «Другая жизнь», «События» и «Интерактив» были рубриками первого выпуска. Название это дорого мне еще и потому, что через некоторое время Станислав Ф. Ростоцкий подарил мне музыкальный сборник, на котором было несколько гениальных композиций и который завершался старой песней Егора Летова «Здорово и вечно» с финалом:

> Обещает быть весна долгой,
> Ждет отборного зерна пашня,
> И живем мы на земле доброй,
> **Но нас нет, нас нет, нас нет, нас нет…**

И, значит, теперь, упоминая мой «НасНет», я каждый раз вспоминаю песню Летова. В самом деле — здорово и вечно.

Все мои проекты, сделанные для «РЖ», предусматривали некий интерактив — и потому туда много писали читатели. Проглядев старые выпуски, я с радостью обнаружил среди приглашенных авторов довольно много известных людей, прежде всего журналистов и писателей — Илья Кукулин, Остап Кармоди, Лео Каганов, Линор Горалик, Станислав Львовский, Георгий Мхеидзе. Не каждый журнал может похвастаться таким списком авторов, тем более — пишущих на добровольных началах. Куда забавней, впрочем, что я позволял себе включать в колонку

объявления личного характера. Так, просматривая сейчас «Культурный гид» за лето 1999 года, я обнаружил два объявления о смене моего телефона («Сергей Кузнецов сообщает всем своим знакомым, что его телефон изменился. Вместо последних четырех цифр следует звонить 4936. Первые три остались без изменений»), Гоша Мхеидзе говорил, что в девяностые годы у каждого из нас был момент, когда становилось ясно, что можно все. Гоша, например, понял это, прочитав в «Известиях» (!) рецензию Максима Семеляка на новый альбом какой-то западной группы, о существовании которой в Москве знало человек пять — и никто из них не читал «Известий». Вот и я, увидев объявление о смене телефона, подумал: «Да я что, сдурел тогда совсем? Кто же помещает личные объявления в журналистской колонке?» Вероятно, пять лет назад мне казалось, что формат интернет-публикации допускает такое панибратство.

«НасНет» просуществовал двойной срок — восемнадцать месяцев, — после чего я с легким сердцем закрыл его и на год уехал в Америку. По условиям программы «Knight Fellowship» я не имел права в течение этого года работать — вся идея как раз заключалась в том, чтобы журналисты могли передохнуть от ежедневной текучки и совершенствовать свои профессиональные навыки. (Программа эта, не устану повторять я, совершенно прекрасна: на год дюжину американских и пять иностранных журналистов освобождают от всех их рабочих обязанностей, чтобы они могли жить в Пало Альто и пользоваться всеми благами Стэнфордского университета. Это не грант в его классической форме — никто не пишет отчетов и не выполняет наперед заданной работы, а сам решает, что и как ему делать. В частности, первые наброски этой книги были написаны мной именно в Стэнфорде. Подробности о программе можно прочитать на сайте knight.stanford.edu.)

Вернувшись, однако, в Москву летом 2002 года, я выяснил, что у «РЖ» проблемы с финансированием и потому с ходу сделать для него какую-нибудь колонку никак не получается. В 2003 году я несколько месяцев делал в «Круге чтения» проект «Старое и новое», где через раз писал про старые и новые книжки, однако осенью 2003 года был закрыт и он.

Недавно мне позвонила Маша Черницкая и сказала:

— Вот послушай, за последние годы столько было всяких проектов, столько инвестиций освоили, денег разворовали, наворотили всякого — а я сегодня подумала: как был «РЖ» местом, куда ходишь прочесть что-то умное, так и остался.

Я думаю, ее слова — лучший финал для этих заметок Тем более сейчас «Русский журнал» возглавляет Борис Кузьминский,

при котором «Круг чтения» пережил свой звездный час, так что можно надеяться, что «Русский журнал» и дальше останется одним из самых интересных мест в Рунете.

В этой главке я привожу некоторые фрагменты из «Культурного гида» и «НасНет» — не лучшие, а лучшие из тех, что имеют отношение к Сети.

1. Вадим Эпштейн и лучшие сумасшедшие молодые люди

Юбилей Here.ru в клубе «Край»

«Культурный гид», декабрь 1998 г.

Небезызвестный сайт http://www.here.ru отмечает свое двухлетие. Точнее, его отмечают «Лучшие Сумасшедшие Молодые Люди»™ & «Добровольное Юношеское Общество Спектакля» (ЮДОС). Отмечают это дело в клубах «Край» и «Луч», что будет конкретно, как пройти и как внести себя в список, можно увидеть у них на сайте. Я же рискну отдельно рекомендовать первое из трех мероприятий: «Easy Regressive» с участием Псоя Короленко, Лизы Лерер и Льва Слепнера (совместный проект «кровавая каша») и Шиша Брянского с танцевальным проектом «К вопросу о реконструкции типов праенисейских глагольных основ». Для тех, кто не знает, поясню, что Шиш Брянский является автором замечательных стихов и нескольких песен, исполняемых Псоем Короленко: «Беси», «Давайте по косяку», «Птаха», «Факультет вешнего льда» и так далее. Я особо люблю «Революцию»… но усилием воли подавлю желание процитировать ее целиком.

Довольно трудно писать про таких людей, как Вадим Эпштейн: с одной стороны, я знаю его много лет и могу довольно долго о нем рассказывать. С другой стороны, все, что я о нем рассказываю, складывается в портрет, Эпштейну совершенно неадекватный. Когда для несостоявшейся книжки по истории русского Интернета я подготовил страничку об Эпштейне, eps прочел ее и сказал: «Вроде как все верно, но я у тебя получаюсь какой-то розовый птюч». Боюсь, что и здесь ничего другого у меня не выйдет — не потому, что Эпштейн похож на розового птюча, а потому, что байки и истории про него так хороши, что затмевают образ интеллигентного и тонко чувствующего еврейского юноши, который верит в настоящую любовь и другие вечные ценности, а вовсе не проводит все свободное время по клубам с очередным

веществом в организме.

После этой преамбулы перейдем к основной части.

Вадим Эпштейн, создатель here://, известный всем как eps, во второй половине девяностых сочетал активную промоутерскую и креативную деятельность с работой в Hewlett Packard. Это сочетание приводило к довольно странным результатам: так, я больше всего люблю историю о том, как утром в понедельник Вадим шел по коридору офиса, и вдруг из принтера на столе выполз лист бумаги с заголовком по-английски «Как прошел ваш трип?». Это был обычный сервисный опросник, составленный отделом, который ведал командировками и визами. Там было много вопросов, и заинтересованный Эпштейн распечатал анкету в двадцати экземплярах и выдавал для заполнения всем желающим. Остается только пожалеть, что заполненные путешественниками бланки не вернулись в Hewlett Packard.

Должность эксперта по информационным технологиям позволяла ему не встречаться с клиентами, и поэтому, вероятно, он сохранил за собой свободу не только в том, что касается внеслужебной деятельности, но и в том, что касается внешнего вида: обычно волосы на его голове были покрашены в несколько цветов, а в 1999 году на плече появилась татуировка, изображающая фрагмент html-кода заглавной страницы here://.

Сначала here.ru существовал как личная страница Вадима Эпштейна по адресу unclear.rinet.ru/~eps/. Она возникла в начале ноября 1996 года и в конце концов разрослась до такой степени, что 15 декабря Паравозов написал о ней: «Психоделика — вообще модная штука. И искусство такого рода. Новый жанр — веб-галереи с картинками без начала и конца. И на входе спрашивают, есть ли читателю 18 лет. Ну просто психоделический секс по-русски. Что-то типа анекдотов «для посвященных» про крокодилов, летящих из форточек».

Эту дату Эпштейн считает официальным днем рождения here://.

Одним из удачных проектов, осуществленных в рамках here://, был «Бабушкин миксер» — программа, тасовавшая любой текст и превращавшая его в винегрет. Любая страничка трансформировалась так, что дизайн, картинки и ссылки оставались теми же, но текст весь перемешивался, а ссылки вели на другие такие же страницы. Одно время Эпштейн пытался уговорить Бориса Тышкевича (www.aha.ru) прикрутить «Бабушкин миксер» к его прокси-серверу на первое апреля, но Тышкевич в последний момент передумал.

Название было дано программе в честь анекдота: Бабушка беседует с внучкой:

— Вот в наше время музыка была помелодичней.

— Бабушка, так это миксер работает!

Возвращаясь к клубу «Край», можно рассказать, что клубная деятельность Эпштейна началась с того, что в 1996 году Эпштейн, Махоткин и Ян Грин обнаружили, что тот способ, которым они проводят время по выходным, наполнен особой энергией и эзотерикой. Махоткин назвал эти встречи «эпштейновскими уикендами категории Б», и вскоре заинтересованных людей набралось достаточно много — и тут подоспел клуб «Край», в котором eps стал организовывать вечеринки, приглашая туда такие групп, как «Виды рыб», F.R.U.I.T.S. и «Собакки Табакка».

Про вечеринки в «Крае» eps прекрасно рассказывал в интервью для все той же несостоявшейся книжки:

— Под утро на одной из party — по-моему, мероприятие, посвященное трехлетию Here.ru, — выступали очень хорошие ребята, они так отрывались, что из соседнего зала пришли двое охранников, которые там, наверное, отдыхали, охранники такие очень конкретные, то есть огромного размера, они сказали мальчику шестнадцати лет, который читал текст, чтобы он, мальчик, заткнулся и больше никогда таких слов не говорил. Поскольку мальчик на них смотрел молча, но совершенно явно не понимая и с другими эмоциями во взгляде, они говорили ему, попутно роняя на пол пистолеты, за которыми тут же нагибались, понадобилось вмешательство Ани Степановой, чтобы разрешить мирно эту ситуацию. Это не могло не придать веселья всем присутствующим.

Пару лет назад благодаря Эпштейну я еще раз вспомнил, что мир очень мал: в Силиконовой долине я провел вечер, сидя между Дмитрием Маниным (которого не узнал) и сестрой Эпштейна (про которую не знал, что она его сестра). Зато после знакомства с ней стало как-то окончательно ясно, что Эпштейн совсем не розовый птюч, — хотя я затрудняюсь объяснить, почему это стало ясно.[21]

Как я уже говорил, в Силиконовой долине я оказался в качестве Knight Fellow. Строгий запрет на какую-либо профессиональную работу не очень меня тяготил этот год: но когда я получил последнее письмо с листа рассылки here.ru, я пожалел, что мне некуда написать некролог. Давний импульс теперь утерян, и все, что мне остается, — воспроизвести прощальное письмо Эпштейна:

> high there
>
> пятнадцатого декабря сего года here:// исполняется пять лет

нам было по-разному все это время — hopefully вам тоже

во имя этого и всего самого светлого проект завершает свое существование

прах [here.ru] какое-то время еще будет доступен online затем без дальнейших предупреждений исчезнет

наросшие за время жизни проекта самостоятельные организмы [drugie.here.ru и прочие] видимо продолжат свою суету и далее

в знак уважения вам предлагается ответить на данное письмо,

заменив subject на 'oblivio', 'forget me' или просто 'unsubscribe'

последовавшим воздастся::

иные пеняйте на себя спокойных снов

eps//here.ru

2. Создание «О.Г.И.»

Новый клуб

«Культурный гид», декабрь 1998 г.

Если музыка умолкает на эту неделю, то и Музы следуют ее примеру. И потому, вместо того, чтобы анонсировать какой-нибудь поэтический/прозаический вечер, я расскажу об открытии нового книжного центра и галереи — впрочем, довольно плотно законспирированных.

Называется клуб, кажется, «О.Г.И.» и, во всяком случае, связан с одноименным издательством и группой «Ы». Издательство это ранее называлось «ИЦ-Гарант» и прославилось изданием таких хитов, как «Содом и Психея» Эткинда, «Лотмановский сборник» и т. д. Но для сетевой публики «ИЦ-Гарант» будет долго тем любезен, что именно им был запущен проект Zhurnal.ru, которому столь многие столь многим обязаны. Редакция журнала в Калашном переулке была в течение двух, как минимум, лет местом проведения всевозможных сетевых тусовок и сборищ, и огромное количество проектов (ныне вполне от ZR оторвавшихся) начиналось именно там. Что до литературы, то именно там был центр знаменитых IRC-конференций с Приговым, Пелевиным и другими.

У каждого из нас есть своя география Москвы, на которой

особо отмечены точки «тусовок», куда всегда приятно зайти. С возрастом все чаще приходится вставлять слово «было» в предыдущую фразу — вот уже полгода, как Калашный больше не существует как место, где всегда был дым коромыслом, полно народу, пустой холодильник, тараканы и радость жизни. Вероятно, новый клуб открылся нам в утешение.

Впрочем, клуб — полузакрытый, в том смысле, что днем функционирует как склад-магазин одноименного издательства, а вечером… Ну, что там происходит по вечерам, нигде широко не объявлено. Собираются люди, стихи читают, водку пьют. Какой клуб, гражданин начальник? Какая программа?

А вот так — никакой программы мероприятий. Говорят, клубный день — четверг, но это только слухи. Звоните — и уточняйте.

«Ю.Г.И.», Трехпрудный пер., 11/13, тел.: 209—2154.

Открытие «О.Г.И.» зимой 1998 года ложилось на посткризисную московскую идеологию «честной бедности». К той же волне относились «антиглянцевые» журналы типа «Русских джунглей» и открывшийся чуть позже клуб «ПушкинГ». Клубы эти были демонстративно дешевые и, как следствие, законспирированные, поскольку представляли собой, как я и писал, попытку перенести эстетику кухни на чуть большее пространство. Обязательный книжный магазин и арт-галерея продолжали аналогию с квартирой: на кухне мы пьем, а в комнате у нас книжки и картинки. Логично было бы выделить зону для всяких сексуальных забав («а тут у нас спальня»), но до этого дело так и не дошло.

Забавно, что и «ПушкинГ», и «О.Г.И.» были связаны с Интернет-структурами: «ПушкинГ» находился в подвале журнала «Век XX и мир» (детища все того же Глеба Павловского) и, очевидно, существовал только благодаря этой поддержке (выручки не хватило бы на аренду). Про «О.Г.И.» и так все ясно. Из китов ранней Сети не у дел оказались только владельцы «Ситилайна».

«ПушкинГ» продержался сравнительно недолго, а «О.Г.И.», покинув Трехпрудный, переместился в район Чистых прудов и вскоре оброс неким количеством филиалов, известных под названием «Пироги», или «PR О.Г.И.».

Общую атмосферу этих заведений передает легенда о том, что один из основателей «О.Г.И.» Митя Борисов обсуждал с кем-то грядущее открытие и засиделся допоздна в каком-то баре. Наутро в бумажнике им был обнаружен лаконичный счет: «54 водки, два

омлета». Даже если это легенда, будущее развитие «О.Г.И.» как места общепита она передает верно.

«О.Г.И.» на Чистых прудах полностью назывался «Проект О.Г.И.», и в день накануне официального открытия там состоялась большая интернет-тусовка, организованная ЕЖЕ-движением. Ко мне там подошел неизвестный человек, посмотрел пристально и спросил: «А вы не Антон Носик?» — «Нет, я Сергей Кузнецов». — «Тогда я вас не знаю».

Собственно, этот мелкий эпизод был вполне характерен для всего вечера. Много кто много кого не знал. Так, достаточно случайно в «Проект» тем вечером попала известная актриса Амалия Мордвинова, которую, как ни странно, тогда не знал никто (возможно, потому, что она еще не начала сниматься в сериалах). Она оказалась за одним столиком с Темой Лебедевым и Кубом. Куб представил их друг другу («Это Тема Лебедев, веб-дизайнер. Это Амалия Мордвинова, актриса»). Очевидно, оба впервые узнали о существовании друг друга.

— Как здорово, что вы дизайнер, — сказала Мордвинова, — нарисуйте мне сайт.

— Вы знаете, — сдержанно ответил Лебедев, — я не рисую. Как известно, так оно и есть: рисовать Лебедев не умеет и этим немного бравирует.

Мордвинова, однако, оскорбилась и стала кричать:

— Что это за мальчишка в бандане! Как он со мной разговаривает! Я знаю, компьютерные мальчики женщин за людей не считают! Но это уже чересчур!

Не было сомнения, что девушка просто чувствовала себя незаслуженно обойденной вниманием. Деликатный Тема отозвал меня в сторону и нежным голосом спросил:

— А это что еще за рыжая блядь?[22]

Я объяснил, что это Амалия Мордвинова, актриса, все дела. Тема посмотрел на Мордвинову и задумчиво сказал:

— Надо будет написать на theatre.ru, чтоб они все ссылки на нее сняли.

Этого он, разумеется, не сделал, а я еще полгода жалел, что нельзя было тогда найти издание, способное оценить заголовок «Амалия Мордвинова чуть не дала в морду Артемию Лебедеву». Людей, знавших одновременно обе фамилии, почти не было.

Насколько я понимаю, нынче «Проект О.Г.И.» и «Пироги» сменили хозяев. По иронии судьбы, хозяевами «Пирогов» оказались Емеля Захаров и Дема Кудрявцев — так бывшие заправилы «Ситилайна» взяли реванш за свое отсутствие на рынке дешевых клубов зимой 1998–1999 годов.

3. Витухновская в Ротонде

Стихи — лучшее, что есть в Алине Витухновской

«Культурный гид», ноябрь 1999 г.

Из нескольких источников сразу пришло сообщение о вечере Алины Витухновской. В галерее «Ротонда» Витухновская представляет свой новый веб-сайт «Уничтожение реальности». Вспомнилось, как при нашей встрече Витухновская совершенно серьезно вещала:

— Для того чтобы уничтожить реальность, необходимо много денег и оружия…

— По-моему, чем больше денег и оружия, тем прочнее реальность, — заметила сидевшая там же Екатерина Вергилесова.

Что ни говори, авторши женских романов временами оказываются куда умнее революционерок с богатым психоделическим прошлым. Как, в самом деле, можно уничтожить то, чего нет? Да еще деньгами и оружием? Куда, ради бога, провалились якобы употребленные Витухновской миллиграммы диэтиламида известной кислоты, если она до сих пор не поняла — пусть хотя бы приблизительно — пустотную природу реальности?

Этот разговор послужил еще одним послесловием ко временам психоделической революции в России. Вещества, как можно видеть, ничего не гарантируют. Некогда Павел Пепперштейн ввел термин «шпеер», означающий человека, который сочетает психоделические практики с успешной социальной карьерой. Витухновская — типичный шпеер, только ее карьера протекает, так сказать, в «неофициальной» области.

Успешность этой карьеры зиждется на старинной российской традиции: пострадавший от власти сразу приобретает социальный статус. В прошлом веке именно это называлось «либерализмом» (отмечаю специально, поскольку думаю, что Витухновская подобных слов не любит), в позднесоветское время — «диссидентством». В постперестроечное — слова придумать еще не успели. И то хорошо.

Каждый раз мы попадаем в одну и ту же ловушку. Нехорошо сажать в тюрьму за чтение письма Белинского, «Архипелага ГУЛаг» и употребление психоактивных веществ? Нехорошо. Но чтение книг и употребление веществ еще ничего не гарантируют. Поклонник Солженицына и любитель ЛСД могут оказаться подлецами и идиотами, как и читатель Фадеева и запойный

пьяница.

Второй фактор, на котором строится социальный статус Витухновской, — русское отношение к поэтам и поэзии. Слова «талантливая молодая поэтесса» прилипли к ней как означающее — к означаемому. Но это тоже ничего не гарантирует — даже качества стихов (впрочем, действительно заслуживающих внимания). Тем более теперь Витухновская больше стихов не пишет, переключившись на «разрушение реальности», представляющее собой смесь радикальной политики и современного искусства. На самом деле — жаль. Стихи у нее получались куда лучше, чем разрушение реальности.

Разрушение реальности лучше всего начинать с разрушения своих иллюзий. Вера в особые достоинства человека, сидевшего в тюрьме или писавшего стихи, — одна из главных российских иллюзий.

* * *

А как же сайт, который сделала Витухновская? — спросит читатель. Никак, — отвечу я. Разрушение реальности коснулось и его: ссылка http://www.gothic.ru/alina молчит, а администрация сервера http://www.gothic.ru извиняется за неполадки. С горя я пошел читать там же рецензии на кино — и сполна насладился отзывом (хвалебным) на «Идиотов» фон Триера. Цитирую любимое место:

> «Понятно, почему либеральной критике так не понравилось это кино. Его, при всей внешней «обычности», вряд ли можно назвать политкорректным. В самом деле, в фильме, к примеру, вообще нет ни одного чернокожего, хотя в Дании их предостаточно. Не то чтобы поклонники White Power должны были сразу радостно потереть ручки, нет. Но в этом отношении фильм явно не поддерживает стандарт Голливуда с его вечным в последнее время союзом черного и белого героев, с его отрицанием самой возможности существования такого типажа как «негр убийца-педофил». Фон Триер, как режиссер европейский, нарушает эту логику, и в этом его привлекательность для антимондиалистского зрителя».

По-моему, чудесно. Яркий пример того типа идеологического дискурса, который в последнее время нравится Витухновской.

Не ходите на ее сайт. Разве что — почитать стихи. Если,

конечно, они там есть.

Единственный комментарий к этой статье касается Екатерины Вергилесовой. Разумеется, такого человека никогда не существовало — так же как и ее брата (мужа?) Сергея Вергилесова, которым я иногда подписывал свои статьи. Вергилесов — фамилия моего деда, а «Екатерина Вергилесова» — коллективный псевдоним, под которым мы с женой Катей в 1995 году писали женские романы. Романы затерялись в глубинах книжного рынка, а имя «Екатерина Вергилесова» я иногда использовал в своих текстах, когда хотел что-то рассказать про Катю, соблюдая ее прайвеси. Сегодня она разрешила мне раскрыть этот псевдоним, что я и делаю, восстанавливая историческую справедливость, как всегда с запозданием.

4. Мадагаскарский клуб

Бьют туземцы в барабаны

«Культурный гид», апрель 2000 г.

Как известно, лет пять назад в Москве и прилегающих землях очень в моде были разговоры о геополитике (www.arctogaia.com). Что это такое, лучше прочесть у Дугина. (Лично я довольно прохладно отношусь к попыткам скрестить эзотерическое знание с политикой… Если уж ты православный, то о своей душе подумай, а не о происках атлантистов. Но это — к слову.) Помянул я это «течение современной мысли», поскольку, видимо, как раз поднятая им волна и окатила Игоря Сида, внушив ему мысль, что неплохо бы дополнить геополитику — геопоэтикой (или, если угодно, противопоставить одну другой). Сказано — сделано: возник геопоэтический Крымский клуб, стали проводиться геопоэтические конференции, закипела геопоэтическая мысль.

И без долгих трактовок понятно, чем занимается геопоэтика: скрещением географии и поэтики, исследованием, моделированием и созданием поэтических анклавов на карте мира. Лично меня концепция привлекает тем, что в пору хайтековского размывания пространственных границ Сид пытается их хоть немного удержать. Если ты сидишь за компьютером, собранным в Корее, смотришь телевизор, собранный в Японии, а из дома выходишь только для того, чтобы сесть в машину, сделанную в Баварии, постепенно возникает ощущение, что не так важно, где стоит твой дом и куда едет твоя машина, — тем

более если большинство твоих передвижений связано с блужданием по Сети, которая вообще агеографична. И Сид, с его наивной верой в то, что важно, *какой пейзаж за окном и какой гений места осеняет своим крылом твой дом*, вызывает, по крайней мере, трогательное чувство.

Первое время основной геопоэтический интерес Сида был сосредоточен на Москве и Крыме (точнее, Крыме и Москве). Но, судя по дошедшим до меня сведениям, теперь сфера жизненно важных интересов расширилась до Мадагаскара: некоторое время назад я получил от Сида письмо, которое и воспроизвожу ниже.

> Приглашаем Вас к участию в акции; в случае же, если Вам известны любые интересные ФАКТЫ ИЛИ ТЕКСТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОСТРОВОМ МАДАГАСКАР, вообще какие-либо литературно- художественные факты в связи с **индоокеанским** или **африканским** регионом, — просим Вас срочно (заранее) сообщить их нам по тел (095) 345—59–13 либо имейлом по адресу madagascar@liter.net, для любителей польско-немецкой(= псевдорусской)транскрипции: madagaskar@liter.net. Ваши материалы будут помещены на сайте и обнародованы на презентации.

Я, разумеется, ничего не послал. Да и что послать? Свою старую статью о русском пирате Беневском, чуть не ставшем королем Мадагаскара (написанную для компьютерной энциклопедии о пиратах, выпущенной студией «Акелла» много лет назад… деньги получены сполна и потрачены не один раз)? Текст песни про «стрелы в таинственной стране Мадагаскар»? Но я ее слышал так давно, что воспоминания стерлись не столько от частого употребления, сколько от полной бесполезности. Да и она должна быть в Сети десять раз!

Вот, кстати, и проверим. Делаем поиск Находим не один десяток ссылок Выясняем попутно, что это слова Юрия Визбора. Заходим. Читаем. И — о радость! — вижу, что мне знаком апокрифический куплет, отсутствующий в большинстве источников. Собрался уж было записать по памяти, но в последний момент поискал — и нашел (http://www.nvkz.kuzbass.net/exit/BOOK-SONG/a_12.htm):

> Тихо все вокруг,
> Чуть колышутся лианы,
> Но мы с тобой, мой друг, окружены.
> Осторожней, друг, бьют индейцы в барабаны,
> Они нас ищут на тропе войны…

Осторожней, друг, бьют индейцы в барабаны,
Они нас ищут на тропе войны…
Помнишь Порт-Саид
И накрашенные губы,
И купленный за доллар поцелуй?..
Осторожней, друг, эти ласки слишком грубы,
Ты сердце понапрасну не волнуй…
Осторожней, друг, эти ласки слишком грубы,
Ты сердце понапрасну не волнуй…

Мне, понятное дело, по молодости нравились мадагаскарские индейцы. Теперь больше волнует инфляция — надо же, купленный за доллар поцелуй. Впрочем, кто их знает там, в Порт-Саиде?

И наконец, в процессе сегодняшних изысканий я выяснил, что основной текст написан в 1952 году, а под более полным вариантом стоит дата 1960. И место — Тува.

Вот вам, Юрий Иосифович, и горловое пение.

Сегодня я понимаю, что главный смысл приведенной выше заметки — в истории о том, как, вспомнив прошлое, можно пойти и поискать его следы в Сети. В какой-то момент я уверовал, что неизбежно «найдется все». А если, паче чаяния, текст стихотворения, написанного моими одноклассниками двадцать лет назад, не находился даже после поиска всеми поисковыми машинами, я уходил от компьютера разочарованный и уверенный в том, что если бы искал Куб, то все бы кончилось иначе.

5. Мертвая эксгибиционистка Николь

Кладбище домашних

«НасНет», май 2000 г.

Сайт, выбранный нами сегодня, будет оправдывать название проекта — «нас нет».

Ссылка nicol.web1000.com умерла неизвестно сколько времени назад. Вроде недавно смотрел — а уже нет. Что же там было?

Там была персональная страница девушки по имени Николь, называющей себя русской эксгибиционисткой. Была краткая преамбула: «Привет! Меня зовут Николь, я решила создать свой укромный уголок в Сети, посвященный тому, что я люблю и о чем

хочу рассказать вам. Люблю я очень многое, но в первую очередь секс. Да, да, я думаю, что многие тоже так думают, но боятся об этом сказать. А я не боюсь». Разумеется, были фотки — в запоминающихся местах Петербурга с обнаженными — выражаясь языком переводной порнографии — интимностями. Были тексты в жанре «почему я люблю показывать себя обнаженной». Были даже тексты в жанре «рассказы» — о том, как Николь занималась любовью с друзьями своего мужа ко всеобщей радости. Что-то еще, наверное, было, но я уже забыл.

Больше всего мне понравилось резюме, выложенное для поиска работы. Было там три пункта. Если не ошибаюсь, таких:

1. Эскорт и участие в порно- и эротической видео-и фотосъемке.

2. Секретарша. Знаю компьютер и основы бухгалтерии. Могу спать с вами и вашими клиентами или только с вами, приходить на работу в любой одежде, хоть совсем голая.

3. Веб-дизайнер.

При этом первые два пункта были описаны куда подробней (куда-то, кажется, были даже засунуты описания сексуальных предпочтений), чем у меня, и лаконичный третий от этого приобретал особое очарование.

Как и во многих подобных случаях, нельзя до конца быть уверенным, что Николь не является виртуальным персонажем (скажем, сфотографировали какую-то произвольную девушку, текст написал мужчина, а все в целом представляет собой что-то вроде порносайта).

Даже просьба о работе не до конца убеждает в подлинности: может, это просто работа сутенеров. Или — мужа девушки, живущего за счет ее доходов. Именно подобное мерцание и придает очарование этой странице и ей подобным. Читая порнорассказ или смотря порнофильм, любой знает, что «всего этого не было на самом деле». В данном случае такой уверенности нет — и это заставляет задуматься о грани между жизнью и порнографией. Николь сообщает о себе слишком много «лишнего» — и потому чисто эротический эффект размывается. Невольно начинаешь думать про ее духовную жизнь, психические проблемы и тип личности. Переживаешь, что на самом деле она несчастлива. (А почему она должна быть несчастна? А почему должна быть счастлива? Много вы счастливых людей видели? Особенно в сфере секс-услуг и веб-дизайна.) Иначе говоря, фантазия расходится не на шутку — и довольно быстро уходит от эротической проблематики.

Сайт девушки Николь был только первой вылазкой в мир персональных эротических страниц.

С тех пор я еще несколько раз просматривал сайты девушек, вывешивающих рассказы о своей интимной жизни и фотографии в нижнем белье и без него. В этой книге есть еще несколько историй из этой области — но безвременно сгинувшая девушка Николь остается не только первой, но, похоже, и лучшей. Николь, как ты там? Откликнись!

6. Окно в чужой мир

«НасНет», июль 2000 г.

У Джека Лондона есть рассказ… Нет, не так. Начать надо бы с того, что меня давно волнует одна тема. Она — не на раз и не на два, но заявить ее можно и сегодня. Вкратце дело сводится вот к чему.

Много лет назад те, кому сейчас за тридцать, были маленькие и жили в Советском Союзе. Не самым первостепенным следствием этого являлось то, что вся современная развлекательная литература оставалась для нас неизвестной (не развлекательная тоже, но это отдельный разговор). Иными словами, в семидесятые мы читали фантастику пятидесятых — если вообще не довоенную. А в начальной школе — масскульт начала века или даже конца прошлого. Детективов, например, фактически не было. Зато было множество всего, что напереводили в двадцатые — тридцатые. Отсюда тема связи времен, мостика, перекинувшегося от эпохи декаданса к семидесятым — восьмидесятым— девяностым.

Множество вещей, ставших «модными» в девяностые, уходят корнями в книжки, которые мы читали в детстве. Мы — это, скажем, Пелевин, Вербицкий, Эпштейн и я… Довольно разные люди сегодня, но книжки, я подозреваю, читали одни и те же. Скажем, из Герберта Уэллса, Александра Грина или Джека Лондона можно было извлечь первые представления о психоделии, анархизме, терроризме, конспирологии и прочих разных вещах. В другой раз я, может быть, заведу раздел «Листая старые страницы», где и буду комментировать наиболее интересные случаи прорастания книг, написанных почти сто лет назад, в культурную реальность девяностых, — но пока, дабы не перегружать «НасНет» ностальгическими мотивами, воздержусь.

После этого предисловия вернусь к Джеку Лондону. Как и другие перечисленные выше авторы, он был куда многограннее десятка хрестоматийных рассказов про «зов предков», «жажду жизни» и «Смока и Малыша». Один из наиболее запомнившихся мне текстов назывался «Тропой ложных солнц» — он начинался с

того, что двое героев рассматривали иллюстрированный журнал. Один из них говорил, что всего этого не понимает:

— Вот, мол, два человека. Один выстрелил в другого, а тот падает. Кто хороший, кто плохой? Почему стрелял? К чему это вообще все?

Второй, рассказчик, ему объяснил, что картина — это как вид в окне. Идешь вечером и заглядываешь в окно. Видишь картинку: ребенок в кроватке, заплаканная женщина, врач в дверях — и что-то понимаешь. Ты не знаешь, чем болен ребенок, не знаешь, кто эта женщина, — но понимаешь, что они чувствуют. Растроганный собеседник в ответ рассказывает историю из своей жизни, которая как раз и есть картина без начала и конца (она-то и называется «Тропой ложных солнц»).

Но меня сейчас интересует метафора окна. Вряд ли благодаря Биллу Гейтсу слово это оказалось тесно связано с компьютерами. Монитор — наше окно в мир (опять же есть тема «окна как зеркала», но я не буду отвлекаться). И открываемые в нем «окна» — уже окна второго порядка. Но тем не менее не приходится удивляться, что, пойдя по какой-то ссылке, внезапно чувствуешь себя как раз этим самым… подглядевшим в окно. Нечто без начала и конца, но с ощутимым впечатлением.

Последний раз я испытал это чувство, когда зашел по ссылке, присланной мне коллегой по «РЖ» Ильей Овчинниковым.

Вот она: http://litera.ru/poezdki/.

Первый абзац сразу вносит ясность:

Дорогие друзья — учителя, ученики и выпускники гимназии № 1567, а также все остальные! На этом сайте размещается все, что имеет отношение к истории наших славных поездок — как прошлых, так и будущих: описания, воспоминания, дневники, фотографии и тому подобное.

Понятно, что все перечисленное — вещи не так чтобы интимные, но предназначенные для узкого круга. Дневники, описания, воспоминания… Некое «в поисках утраченного времени», предпринятое без прустовской дотошности и таланта, скорее, в расчете на тех, кто может вспомнить то же самое — или напомнить забытое.

Вот, скажем, из описания путешествия в Италию в марте 1991 года:

> Вспоминаю, как где-то под вечер девушки из 10 «В» Юля Лидерман и Ася Бонч-Осмоловская устроили в купе лежачий канкан по мотивам спектакля «Женитьба гусара». Я забился в угол и считал, что попал в притон, а Артур Клява утверждал, что эту сцену надо снимать для

фильма «Казанова».

Понятно, что желательно хотя бы представлять, как выглядели в десятом классе Юля Л. и Ася Б.-О. (родственница известного художника и Бонч-Бруевича?) — может, они были пухленькие с толстенными ногами, а может, напротив, худощавые, с длинными и красивыми. Может, Артур Клява был завзятым Дон Жуаном, а может — скромным мальчиком, который впервые поцеловался в двадцать лет? Может, он был в одну из них влюблен? А может — в обеих? Может, влюблен был рассказчик? Ну и так далее…

Подобные вопросы обычно возникают при чтении исторических документов (типа тех, что хранятся в архивах в разделе «неизвестные пишут неизвестным»). Интернет присваивает статус подобного документа любому напечатанному в Сети воспоминанию — и от этого события личной жизни еще быстрее становятся историей, потому что история начинается, когда твои личные документы читают посторонние люди.

Ощущение, описанное выше — подглядывание в окно за незнакомыми людьми, — было бы еще сильнее, если бы люди были совсем незнакомые. Так, я хотя бы знаю Овчинникова или его учителя Э. Безносова (одного из первых публикаторов Бродского в России), а попади я на аналогичные записки учеников какой-нибудь владивостокской гимназии? Ну, прибережем это для другого случая… Читатели могут присылать мне ссылки на подобного рода архивы — школьные тексты, воспоминания, фотографии (один из самых известных проектов подобного рода принадлежит Вербицкому, про другой — зеленоградский — я уже как-то говорил).

Иногда, впрочем, посещает мысль: мир так мал, что не будет такого ресурса, где не обнаружились бы знакомые. Так, завершая чтение «Наших поездок», я наткнулся на чудесный абзац:

Поезд отходил в 2 часа ночи, так что пару часов таки пришлось провести на вокзале. Как сейчас помню вздох Феди Павлова, известного ныне журналиста и тусовщика: «Эх, был бы здесь Данилкин…» — «И что бы было?» — спросили Федю. «Как что? — удивился Федя. — Я бы его бил». (Над демонстративной «враждой» Левы Данилкина (ныне так же известного журналиста) и Феди Павлова веселилась в то время вся школа. — *И.О.*)

Я тоже повеселился. Мало того, что я знаю обоих героев этого абзаца, так еще две недели назад на пляже в Сочи сам Данилкин рассказывал мне о своей «демонстративной вражде» с ФПА — нынешним гл. ред. журнала «Молоток» и основателем журнала «Не спать!». (Спрошенный по телефону о приведенном выше

абзаце Федя ответил, что все было наоборот, и Данилкин был старше него на два года и как раз его третировал… короче, абзац может обрасти комментариями, показаниями очевидцев и домыслами. История, одним словом.)

Зеленоградский проект, мельком здесь упомянутый, был известен мне задолго до того, как часть его всплыла в Сети под названием «Рыбка Дебиляриус» (www.debilarius.ru). В достославном городе Зеленограде прошло детство и юность моей жены Кати, и, как следствие, всю зеленоградскую тусовку она знала со школы. В середине девяностых Катин одноклассник Зафар Хашимов с друзьями издавали книжки тиражом несколько десятков экземпляров — и некоторые тексты оттуда я люблю до сих пор. Уже тогда я понимал, что идеологически эти книги близки «Союзу Писателей» Вербицкого и некоторым другим сетевым проектам, и потому я очень радовался, когда они в конце концов выложили их в качестве сайта «Рыбка Дебиляриус». Приятно было, что Вербицкий «Рыбку» тоже заметил и приветствовал. Особенно Мише полюбилась рубрика «Двухминутка ненависти» и текст про Земфиру под названием «Задыхаясь в промежности».

Когда возник «Живой журнал», забавно было наблюдать, как люди из разных тусовок стали перекрестно знакомиться. Но в глубине души я все равно считаю себя человеком, который открыл для широких рунетовских масс Зафара Хашимова (он же — Зеф, он же — юзер Churkan) — человека вопиюще неполиткорректного, злого и остроумного. Особенно хороши его выступления на национальную тему — вероятно, потому, что в нем намешано изрядно разных кровей и сам он считает себя русским — особенно с похмелья.

7. Право на личное высказывание

«Вечерний Интернет» снова в строю

«НасНет», август 2000 г.

Ну, все уже знают главное сетевое событие последних двух недель, которые я провел в Лондоне: снова выходит «Вечерний Интернет» Антона Носика. Пока вышло два выпуска — один вводный, а второй — про взрыв на Пушкинской. В вводном выпуске Носик объясняет:

На сегодняшний день структура, демография, конъюнктура рынка и инвестиционная ситуация в русском Интернете привели

к тому, что все сколько-нибудь заметные ресурсы в нем предельно обезличены. Если еще год назад я мог все свои представления, мысли и взгляды выразить через форму и содержание «Газеты. ру», то сегодня все те проекты, в которых я являюсь менеджером или шеф-редактором, являются продуктом коллективного руководства дюжины людей, чьи взгляды на жизнь и представления о должном весьма отличаются от моих собственных (…) Потребность в той площадке, где я мог бы выразить свое сугубо личное, особое мнение, не совпадающее со взглядами моих коллег и инвесторов, ощущается с каждым днем все острей.

Иными словами, возвращение «Вечернего Интернета» претендует на то, чтобы стать еще одной реперной точкой в истории журналистики Рунета.

Вы спросите про предыдущие точки? Пожалуйста: выход Zhurnal.ru; возникновение Cityline как контент-провайдера (и «ВИ», Паравозова и «Сеновала» как частей этого контента); возникновение «Русского журнала»; выход «Газеты. ру» и потом «Ленты. ру». Иными словами — попытка создания «вестника сетевой культуры» (традицию продолжает «НетКультура»). Появление первых крупных денег «на контент» (и эпидемия веб-обозрений); появление политического капитала в Интернете (и вместе с тем — первая попытка создания журнала «широкого профиля»); возникновение первой ежедневной сетевой газеты (и приход в Сеть денег «внешних инвесторов» — ЮКОСа в случае «Газеты. ру»).

Новый выход «ВИ» еще не указывает на то, что последует вскоре, — лишь на то, что «сетевая элита» воспринимает нынешнее положение как критическое и во многом тупиковое (более подробное описание ситуации дано в недавней статье Марины Литвинович на «СМИ. ру»). Главный его минус потеря интернет-журналистикой своего лица, которого Сеть лишилась в погоне за респектабельностью и инвесторами. Высокий рейтинг Экслера показывает, что жанр колонки может быть не менее популярен, чем безликие новостные дорожки или порталы, — и Носик, еще недавно говоривший, что у него нет времени писать, понимает, что время на это нужно найти.

P.S. И, возвращаясь к «ВИ», — мне-то хорошо, у меня всегда была возможность писать от первого лица.

Так, мало-помалу мы оказались в 2000 году, перескочив туда сразу из начала 1999-го, когда Носик сделал «Газету. ру». За полтора года Россия пережила свой интернет-бум — не столь фантастический, как Америка. Я склонен считать, что год больших инвестиций пошел Рунету на пользу: во всяком случае,

после всех денег, потраченных на рекламу, уже не надо объяснять, что такое Интернет и почему это круто.

На момент написания заметки про Носика и «Вечерний Интернет» я работал в проекте «Поле. ру», типичном инвестционном проекте. Предполагалось, что он начнет приносить деньги через несколько лет, но закрылся он через полгода — не столько потому что был плох (он был хорош), сколько потому, что после падения NASDAQ инвесторы стали осторожнее. Возглавлял все это дело Андрей Себрант, один из тех динозавров Рунета, что появились независимо от Zhurnal.ru, избегли тусовки на Калашном и сотрудничества с «Ситилайном» и потому оставались мне знакомы только по имени. Седовласый, с хипповски-шестидесятническим хвостом, Себрант оказался прекрасен — работать с ним было легко и приятно, да и до сих пор, встречаясь в Интернет-бизнес-клубе или в других местах, мы рады друг друга видеть. Заместительницей его была Соня Соколова, жена Павла Ходакова, создателя главного музыкального сайта Рунета Music.ru. К тому моменту на волне дурных инвестиционных денег Music.ru был перекуплен и угроблен питерской компанией «Порт. ру», а Паша вместе с Соней быстро сделали Zvuki.ru, которые здравствуют по сей день.

«Звуки» вошли в «Поле. ру» на правах музыкального раздела, а кинораздел было поручено делать Максиму Андрееву, ветерану «Сегодня» и «Вечерней Москвы». Я был у него чем-то вроде второго заместителя (первым замом была Ксения Рождественская). В этом составе мы просуществовали несколько месяцев, успев получить на ММКФ приз как лучший киносайт, а потом у инвесторов вышли деньги, и в сентябре «Поле. ру» прекратило свое существование. Так или иначе, мне приятно вспоминать это время, когда я писал в среднем одну статью про кино в день (наш уговор с Андреевым был примерно на 24 статьи в месяц), продолжая при этом работать в «Вести. ру» и «Русском журнале», не говоря уже об офф-лайновых изданиях. Иными словами, в отличие от Носика, возможностей для прямого высказывания у меня было предостаточно.

Носик, впрочем, недолго использовал «Вечерний Интернет»: вышла пара выпусков, и все снова заглохло — и вовсе не по лености или занятости Антона: просто в 2001 году он одним из первых открыл для себя «Живой журнал», о котором еще пойдет речь позже.

8. Разное мелкое

Преимущество «НасНет» перед другими моими сетевыми

проектами заключалось в том, что положенный мне объем в 8—10 тыс. знаков я мог набивать мелкими, не связанными друг с другом заметками. Некоторые я и собрал здесь — без всяких комментариев, так, как они были написаны.

Июль 2000 г.

На днях получил чудесное письмо. Там было приведено много фактов о вреде алкоголизма. Мне запал в душу один: «Одной из главных причин образования раковых опухолей заднего прохода является пиво».

Июль 2000 г.

На прошлой неделе нелегкая журналистская судьба занесла меня на вечеринку, посвященную пятилетию ФЭПа. Я вошел в клуб «Куклы» как раз в тот момент, когда Марина Л. говорила:

— За пять лет мы избрали двух президентов и сместили минимум трех премьерминистров. В следующие пять лет мы постараемся превзойти этот результат.

Следом на сцену поднялся Глеб Павловский и поправил ее, сказав, что новых президентов в ближайшие пять лет избирать не надо.

Все весело засмеялись, а я сказал стоявшей рядом со мной девушке «А если вдуматься, я ведь должен ненавидеть этих людей!»

Чтобы развеяться, я решил рассказать политический анекдот — раз уж речь зашла о Президенте. Собрав вокруг себя нескольких сотрудников ФЭПа и убедившись, что анекдота они не знают, я начал:

«**Программа Путина.**
Пункт 1. Сделать людей богатыми и счастливыми.
Приложение. Список людей».

Все корректно улыбнулись, а один из них поправил меня:
— Должно быть «Приложение номер 1».
«Вот ведь профессионалы», — подумал я.

Ноябрь 2000 г.

Как известно, некоторое время назад *Altavista* отсудила себе кучу доменов «с опечаткой» типа www.atla vista.com и так далее. Это забавно само по себе, потому что «Альтависта» — классический пример того, что можно отлично жить и без одноименного домена: пару лет она жила по адресу

www.altavista.digital.com, а с «альтависта. ком» на нее вела ссылка. Зато, как все говорят, название *digital.com* отпечаталось в памяти целого поколения (в Сети поколения меняются быстро, и ему на смену пришло поколение, которое знать не знает никаких «дигиталов. ком»).

Но вспомнил я об этой большой судебной победе «Альтависты» потому, что до России у них руки не доходят. А у меня от усиленного чтения Рунета случаются опечатки: наберешь, бывало, www.altavista.ru — и получаешь соответственно. Если бы русскую искалку — так какой-то сайт про коррекцию зрения. Каждый раз смотрю, как зачарованный, думаю: «Что это с «Альтавистой» случилось, что она по-русски и что-то не то пишет…»

Впрочем, куда хуже, когда посылаешь письмо и вместо *@hotmail.com* бухнешь *@hotmail.ru* — потом с ужасом смотришь на Delivery Mail Message и думаешь: «Куда это адресат делся?»

Октябрь 2000 г.

Последние три дня я болел гриппом. Среди множества навязчивых бредов (в одном из которых я репетировал будущие американские лекции) явился мне Антон Носик и повторил слова, якобы сказанные недавно по ICQ: «Как ты про меня чего напишешь, так либо про наркоту, либо про п» ды». В бреду я пообещал исправиться и даже сказал, мол, все будет хорошо, напишу про другое, про то-то, то-то и то-то. Но сегодня, доковыляв до компьютера, я понял, что не все так просто… Я не помню, что я там в бреду собирался написать!

Может быть, про новую повесть его старого соавтора Аркана Карива «Переводчик» — как всем и без меня известно, опубликованную у Мошкова? Или, точнее, про то, что вместе с Носиком у Карива получалось лучше? Кстати, для тех, кто не читал знаменитую «Операцию Кеннеди», написанную вышеупомянутым Арканом К. и Антоном Н. (вовсе не бывшим тогда главной звездой Рунета), — вот ссылка.[23]

Декабрь 2000 г.

Сейчас я читаю абсолютно чудесный американский роман с непереводимым названием *Tokyo Suckerpunch.* Американский журналист, приехавший в Токио на освещение чемпионата по боевым искусствам среди несовершеннолетних инвалидов, оказывается в положении героя Чандлера или Хэммета, расследуя смерть своего друга — великого японского режиссера, а также разыскивая таинственную гейшу по имени Цветок Апельсина.

Очень смешно и изобретательно.

И вот в какой-то момент он посещает в тюрьме знаменитого левого террориста, отбывающего пожизненное заключение. Террорист под узнаваемой фамилией Кавабата на самом деле — пироманьяк, но, поскольку его арестовали за проведение теракта, он объявил себя марксистом. Однажды он, правда, взорвал стену своей тюрьмы, но выяснил, что его камера находится на 16-м этаже, и потому все, что ему остается, — просто любоваться на небо. Герой спрашивает его, как он пережил крушение СССР, тот отвечает, что это даже хорошо, потому что они были типа ревизионисты. Дальше следует прекрасный диалог. Оглянувшись и убедившись, что их никто не подслушивает, Кавабата шепотом говорит:

— Я обнаружил тайную коммуникационную систему. Подпольную всемирную компьютерную сеть, предназначенную для того, чтобы свалить Систему. Преступники, педофилы и различные революционеры могут теперь обмениваться информацией. И самое замечательное, что про это никто не знает. Деспоты из мультинациональных корпораций даже не догадываются о ее существовании.

— Она называется Интернет?

— Тише, — сказал он, оглядываясь через плечо, — ты тоже знаешь о ней?

И в самом деле, подумал я, были ведь времена, когда именно таким был образ Интернета, создаваемый СМИ. Преступники, педофилы и революционеры. Не то что теперь: NASDAQ, Павловский и «Страна. ру».

Апрель 2001 г.

Меня уже неоднократно упрекали в том, что я люблю загадки. Это правда. Так вот, днями, едучи в метро, я увидел рекламный плакат. Что там было написано внизу, я сначала не рассмотрел, а наверху было написано *«главная зарплата в стране. ru».*

Конечно, это загадка. Что бы это значило? Я быстро сочинил возможные варианты: это что-то вроде рекрутерского предложения о найме на работу в «Страну. ру». Или просто предвыборный плакат Марины Литвинович, у которой, очевидно, главная зарплата в «Стране. ру». Или — этот вариант мне нравился больше всего — это реплика одного из сотрудников «Страны. ру», Вани типа Давыдова, в беседе. Собеседник ему типа говорит: *«Если для тебя как журналиста свобода слова не главное, то что же для тебя главное?»* А тот отвечает: *«Главное — зарплата в «Стране. ру».* Но почему об этом надо сообщать урби

эт орби на стенах метро?

В следующий раз, проезжая мимо того же плаката, я понял, что к проекту ФЭПа он не имеет никакого отношения. Это была реклама журнала «Работа&Зарплата», совершенно, к слову, офф-лайнового. Если у него и есть сайт, то адрес его я не запомнил. Можно и тут придумать конспирологическую теорию, но, боюсь, у копирайтера просто застряло в голове выражение «Страна. ру», и он решил, что это такое нарицательное выражение.

9. Первый мемуарный набросок

Честно говоря, не уверен, что этот набросок должен считаться таким уж первым. Так или иначе, я долго думал, куда поместить этот текст про Настика, и в конце концов хронологически засунул его в эту часть, среди прочих текстов из «Русского журнала».

Настик Грызунова

«НасНет», июль 2001 г.

В прошлый раз я обещал написать про Настика. Однако неделя прошла, волнение улеглось, и было уже неясно — не будет ли это пережимом. То есть Настик, вне сомнения, достойна отдельного текста — и не одного. Но, может быть, подождать другого случая?

И вот, размышляя таким образом, я направлялся домой. Был светлый летний вечер, я слушал музыку в плеере и на строчке «и сказала «мне бы крылья бы и прощай страна зеленая» передо мной остановился BMW. Сидевшая за рулем девушка повернулась ко мне и через опущенное стекло сказала: — Привет.

На секунду я опешил. Это была Настик. Мысли, одна другой быстрей, пронеслись у меня в голове: во-первых, я вообще не знал, что Настик водит машину, во-вторых, совершенно неясно, откуда у нее мог взяться BMW, в-третьих, — и тут я вздохнул с облегчением — это была вовсе не Настик, а известная светская красавица Н., которой BMW был положен по статусу. Я обознался.

Как бы то ни было, стало ясно, что без статьи о Настике не обойтись, — и история с Настиком в BMW, конечно, только метафора.

Когда-то Настик была Анастасией Грызуновой. В первом номере Zhurnal.ru она так и названа. В какой момент она стала называться Настиком, я уже не помню, так же как уже не помню, в какой момент выяснилось, что она — главный специалист по

интернет- новостям. Она писала ИнтерНовости в ZR, «Невод» для «РЖ», соответствующий раздел для «Вести. ру», по-моему, также вела соответствующие новости на «Ленте». Теперь она пишет про Интернет в «Грани. ру» и, если не считать «Интернет. ру» (возможно, поэтому и почившего в бозе), все ежедневные издания первого ряда были Настиком охвачены. Даже если я что-то и напутал — а я принципиально не проверял фактов; жанр называется эссе- мемуар, а не «историческая справка», — общее ощущение передано верно. Если где-то регулярно и хорошо пишут новости про Сеть — то это Настик.

Я не понаслышке знаю, что в подобном положении есть как свои плюсы, так и свои минусы. Слава — вещь хорошая, и деньги — тоже неплохая, но с каждым днем ремесла становится все больше, а творчества все меньше. Знакомые и ты сам начинаешь воспринимать себя как хорошую дорогую машинку для обмена текстов на деньги. Рано или поздно хочется все это прекратить. Окружающие люди — в частности, читатели — начинают раздражать; вероятно, потому, что отказываются принимать какое-либо участие в функционировании механизма, который зовется твоим именем.

Конечно, все это — домыслы. О том, что творится у Настика в голове, мне известно не больше, чем Настику о том, что творится в голове у меня. Но так или иначе, начиная с какого-то момента Настик начала подавать признаки нарастающего раздражения. Для меня первым симптомом стали ее ответы на вопросы анкеты, засланной ей в целях развития некоторого исторического проекта, о котором пока не время распространяться. Вопросы придумывались разными людьми, в том числе — мной, а задавал их некий юноша, в общем-то далекий от нашей среды. Среди вопросов был, в частности, вопрос о том, как Настик предпочитает подписывать свои письма. Настик ответила:

> *«Best, Настик», если адресат раздражает, я ему пишу «всего хорошего».*

Потом — довольно лаконично — она расправилась с остальными вопросами, а в качестве подписи написала:

Всего хорошего, Настик

Все это как-то не вязалось с обликом Настика, но в тот момент я на это внимания не обратил. Также я не обратил внимания, что примерно в то же время Настик завела в своем «Неводе» ложноножки — вставленные среди настоящих новостей фальшивки, которые читателям следовало найти. Как читатель я

ленив и нелюбопытен — хватает с меня того, что я неленив как писатель, — и потому ни одной ложноножки не угадал, да и не пытался. Впрочем, я и в детективах не угадываю убийцу — не потому, что трудно, а потому, что неинтересно. Вероятно, не я один такой, потому что недели две назад грянул гром. Настик объявила — и внимательные читатели «РЖ» уже знают об этом, — что прекращает выпуск «Невода». Потому что неинтересно работать для людей, которые схавают любую туфту, которую им преподнесешь. Театр закрывается, нас всех тошнит.

Похоже, это был только первый приступ экзистенциальной тошноты. Второй воспоследовал несколькими днями спустя, когда Настик опубликовала текст, озаглавленный «Полночный карнавал Мамаши Фортуны».

На этот раз читатели оказались куда активнее, чем в случае ложноножек Все принялись гадать, кто есть кто. У меня тоже есть несколько идей насчет героини истории номер шесть, но я их оставлю при себе.

Впечатлен я был, однако, не возросшей активностью читателей, а тем, что Настику, все эти годы не отвлекавшейся на гуманитарную журналистику, удалось сделать то, что тщетно пытался изобразить я в «Проекте девяностые». Это — портрет эпохи в коротких историях, очерки нравов, физиологические в своей бескомпромиссности, выставки карикатур, собранье насекомых, открытое не только для всех знакомых, но и для всех читателей «РЖ».

Иными словами, это один из самых сильных текстов, которые я прочел на экране своего монитора за последние несколько месяцев. Конкуренцию им могут составить разве что некоторые записи Маши Н. и АлексаМск в «ЖЖ» — но от этих персонажей я всегда ожидал подобного рода мизантропических исповедей, тогда как Настик удивила по-настоящему.

Хочется верить, что упомянутая выше анкета сыграла свою роль в создании текста: во всяком случае, на один из вопросов («Что ты можешь сказать о таком-то?») я с запозданием получил очень внятный ответ («Я бы хотела, чтобы его никогда не существовало»). И на том спасибо.

Сплетни, любил цитировать Бродский, тоже форма метафизики. BMW, в котором мне привиделся Настик, — действительно только метафора. Сеть продолжает преподносить нам сюрпризы — люди, которых я знал много лет, стремительно уносятся куда-то в неведомые дали. Впрочем, при чем тут Сеть? Эти сюрпризы нам, как всегда, преподносит жизнь.

Надо сказать, что Настик не просто согласилась быть редактором этой книги, но и сделала множество полезных

замечаний. Поэтому, пускаясь в воспоминания о Настике, я чувствую себя неловка вдруг я скажу что-нибудь не то, и она это выкинет.[24] Так что я расскажу какую-нибудь историю и этим ограничусь. А то получать мне письма с подписью «всего хорошего».

К слову, редактор Настик на самом деле превосходный. Уделяя теперь Интернету меньше внимания, она смогла высвободить время для редактуры и переводов. По моей просьбе она редактировала мой роман «Гроб хрустальный», видимо, соблазненная интернет-проблематикой. Не выкинув ни одной фразы, она сократила текст почти на 10 %. Потом я узнал, что Стивен Кинг как раз считал подобный процент сокращений идеальным. Если к этому добавить превосходное чувство языка, станет ясно, что Настик — прекрасный редактор.

Сказав про чувство языка, я уже не могу остановиться и не рассказать, что у Настика самый длинный язык в Рунете. Причем в прямом, а не в переносном смысле — и иногда по просьбе старых друзей Настик открывает рот и высовывает язык на все девять сантиметров.

Каждый раз, беседуя с Настиком, я волей-неволей вспоминаю другую историю. Когда-то я научил Настика, что на вопрос «как дела?» надо автоматически и с чувством отвечать «отлично». С тех пор, когда Настик спрашивает «как дела?» — а я отвечаю «отлично», она хихикает, а я смущаюсь, словно меня поймали на лжи.

К слову сказать, Аркадий Морейнис на вопрос «как дела?» также неизбежно отвечает «могло быть хуже». С моей же привычкой отвечать «отлично» вне зависимости от настроения, я напросился однажды на вопрос Линор: «Как же быть депрессивным людям, когда их спрашивают, *как дела?»* Я предложил вспомнить последнюю маниакальную фазу, представить на секунду, что она наступила, и с чувством сказать «отлично». После этого вернуться к депрессии.

Как известно, время от времени Линор публикует у себя на сервере фрагменты своих записных книжек (часть из них вышла в издательстве «О.Г.И.» книжкой «Недетская еда»). Зайдя по очередной ссылке, я с изумлением обнаружил последнюю запись:

Сережа Кузнецов говорит: мы, маниакально-депрессивного склада люди, должны в ответ на вопрос: «Как дела?» — вспоминать последнюю маниакальную фазу и рассказывать, как дела, по фактам и ощущениям того периода.

Именно за эти записки Саша Гаврилов, главный редактор «Книжного обозрения», назвал Линор «Довлатовым нашего поколения» — и определение это точное еще и потому, что

Линор, как видно на этом примере, перевирает события, как перевирал их Довлатов. Так я и объяснял всем где-то полгода — мол, когда это я говорил «мы, маниакально-депрессивного склада люди…»? Я совсем не такого склада человек! Я бодрый, позитивный человек! У меня все хорошо!.. — ну и так далее.

И, значит, объяснял я это ровно полгода, пока меня не накрыло с такой силой, что даже на вопрос «как дела?» мне не удавалось вспомнить ничего утешительного. В тот момент мне было не до того, но теперь я понимаю, что у Линор пророческий дар, как у всякого настоящего поэта.

Единственно, что мне обидно — в тот период мне ни разу не попалась Настик. И потому не услышала, как в ответ на «как дела?» я затравленно мычу.

10. Последняя соломинка

Как можно заметить уже по одной из предыдущих главок, чем ближе становились выборы, тем больше раздражало меня сотрудничество с «РЖ». В разделе «Политика» творился полный беспредел, другие проекты ФЭПа, прежде всего «Страна. ру», были совсем за гранью добра и зла. Павловский, работавший в тот момент на Путина, был омерзительней, чем когда-либо.

Радикально настроенные знакомые намекали, что получение денег в кассе ФЭПа несовместимо с элементарной человеческой порядочностью. Я, однако, продолжал писать «НасНет», считая, что прежде всего отвечаю за свои тексты, а потом уже — за контекст. К тому же разные отделы «РЖ» существуют сепаратно, и посетители «НетКультуры» (раздела, редактором которого был Рома Лейбов и куда я писал «НасНет») редко заходили на «Политику». Я и сам старался туда не заходить — уж больно противно было. Вероятно, чтобы компенсировать это чувство, я при каждом удобном случае норовил высказать свои политические воззрения, пиная «Страну. ру» и Глеба Олеговича лично. Моя фронда прошла незамеченной, и вся история в целом служит иллюстрацией к тому, что путь журналиста — путь компромиссов.

Сам для себя я определил грань, после которой я покину «РЖ»: момент, когда будет введена политическая цензура. Слово «политическая» оказалось роковым: цензура не замедлила появиться, но политической она не была

Двадцать лет спустя

«Птюч», март 2003 г.

Уже много лет я веду еженедельную рубрику в одном интернет-журнале. В разные годы называлась она по-разному, но раз в неделю я подходил к компьютеру и мучительно думал, о чем бы это мне написать.

Началось все где-то в середине девяностых, когда слово «Интернет» знали особо продвинутые уроды, зато все — не исключая их — как завороженные смотрели «Pulp Fiction», «Trainspotting» и далее везде. Все бредили наркотиками и насилием — даже те, кто в жизни мухи не обидел, а всем наркотикам предпочитал пиво по пятницам. «Птюч» не влезал ни в одну сумку и означал не только журнал, но и клуб. Я писал в десять журналов сразу — потому что это было интересно и потому что я вдруг полюбил деньги еще больше, чем прежде. В результате до меня дошли слухи, будто кто-то из представителей химического поколения очень убедительно рассказывал, что Кузнецов сначала сидел на амфетаминах и потому писал очень много, а теперь пересел на кислую и пишет меньше, но зато лучше въезжает. Пользуюсь случаем сказать, что это, мягко скажем, не совсем правда — например, в тот момент я еще не начал писать меньше, хотя все равно спасибо за признание моей въезжательности. В результате я — на паях со Славой Курицыным — попал в пелевинский роман в качестве одного из псевдонимов Эдика Дебирсяна, так что у меня время от времени интересуются про описанную на той же странице стиральную машину, тараканов и кучу детей. Раз уж об этом зашла речь, замечу, что версия Пелевина имеет столь же малое отношение к действительности, как и версия про амфетамины и ЛСД.

Короче, это было веселое время, и вспомнить его приятно — хотя бы потому, что я был на четыре года моложе, а еще больше — потому, что оно никогда не повторится. Вероятно, движимый ностальгией, прошлой весной я затеял в своей интернетной колонке — той самой, с которой начал рассказ, — проект «Девяностые», где с помощью читателей архивировал воспоминания об ушедшей прекрасной эпохе.

И вот недавно один читатель, скрывшийся под псевдонимом Гиви и указавший адрес на ganja.com, прислал мне слова песни некоего Мистера Кредо, в которой пелось что-то вроде:

Я смотрю в твои глаза
И включаю тормоза, —
В них сплошная темнота,
Пустота и кислота.
У тебя все впереди,
Лучше завтра приходи:

Будем нюхать порошок,
Будет очень хорошо!
(…)
Очень страшные, поверь мне,
Начинаются дела,
Только для чего на свете
Тебя мама родила?
Не затем, чтоб ты курила
Анашу и героин,
А затем, чтоб ты дарила
В этой жизни жизнь другим.

Песня, разумеется, абсолютно идиотическая, но Гиви как раз такие и любит. К тому же, вполне разумно, он считал эти стихи одним из воплощений того самого духа девяностых, о котором и шла речь. Без малейшего сомнения я эти стихи напечатал — и еще до захода солнца получил от своего редактора настоятельную просьбу впредь на вверенных ему и мне страницах воздерживаться от любого упоминания наркотиков. Письмо, впрочем, все равно напечатали.

Как профессионального журналиста, меня не очень огорчает цензура. В конце концов я всегда знал, что у каждого издания есть профильные темы и, напротив, темы крайне нежелательные. Думаю, даже для «Птюча» я смогу придумать тему, которую мне завернут: например, академический разбор какой-нибудь классической симфонии… другое дело, что я такое и написать не смогу. Итак, меня огорчает не столько цензура, сколько ее внезапное усиление. Еще вчера типа было можно, а сегодня вдруг нельзя. Невольно начинаешь беспокоиться за завтра.

Потому я позвонил в редакцию и спросил, что, собственно, случилось. Чем, собственно, редакции не понравился стишок, по большому счету призывающий к здоровой жизни и отказу от наркотиков? Мне объяснили, что просто изменилась редакционная политика — и это касается не только меня, Гиви и Мистера Кредо, но всех-всех-всех.

Можно гадать, почему изменилась редакционная политика: может, появился богатый спонсор, который сказал: дам вам денег, но только чтобы ни-ни. Может, появились люди в штатском и попросили сократиться. Может, они ограничились звонком. Может, вообще ничего не было.

На самом деле все это неважно. «Изменение редакционной политики» означает, что те девяностые, о которых я писал в своем «проекте» и в начале этой статьи, завершились не только в

календаре. Это означает также, что время безграничной свободы в Рунете постепенно уходит. Где-то сносят архивы музыки в mp3-формате, где-то отказывают в хостинге эротическим ресурсам, где-то не дают даже упоминать наркотики… Дух времени меняется на глазах, и в памяти невольно встают рассказы, как почти одновременно кончились шестидесятые годы в России и Америке.

Эта аналогия, однако, не лишена приятности. Потому что если времена действительно повторяются с периодом лет в тридцать, то в двадцатых годах нового века жить опять станет веселей. До окончательно скурвившегося к тому моменту Интернета, конечно, никому дела не будет — но авось уже придумают какую-нибудь другую техническую штуку.

Мы еще очень молоды, и многим из нас тогда не будет даже пятидесяти. Так что — подождем.

Как я уже писал, с момента возникновения в «РЖ» авторам всегда предоставляли почти полную свободу, будь то в статьях или в гостевых книгах. Отсутствие цензуры было принципиально важно как для сотрудников журнала, так и для его идеологов. Поэтому запрет на публикацию любых материалов, где упоминаются психоактивные вещества — включая рецензии на «Низший пилотаж» Баяна Ширянова, — оказался для всех полной неожиданностью. Более того, некоторые тексты, опубликованные в «РЖ» ранее, были перемещены со старых адресов и выброшены из базы местной искалки, так что найти их стало фактически невозможно. Во всем этом была некоторая половинчатость — например, интервью с Баяном Ширяновым, взятое Горным и Паркером, убрали из «РЖ», но его можно найти на том же сервере по адресу http://litera.ru/ golden/gorny.htm.

Причиной запрета называлось появление спонсора, который просил, чтобы про наркотики не было ни слова, но в кулуарах говорили, что просто однажды Глеб Павловский заглянул в «РЖ» и попал на статью о наркотиках. Глеб Олегович поморщился и сказал Лене Пенской: «Что-то у вас много про наркотики…» Введение цензуры стало одной из причин конфликта с руководством «РЖ» редактора «Круга чтения» Бориса Кузьминского, небольшого поклонника наркотиков, но человека жесткого и принципиального. Со скандалом ушел из журнала Андрей Мадисон, опубликовав перед уходом желчную статью, снятую через несколько часов. Не все, впрочем, были недовольны. Так, Ваня Давыдов, по словам очевидцев, говорил: «Да вы должны радоваться, что работаете в» РЖ»!Через полгода во всей прессе установится тот же православно- фундаменталистский идеологический режим, а у вас есть фора — вы уже сейчас

работаете в условиях новой России». Как всегда, не ручаюсь за дословную передачу, но радостную интонацию воспроизвожу верно и не без злорадства: несмотря на путинскую нелюбовь к свободе слова, жесткий идеологический режим установлен пока еще не всюду — хотя прошло куда больше полугода.

То, что я продолжил сотрудничество с «РЖ» даже после введения цензуры, во многом объяснялось концепцией смены времен, изложенной в статье. Я считаю, времена меняются не сами, а когда меняются люди. Когда редактор, желая перестраховаться, не берет рискованную статью, а автор — для перестраховки — ее не пишет. В отличие от своих более молодых друзей я застал кусок советских семидесятых и хорошо помнил и либеральный конформизм, и псевдодиссидентскую нетерпимость, которые, я уверен, являются двумя сторонами одной медали. Условно говоря, когда один человек говорит другому «я не буду с тобой срать на одном поле», он оставляет это поле в распоряжении второго — и поле довольно быстро превращается в сортир. Возможно, тот самый, в котором Путин грозил замочить террористов. Мне же, по старой памяти, не хотелось способствовать превращению «РЖ» в подобное заведение, и по мере сил я старался препятствовать процессам осортиривания.

Мне казалось — и кажется, — что позиция «я с этими людьми на одном сервере хоститься не буду» приводит к эскалации конфликта и радикализации позиций участников. По мне, лучше находить точки пересечения, чем линии размежевания. Я хорошо помню дух семидесятых с их склоками, неподаванием рук и — одновременно — бесконечными компромиссами и стараюсь держаться от этого в стороне. Применительно к «РЖ» моя позиция была четкой: «Я отвечаю за свои тексты, а за то, что написал «Ваня Давыдов», отвечать не буду». Конечно, эта позиция может меняться — и в случае «РЖ» она была возможна потому, что одновременно со мной внутри этой структуры существовало немало порядочных и идеологически близких мне людей: всегда были издания, где я не согласился бы напечатать мой текст даже без единой купюры.

Именно поэтому, оставаясь автором «РЖ», я старался писать не мягче, а жестче, чем в старые времена, словно показывая себе и другим, что православно-фундаменталистская цензура, которую так рекламировал Ваня Давыдов, еще не случилась. В качестве одной из таких акций я написал спецвыпуск, посвященный порнографии в Сети (фрагмент из которого приведен ниже), и тут же выяснил, что порнографии как раз и нельзя. Но, поскольку выпуск все-таки поставили, возмутиться мне опять не удалось. Правда, цитаты с порнорекламой были закомментированы —

типичная логика, описанная в истории Овсея Дриза про Хеломских мудрецов, которые стелили пол в бане струганными досками, но клали их струганой стороной вниз, чтобы никто не поскользнулся.

Секс-мафия

Апрель 2001 г.

Уж не знаю, следует ли давать эту ссылку читателю: обычно рубрика «места» подразумевает «места, куда стоит сходить». По ссылке http://sex.mafia.ru/top/ ходить, очевидно, не стоит. Во-первых, потому, что по указанному адресу находится всего-навсего рекламная афиша скучных эротических сайтов. А во-вторых, потому, что эта афиша бессовестно врет. В-третьих, потому, что, пока я писал эту заметку, сайт вообще перестал открываться.

Обсуждаемый сайт представляет собой таблицу, в которой приведены краткие анонсы других порносайтов, а также указания на разные непонятные цифры. Фокус, однако, в том, что анонсы не имеют никакого отношения к тому, что открывается при нажатии на ссылку. Скажем, написано:

> «1.!!!!!!!! СЕНСАЦИОННЫЕ ФОТКИ из СТУДЕНЧЕСКОЙ ОБЩАГИ!!!!!!!! Старшекурсники лишают девственности невинных первокурсниц! КРОВАВЫЕ ОРГИИ! ДЕВОЧЕК пускают по кругу… ДО 21 ГОДА ВХОД СТРОГО ЗАПРЕЩЕН!
> ВСЕ ФОТО СНЯТЫ СКРЫТОЙ КАМЕРОЙ!»

или:

> «8. *** ЮНУЮ ЮЛИЧКУ ТРАХАЮТ В ПЕРВЫЙ РАЗ #** 18-летняя Юля потеряла девственность перед объективом фотоаппарата!
> 10 ˚Самых-Самых фоток Юлички доступны абсолютно бесплатно!»

— а по ссылке попадаешь либо туда, откуда вышел (на секс-мафию), либо на какой-то сайт мягкой эротики, который, очевидно, секс-мафии отбашлял. Никаких оргий, крови, дефлорации и скрытой камеры.

Понятно, про что эта история: про разрыв между означаемым и означающим и про то, что знак в данном случае ничего не означает. То есть содержимое ссылки с тем, что на ней написано,

не связано никак. Можно сказать, означающее зажило собственной жизнью, как и учил его Бодрийяр, — и в этом не было бы ничего интересного, если бы речь не шла о порно. Ибо тот же Бодрийяр справедливо писал, что порно само по себе как раз предполагает полное отсутствие процесса означания — там нет знака, есть только тело, только вещь («Берешь все это в руки, маешь вещь», — как писал Бродский). Интернет с его системой ссылок ввел означание и в порнографию — и тут же его уничтожил: ссылки отдельно, то, на что они ссылаются, — отдельно. Так — ровно по Бодрийяру — и появляется соблазн, управляемый как раз самостоятельностью жизни означающего.

Таков подход с точки зрения уже немодной науки семиотики — и пусть Лейбов меня поправит. С точки зрения немодной науки Cultural Studies интересно, что авторы сайта считают возбуждающим. Первым номером идет дефлорация, потом — анальный секс и общая жестокость. На третьем месте неожиданно оказывается пьянство:

> «СЕНСАЦИЯ!!! Пьяные, разбушевавшиеся одноклассницы лишили девственности свою подругу на ее дне рождения! Они кончали ей в рот и КАТЯ получила кайф от этого! МЫ СНЯЛИ ЭТО ЧЕРЕЗ ЗАМОЧНУЮ СКВАЖИНУ!»

или

> «::: ДО НЕПРИЛИЧИЯ ЖЕСТКИЙ АНАЛЬНЫЙ СЕКС ПЬЯНЫХ СТУДЕНТОК И УЧИЛОК:::».

Это, конечно, любопытно — как все-таки алкоголизм связан в русском сознании с сексом. А беспредельный секс может произойти только спьяну.

Как, интересно, обстоит дело в других странах — например, в США, Колумбии или Ямайке?

Ну, вот про то, что «юную Юличку трахают первый раз», читатели «РЖ» прочесть и не могли. Кажется, я слил информацию об этом Вербицкому или еще кому-то, чтобы оповестить читателей, как можно прочесть оригинальный вариант статьи — залезть в source и посмотреть закомментированный кусок Забавно, что, когда у редакции «РЖ» прошел морализаторский раж, комменты сняли, и теперь в Сети все лежит в том самом виде, в котором приведено выше.

Несмотря на описанную выше позицию «я отвечаю только за свои статьи», к началу мая 2001 года я уже всерьез думал покидать «РЖ» — и тут стало известно, что с августа я на год еду

в Америку без права работы в русской журналистике, так что я решил быстро доделать все, что планировал, и проститься с «РЖ» без скандала. Вероятно, от хлопанья дверью меня удерживали — помимо изложенных выше соображений — хорошие отношения со всеми редакторами, которые не меньше моего переживали по поводу происходящего. Помню, Рома Лейбов мне обещал, что если оно и дальше будет идти так, то он уйдет сам, и просил меня пока задержаться. Как я уже говорил хлопать дверью — это радикализировать ситуацию, то есть играть на стороне противника. Традиция Интернета всегда предполагала возможность существования на одном сайте авторов самых разных политических взглядов (так, Вербицкий и Лейбов мирно уживались в Zhurnal.ru) — и мне не хотелось эту традицию нарушать.

По счастью, когда я вернулся из Америки, «РЖ» снова существовал безо всякой цензуры — хотя, честно говоря, настоящего сотрудничества у нас с тех пор так и не наладилось. Но вспоминать «Культурный гид» и «НасНет» до сих пор приятно.

Часть четвертая. ИЗБРАННЫЕ МЕСТА

1. «База. ком» и «Зак Май»

«Птюч», август 1997 г.

Идите на… «Базу»

Сеть хороша тем, что, скользя по ее паутинкам (так и представляется муха, жирная такая, оплетенная склизкими нитями и соскальзывающая в разверстую пасть паука, ужасного, как монстр из Doom'a), никогда не знаешь, куда попадешь.

Мое нынешнее путешествие началось с нездорового интереса к родному языку и завело меня далеко не только от родных берегов (что в Интернете не редкость), но и от языковых проблем. Что, честно говоря, меня только порадовало.

Итак, начнем с великого и могучего. Не будем повторять сетования на Кирилла и Мефодия (именно эти люди придумали кириллицу! И их еще объявили святыми!) и в сотый раз рассказывать о различных кодировках, а лучше поговорим о его (языка) самой боевой и малопредставленной в бумажных изданиях части. То есть о русском мате.

Поисковая машина Rambler (http://www.rambler.ru) при поиске по четырем главным существительным выдает следующую статистику (без учета падежей): *хуй 242 документа блядь 142 документа мудак 120 документов пизда 37 документов.*

Для сравнения: AltaVista находит 100 370 документов со словом fuck и 7790 и 59 830 со словами prick и cunt соответственно. Русская же АльтаВиста (http://www.cti. ru/ alta.html) вообще для наших целей не подходит, потому что думает, будто «хуй» — это форма глагола «ховать», и ищет по всем словоформам этого редкого слова.

Оставим лингвистам волнующую тему, почему по-русски «хуя» в шесть с лишним раз больше «пизды», а сами посмотрим на самых заядлых матерщинников. Ими — вот уж вы удивитесь! — оказываются старые знакомые Иван Барков и Юз Алешковский (который «Николай Николаевич»). На почетном третьем месте — русско-английский словарь.

Для тех же, кто, в отличие от указанных авторов, не умеет сам складывать многоэтажные выражения, существует специальная машина (http://pavel.physics.sunysb. edu/cgi-bin/ matgen? — w+—), при каждом обращении генерирующая что-то

вроде «муда-еб- пизда-блядина». Одним словом, Интернет так просто не пошлешь, он и ответить может.

На этой выдающейся находке можно было бы и прерваться, но, по счастью, щелкая мышью по открывшимся в «Рамблере» линкам, я наткнулся на замечательное место, которое стоит отдельного рассказа.

Называется место безликим словом «БАЗА» (http://www.baza.com/the/) и представляет из себя такой небольшой E-zine — Э-рнал по-русски, — разбитый, как и положено журналу, на разделы — от «Земли» до «Прозы», «Поэзии», «Кино» и «Наркотиков». Все написано бодро, с драйвом, хорошим, как вы уже догадались, русским языком. Одним словом — супер!

Хочется процитировать какой-нибудь пассаж. Например, объявление на странице «Наука»: «Если ты хочешь принять участие в создании сводной сексуальной истории русской общины Америки в порнографических рассказах с картинками, пришли краткое, подробное и сочное описание понравившегося тебе траха». Далее три примера: самое красивое название «Пизда Вероники», а самый красивый рассказ — «Москва и москвичи».

Можно еще процитировать зарисовку о посещении географической родины (в данном случае — Киева): «Торжественные празднества по поводу Дня города, все бухают. На грандиозном помосте — бандуристы с чубами, сводный детский хор, ансамбль песни и пляски. Ближе к концу на сцену вылез пьяный мужик, поймал себе танцовщицу, перегнул через декоративный пенек — и трахнул».

Но это в Киеве. А в Калифорнии смотрят кино (какое придется), пишут прозу (преимущественно эротическую) и стихи (выразительные):

> Если бы любовь
> Мерили в инчах как хуй,
> Трансатлантическим кабелем
> Я бы к тебе протянулся.

(Непонятное слово во второй строке — я имею в виду «инч», а не «хуй», — означает «дюйм», то есть 2,5 см.)

Музыкальные вкусы у базовцев довольно странные, в основном достаточно консервативные. Правда, вдруг появился отзыв на Chemical Brothers, а так в основном Гребенщиков и прочие реликты, неведомые прогрессивной молодежи. Одна радость, Профессор предложил, когда БГ приедет в Нью-Йорк, подарить ему The Fat of the Land. Вот морда-то вытянется у патриарха русского рока!

Куда более продвинутым оказался раздел про наркотики. Можно узнать много полезной информации — почем в Сан-Франциско трава, где и как ее надо брать («Если тебя ведут в темный угол, просят деньги вперед и пытаются всучить серые опилки без запаха — ударь негра по лицу и пошли его на хуй. Не покупай наркотик, в котором не уверен, — нехуй поощрять»), что героин — последний наркотик и что сан-францисские автобусные водилы работают только на speed'e. Движение, говорят, оживленное, сориентироваться не успеваешь. В Москве бы поездили.

Другой прикол «Базы» — анкеты на самые разные темы. От «Как быть с Сербией?» («разбомбить к ебеням» или «ну ее на хуй» — за первое высказалось несколько больше) до «ебет ли вас положение с неграми в Анголе?» (среди вариантов ответа — «ебет, но не так сильно, как в родном городе»).

Больше всего впечатляют результаты анкеты про любимый наркотик Что грибы в Америке не растут, можно было и так догадаться (впрочем, анкету заполняют не обязательно американцы), джанки не до компьютера, а кокаин слишком дорог и вреден для здоровья. Не вдаваясь в детали, скажу результат: первое место заняла трава, традиционный для России алкоголь на третьем, законопослушный кофеин на четвертом. И — главный хит! — на втором месте таинственный наркотик под названием «трезвость». Что это — мне неведомо, но я на всякий случай заполнил анкету два раза, второй раз указав именно его.

Меня больше всего вставляют не журналистские изыски про кино или наркотики (это я и сам могу), а светские новости неизвестной мне американской тусовки. Вот, к примеру, про дни рождения: «Говорят, новые русские развлекаются деньгами, Кастанедой и химией. Мы, новые американские, завтракаем красной икрой со спидом и засыпаем на кабельном телевидении с гашишем. В подобном контексте было бы странно справлять дни рождения за длинным столом с принесенным бухлом, обсуждая подтексты в стихотворениях — разве что все это в голом виде и на кислоте. Так, красавица Валерия Рубина-Трубина справляет День Рождения в стиле «госпиталь»: мальчики — раненые, девочки — медсестры, и все весь вечер друг друга лечат».

Очень правильно организованное мероприятие. С выдумкой, с чувством. Так и подмывает в ответ похвастаться, как я позавчера отмечал день рождения в городе Зеленограде. Но нет, хуй им, новым американским, пусть сдохнут от зависти, не скажу!

Да, нелегко было писать статьи про Интернет в 1997 году. Непонятно, что читатель знает про Сеть; не очень ясно, кто читатель «Птюча», который в очередной раз сменил формат;

непонятно, что можно делать в «Птюче», что нельзя. Как всегда, когда непонятна аудитория, статья получается ни туда ни сюда — и в книжку я ее включил преимущественно ради смешной статистики (желающие могут проверить, во сколько раз вырос Интернет, ориентируясь по русским и английским словам) и ради прекрасных цитат из «Базы».[25]

Буквально после того как я написал эту заметку (и маленькую статью в саму «Базу»), «База» фактически перестала обновляться. Там, правда, появился аудиофайл, снятый с автоответчика брата Эака («Почему не работает радио?») и прекрасный форум «Как умер твой хомячок?» (кстати, если заглянуть в самый низ страницы, можно найти несколько псевдопорнографических рассказов, в том числе любимый мною «Москва и москвичи» Инны Райхман). Зато сам Зак стал петь песни — в смысле стал петь песен еще больше — и время от времени концертирует в Москве и Питере. Первый раз приехав в Северную Калифорнию, я пытался встретиться с ним, и Зак позвал меня на какую-то парти, спросив, достаточно ли я красив, чтобы быть его date (то есть чтобы наша встреча выглядела как свидание)? В тот вечер я был занят и до парти не добрался, а когда мы встретились с Эаком, вопрос о date он больше не поднимал — видимо, я оказался недостаточно красив.

История про мат в Рунете вполне очевидна: когда все только начиналось, цензуры не было и все писали, что хотели. Законодатель сетевых мод Антон Носик всегда горячо защищал право на самовыражение, поминая с именами-отчествами штук двадцать классиков, использовавших ненормативную лексику в своих текстах. Со временем, как и следовало ожидать, произошло расслоение: появились ресурсы, где мат неприемлем ни при каких условиях, и, с другой стороны, места, где без мата писать как-то неприлично, — такие, как fuck.ru и целая семья его клонов. Мне же всегда была милее ситуация смешения языков — и тут я не могу не привести рассказ Норвежского Лесного, еще одного ветерана Рунета, с которым я познакомился в том же Zhurnal.ru Сейчас Норвежский трудится в очередном проекте Носика — англоязычном русском сайте MosNews. com.

Итак, Норвежский Лесной рассказывает:

— У нас в старой «Газете. ру» была игра на троих — с Носиком и Лехой Андреевым. Игра заключалась в постепенной легализации матерных слов. Начинали мы с легких слов (сука), постепенно продвигаясь к тяжелым (хуй и пизда). Помню, в «Лесных далях» (колонка НЛ, названная так в честь пансионата, где проходил РИФ — СК) очень мне хотелось слово «хуй» употребить, но случая нормального не было. В конце концов

выход был найден: к заметке «Про Духовность» была прицеплена картинка с изображением кирпичной стены с надписями «хуй», «духовность» и «здесь была Линор Горалик».

2. Юмор — это русский секс: август 1998 года

«Матадор», 1998 г.

Кризис в зеркале анекдотов

Как известно, человечество, смеясь, расстается со своим прошлым. Мы, конечно, часть человечества, но нам почему-то все время приходится, смеясь, здороваться со своим настоящим. Понимая при этом, что смеяться, в общем-то, нечему.

В то время, когда большинство моих коллег и друзей пытались вызволить свои деньги из банков, искали хоть что-нибудь по старым ценам или просто рвали на себе волосы, я был в отпуске. То есть я успел уехать из России, когда кризис уже начался, но еще было непонятно, как долго он продлится и чем чреват. Я гордо решил не напрягаться и отдыхать, тем более что денег у меня после покупки внезапно подорожавших авиабилетов фактически не осталось. Думать же о том, что, вернувшись в Москву, я стану безработным, не хотелось, и потому я решил о кризисе просто забыть. Сделать это было не очень трудно, так как местного языка я не знал, англоязычных газет мне не попадалось, да и телевизора в доме, где я остановился, не было (за месяц до моего приезда хозяйка выкинула его в окно во время семейной ссоры). И потому я решил, что про кризис мне все расскажут в сентябре, когда вернусь, и даже никого о нем не расспрашивал.

Но моя информационная изоляция была нарушена самым подлым образом.

Как уже сказано, телевизора в доме не было. Но зато был компьютер и доступ к Интернету. И потому я каждый день аккуратно просматривал почту. Мои виртуальные знакомые деликатно молчали, видимо, не желая меня отвлекать от отдыха, и единственными письмами, кроме обычного спама, были послания, приходящие с сервера «Анекдоты от Вернера». Еще полгода назад я подписался на рассылку «лучшего анекдота дня» и с тех пор каждый день получал по почте один анекдот, признанный в результате голосования посетителей сервера лучшим. Так вот получилось, что анекдоты стали для меня единственным источником информации из России. Оценив шанс, ястал наведываться на этот сервер регулярно (игнорируя

экономические и политические разделы Сети) — и в результате могу сегодня представить вам хронику кризиса в анекдотах.

Первый кризисный анекдот появился 18 августа. Осознание случившегося еще не посетило большую часть населения страны, и потому он был рассчитан на специалистов (четыре специальных слова на две фразы): «Нерезиденты нам поставили демонстрашку фондового рынка. На дистрибутив у нас денег не хватило». Не касаясь нерезидентов и фондового рынка, поясню, что бесплатная демонстрашка программы работает обычно ограниченное время… да, собственно говоря, и не работает, а делает вид. Демонстрирует.

Потом наступила пауза почти на неделю. Редкие анекдоты были не слишком смешны и тоже немного специальны (24 августа: Объявление. Сдается квартира со всеми удобствами: широкий валютный коридор, евроремонт согласно правилам МВФ, рассрочка платежа на 5 лет). Но 26-го числа — так и не знаю, что там происходило в real life, — случился обвал. Именно тогда я узнал самый популярный анекдот сезона о диалоге двух банковских служащих:

— Как дела?

— Отлично.

— Простите, я, наверное, не туда попал.

Но большинство анекдотов все еще были макроэкономического толка: предлагали срочно найти Мавроди для реструктуризации рынка ГКО и обсуждали, в чем разница между курсом доллара и курсом рубля (вы не знаете? В штурмане!). Лучшим анекдотом был признан следующий:

Кириенко: «Я удержу рубль в пределах девяти за доллар».

Черномырдин: «А я — в пределах семи».

Ельцин: «Удерживай!»

Честно говоря, он меня несколько насторожил. То есть я не совсем понял, чего в нем смешного — поскольку курса не знал и разыскивать его в Интернете не хотел. Но от анекдота остался неприятный осадок. Кажется, подумал я, рубль уже перевалил за девять…

На следующий день мои опасения подтвердились анекдотом об анализе бесконечно малых:

Вопрос: Какая разница между одним рублем и одним долларом?

Ответ: Один доллар.

Но, к счастью, потом макроэкономические параметры уступили место живым людям — Ельцину, Кириенко и Черномырдину. О том, что последний снова появился в Кремле, я догадался, прочитав политическую версию старого анекдота про

программиста, который в случае поломки автомобиля советовал всем вылезти из него, а потом снова залезть. На этот раз программист советовал для борьбы с кризисом уволить премьера, а потом взять его обратно. Узнав, что и это не помогает, он признавался, что даже и не знает, что делать.

Этого, впрочем, не знали и все остальные. 31 августа лидером по популярности стал лаконичный анекдот: «Кто бы мог подумать?» — спросил Черномырдин, но добровольцев так и не нашлось». Причины же отставки Кириенко были изложены в анекдоте про похмельного Президента, который однажды, проснувшись в воскресенье, увидел какого-то молодого и бойкого мужика в очках и спросил его, морщась от боли в затылке:

— Ты кто?

— Я Кириенко, Борис Николаевич, ваш премьер-министр!

— Не-е-е, ты что, у меня ж Черномырдин вроде премьер…

Так русские политики стали догонять Клинтона с Моникой, лидировавших весь август. Приезд Билла в Москву (который я из своего прекрасного далека счел вымыслом автора анекдота) позволил свести американский скандал и русский кризис лицом к лицу:

— Что, — спрашивает Клинтон Ельцина, — тяжело тебе, Борис, сейчас приходится?

— Да, Билл, — вздыхает Ельцин, — что и говорить. Так ведь и у тебя, я слышал, крупные неприятности?

— Ну, — отвечает тот, — я-то хоть удовольствие получил…

Я, впрочем, подозреваю, что Ельцин тоже получил свое удовольствие, но это к слову.

В начале сентября анекдоты о политиках пошли на спад, отчего мне стало еще тревожнее:

Вопрос Армянскому радио:

— Почему из магазинов стали исчезать продукты???

— У народа закончились запасы 1991 года…

И еще мрачнее:

Заходит человек в продуктовый — там пусто. Заходит в хозяйственный:

— У вас топоры есть?

— Нет.

— А пилы?

— Нет.

— А бельевая веревка?

— Еще остались. Берите, берите, они в этом месяце очень хорошо идут.

Это был верный признак — эмоциональный шок проходит.

Люди вернулись от экономики и политики к обычной жизни с ее бытовыми сложностями и простыми радостями: нет продуктов — пойду куплю хоть бельевую веревку.

Окончательное выздоровление наступило, когда на экран моего монитора снова вернулись позабытые уже «новые русские». От кризиса они стали человечнее. Один записал в дневник: «Перечитывал старые сообщения на пейджере. Много думал», а другой спал как младенец. То есть каждый час просыпался и плакал.

Где-то 8 сентября двое знакомых нам банковских работников вели уже совсем другой разговор:

— Как дела?

— Полный пиздец.

— Да ладно, не приукрашивай.

Кстати, если кто не знает, «пиздец» — это коалиционное правительство «Порядок И Законность — Демократический Единый Центр РОССИИ», созданное в рамках еще какого- то анекдота.

Постепенно вспомнилось, что экономические катастрофы — такая же черта российского исторического пейзажа, как зимние холода. 14 сентября двое новых русских, благополучно переживших все потрясения, обменивались репликами, слушая диктора телевидения, который сообщал, что цены на кофе и импортные коньяки повысились в три раза.

— Ничего, братан, пили и будем пить!

— Доллар вырос до 20 рублей.

— Ничего, братан, покупали «мерсы» и будем покупать!

— Завтра в Москве дожди, похолодание до плюс 3–5 градусов.

— Вот сволочи в правительстве! Ну что хотят, то и творят!

Каждое потрясение дает человеку шанс что-то новое узнать о себе, о жизни и о своем месте в этом мире. И постепенно перестаешь желать, чтобы все было как раньше, понимая, что не только все вокруг, но и сам ты уже — другой. Если бы все оказалось шуткой, мы бы не смогли жить, как раньше. И, возможно, полученный нами опыт стоит потерянных в «СБС-Агро» денег.

И потому мне хотелось бы закончить лучшим анекдотом от 10 сентября.

Через неделю после окончания кризиса. По телевизору выступает Ельцин:

— Дорогие россияне! С сегодняшнего дня курс доллара снова 6 рублей. А за испуг с вас — саечку!

Не помню, честно говоря, вышла ли эта статья в «Матадоре»,

который закрылся вскоре после кризиса, но раз уж зашла речь об августе 1998 года, расскажу продолжение истории о том, как я проводил время в Израиле, — частично потому, что я люблю эту историю, а частично потому, что в ней принимают участие уже знакомые читателю персонажи, да и по жанру она подходит для главки о Вернере: типичная «история из жизни».

Дело в том, что причина, по которой я не смотрел в Израиле телевизор, была напрямую связана с русским Интернетом и Zhurnal.ru. Жил я у Саши Шермана, который как раз в этот момент уволился из «Интела» и вместо израильского программиста, решил стать российским журналистом — виной чему, собственно, и были неизъяснимые наслаждения, подаренные ему работой в «Журнале. ру». В свое время Шерман и его жена Марина приехали из Харькова и проделали путь от дорожных рабочих до высокооплачиваемых специалистов в «Интеле» — можно понять, что Марина не была в особом восторге по поводу возможного отъезда мужа в Москву (и, заметим в скобках, как в воду глядела — сейчас они уже развелись). Поэтому Шерман старался не смотреть телевизор попусту, надеялся — так Марина не заметит, что в Москве кризис.

Вот я и жил без телевизора, пока однажды мы не пошли в гости, где первое, что я почти с порога услышал, была фраза: «В некоторых пунктах обмена валюты Москвы курс доллара достиг 50 рублей». Это потом я узнал, что на самом деле такого курса не было, а тут я был уверен, что за десять дней национальная валюта подешевела в десять раз. Как сказал по другому поводу Александр Еременко, «эту страну на два дня невозможно оставить».

Ну так вот. Я приготовился к худшему, решил, что, когда вернусь в Москву, узнаю, что там умерли все глянцевые журналы, выключился Интернет, закрылись газеты и моя дочка плачет от голода. Меня охватила отчаянная решимость, густо замешенная на чувстве долга и восточном фатализме. В таком состоянии я обычно придумываю себе самый пугающий вариант: будь я девушкой, задумался бы о проституции, а так решил, что уеду в Израиль и стану, как Шерман, дорожным рабочим. А кино буду смотреть только старое и только по выходным (основной моей журналистской работой была тогда кинокритика, от которой я уже начал уставать). В таком настроении я и вернулся в Москву.

Как мы знаем, конца света не случилось: через четыре месяца Носик сделал «Газету. ру», и Интернет начал превращаться из забавы во вполне прибыльное занятие. Планы про отъезд в Израиль были забракованы мной и того раньше. Историю эту я с удовольствием рассказывал как забавный казус («послушайте,

каким идиотом я был!») и однажды получил к ней прекрасный комментарий. Куб спросил меня, правда ли, что я собирался стать дорожным рабочим. Я подтвердил, и Куб рассказал, что в конце восьмидесятых среди еврейских мальчиков было модно учить иврит. Сам Куб продвинулся недалеко, выучив всего три (!) фразы. Одну из них он воспроизвел мне осенью 1998 года.

— И что она значит? — спросил я

— Она значит «Работа дорожного рабочего очень трудна», — перевел Куб.

Иными словами — знание этого факта входит в базовый набор для человека, собирающегося переехать в Израиль.

Про сайт «Анекдоты из России» мне, по счастью, не надо писать ничего нового. Пару лет назад я написал для «Афиши» небольшую заметку, к которой, собственно, нечего добавить.

Самый смешной сайт Рунета

Афиша, 2001 г.

Каждый день почитать «анекдоты от Вернера» заходят двадцать с лишним тысяч человек, и почти сорок тысяч получают анекдоты по почте. Сейчас «Анекдоты из России» — не только от десяти до двадцати анекдотов и «правдивых» историй каждый день, но и афоризмы, карикатуры, «стишки» и кроссворды. Анекдоты были первым русским сайтом, попавшим на первое место международного развлекательного рейтинга www.hitbox.com, о них рассказывал CNN, а у Вернера брали интервью Washington Post и New York Times. Сейчас они — единственный «авторский» сайт в Top 10 «Рамблера»: все остальные делаются командами и корпорациями. Так что это не только самый смешной сайт, но и лучший памятник тем временам, когда Рунет принадлежал одиночкам.

Именно тогда астрофизик из университета штата Кентукки Д.А. Вернер решил выложить на свою страничку скопированные из конференции relcom.humor анекдоты. Это случилось

8 ноября 1995 года, на следующий день после праздничных возлияний. Рунет был еще совсем маленьким (и даже слова такого не было), так что хватило одной ссылки на популярной тогда странице Алекса Фарбера, чтобы все узнали о существовании «Анекдотов из России». Через полгода страницу Вернера посещали 1000 человек в день, а когда осенью 1996-го анекдоты переехали на «Чертовы Кулички», к Диме подошел системный администратор сервера астрофизики и спросил: «Ты что, убрал свой русский юмор? То-то я смотрю, наша статистика

все хуже и хуже!» Оказалось, что «Анекдоты» обеспечивали серверу астрофизики 80 % всех посещений.

Сначала работа над анекдотами (скопировать — перенести — вставить) занимала полчаса в день. Потом Вернер стал исправлять грамматические ошибки и описки, потом пошли письма с новыми предложениями, потом прибавились голосовалки… постепенно это стало напоминать вторую работу. «Анекдоты» купил Netskate и стал платить Диме небольшую, но зарплату. Сегодня, когда сервер разросся, ему помогают еще двое добровольцев, но все равно работа над анекдотами отнимает четыре часа в день.

Вернер любит рассказывать историю о том, как какой-то тележурналист из Москвы прислал свой телефон и попросил позвонить. После краткой беседы он позвал Вернера приехать в студию, и Дима сказал, что это будет трудновато, потому что, вообще-то, он — профессор в Кентукки. Журналист отпал в священном ужасе.

Но мне больше нравится история о том, как Вернер все-таки однажды доехал до Москвы. Собрался весь сетевой бомонд — познакомиться живьем и увидеть во плоти. Но вечер получился очень скучный: все пытались рассказать анекдот, которого бы Вернер не знал, а он лениво говорил: «Знаю, знаю…»

С тех пор посещаемость сайта возросла примерно вдвое, но Top 10 он покинул, занимая устойчивое место во второй десятке самых популярных сайтов Рунета. Во всем остальном — никаких изменений. На мой вкус, это все равно самый смешной сайт в русском Интернете.

Остается добавить, что вынесенная в заголовок фраза «Юмор — это русский секс» была сказана во время дискуссии вокруг статьи Лени Делицына «Sex sells… sex и не только», опубликованной в третьем номере «Журнала. ру». Дело было в конце декабря 1996-го, как раз под Новый год.

3. Поганки и враги

Поганка Современного Искусства

«Интернет. ру», декабрь 1999 г.

Два года назад САМ, Носик и Скелетрон придумали «Поганку Русского Интернета» — голосовалку, позволявшую определить самого нелюбимого персонажа Рунета. Победил, кажется, Шахиджанян, но идея Поганки неожиданно всплыла совсем в

другом месте.

В преддверии крупнейшей выставки современного искусства в московском Манеже на сервере ARTINFO открылся проект Намнияз Ашуратовой «Виртуальный Манеж». Проект этот состоит из двух частей, онлайновой и офф-лайновой, а цель его — определение самого омерзительного персонажа современного русского искусства. В результате первого — сетевого — этапа составляется список из 32 человек, а уже потом, во время выставки «АРТ-МАНЕЖ», из них выбирается самый неприятный.

Сетевая жизнь вообще очень похожа на Современное Искусство. И тут и там люди мыслят «проектами», и в том и в другом случае практическая ценность этих проектов часто сводится к размышлению или ироническому остранению «серьезных» проектов — социологических, политических, экономических и прочих. В этом смысле и Поганки Русского Интернета, и Знаменитости Русского Интернета — по сути проекты современного искусства, пародирующие «серьезные» голосовалки, подобные опросу электронной «Независимой газеты» о выборах мэра Москвы.

Проект Намнияз Ашуратовой возвращает голосовалку на территорию современного искусства, делая ее темой персонажей арт-жизни Москвы. 8 декабря в списке было 75 человек, за которых проголосовало триста с лишним пользователей. Если поначалу лидировала Оля Лялина, потом наверх вышел Марат Гельман, за которым с большим разрывом шла сама Намнияз, то потом Лялина откатилась на четвертое место, уступив третье Зурабу Церетели.

Марат Гельман сохраняет лидерство по сей день (голосовалка работает и после закрытия «АРТ-МАНЕЖА»), но на второе место вышел таинственный Gogia — очевидный результат чьей-то шутки. Упорный шутник нажал кнопочку почти сорок раз, продемонстрировав свое упорство и техническое несовершенство голосовалки, — как известно, не так уж трудно защититься от повторных голосований с одного и того же IP-адреса. Третье место в конце концов занял ДА. Пригов (то же место Пригов занял и в офф-лайне. Первое — у Зураба Церетели, а второе — у Ильи Кабакова, в онлайне даже не приблизившегося к пятерке лидеров. Комментарии организаторов голосования интересующиеся могут прочесть на сайте).

Когда результаты определены, начинается самое интересное: формулировка вопроса («Кого именно из приведенных лиц высчитаете наиболее неприятным (-ой)и отвратительным(-ой)?») толком не позволяет интерпретировать результаты. Понятно, что высокое место образуется в результате умножения популярности

на непривлекательность и, поскольку нет отдельной голосовалки «Знаете ли вы этого человека?», разделить их не представляется возможным. В Сети Гельман обгоняет, скажем, Николая Ефремова не потому, что Марат Александрович омерзительнее, а потому, что известнее. В этом смысле офф-лайновое голосование, проводимое посетителями «АРТ-МАНЕЖА» (то есть людьми, которые неплохо знакомы с персонажами современного русского искусства) интерпретировать куда легче. Впрочем, я все равно ставлю на Марата Гельмана.

Та же проблема — «что делать с результатами ответов на некорректно заданный вопрос» — стоит и перед теми, кто проводит серьезные голосования. К примеру, я бы не взялся комментировать вышеупомянутый опрос «НГ», в котором суммировались ответы, полученные на странице самой «НГ» и на странице Vesti.ru, где вопросы были различны:

«За кого бы вы проголосовали на выборах мэра Москвы?» и «Кто победит на выборах мэра Москвы?». Проект Намнияз Ашуратовой обнажает нелепость большинства онлайновых голосовалок, их нерепрезентативность и принципиальную неинтерпретируемость.

И еще. Сбоку от голосовалки на странице «АРТ-МАНЕЖА» висит чудесно оформленный текст Намнияз, который стоит посмотреть даже тому, кто полностью равнодушен к современному искусству. Как пишет редакция, «ARTINFO считает своим долгом предупредить посетителей о наличии нецензурной лексики в тексте Намнияз Ашуратовой. Если Вам уже исполнилось 18 и Вы считаете, что данный текст в полном варианте не травмирует Вас, подведите мышь к любому красному прямоугольнику, и Вы прочтете слово. Белыми прямоугольниками закрыты слова, которые, на наш взгляд, касаются тем, табуированных для современного искусства (не могут быть прочтены)». Во-первых, это чудесный способ решать проблему «неприличных» текстов. Во-вторых, — и это еще одна шутка — среди «запретных» слов фигурирует, например, слово «экзистенциальнейшие», а табуировано только одно слово — подозреваю, что имя одной из Муз. Все это лишний раз обнажает полную условность деления выражений на «допустимые» и «недопустимые».

В своей колонке Намнияз с презрением пишет о современных художниках, играющих «в концептуальный конструктор или радикальные казаки-разбойники, думая, что их примитивные игры так трудно разгадать, и они занимаются элитарным творчеством. Эти игры даже не они сами придумали». Ее собственный проект, подтверждая диагноз (подобные голосовалки

далеко не новы), опровергает его: ну и что, что не сама придумала, ну и что, что легко разгадать. Все равно забавно, приятно и даже побуждает к размышлениям. А чего еще желать?

К этой статье так и просится в дополнение рассказ о сайте, запущенном в 2000 году Соней Соколовой и ее мужем Павлом Соколовым-Ходаковым. Сайт назывался «Враги. ру» и на момент написания этого текста закрыт на реставрацию. Общая его идея близка выборам «Поганки Рунета» или «самого неприятного человека арт-Москвы»: выбирать не тех, кого любишь, а тех, кто раздражает больше всех. На сайте «Враги. ру» можно было внести имя своего врага в список и назначить ему пытку из другого списка, регулярно пополняемого. Пытки там были совершенно прекрасные:

Обратить в пипу суринамскую
Разрезать как паззл и перемешать
Выкинуть с крыши небоскреба
Вставить в анальное отверстие ершик для чистки пробирок и крутить при помощи электродрели
Забить до смерти каблуками-шпильками
Замуровать в комнате с четырьмя сексуально озабоченными неграми
Зацеловать до смерти
Извалять в канцелярских кнопках
Отрихтовать в выступающих местах
Отправить в гиперссылку
Оставить только 8 Mb оперативки
Подмочить репутацию
Лишить волосяного покрова на груди пинцетом
Пустить на сувениры
Потрогать за вымя

Присяжные могли отклонить кандидатуру Врага, посчитав его недостойным наказания, а также могли сделать это после просьбы какого-нибудь другого посетителя. Был предусмотрен и институт индульгенций, когда человек мог выкупить свое имя за 1000 баннеро-показов (порядка 5 долларов), однако этот сервис не пользовался особой популярностью: вероятно, среди пользователей Рунета много мазохистов.

Сайт был запущен Соней и Пашей анонимно, но, если учесть, что Соня, сколько я ее знаю, гордилась почетным званием «первой стервы Рунета», она не будет в обиде, что я раскрыл ее тайну.

4. Виртуальное кладбище

В доме усталой смерти

«Интернет. ру», январь 2000 г. http://www.artmedia.pl.ru/kladb/

В прошлую пятницу в петербургском Манеже прошла презентация нового интернет-проекта, сделанного группой питерских интеллектуалов — или, если угодно, питерской богемы, — группировавшихся вокруг галереи «Борей». офф-лайновый вариант того же проекта был представлен именно там — еще шесть лет назад, в 1994 году. Проект скромно называется «Новые Литераторские мостки».

Старые «Литераторские мостки» — кладбище в Петербурге, где традиционно хоронили писателей. Утверждая, что теперь его избрали для погребения «новые русские», чиновники и бандиты, устроители «Новых литераторских мостков» (философ Валерий Савчук и куратор Николай Кононихин) призывают литераторов перебраться на другое кладбище — иными словами, перенести место своего последнего упокоения в Сеть.

Разумеется, это не первое виртуальное кладбище в Интернете. Давно известно The World Wide Cemetery, где на могилах можно увидеть фотографии, краткие сведения и даже виртуальные венки. Но WWC — кладбище умерших, сделанное их родственниками и близкими. НЛМ — кладбище живых, созданное ими самими. На всех могилах (а их уже несколько десятков) — присланные самими «умершими» фотографии, биографии и автоэпитафии. Именно в возрождении этого жанра и видят авторы проекта одну из своих задач. В самом деле, получается хорошо: «Поймет меня всякий, кто войдет в мое положение» (А. Секацкий) или «Боролся с жизнью и, наконец, победил» (О. Великий). Правда, часть авторов явно не владеют жанром, понимая эпитафию просто как афоризм («Обезьяна превратилась в человека тогда, когда впервые подняла камень, чтобы добить другую обезьяну», Е. Юфит), другие явно рассчитывают на памятник размером с пирамиду Хеопса и на богатых наследников, готовых платить за сочинение в полстраницы (А. Драгомощенко). Лучшей автоэпитафией оказывается та, которую создатели сайта поместили, не спросив разрешения автора, — это знаменитое «Мир ловил меня, но не поймал» Григория Сковороды.

Включение Сковороды в список жителей НЛМ превращает проект скорее в сборник, чем в клуб, каким он задумывался. В отличие от WWC и ему подобных проектов, на питерское виртуальное кладбище примут не всех: надо не только послать фотографию и автоэпитафию, но приложить к ним

автобиографию, на основании которой совет кладбища решит, достоин ли ты покоиться между Драгомощенко и Юфитом. Зато те, кто удостоены, образуют как бы виртуальный клуб и могут общаться между собой… пока, правда, это общение не выходит за рамки очень заурядного гестбука.

Разумеется, питерские интеллектуалы с их пристрастием к Жоржу Батаю и его эротико- танатологическим построениям не случайно выбрали кладбище в качестве клуба. Построения Кононихина («музей — кладбище культуры» / «кладбище — музей культуры») достаточно традиционны для этого круга и во многом упускают из виду сетевую специфику, тогда как для нас интереснее как раз сочетание виртуальной смерти героев НЛМ и виртуальности Сети.

Виртуальная смерть, смерть понарошку, издавна считается плохой приметой: мол, актеры, умиравшие на сцене, раньше умрут в жизни. С другой стороны, ложное известие о чьей-либо смерти считается фактором положительным — дольше жить будет. Именно к этой точке зрения апеллирует Драгомощенко в строчках, встречающих посетителя («Хочешь жить дальше / Умри на этом кладбище»).

Виртуальная смерть оказывается залогом новой жизни, как в христианстве «умерший во Христе» рождается для вечной жизни. Виртуальный мир Интернета — это иной мир, приход в него сопровождается отказом от своего тела и легко может интерпретироваться именно как смерть для мира («С тех пор как я купила сыну компьютер, я больше его не вижу. Он перестал интересоваться друзьями…» и так далее). Люди, всерьез пришедшие в загробный мир Сети (я не имею в виду просто тех, кто пользуется электронной почтой или читаетLenta.ru), отказываются от своей человеческой природы, понемногу перевоплощаясь в каких-то иных существ… не то — аватаров, не то — тамагучи.

Последние упомянуты не случайно: самыми известными кладбищами в Сети являются именно кладбища тамагучи. И то: на виртуальном кладбище можно похоронить только виртуальное существо. Помещая себя на НЛМ, питерские интеллектуалы просто расписываются в своей виртуальной природе. Придя в Сеть, они давно умерли как люди, обменяв телесность своего существования на огромную автоэпитафию собственных текстов.

Сайт нынче не откликается (что характерно для большинства мест, о которых я пишу в этой части), поэтому хочется привести самую любимую автоэпитафию, написанную Александром Скиданом: «Здесь стоит». Вот вам, как говорится, и Эрос, и Танатос. Впрочем, все попытки достучаться до www.art

media.pl.ru показывают, что, может, что-то где-то и стоит, а вот сервер лег всерьез и надолго.

5. Сайт ФСБ

Сотрудник ФСБ обожает КГБ?

«НасНет», август 2000 г.

Вот уже вторую неделю я собираюсь написать про сайт с коротким и ясным адресом ФСБ. ру. Вопреки обыкновению, я узнал о нем не от знакомых, не пришел по ссылке и не попал случайно. Я прочитал о нем в самолете Лондон — Москва в какой-то бумажной газете. Можно сказать, таково было мое первое приветствие в любезном отечестве.

Автор статьи справедливо возмущался тем, что нынешние фээсбэшники не просто считают себя наследниками чекистов, но, похоже, еще и гордятся этим. Нигде ни слова не сказано, негодовал он, что Берия был преступником, а Ягода и Ежов были репрессированы.

Ну, я, разумеется, пошел смотреть.

Для начала рекомендую страницу про способы контактов с ФСБ (я бы назвал ее «стучать сюда» — но это, вероятно, одна из причин, по которой мне не заказывают писать текстов для FSB Home Page). Больше всего мне понравился следующий абзац:

Российские граждане, сотрудничающие с иностранными разведками, могут связаться с ФСБ России по телефону доверия, с тем чтобы стать агентами-двойниками. В этом случае денежное вознаграждение, получаемое такими агентами от иностранных спецслужб, будет полностью сохранено, и с ними будут работать сотрудники ФСБ РФ высочайшего класса. При этом будет гарантирована анонимность и конфиденциальность.

Ниже приводилась статья УК, объясняющая, что с точки зрения закона тут чисто. Поначалу я хотел пошутить и в качестве телефона привести телефон кого-нибудь из своих друзей (или, еще лучше, работодателей… только представьте себе: звонят в ФЭП и говорят: «Я — американский шпион, хотел бы с вами встретиться»… то-то бы все перепугались!), но потом решил в шпионские страсти не лезть. Телефон: 224—35–00 (трудно запомнить… не могли, что ли, по блату получше сыскать?).

Уважаемые шпионы! Если кто из вас будет звонить в ФСБ, прошу поставить меня в известность о том, как прошел контакт. При этом будет гарантирована анонимность и

конфиденциальность.

Вернемся, впрочем, к странице «История», так возмутившей моего бумажного коллегу. Действительно, согласно сайту, история ФСБ начинается не от тайного сыска в России, а от Дзержинского и ЧК. Впрочем, фигурируй в длинном списке граф Бенкендорф, вряд ли мое отношение к этим органам сильно бы изменилось.

Любопытно получилось с руководителями соответствующих органов. Вот, скажем, все, что написано про Берию:

> Родился 17 (29) марта 1899 г. в селе Мерхеули Сухумского района Абхазии. Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1919 г. окончил Бакинское среднее механико-строительное техническое училище. В органах госбезопасности с 1921 г. С августа 1938 г. — первый заместитель наркома НКВД СССР. С декабря 1938 г. по 1946 г. и в марте — июне 1953 г. — нарком (министр) внутренних дел СССР.

Аналогичные справки про всех остальных. Нетрудно видеть, что это — просто объективна, начисто лишенная и политической, и этической оценки. Любопытно другое — ни у кого из репрессированных не указаны ни дата, ни причина смерти. Странно было бы трактовать это в оруэлловском духе «чистки прошлого» — это в Сети-то, где можно прочесть все обо всех! Поначалу я решил, что руководители ЧКГБ являются *в высшем смысле* бессмертными, но, посмотрев биографии Дзержинского и Андропова, я понял, что у них про смерть рассказано все подробно. Смерти нет только у так называемых репрессированных.

Думается, этому может быть только одно объяснение. Ягода, Ежов и Берия были поглощены тем же Левиафаном, которому служили. И потому — не умерли, а, подобно королю Артуру и его рыцарям, спят где-то в глубине Небесной Лубянки, ожидая пробуждения.

Готовя эту статью к публикации, я зашел на www.fsb.ru. Там все без изменений, только на титульном листе вывешена фотография человека, разыскиваемого по подозрению в причастности к организации взрыва в московском метро. Тоже примета времени.

6. Яков Кротов

«НасНет», февраль 2001 г.

Ласковый родной дядя

Когда я был маленьким, у меня был дядя. То есть у меня было четыре дяди разной степени родства, но речь сейчас пойдет об одном — троюродном, кажется. Звали его Максим, и больше всего мне нравилось, что у него дома было свое государства с правителем, законами, дворцами и довольно долгой историей. Я даже помню, как оно называлось, но из какой-то мистической верности своему детству сохраню это в тайне. Замки были из пластилина, правитель и подданные — оловянные солдатики. Помню микроскопические книги, размером в пол-солдатика, то есть с фалангу моего пальца.

Когда дядя Максим закончил школу и поступил (или еще не поступил) в университет, он отдал всех своих солдатиков мне. Было их где-то полторы сотни — и я неприятно удивлен тем, что не помню точной цифры. Примерно тогда же у меня родился младший брат, и я до сих пор уверен, что Максимом его назвали по моей инициативе — в честь любимого дяди.

А дядя примерно в тот же момент имя, напротив, сменил. Он крестился и стал называться Яковом, что, конечно, эмоционально обсуждалось на всех семейных сходках Вдобавок он пообещал родить 12 сыновей, дав каждому имя одного из апостолов — но, к сожалению, остановился после Марка и Матфея, очевидно испугавшись маркированного имени Лука.

Со временем Максим/Яков стал известным журналистом, писавшим на религиозные темы. Как сейчас помню, после одной из его статей — точнее, после картинки к ней — чуть было не прикрыли отдел «Религия» газеты «Сегодня». Религиозные и политические его взгляды я не возьмусь комментировать, поскольку не считаю себя в этом деле компетентным, замечу только, что крестил его о. Александр Мень, а сам Яков/Максим в середине девяностых работал редактором в журнале «Континент». Одним словом, Миша Вербицкий с ним бы на одном поле не присел. Мне же, напротив, нравится, что у моих знакомых различные политические и прочие взгляды — тем более, я понимаю, что еврей-выкрест семидесятых оказывался в кругу идей Александра Меня с той же неизбежностью, как еврей-выкрест девяностых не мог пройти мимо Дугина (тоже, кстати, Александра).

Мой дядя носит традиционную для шпионов советских фильмов фамилию Кротов.

Все это длинное предисловие написано только для того, чтобы проанонсировать созданную им электронную библиотеку — «Библиотеку Якова Кротова». Странный адрес www.krotov.org

был выбран потому, что более очевидный www.krotov.ru занят вице-губернатором Санкт-Петербурга.

Как и следовало ожидать, в библиотеке можно найти Бердяева, Седакову, Честертона и много других достойных авторов. Но мне, как всегда, повезло, потому что, зайдя в именной указатель, я сразу же увидел достойного автора совсем другого круга — Антона (или, как его тут называют, Энтони) Ла Вея. Отправившись по ссылке, я нашел полный текст «Сатанинской Библии». Вдохновившись, я отправился искать дальше и обнаружил Рене Генона, Гейдара Джамаля и даже небольшую статью Дугина. Для сохранения чистоты эксперимента я не стал спрашивать своего дядю, что делает у него на сайте Ла Вей.

Можно сказать, что за это я и люблю приверженцев либеральных ценностей: вот у вышеупомянутого Вербицкого не найдешь книг отца Александра, а у Якова Кротова Ла Вея и Джамаля найти можно.

(Неожиданно я подумал, что только что написал донос в жанре *«Православный публицист пропагандирует сатанизм»*. Остается надеяться, что никто из моих читателей не будет развивать тему в этом ключе.)

Пропагандой сатанизма в Рунете никого не удивишь: недаром Миша Вербицкий называл себя анархо-сатанистом, а один из бумажных номеров Zhurnal.ru был посвящен экстремизму во всех областях знания. Впрочем, никто мою заметку в качестве доноса не воспринял. С другой стороны, Максиму/ Якову не привыкать: в одной из своих книг дьякон Андрей Кураев посвятил полемике с ним — то есть ругани на него — целую главу, о чем я рассказывал в том же выпуске «НасНет»:

Мой дядя, как и положено православному еврею, да еще историку, не мог пройти мимо иудео-христианских и даже еврейско-русских отношений, в связи с чем даже как-то удостоился ответа Андрея Кураева, выдержанного в стиле «евреи так боятся погромов, что просто провоцируют на это другие нации». Я даже помню кусок фразы: «…идея погрома трещит в тупых еврейских головах», — но, поскольку поиск по этим магическим словам ничего не дал, вынужден допустить, что это аберрация памяти. Тем не менее мысли Кураева не откажешь в некоторой буддистской точности — типа «что подумаешь, то и случится».

Все это я рассказываю в качестве предисловия к письму митрополита Ипполита, давно ждущему своего часа:

Особенных впечатлений нет, просто такое

впечатление, что абсолютно все вокруг посходили с ума, и некоторые от этого нового ощущения невероятно тащатся. Что до меня, то я как-то все больше и больше окукливаюсь, стараясь особенно новыми впечатлениями себя не беспокоить. Так-то оно здоровее(хотя все равно из этого ничего не получается). Послушал лекцию дьякона Андрея Кураева о буддизме — по всему выходит, что более расчетливого, бесчеловечного и чудовищного учения на свете нет. Вот думаю, не заделаться ли буддистом: его контраргументы (отлично изложенные, очень увлекательно) выглядят примерно также, как высказывания отечественных публицистов о западном кино в середине 70-х: пугающе, таинственно и притягательно.

Не иначе, как Кураев скрытый буддист… Впрочем, пора и остановиться: а то, о ком из православных у нас ни заходит сегодня речь, все они оказываются не совсем ортодоксальными.

Митрополит Ипполит — конечно же псевдоним. Самое удивительное, что у этого человека до сих пор нет ЖЖ

7. Опекунство

«НасНет», декабрь 2000 г.

Опекуны без мата

Сайт называется «Опекунство». Жанр — смесь арт-проекта с хоум-пейджем, чем-то напоминающий любимую мной «Рыбку Дебиляриус», с той только разницей, что авторы *Опекунства* куда больше выражают дух конца девяностых. Заметки из путешествия по Европе, стихи Проханова и статья Тимофеевского, список музыкальных пристрастий (крайне рекомендуется к изучению!), дневник редакции журнала *Афиша* и просто тексты. Среди действующих лиц и (возможно) авторов — герои «Проекта: девяностые» и авторы *Weekend.ru.* Прекрасный срез жизни нашего времени и представительный образчик по-настоящему современных вкусов.

Лично мне больше всего нравится «Почта духов»… Как бывший сотрудник «Вечерней Москвы» я получил просто нечеловеческое удовольствие от чтения рассказов о жизни вверенной Илье Осколкову-Ценциперу редакции. Хотел выписать несколько наиболее вопиющих цитат, но решил ограничиться

самой корректной:

> Осколков-Ценципер, в обнимку с пышным букетом роз, производил впечатление растленной девицы на конфирмации.

В ней хотя бы нет мата.

(Последнюю строчку можно считать disclaimer'ом для всех идущих на *Опекунства* она означает, что, вообще-то, мата много. Впрочем, мне кажется, по делу.)

Сайт «Опекунство» был назван в честь старого советского фильма «Опекун» (реж. Альберт Мкртчян, Эдгар Ходжикян, 1970 г.), в котором главные роли играли Георгий Вицин и Александр Збруев. Среди скрывшихся за звучными псевдонимами участников сайта был и митрополит Ипполит, написавший мне письмо про Андрея Кураева и буддизм. Поскольку среди авторов было довольно много журналистов, про сайт даже написало какое-то количество глянцевых журналов, что не мешало ему, впрочем, оставаться той самой смесью арт-проекта с домашней страничкой.

Слава, впрочем, ему не помогла: в декабре 2001 года «Яндекс» снес «Опекунство», вполне обоснованно найдя на нем пропаганду насилия, разжигание национальной розни и ненормативную лексику, а также почему-то еще и жестокое обращение с животными, которого там отродясь не было. Надо сказать, что сайт снесли в одночасье, не дав владельцам даже сделать копию. Я из Америки написал Жене Завалишиной в «Яндекс» с просьбой разыскать для меня архив — но это не возымело никакого эффекта, а Женя, встреченная мною в Москве, клялась и божилась, что письма не получала. Она честный человек, и у меня нет никаких оснований усомниться в ее словах. Видать, мое письмо слизнула языком какая-то трансатлантическая корова. Бывает.

8. Не моя война

«Интернет. ру», май 2000 г.

Почта в один конец

Тема сегодняшней моей статьи будет несколько необычной. Как правило, я пишу о различных аспектах взаимодействия культуры и Интернета, а сегодня речь пойдет о сайте скорее

политической, чем культурной, направленности — www.notmywar.ru. Тем не менее в этой статье не будет ни слова ни о чеченской войне, ни о борьбе с терроризмом, ни даже о лживости традиционных и подконтрольных СМИ. Разговор совсем о другом.

Сайт «Это не моя война» состоит всего из одной страницы. Короткое воззвание предлагает всем подписаться под утверждением — «это не моя война» — вне зависимости от всех остальных политических взглядов подписантов. По слухам, несогласные готовятся сделать сайт «Это МОЯ война» — и это действие можно тоже только приветствовать, потому что смысл всей затеи как раз в том, чтобы каждый мог не перепоручать право говорить «своему» делегату и не подписываться под «пакетом предложений» (что происходит при голосовании на выборах), а подписаться только под одним утверждением — собственно, тем, с которым он согласен.

Разумеется, это скорее культурное, чем политическое, действие: поскольку политические действия предполагают практический результат, а в данном случае практических результатов нет и быть не может. Будь подписей хоть десятки тысяч, вряд ли это подвигло бы власть хоть на какие-то действия (тем более что подписывать люди могут из самых разных соображений: от пацифистских до жестко античеченских). Это ведь даже не социологический опрос — слишком мала и неопределенна выборка.

Речь идет, скорее, о возрождении культурной традиции шестидесятых. Но то, что в ситуации тотального контроля за средствами массовой информации кодировалось как гражданский подвиг и политический акт, сегодня воспринимается несколько иначе.

Попытаюсь объяснить, какую традицию я имею в виду. Как известно, в шестидесятые— семидесятые годы в СССР был распространен обычай писания писем в правительство, ЦК и другие инстанции. Письма эти, как правило, призывали к демократизации и прочим вещам, которые частично осуществились при Горбачеве.

Сравним эту «эпидемию подписантства» с акцией типа «Это (не) моя война». Различия очевидны. Слова уже не обращают к власти. Это — просто слова, как просто слова — «За нашу и вашу свободу» — были написаны на плакате вышедших на Красную площадь в августе 1968 года. Впрочем, никому из «новых подписантов» не стоит надеяться ни на жестокие преследования, ни на сопутствующую им славу. Во многом это связано с тем, что письма шестидесятых обычно подписывали «знатные» люди:

академики, писатели, композиторы и так далее. Интернет и здесь разрушает вертикаль: под словами «это не моя война» стоят не только подписи академиков и «бардов» (скажем, Антона Носика и Псоя Короленко), но и подписи никому не известных пользователей Сети.

Главным сходством становится то, что в обоих случаях не следует никакого ответа: ЦК и правительство не снисходило до ответов на письма интеллигенции, а призыв в Интернете обращен вообще в никуда. Как известно, «письма в никуда» есть некая форма общения с Божеством, и эта аналогия не случайна. Речь идет не столько о том, что Сеть — единый кибер-Бог, поглощающий наши виртуальные души и милосердно внемлющий нашему электронному лепету, и даже не о том, что в иерархической системе советского человека времен «оттепели» в ЦК все еще чудилось нечто божественное. Важнее то, что одна из целей молитвы — внутренняя трансформация верующего (если угодно — молитва есть просьба к Богу о помощи в этой трансформации), то есть общение с Божеством — дело сугубо частное и не предполагающее непосредственного результата в этой реальности. Точно так же проставление подписи — сугубо частное дело, которое каждый выполняет только ради себя самого, своего супер-Эго и совести.

Своим существованием сайт «Не моя война» обязан скандалу с Андреем Бабицким в начале февраля 2000 года. При обсуждении вопроса о Бабицком на ЕЖЕ-листе Игорь Ворошилов написал: «Чечня-war — война высокопоставленных отморозков. Это не моя война, и если меня в нее втягивают — мне противно до полного отказа».

К лозунгу тут же присоединились Максим Кононенко (он же — Мистер Паркер) и я. Паркер пообещал сделать дизайн, а я написал текст:

> — каковы бы ни были мои политические или религиозные взгляды;
>
> — каково бы ни было мое мнение по вопросу о том, должна ли оставаться Чечня в составе Российской Федерации;
>
> — кого бы я ни считал виновниками сентябрьских терактов в Москве и Волгодонске;
>
> — за кого бы я ни голосовал на последних выборах и каково бы ни было их отношение к войне в Чечне; и независимо от того, являюсь ли я гражданином РФ по паспорту или россиянином в душе, я не хочу, чтобы то, что происходит сегодня в Чечне, происходило от моего

имени, я не могу прекратить это, но я могу сказать: ЭТО НЕ МОЯ ВОЙНА.

Прошло, однако, около месяца, пока сайт появился на свет. Помня недавний скандал с временным отключением по требованию московских властей домена www.lujkov.ru, где располагался антилужковский сайт, я предлагал взять www.notmywar.com, но меня справедливо подняли на смех. На сайте подписалось свыше двух тысяч человек, а мы с Паркером получили кучу писем — от длинных полемических до шизофренически-одобрительных. Самое смешное в этом проекте были подписи, которые Паркер регулярно прятал в комментарии (они все видны в source view). Среди них — несколько подписей от лица Путина и Шамиля Басаева, а также попытки полемики: выкрики в диапазоне от «Это моя война!» до «Предатели! Бойтесь — цензуру ввели!».

Паркеру понравилась идея «открытых писем», и во время конфликта вокруг НТВ он соорудил генератор открытых писем, из фрагментов наиболее известных образцов жанра компонующий новые тексты — временами довольно выразительные. Говоря же о политической деятельности Паркера, самый известный его проект — сайт «Владимир Владимирович. ру», выросший из эстетики анекдотов Доброхотовой—Пятницкого (тех самых, приписываемых Хармсу, где «Гоголь переоделся Пушкиным»). Еще Паркер вел колонку «Русский РОР», торговал участками на Луне, создавал трехмерные модели Мавзолея и падающей станции «Мир», вел ЖЖ от лица Пугачевой и Путина, а также регулярно возмущал ЕЖЕ-лист темпераментными и длинными постами. Большую часть из этого он продолжает делать и сегодня.

Несмотря на то что проект «Это не моя война» был вполне успешен и, так сказать, востребован, он оказался не понят. Дело в том, что я вовсе не хотел сделать пацифистский сайт или сайт в защиту права чеченцев на самоопределение. На мой взгляд, фраза «Это не моя война» подразумевает одно: подписавшийся под ней не одобряет то, как эта война ведется, и то, что она ведется от его имени. При этом он может считать, что надо уйти из Чечни и дать им жить, как они хотят, — а может считать, что надо сбросить туда атомную бомбу и уничтожить всех чеченцев до последнего ребенка. Иными словами, речь шла только о неприятии существующего положения вещей, при котором война бессмысленно затягивается, расширяя конфликт. Условно говоря, я ожидал, что подпишут не только сторонники прав человека, но и радикальные патриоты. В любом случае и те и другие должны

протестовать против того, что война используется для делания денег и создания политического капитала, а не для решения проблемы. Мысль моя, вероятно, была выражена недостаточно ясно, потому что подписывали письмо преимущественно противники чеченской войны как таковой.

Что же касается моего личного мнения, то я считаю, что делать нам в Чечне нечего — как и Америке в Ираке. Вопрос о том, как решать существующий конфликт, я позволю себе оставить без ответа: есть профессионалы, которые должны решать подобные проблемы. Как налогоплательщик я плачу им деньги, большую часть которых они еще и разворовывают. Как гражданин России и частное лицо я высказываю свои пожелания власти: «Кончайте эту бодягу! Мне надоели теракты в Москве и зачистки в Чечне!» Меня не спросили, когда начали эту войну в 1995 году, и я не понимаю, почему меня спрашивают, как я предлагаю эту войну прекратить. Я же не лезу к этим людям с вопросами, как мне писать мои тексты.

Второй моей целью, которую я пытался объяснить в этой статье, было предоставить людям возможность для частного высказывания (поэтому для меня так важно, что среди подписавшихся фигурировали люди, работавшие в СМИ, которые поддерживали войну). Когда кто-то из окружения Вербицкого (может, и он сам) пообещал сделать проект «Это моя война», я очень порадовался: мне до сих пор кажется, что надо давать людям возможность подписываться под простыми утверждениями — так сказать, проводить неформальный референдум.

По многим статьям, приведенным в этой книге, можно видеть, что проблема частного высказывания волновала в 2000 году не меня одного. Поэтому появление «Живого журнала» в начале 2001 года оказалось столь важным почти для всех героев этой книги.

9. Оля Лялина

Зарисовки сетевых пейзажей

«Вести. ру», февраль 2001 г.

В пятницу прибывшая в Москву Оля Лялина провела у себя дома закрытие выставки MASHA DRAWS. Для людей, знающих, кто такая Лялина, сама по себе эта фраза звучит неожиданным нонсенсом. Во-первых, Лялина редко бывает в Москве (вплоть до того, что один из крупнейших московских глянцевых журналов все пытается ее сфотографировать для большой статьи, но никак

не может застать). Во-вторых, Лялина — сетевая художница, и потому не совсем ясно, как должна выглядеть выставка, открываемая в офф-лайне: стоит компьютер, и все на него смотрят, что ли?

Между тем выставка MASHA DRAWS — редкий случай лялинской выставки, которая полностью теряет смысл в Сети. Она принципиально несетевая. Просто дизайнер и художница Маша Борискина нарисовала четыре скриншота (etoys, rhizome, the great gatsby и, разумеется, первой работы самой Лялиной «Мой парень вернулся с войны»). Борискина не первая, кто рисует скриншоты сайтов и прочего компьютерного дизайна, но первая, кто рисует их так, как рисуют любые неодушевленные объекты — без деталей, с легкой расплывчатостью, черной гуашью на бумаге.

Совершенно неожиданно эти рисунки производят сильное впечатление. Сначала чувствуешь, что наконец-то сетевой пейзаж приравнен к обычному: он точно так же может быть изображен на бумаге, нагружен настроениями художника, погодными изменениями и сменой времен года. Похоже, в тот день, когда Маша Борискина заходила на Etoys или Rhizome, там шел дождь. И если бы я был художником, я бы сделал несколько серий картин «Cathedral.com в разное время суток» (посвящается Клоду Мане), «Landscape.org в дождь и солнце», «Seasons.net в разное время года» и так далее. За всем этим, повторюсь, стоит идея: то, что мы видим в окошечке браузера и в окошке автобуса, не слишком различается.

Одна из картин Маши Борискиной представляет кадр (кажется, заключительный) знаменитой, созданной еще в середине девяностых лялинской работы «My boyfriend came back from the war». Здесь избранная художницей техника особенно адекватна: черно-белый лялинский сайт выглядит расплывшимся от времени, не столько картинкой, нарисованной с экрана, сколько зарисовкой собственного воспоминания. Действительно, сетевой пейзаж меняется так быстро, что от многого осталась только память. И тут картинка может оказаться лучшим способом фиксировать ускользающую реальность — поскольку в самой материальности картинки заключена идея недолговечности и старения. Бумага желтеет, краски выцветают — в отличие от jpg или gif-файлов, которые пребывают неизменными.

Борискина, кстати, принимает заказы на изображение сайтов клиентов на бумаге. Впрочем, лично я бы с удовольствием повесил на стену своего кабинета картины, изображающие дизайн altavista или imdb в том далеком 1996 году, когда я увидел их впервые. Так в офисах ставят на столы фотографии близких. Или — рисунки родного города до того, как там понастроили

небоскребов и расширили на четыре полосы все улицы.

Тут самое место написать про Олю Лялину. По счастью, ничего писать мне не придется, потому что у меня есть готовый текст. Где-то весной 1999 года журнал «Vogue» предложил мне сделать несколько материалов про русских сетевых людей, стараясь выбирать погламурней. Я сразу предложил Лялину и, с одной стороны, вроде не ошибся, потому что кандидатура редакции понравилась, а с другой — допустил роковую ошибку, потому что ровно после того, как я взял у нее интервью, Оля укатила в Германию преподавать в какой-то академии — и статья моя не пошла в Vogue, потому что невозможно было сделать фотосессию с главной героиней. То есть, я не сомневаюсь, если бы главная героиня изначально была бы не художница, а фотомодель, «Vogue» послал бы человека в Германию… но Интернет все-таки не представлял для них такого уж интереса. В общем, интервью лежало у меня несколько лет, пока морально не устарело — но в этой книжке оно вполне уместно, в особенности если учесть, что с тех пор я и видел-то Олю всего один раз — на домашней выставке Маши Борискиной.

Оля Лялина едет в Сеть

Написано для «Vogue», весна 1999 г.

Как всякая вещь, с которой большинство людей знакомы только понаслышке, Интернет обрастает мифами. Один из самых стойких — миф о его обитателях, мальчиках-очкариках с потными ладонями, сластолюбцах, рыскающих в поисках клубнички, стеснительных и закомплексованных девочках, полных и некрасивых женщинах. В самом деле — зачем нормальному человеку лезть в Сеть?

— Мне приятно наблюдать, когда люди, с которыми я познакомилась в Интернете, видят меня. Потому что представление о типичных жителях Сети сидит очень глубоко — и человек каждый раз испытывает облегчение, обнаруживая, что это вовсе не так.

Оля Лялина действительно не похожа на известный миф — изящную и стильную, ее проще представить на модной вечеринке, чем за монитором. В несетевой жизни у нее тоже все благополучно, но своей славой она обязана Интернету: сегодня Лялина — один из самых признанных в мире сетевых художников, героиня множества статей в европейских и американских газетах, профессор Мерц-академии коммуникационного дизайна и номинант Webby Awards —

сетевого аналога «Оскара». Немногие отечественные деятели современного искусства могут похвастать чем-нибудь подобным. — Я никогда не была просто художником. После первой же моей работы меня назвали в какой-то статье «известный сетевой художник Оля Лялина» — так и пошло. Так что сначала я была кинокритиком, потом где-то месяц побыла художником, а потом сразу стала «известным». А быть «известным художником» — это совсем другое дело, чем быть просто художником. В Интернете вообще все быстро — и отношения, и бизнес, и слава… В Мерц-академии мне сказали, что мое звание будет «профессор Интернета и виртуальных миров», они понимают, что это как-то не так звучит, но… Я им сказала, что не имеет смысла придумывать что-то больше чем на год, максимум на два, потому что все так быстро развивается, что скоро Интернет появится уже в детском саду… и никаких академий не надо будет.

Профессора престижной и дорогой Академии, куда на лекции специально ездят студенты Академии искусств из Мюнхена и где преподавать считают за честь лучшие немецкие теоретики, идеологи и художники, будут по-прежнему звать ее уменьшительным именем «Оля» — и не только потому, что она выглядит так молодо, но и из-за внутренней рифмы между именем и фамилией. Недаром ее сетевое имя пишется как «olialia» — Оляля.

В Интернет она пришла из параллельного кино. Оля вспоминает, как в 1996 году кто-то из членов знаменитого клуба» Сине-Фантом», объединяющего создателей этого экспериментального кинематографа, приехал из Америки и рассказал об Интернете. Тогда она сразу поняла, что «Сине-Фантому», куратором которого Оля является по сей день, нужно сделать собственную страницу, куда выложить все архивы, накопившиеся за десятилетие существования параллельного кино. Но, войдя в сеть, Оля, в отличие от многих, сразу поняла, что Интернет — не просто новый способ публикации или хранения, а новая среда, требующая, чтобы ее оживили, привнеся опыт, полученный в несетевой жизни. Последние пять лет Оля занималась кино — и поэтому решила, что будет создавать фильмы в Интернете. Так она стала основоположницей направления net.film.

— Параллельное кино оказалось для меня отличной школой — ведь это кино, которое делается своими руками. Поэтому ты рефлектируешь постоянно на тему пленки, проектора, экрана. И в общении с Интернетом мне это помогло — я сразу понимала, что надо не экспериментировать в нем, а экспериментировать с ним.

Ее первая работа, уже признанная классикой, называлась «Мой парень вернулся с войны». Мы видим юношу и девушку, сидящих в полутьме, и, по мере того как мы щелкаем мышкой, экран делится на все более и более уменьшающиеся прямоугольники, в которых черным на белом и белым на черном высвечиваются небольшие картинки и реплики диалога: «забудь об этом», «всего один раз», «поцелуй меня», «нравится мое новое платье?» «все хотят вернуться назад», «ты видел там тигров?» Мы не всегда можем разобрать, где говорит парень, а где — его девушка, тем более что говорят они на скрывающем пол английском языке. Ты обещал. Ты обещала. В отличие от книги или фильма, порядок реплик задает сам зритель, щелкая мышкой в тот или другой прямоугольник. Постепенно один за другим они заливаются чернотой, до тех пор, пока не остается одна только подпись внизу экрана: «Оля Лялина, 1996 год».

— Удивительно, что эта вещь, которая сделана довольно холодно и концептуально, пробуждает воспоминания у тех, кто действительно был на разных войнах, задевает их и вызывает чувство безысходности. Думаю, что эффект, который производит «Мой парень…», это эффект неожиданности. Такие эмоции в книжках, альбомах и фотографиях давно известны, но никто не ожидает найти то же, переданное средствами Интернета. Вот была история с одним афганцем: он зашел к своему другу, у которого был Интернет, чтобы найти в Сети какого-то знакомого. И почему-то они попали на «Сине-Фантом», а оттуда — сюда. То есть человек решил воспользоваться информационной базой, а попал на войну.

Следующей работой Лялиной стала «Анна Каренина едет в рай», в которой Оля экспериментировала с поисковыми машинами: ее Анна Каренина искала любовь, поезд и Рай, осуществляя поиск в Интернете по заданным словам.

— То, что я делаю, лучше всего понимают те, кто реально работает в Сети. Не только студенты, альтернативная молодежь, но и офисные работники, от секретарш до менеджеров. Лучше, чтобы человек был молодым. Даже моложе меня. Они секут куда лучше, чем многие арт-критики и теоретики, которые вроде бы все соображают — но то, что я делаю, им остается непонятным. Просто потому, что они никогда не проверяли электронную почту и не искали нужную информацию в Сети. Они не могут этого понять просто на бытовом уровне.

На последнем Роттердамском кинофестивале Лялину пригласили выступить на круглом столе. Были приглашены творческие работники крупнейших компьютерных фирм, разрабатывающих новые программы для виртуальной реальности.

Набольшом компьютерном экране они демонстрировали новейшие достижения — с суперзвуком и изображением. Лялина выступала последняя: и за двадцать минут, которые она говорила, компьютер из-за сбоя в Сети так и не смог загрузить из Сети выбранную ею страницу. Любая другая восприняла бы это как неудачу — но только не Оля:

— У нас, интернет-художников, негласный закон — никаких дискет, CD-ROMOB И так далее. Только из Сети. Потому что ожидание и все эти поломки — они очень важная составная часть той эстетики, с которой мы работаем. И пока моя страница двадцать минут грузилась, я говорила о том, что драматическое переживание — это не интерактивность и не красивые картинки, а то, что ты приносишь с собой, чтобы обогатить эту новую культурную среду. Я до этого десять дней читала лекции в мастер-классах Академии искусств и потому так и приехала настроенная учить.

Последний большой проект Лялиной — сайт «Телепортация», http://www.teleportacia.org. Именно на нем выложено выдвинутое на Webby Awards «Завещание» (http://will.teleportacia.org):

— Сама не понимаю, как получилось, что концептуально простое произведение вошло в пятерку лучших арт-сайтов года? По сути, это обычная домашняя страничка со ссылками на мои предыдущие работы. Я давно понимала, что надо ее сделать, но у меня был какой-то внутренний конфликт. Мнеказалось, что на моей странице все должно быть произведением искусства — и вдруг ссылки на разные служебные вещи, на старые работы. Но я понимала, что это тоже неправильно, потому что Интернет — это место, где держишь все, благо места там много. И в конце концов я поняла, что единственная форма, в которой не стыдно упоминать даже самые мелкие штучки, что ты когда-либо сделал, — это завещание. И кроме того, хотелось, чтобы этот документ имел вес… а как документ в Интернете может иметь вес? Только будучи тяжелым, долго грузящимся. Поэтому все буквы грузятся как картинки — и один экран текста получает от этого в моем представлении юридическую силу. Так домашняя страничка оказалась наконец-то произведением искусства.

Очень интересно смотреть, что кому оставляет Оля. Так, свое первое произведение о вернувшемся с войны парне она завещает дочери Соне. Судя по всему, Соня этого достойна: в четыре года она целиком прошла компьютерную игру Doom и теперь спокойно учится вышивать на пяльцах.

Из того, что не вошло в печатный вариант, я запомнил прекрасный план создать список рассылки «Солдат». Идея такая: люди, пользующиеся Интернетом в офисе, — они как бы рядовые

Сети. Начальство обрезает им доступ к порносерверам, запрещает иметь ICQ, просматривает их почту — но они продолжают заходить в Интернет каждый день. Так вот, Оля собрала список знакомых в Москве и других городах, создала мейлинг-лист и даже написала первое письмо, которое так и не отправила. Что-то вроде: «Ты не какой-то слюнявый подросток, который по ночам смотрит порнографию на папином эккаунте. Ты настоящий солдат Интернета. Именно ты вызываешь у меня уважение. Оставь мне свой телефон и однажды в понедельник, в удобное время, тебе позвоню я, и мы с тобой поговорим, в твое рабочее время». По Олиным словам, она чувствовала себя Мэрилин Монро, которая едет к солдатам поддерживать боевой дух.

Предполагалось также, что человек должен ответить на вопрос: «Хочешь ли ты, чтобы твои коллеги знали, что тебе звонит Оля Лялина? Должна ли я представиться секретарше?»

Надо заметить, что в 1999 году людей, пользовавшихся Интернетом из офиса, было очень много. Очень жаль, что Оля так и не осуществила этот проект.

10. Трэш и любительское порно

Новая классификация сайтов

«НасНет», март 2001 г.

Недавно, решив написать колонку в очередной офф-лайновый журнал, я придумал новый способ классификации сайтов. Поскольку, как известно, второй — после писания колонок в «РЖ» — моей специальностью является кинокритика, за основу классификации было взято кино.

Мейнстрим — все сайты, занимающие первую двадцатку «Рамблера». Шутка, конечно, но вы и сами понимаете — дорогие, профессиональные, коммерческие, посещаемые.

Авангардные — всякий нет-арт и вокруг него.

Радикальные — Чернов и Вербицкий, с одной стороны, а с другой — Факра и все, что из нее вышло. Могут рассматриваться как подраздел авангардных, но это неинтересно.

Любительские — классический хоум-пейдж, сделаны без особого воображения. Полный аналог того, что в лучшем случае имеет шанс попасть в передачу «Сам себе режиссер». Вероятно, также включают в себя сайты знакомств.

Независимые — Bagatelles, старое «Буриме» и куча прочих мест, которые, с одной стороны, существуют как коммьюнити, а с

другой — интересны не только тем, кто туда входит. Бюджета у них нет, а общественный резонанс порой значительный. Часть авангардных и радикальных сайтов тоже можно сюда записать.

Trash — самый писк. Сюда попадает все, что сделано вопиюще плохо, вопиюще безвкусно или — что не совсем то же самое — с вопиюще дурным вкусом. Проще всего поискать на narod.yandex.ru, но, я думаю, доморощенных Эдов Вудов можно много где найти. офф-лайновый журнал, который имеется в виду, — это «Птюч», куда я в тот момент раз в месяц писал что-то вроде колонки про Интернет. В отличие от времен, когда я рассказывал его читателям про «Базу», Эака Мая и слово «хуй», теперь было ясно, что мой читатель неплохо представляет себе, что такое Сеть и с чем ее едят, — и ждет от меня, скорее, смешных ссылок и забавных историй, чем объяснений, что такое поисковая машина и что ею можно искать. В тот момент меня как раз интересовали непрофессиональные сайты — как во времена пика «Догмы95», все кинулись любить любительское кино. В «Птюч» я успел написать две колонки — про трэш и про любительское порно, а где-то через два года «Жалюз» попросил меня специально написать про трэш в Сети — и я сделал для них еще одну статью — разумеется, на совершенно других примерах. Мне тогда было интересно писать скорее о чувствах, чем о вещах, что не замедлило сказаться.

Trash-Internet

«Птюч», весна 2001 г.

Когда Сеть только начиналась, она почти вся состояла из любительских страниц, интересных зачастую только своим создателям. Когда стали появляться первые профессиональные проекты, они уже самим своим профессионализмом вызывали интерес, а потом закрутился маховик рекламы, замелькали баннеры, заработали пиар- агенты… и в итоге те, кто пришел в Сеть в последние пару лет, могут прожить всю жизнь, переходя от «Анекдотов из России» к Weekend.ru или Lenta.ru. Это, однако, так же неосмотрительно, как ограничивать себя одними голливудскими блокбастерами. В Интернете, подобно кино, полным-полно скромных проектов, не оперирующих тысячными бюджетами, но куда более интересных, чем их именитые собратья. Сегодня я бы хотел поговорить о тех из них, которые по аналогии с «мусорным» кино можно назвать trash-проектами.

Они одновременно амбициозны и беспомощны. В них есть

претензия и нет смысла. Иногда они должны шокировать, но только смешат. Почти всегда лгут, обещая одно, а показывая другое. Как правило, их делает один-два человека, не рассчитывая на особую прибыль, — только ради славы и удовольствия. Тонкий ценитель мусора не должен пройти мимо них.

Простейший способ обнаружить такие проекты — отправиться на один из бесплатных хостингов, где всем желающим выдают место под страницу, и посмотреть местный каталог. Я почти наугад выбрал два сайта на narod.ru — и представляю их не как вершину жанра, а как пример того, сколько удовольствия можно получить, ткнув в произвольную ссылку.

С каталога «Культура, религия, философия» попадаю на сайт под говорящим адресом http://mushroom-jah. narod.ru. Конечно, здесь должно быть все про грибы и еще про этого самого… про Джа. Гриб действительно есть — один и на картинке. А дальше идут пять файлов под названиями в стиле «Оппоненты гранитных швов» и с цитатами из старых русских рокеров вроде БГ или Летова и еще более старых философов типа Ницше или В. Соловьева и литераторов вроде Достоевского или Маяковского. Одним словом — непрерывный суицид и мир как безволие и представление меня. Отличная вещь для определенного возраста. Я в свое время тоже выписывал полюбившиеся цитаты — по счастью, Интернета тогда не было, но, кажется, парочка все равно совпала. Но вот что делает посреди всего этого беспредела страница под названием «Филе говядины под соусом с красным вином и мозгом», посвященная борьбе за вегетарианство, я, хоть убей, не понимаю. Мне кажется, поклонник Летова и Ницше не должен на полном серьезе выписывать: «Давая детям мясную пищу, мы даем им все пороки», — если, конечно, не агитирует ЗА строгую мясную диету с предшествующим собственноручным умерщвлением кур, гусей и коров.

Невольно думаю про фильм, где борец за вегетарианство, цитируяНицше, разделывает всех бензопилой. Вот сайт Андрея Голдина (agolclin.narod.ru), на который я пришел по ссылке из каталога «Свободное время, развлечения, игры», где было написано что-то типа «пикантные картинки, нежность, страсть и не только». Внутри оглавление выглядело столь же завлекательно: «Сюрприз для прелестных ЛЕДИ», «Любители царской забавы могут заглянуть сюда», «Мое нежное послание самым очаровательным»,

«Пикантные подробности про Андрея» или даже «Продвинутой молодежи посвящается». В общих чертах ясно, что

нас ждет, одним словом. Осталось только выяснить, что такое «царская забава».

Как всегда, действительность превосходит самые смелые ожидания. Никакого порно! Никакой обнаженки!! Никакого секса вообще!!! (если не считать изображения цветка, подозрительно похожего на женский орган — http://agoldin.narod.ru/Flow2.jpg). Это — страница десятилетнего мальчика!!!! Сделали ее, вероятно, его родители. Остается только гадать, зачем они написали такие заголовки, будто внутри скрывается порносайт. Но ведь переходящая в идиотизм непредсказуемость творческих натур и есть главная радость для поклонников трэша.

Ах да, я забыл сказать, что же такое «царская забава». Это соколиная охота. Почему соколиная охота? А почему у Эда Вуда инопланетяне оживляют мертвецов?

Да, на этот раз обошлось без непристойностей. Но не унывайте — следующий выпуск я надеюсь посвятить личным эротическим страницам, этому интернет-аналогу любительского порно.

Путешествие в страну персиков

«Птюч», весна 2001 г.

В прошлом номере «Птюча» я уже писал, что Интернет — он как кино. Есть в нем мейнстрим, есть арт-хаус, есть беспардонный трэш. Сегодня мы продолжаем наше путешествие, и оптоволокно ведет нас прямиком в страну кисок, хищных глаз и спелых персиков.

Аналогом любительского порно в Сети являются любительские эротические страницы. Девушки на них не слишком красивы, а текст странно не сбалансирован — тогда у зрителя возникнет подозрение, что он в самом деле подглядывает в замочную скважину. Любителей красивой эротики и просто откровенных снимков просят следовать на профессионально сделанные порносайты, где, с моей точки зрения, можно умереть от тоски и бесконечно выскакивающих окошек и баннеров.

Сначала — про картинки. Настоящее порно редко можно увидеть на персональных эротических страницах. Где-то мелькнет среднего размера мужской член, где-то — гладко выбритый или, напротив, курчавый женский лобок На мой вкус, интересней всего на любительских фото предметы интерьера — подушечки, одежда с вещевого рынка, неизбежные, как смерть, ковры на стенах. Настоящая крррасота, которая — как написано на одном из

подобных сайтов — спасет мир. В такие моменты невольно думаешь, что миру лучше погибнуть.

И еще — позы и лица. Девушки стараются сделать красиво — и старание видно в их напряженных лицах и неестественных позах. В этом есть что-то от стриптиза, который исполняется лично для тебя. Посмотри на меня, словно говорит очередная русская красавица, разве не круто? Причем очевидно, что говорит она это не тебе, а своему бойфренду, который держит в руках фотоаппарат. А он уже заранее согласен с тем, что она — круче всех.

Прекрасным дополнением к картинкам служат подписи. Например Cat Girl (http://www.catgirl.ru/) не только пишет«…твоя кошечка хочет тебя соблазнить… забудь обо всем……гладь меня своими хищными глазами…», — но не ленится сочинить длинный связный текст, разбитый на подписи к целой фотосессии. Называется он «В плену изыска» и повествует об изысканном платке, который купила героиня. Лучшая подпись: «Она обольстительно и смело проникает в самые сокровенные уголки моего тела…». Она — это изысканная вещица, если кто не разглядел ее своими хищными глазами.

Но лучший пример подписей показала девушка Сара Ларина (http://www.wplus.net/pp/nevskiy/sarah/) (сочетание имени и фамилии прекрасно подошло бы для голливудского фильма о жизни евреев в России). Так вот, девушка Сара выставила в Сети полсотни своих фотографий. Жмешь на одну — получаешь следующую. Главная радость — в подписях. Если отключить графику и читать только подписи получается удивительный текст:

> Люблю я полежать в постельке и помечтать…
> Вид со стороны спины. Впечатляет?
> Вид на меня с моего бельевого шкафчика…
> А это было, когда я посещала свою ванну…

Обратим внимание на *постельку* и *шкафчик* Уменьшительных суффиксов хватает — тут и кроватка, и трусики, и хвостик, и киска (последнее — не калька с английского наименования известно чего, а описание домашнего животного). Моя любимая фраза:

> Купание окончено, я вытираю свою нежную кожу от воды…

Впрочем, и эротически ориентированные подписи тоже

хороши: скажем «спелый персик» обозначает вид сзади в коленно-локтевой позе без юбки, но в *трусиках,* а «Что-то сегодня грудь стала великовата, все вываливается наружу…» описывает попытку застегнуть боди на молнию спереди (а вовсе не большое декольте, как можно подумать).

И наконец, просто тексты — рассказы о своей жизни, принципах и взглядах. По стилю напоминающие — вероятно, в силу юности героинь — школьные сочинения, разве что с изобилием смайликов. И у КэтГерл, и у Сары хватает интересных текстов, но вот Аннушка (http://unleashed.cybercrime.net/) поставила почти абсолютный рекорд: даже ее фотоальбом наполовину заполнен подробными рассказами о том, как она подсматривала за родителями, занималась лесбийскими играми с подругами и лишилась девственности во время секса втроем. Открываются эти записки замечательным предисловием, где Аннушка пишет: «Любой сайт о политике — куда более грязное место, чем самый откровенный из порнографических сайтов. Тем более что мой сайт не порнографический. Да, здесь хватает откровенных сцен и откровенных описаний, но это — жизнь. Настоящая человеческая жизнь, как она есть, без ханжества, без обмана». К сожалению, когда фотографии начинают живописать Аннушкино искусство минета, текст прекращается. Жаль, в самом деле.

И еще. Личные эротические страницы — как бабочки или цветы. В отличие от серьезных порносайтов или обычных персональных страниц, они часто исчезают так же быстро, как появились. Провайдеры безжалостно сносят их со своих серверов, приравнивая к порнографии. Так я лишился двух любимых страниц — эксгибиционистки Николь и девушки по имени Скай. Николь рассказывала о себе сама («Меня зовут Николь, я решила создать свой укромный уголок в Сети, посвященный тому, что я люблю и о чем хочу рассказать вам. Люблю я очень многое, но в первую очередь секс»), а о Скай рассказывал кто-то из ее партнеров в непередаваемом жанре «Вы посмотрите, какая она дрянь!». Увы, сегодня по старым адресам вылезает одна только 404-я ошибка… возможно, та же судьба ждет страницы, о которых я рассказал сегодня. Так что — спешите видеть, пока не поздно.

На полпути к грусти

«Жалюз», февраль 2003 г.

«Норка скорпиона» (http://panin.virtualave.net/). Главная

страница — на реконструкции и потому о создателе сайта нам известно только, что его зовут Валерий Панин. Судя по размещенному в самом низу квадратику с погодой в Харькове, родом он из этого прекрасного города. Впрочем, притулившиеся в правом верхнем углу «поисковые системы Юго-Восточной Азии» наводят на мысль, что нынче Валерий далеко от родных краев. Больше всего впечатляет титульная флэш-анимация. Для тех, кто забудет адрес, не дойдя до компьютера, опишу ее, потому что она того стоит: сначала появляются губки бантиком, потом надпись (вертикальная) «НОРКА», потом скорпион, потом надпись (горизонтальная) «скорпиона». Потом губки, съеживаясь на глазах, ползут к клешням и замирают между ними. Клешни чуть содрогаются. Темнота. И снова — губки, норка и т. д. Что все это значит — я не знаю. Вероятно, что-то про эротику и знаки зодиака.

Наполнение сайта тоже вполне достойно заставки. Под картинкой с губками и скорпионом в ряд идут ссылки: «анекдоты», «законы Мэрфи», «знакомства», «кроссворды» — пробел — «сексуально-образовательный сайт» — пробел — «рецепты шашлыка», «эротическая кухня». Первые четыре стандартны и малоинтересны, зато последние три по-своему прекрасны. Ссылка на сексуально-образовательный сайт уводит нас на еще один трэш-объект: http://www.clitor.narod.ru/, где нам обещано «все о клиторе». Первая фраза: «Клитор (синоним — секель) является органом полового чувства женщины». Дальше примерно так же. «Рецепты шашлыка» не приносят никаких неожиданностей, а «Эротическая кухня» открывается фразой:

> «Эротические блюда лучше всего готовить под крышкой, на слабом огне, в собственном соку или с добавлением небольшого количества воды».

Прекрасно. И самое замечательное, что все вместе не складывается ни во что осмысленное. Точнее, складывается, но как-то механически: клитор + шашлык = эротическая кухня. Студия Трома экранизирует поваренную книгу.

Персональные трэш-страницы устроены так, что мне было неловко искать второй пример среди женских страниц (хотя политкорректность, конечно, требует, чтобы второй пол тоже был представлен в нашем обзоре). Но что получается? Вот женщина пишет:

«Практически все свободное время посвящаю мужу и дочке). Очень люблю гулять в парке, ходить в кино, болтать в форуме на Eva.ru (мне там очень нравится). Работаю в производственно-торговой компании». Сайт действительно все больше

рассказывает о детях — как лучше забеременеть, выносить, родить и воспитать. Написано, скажем, голубым на синем или розовым на красном. Трогательно до такой степени, что как-то неудобно ставить ссылку. Ну, в самом деле, материнство — это святое, меня тоже мама рожала, и у меня самого трое детей. Призвать всех повеселиться по поводу оформления и стиля письма юной матери — все равно что в присутствии Эда Вуда тыкать пальцем в экран и ржать на «Плане № 9 из открытого космоса».

Или вот еще один сайт: «Мне 15 лет. Я фантастически умная, очаровательная красавица, к тому же с феноменальной скромностью. А если серьезно, то, сидя сейчас за компьютером этим холодным февральским днем, я думаю: вот было бы здорово очутиться сейчас где-нибудь на Гавайских островах, на берегу пляжа под большой зеленой пальмой». Ну да. 15 лет. Судя по фотографии, в самом деле очень милая и, видимо, неглупая, потому что стоит прямо и смотрит в камеру, а не принимает эротические позы. Не буду давать ссылку, пусть себе растет. Лет через пять будет смотреть на страничку с легкой ностальгией.

С другой стороны, если они кладут все это в Сеть, значит, считают, что нам это будет интересно? Тогда вот, «Персональная страница Батыгиной Ольги», http://www.math.dcn_asu.ru/batygina.482/. «В свободное от учебы время очень люблю читать, спорт и отдыхать с друзьями на природе. Это, так сказать, краткая характеристика. А если у Вас есть особый интерес к моей личности, моим друзьям и семье, то можете, полистав мои «труды», удовлетворить свое любопытство». Любопытство остается неудовлетворенным: из школы, института, интересов и Омара Хайяма не складывается единого целого. В свободное от учебы время она любит спорт и отдыхать. Отдыхать на природе весело, особенно когда нас много. Но где бы я ни была, со мной всегда рядом моя лучшая подруга.

Хочется выключить компьютер или, по крайней мере, выйти из Сети.

О чем бы ни снимал свои фильмы Эд Вуд, он рассказывал нам о тщете своих усилий — и то же самое делают сотни создателей персональных страниц. Как всякий трэш, трэш-Интернет рано или поздно переходит некую грань и перестает смешить. Он вызывает грусть и сострадание к людям — те самые чувства, которые и должно будить настоящее искусство.

11. Русский сайт непальского принца

«НасНет», июнь 2001 г. http://www.dipendra.narod.ru/

Двухнедельный перерыв отвечает за то, что непальская трагедия осталась не отраженной на этих страницах вовремя. Помимо моей давней любви к Непалу, где как- никак скрываются буддистские беженцы с Тибета, живущие в своих монастырях, для появления этой темы в «НасНет» есть и формальные причины, а именно: русский сайт принца Дипендры. Достойная похвалы оперативность, черный юмор и цинизм создателей сайта обеспечили ему и резонанс в прессе, и внимание читателей. Как бы ни относиться к тому, что создатели смеются над еще не остывшими трупами, сама по себе идея оперативного создания пародийного новостного сайта верна и удачна. Обратим внимание на то, что все иностранные материалы даны в автоматическом переводе. Это имеет двоякое объяснение идеологическое (так смешнее) и технологическое (так быстрее). Пусть непальские боги примут души погибших — но хорошо бы делать по одному такому сайту на каждое главное событие недели. Можно было бы даже сделать специальный раздел в каком-нибудь онлайн-издании типа «Ньюспейпера».

Если же вернуться к истории о принце Дипендре, расстрелявшем всю свою семью, то за прошедшую с момента трагедии неделю мне пришлось выслушать несколько идеологически различных версий случившегося.

Согласно первой, во всем виновата глобализация. Если бы принц не учился в Европе, ему бы не пришло в голову протестовать против воли родителей, и все были бы живы. После короткой дискуссии («да они регулярно там все друг друга убивали… династические дела!») главное утверждение было подкорректировано: если бы принц не учился в Европе, ему, когда он перестрелял всех родственников, и в голову бы не пришло самому стреляться. При такой формулировке вина глобализации выглядит не такой уж страшной.

Куда остроумней версия психолога Екатерины Кадиевой: она полагает, что случившееся — классический пример так называемого расширенного самоубийства, которое иногда совершают люди, выходящие в психоз. Рационализация (не хочу жениться или хочу всех спасти от тягот этой жизни) в данном случае вторична — если крыша едет, то слова в какой-то момент теряют смысл. Но самое интересное в этой теории не диагноз (эка сложность — сказать, что человек, пристреливший маму и папу, больной на всю голову!), а упоминание удивительного факта, недавно обнаруженного американскими исследователями. Оказывается, люди, очень много лет сидящие на

суперпопулярном в Штатах антидепрессанте прозаке, дают статистически значимое увеличение этих самых расширенных самоубийств. Иными словами, среди тех, кто прозак использует, количество тех, кто кончает с собой, убив всю семью, сильно выше, чем по всей популяции. И даже выше, чем у тех, кто страдал депрессиями, но обходился без прозака или сидел на нем не так долго. Факт этот сам по себе замечательный, но если расследование выяснит, что принц ел прозак, то вина глобализации станет несомненной.

Двухнедельная задержка, о которой я упоминаю в первом абзаце, связана с фестивалем «Кинотавр», на который я традиционно ездил в начале июня в течение нескольких лет. Интуиция подсказывает мне, что вряд ли я снова поеду на «Кинотавр», так что в июне 2001 года я последний раз провел две недели на Сочинском побережье в качестве журналиста. Несмотря на то что за время моих поездок с Интернетом в городе Сочи произошли разительные изменения (например, стало возможно купить дайалап и спокойно коннектиться из номера), я не особо серфил в эти недели — хватало других дел. Поэтому сайт непальского принца я обнаружил, только вернувшись в Москву, и тут же о нем написал.

Как уже знает читатель, к июню 2001 года в «Русском журнале», для которого предназначалась эта заметка, восторжествовала антинаркотическая цензура. Потому я не упомянул, что сайт принца Дипендры прозрачно намекает на то, что принц (на тот момент еще находившийся в коме, а не умерший) попросту обкурился. Тогда казалось, что это предположение создатели сайта если не высосали из пальца, то, по крайней мере, выдули из бонга, трубки или кальяна — но сегодня, решив проверить предположение Екатерины Кадиевой, я залез в Google и не обнаружил ничего о прозаке, зато выяснил, что, согласно одной из версий, принц совершил убийство потому, что находился в депрессии, вызванной потреблением каннабиса.

Хорошо, что в июне 2001 года я этого не знал. Поверьте: «потребление каннабиса может вызвать депрессию и расширенный суицид» — вовсе не та мысль, которую хочется думать в городе Сочи во время фестиваля «Кинотавр».

В отличие от многих, этой сайт все еще работает. На нем, в частности, я обнаружил прекрасную ссылку на сайт-побратим http://berdyev.narod.ru/, рассказывающий о том, как министра железных дорог Туркмении по ошибке задавило поездом. «Мы считаем, что если смерть и может быть прекрасна, то только такая!» — пишут создатели сайта. В гестбуке им вторят читатели: «Вообще все правильно — Грызлова должны до смерти забить

пьяные менты, Шойгу должен утонуть в вулкане, про министра обороны я вообще молчу…». Мысль, за три года не потерявшая актуальности.

12. DailyStih

Ежедневный поэм

«НасНет», август 2001 г.

[Первое место, о котором я хочу рассказать] существует в Сети давно, но в последнее время пребывало в состоянии спячки, из которой выходит только сейчас. Это проект Лены Костылевой DailyStih, смысл которого ясен из двуязычного названия, которое тянет перевести на русский как «Ежедневный поэм». Лена Костылева, поэт и до недавних пор сотрудница «Ленты. ру», живет в Праге, пишет стихи и статьи, даже заняла какое-то место на конкурсе «Дебют».

Идея ежедневно выкладывать стихи в Сеть — в особенности если это чужие стихи — невольно напоминает о временах, когда Босх и Питер Брейгель представлялись абсолютными ценностями. Тогда чтение стихов казалось формой литургии — неважно, о чем были стихи. Любое стихотворение представлялось молитвой, «ом мани падме хум» на невиданном языке. Не было ни флэша, ни СиДиРомов.

Лет пять назад Зак Май написал: «Было бы странно справлять дни рождения за длинным столом с принесенным бухлом, обсуждая подтексты в стихотворениях, — разве что все это в голом виде и на кислоте». Подразумевалось, что непосредственно читать стихи еще страннее.

Лена Костылева доказывает, что это не так; есть еще люди, для которых читать стихи так же естественно, как дышать, завтракать или просыпаться по утрам.

Кроме того, заметим, что эти стихи Костылева регулярно выкладывает в своем ЖЖ (больше ничего туда, кажется, не записывая). Иными словами, ЖЖ и тут оказывается очень своевременным инструментом, еще раз напоминая, что сочетание публичности и частности как раз и было характерной чертой тех самых семидесятых, второе пришествие которых мы — с неизбежными поправками — наблюдаем сегодня.

(Забавно отметить, что в Яндексе первой при наборе Dailystih вылезает ссылка на гестбуку проекта Вербицкого: ЛЕНИН:. Там интересующиеся могут прочесть не только восторженную

рецензию Миши на обозреваемый сайт, но и любопытные факты из жизни его создательницы. Интересно, как «Московский комсомолец» или RICN.)

Место номер два еще не существует. Это чистой воды проект, и связан он с идеей быстротечности, как раз и являющейся тем самым черенком, который привили к стволу семидесятых прошедшие два десятилетия. Потому что в тот момент, когда искусство из вневременного света превращается во вспышку-флэш, оно уже не может рассчитывать на вечное существование. Срок его исчислен.

Ежедневный проект Костылевой намекает на это — сегодняшнее стихотворение существует только сегодня, — но только намекает, поскольку Лена не может удержаться и сохраняет архив. Можно было бы сделать проект без архива, но куда интересней сделать проект, временем которому будут служить не часы, а посетители. Иными словами, каждая запись уничтожается, едва ее прочтет десять, к примеру, человек. Технически это не так уж сложно; сложнее обеспечить высокую посещаемость ресурса, чтобы игра была интересной и тексты не могли бы продержаться больше получаса. Можно, конечно, задействовать баннерную рекламу (каждый клик на баннер укорачивает жизнь файла, на который ты попадаешь), а можно так подобрать тематику текстов, чтобы они и без баннеров собирали аудиторию… есть такие темы, и мы их знаем.

Отдельно приятно, что этот проект по определению не может быть прибыльным: много баннеров таким образом не накрутишь.

Впрочем, оставим реализацию проекта для желающих упражняться в нет-арте.

Читатель может мне не поверить, но, планируя эту часть, я вовсе не имел в виду, что одна и та же цитата из Зака будет ее окольцовывать — ну, так уж получилось. В этом, вероятно, есть ирония — потому что именно в годы, прошедшие с написания этой заметки, мне пришлось сполна пообщаться с людьми, для которых читать стихи — так же естественно, как дышать, завтракать или просыпаться по утрам. Вероятно, это не случайна я всегда был книжным мальчиком, и путешествие в мир глянцевых журналов, длившееся где-то с середины девяностых, рано или поздно должно было подойти к концу. Заметка про Лену Костылеву выглядит здесь предвестием новых времен в моей жизни.

Впрочем, сам сайт не обновляется с февраля 2002 года — но ничто, конечно, не мешает нам предположить, что рано или поздно он снова заживет привычной жизнью. Впрочем, еще до того, как замереть, DailyStih стал причиной скандала: впрочем,

вызвал его не сайт, а рассылка, причем скандал случился буквально через несколько дней после моей заметки. Костылева выложила на сайт — и соответственно включила в рассылку — известное стихотворение Мирослава Немирова

«Идите вы на хуй, ебаные козлы, идите вы на хуй» (дальше, как можно догадаться, эта мысль развивается еще в 11 строчках). Стихотворение вызвало гневную отповедь администрации Citycat, ведавшей рассылкой. Костылева получила письмо, начинавшееся словами: «Вы видели выпуск своей рассылки от 12.08? Это нормально?». Костылевой было предложено извиниться, а она в ответ закрыла рассылку, объявив, что ее пытались подвергнуть цензуре. Лена даже предложила мне рассказать эту историю моим читателям, чего я не мог сделать, во-первых, потому, что «РЖ» как раз боролся за мораль и нравственность, а во-вторых, потому, что я уже закрывал лавочку в связи с отъездом в Америку. Впрочем, история эта и по сей день кажется мне несколько сложнее, чем представлялась она Костылевой. По сути, проблема была в границах ответственности. Администрация «Ситикэта» считала, что, предоставляя бесплатный сервис всем желающим, несет ответственность за то, что происходит с подписчиками, — и потому просила Лену извиниться. Костылева считала, что это она предоставляет получателям рассылки бесплатный сервис — и кому не нравится, может просто уходить. Я думаю, можно было бы решить этот спор миром — скажем, включить дисклеймер, предупреждающий, что в рассылке DailyStih возможно появление ненормативной лексики. Костылева, однако, предпочла уйти — в полном соответствии с логикой разжигания конфликта, о которой мне уже приходилось писать чуть выше. Впрочем, как бы то ни было, нельзя не согласиться с финальными словами письма, в котором Ленка рассказывает мне эту историю:

Все-таки искусством еще можно кого-то удивить в этой дикой стране:)

И силой печатного слова.

Интермедия: «Живой журнал» / LiveJournal

Живой Журнал» — www.livejournal.com — уже неоднократно был упомянут на страницах этой книги. Можно сказать, что последние три года он развивался лавинообразно, подобно тому как развивался сам Интернет в середине девяностых: в ЖЖ создавались и рушились репутации, о нем писали бумажные СМИ, а для многих людей иметь свой ЖЖ стало так же естественно, как иметь свой имейл или свою аську.

А началось все в феврале 2001 года…

«НасНет», февраль 2001 г.

Хотел было удержаться и ничего не писать в этот выпуск, ограничившись письмами читателей. Ан нет! Пришел в гости Куб, дал ссылку, выпил всю водку и ушел. При этом мы сочинили три *безделушки для Bagatelles* — и тут же все забыли. А я полночи провел за компьютером и потому чувствую необходимость поделиться с читателем.

Значит, сначала. Есть такая штука, называется Live Journal. Сама по себе любопытная, потому что позволяет любому желающему зарегистрироваться и делать свой сколь угодно часто обновляемый дневник. Мечта эксгибициониста.

(В скобках надо бы написать, что, когда впервые много лет назад я узнал, что есть люди, которые выкладывают свой дневник в Сеть, я страшно возбудился.

Хорошо бы, подумал я, написать фикшн, роман в форме дневника, и так его выкладывать в реальном времени… И чтобы читатели думали, что все это на самом деле. Кажется, подумал я это еще до того, как Катя Деткина попала под машину. Как всегда, интересней всего вопрос, почему это так и не было осуществлено именно в форме дневника, причем никем.)

Так вот, некое количество сетевых персонажей завели там себе дневники. В их числе мой начальник по «РЖ» Роман Лейбов и мой начальник по «Ленте. ру» Антон Носик (хочу предложить кому-нибудь из Weekend'а тоже вести дневник — тогда все мое Интернет- начальство будет охвачено). И некий юноша, тусующийся на LENIN'е, по имени Акваланг (то есть я, как всегда, исхожу из презумпции виртуальности персонажа — в том смысле, что не унижаюсь попытками угадать, кто есть кто… может, типа, Акваланг — это Юля Фридман или там еще кто-то… без разницы. Назвался Аквалангом — пусть Акваланг и будет). Может, кто еще есть — но ссылка на дневники из России лично мне упорно выдает сообщение:

Sorry… The directory is the biggest pig of CPU on the site. To make the rest of the site faster, the directory is down right now. We have two new servers due to arrive Monday afternoon (Feb 5th). We'll then be setting them up and they should be online later in the week. Once those servers are up, we'll put the directory back online. We'll probably also make the directory available during non-peak hours of the day.

Переводить не буду.

Акваланга читать временами забавно (типа школьник пишет о том, как он впервые услышал Егора Летова… и вообще идея

излагать идеи круга Дугина с точки зрения подростка превосходна, если ставить целью их полнейшую профанацию. Написал и сам испугался: вдруг я подсказываю Глебу Павловскому мысль для очередной предвыборной кампании?). Лейбова читать приятно (как всегда). Носика читать интересно — он пишет интересно, и к тому же есть телега, что Носик — барометр Рунета и куда он повернется, туда ветер и подует.

В этом смысле ряд действий Антона — возобновление «Вечернего Интернета», участие в проекте Bagatelles и теперь писание дневника — бьет в одну точку: Носик отчетливо позиционирует себя как частное лицо. Логическим продолжением будет продажа Lenta.ru и уход из «МеМоНета» (вариант: закрытие Lenta.ru и продажа «МеМоНета»). После этого Носик прекращает функционировать как часть Большого Рунета, делает деньги на чем-то другом, участвует в некоммерческих проектах, читает лекции и пишет мемуары.

(Напомним, что когда Дамиан Кудрявцев объявил, что «уходит из Интернета», именно Носик написал об этом текст в журнал «Интернет».)

В смысле судьбы Антона Борисовича это вполне представимо. Неясно, правда, как увязать этот сценарий с тезисом о Носике-флюгере… Вряд ли уход Антона приведет к вымиранию Рунета. Впрочем, он может маркировать очередной конец прекрасной эпохи.

В качестве послесловия я решил поставить цитату из Аквалангa:

Почитал дневник Носика. На повестке дня присвоение ему пожизненного прозвища «Хобот» с обязательным тыканьем указательным пальцем, оплевыванием и издевательскими выкриками. Очень печально.

Носик такой же, как и все, ничем не отличается.

Вы можете представить кого-нибудь еще, про кого можно было бы на полном серьезе написать: «Очень печально. Х такой же, как и все, ничем не отличается»? Подставьте сюда «Кузнецов», «Лейбов», «Экслер» или кто угодно… нет, в самом деле — смешно.

Женя Горный в своей недавней статье для NetHistory.ru пишет, что мой текст — первая публикация о ЖЖ в русской прессе (вторая — у Линор). Всего за время существования сервиса вышли 98 статей за неполные три года. Впрочем, не вижу оснований отказывать в звании прессы антикультурологическому еженедельнику: ЛЕНИН: Миши Вербицкого, где, вероятно, и появилась та самая первая ссылка, с которой все началось.

Первым зарегистрировал ЖЖ Рома Лейбов, потом — Илон Фрайман, потом Носик, Куб и другие. Забавно, что и первооткрыватель-Вербицкий, и я, написавший о ЖЖ по горячим следам, присоединились немного позже — где-то через месяц, в марте. Однако уже в мае стало ясно, что место нынче в Сети только одно — и оно называется LiveJournal…

«НасНет», май 2001 г.

Место нынче в Сети только одно — и оно называется LiveJournal, «Живой журнал» или ЖЖ по-русски. С тех пор как я впервые о нем написал, он разросся еще больше, число пользователей из России достигло 244 человек — меньше, чем в Штатах, Англии и Австралии, но больше, чем в Индии или большинстве других стран. И это при том, что кто- то из русских обнаруживается в Антарктиде, Израиле и USSR (former). Иными словами, количество пользователей ЖЖ приближается к числу постоянных читателей моей колонки. Про ЖЖ уже отписали Лейбов, Сеткин, Вика и еще куча народу — так что мои пять копеек вряд ли переполнят эту копилку.

Реально ЖЖ убил все подписные листы и форумы, где появлялись «старожилы Рунета». Причин несколько. Первая — вес высказывания, сделанного в собственном журнале, куда меньше, чем в любом другом месте — в форуме или на листе, не говоря о журналах и газетах. Об этом писал еще Носик, бывший одним из первооткрывателей ЖЖ:

Формат записей, которые я оставляю в своем дневнике на LiveJournal, не предполагает и не требует наличия стороннего читателя. Никому не возбраняется иметь по поводу моих записок собственное мнение, равно как и высказывать его в любом формате — однако попытки затевать публичную полемику по поводу вещей, прочитанных в моем дневнике, представляются мне неадекватными…

Я уже писал в связи с возобновлением «Вечернего Интернета» и проектом Bagatelles о тоске по частному существованию, охватывающей ветеранов Рунета. ЖЖ предоставляет подходящий механизм, чтобы уменьшить эту тоску. И это первая причина — каждый говорит за себя, а не за те ресурсы, которые на нас наросли.

Вторая причина — не говорение, а слушание. Жители ЖЖ могут ограничивать круг тех, кого они читают, и тех, кто читает их, — то есть опять-таки круг тех, кто им отвечает. Это позволяет создать свой закрытый лист по каждому отдельному топику за одну-две минуты — и тем самым ослабить информационный шум.

Приятно, что путем неких специальных технологий можно фильтровать даже список твоих друзей, что позволяет избегать обид в жанре «Почему ты не включил меня в свой френдовый список?». Включить можно хоть всех, а потом создать две-три маленькие группы и читать только тех, кто в них включен. И писать — только им.

Некоторым образом приходит на ум — прости, господи! — пир-ту-пир-технология.[26]

Каждый в ЖЖ совершенно самостоятелен и не зависит от модератора. Осталось еще както реализовать ее на аппаратном уровне, чтобы не зависеть от сбоящего иногда сервера — и жизнь станет еще интересней.

Я заговорил о ЖЖ, поскольку решил, что с этого выпуска иногда буду приводить отдельные цитаты из чужих дневников — с разрешения авторов, конечно.

Первая из них — отзыв на прошлый выпуск с цитатой из Блока:

Мой мемуар вряд ли пригоден к публикации, поэтому — сюда, вроде как на забор. И потом тут связь с прошлым постом (нелепицы, мужчины в носочках, хохот и т. п.). Лет, наверно, было мне 18 или 19, спирт, бессонница и дым, наши юные тела закаляет исступленье… короче, очнулась в ванне. Вокруг чьи-то носочки плавают. А он стоит рядом и читает «Девушка пела в церковном хоре…» Какая же я живучая. После ТАКОГО хохота выживают не все.

Предыдущий пост, то есть запись, то есть фрагмент из нее, тоже грех не воспроизвести — для контекста:

> Рекорд нелепости — мужчина в одних носках.
> Опасное зрелище, могу дохохотаться до конвульсий.

Пользуюсь, кстати, случаем восстановить историческую справедливость: автором истории про «носочки» является юзер seann. Не знаю, почему при первопубликации мне не пришло в голову это указать.

О причинах популярности ЖЖ писали много, один «Русский журнал» посвятил этому сетевому феномену, наверное, две дюжины статей. (Одной из последних, кстати, было интервью с Алексеем Толкачевым, человеком, который сделал в ЖЖ запись на русском языке задолго до того, как ЖЖ открыл Вербицкий. Однако Толкачев ЖЖ быстро забросил, так что звание отца-основателя остается опять-таки у Лейбова и Вербицкого.) Кто-то (кажется, Носик) пошутил после одной из РЖшных статей, что Журнал бывает либо живой, либо русский, — но так или иначе мне не хотелось бы присоединяться к этой индустрии, тем более

что за прошедшие три года мыслей у меня не слишком прибавилось.

Что касается моей жизни в ЖЖ, то довольно давно я поступил, как и советовал в статье: создал небольшую группу френдов (так называемый «узкий кастом»), которую и читаю каждый день. В этой сокращенной френдовой ленте, за редкими исключениями, только люди, с которыми я лично знаком и готов часто и близко общаться: иными словами, в рамках моего узкого кастома френды и есть друзья, и это правило только подтверждается исключениями. Одно из них грех не назвать: Саша Гагин под одним из своих псевдонимов удерживается в этом списке уже три года, хотя за это время виделись мы с ним от силы раза четыре.

В завершение этой главы я хочу привести статью, написанную мною для англоязычного издания Wired News. В самой статье речь идет о «Живом журнале», а история ее публикации стала для меня одним из самых тяжелых испытаний за все время моей ЖЖизни.

Статья, напомню, была написана для американского издания и потому в переводе выглядит совсем странно.

Русские заложники обретают голос благодаря американскому Интернет-сервису

Wired News, осень 2002 г.

Американский сайт LiveOournal.com удивительно популярен среди русских жителей Сети. На прошлой неделе он был награжден Российской ежегодной профессиональной премией РОТОР++ в номинации «Лучший интерактивный сайт». Через несколько дней после награждения LiveJournal помог русским заложникам связаться со своими друзьями и всем миром.

Основанный в 1999 году ЖЖ представляет собой сайт, позволяющий создавать журналы и дневники, которые может читать и комментировать любой посетитель сайта или — по выбору автора — только группы его друзей. Некоторые ЖЖ-юзеры используют свои дневники в качестве веб-лога. В настоящий момент количество зарегистрированных пользователей превысило 700 тыс., и сайт был удостоен премии Webby.

В последние два года ЖЖ стал чрезвычайно популярен в России. Русские занимают пятое место при распределении по странам, а сайт также стал виртуальным местом встреч для российских интернет-активистов, журналистов и писателей.

Некоторые дневники и веб-логи, как и ЖЖ в целом, сами по себе неоднократно номинировались и награждались различными российскими интернет-премиями. Иногда ЖЖ также используется в качестве новостного агентства как обычными читателями, так и профессиональными журналистами.

— Вполне естественно, что я рассматриваю и использую некоторые ЖЖ-записи в качестве источника новостей, — говорит Антон Носик, один из русских первооткрывателей ЖЖ, главный редактор и генеральный директор ведущего русского новостного агентства «Лента. ру», — мы достаточно часто так делаем в «Ленте». ЖЖ также используется как способ сообщить важные новости людьми, живущими в удаленных районах России, таких, как Сибирь и Дальний Восток, где ни газеты, ни новостные агентства не держат собственных офисов, так как новостей там бывает немного.

В прошлую среду 50 вооруженных чеченцев взяли в заложники 800 человек в одном из московских театров. В эти дни ЖЖ стал одним из наиболее важных источников не подвергавшейся цензуре информации. Им пользовались как жители России, так и члены зарубежных русских сообществ.

— Я пользуюсь ЖЖ как блогом, который дает мне линки ко многим сетевым проектам, — говорит Роман Лейбов, профессор Тартуского университета и еще один из русских первооткрывателей ЖЖ. — ЖЖ — отличный инструмент для того, чтобы мониторить общественные настроения и отслеживать их колебания во время кризиса.

Несколько ЖЖ-юзеров находились в контакте с родными и близкими, оказавшимися заложниками террористов. Одной из таких юзеров была Ольга Бруковская, директор по развитию газеты «Утро. ру». Ее друг Марк, заложник, посылал ей SMS, используя свой мобильный, чтобы попросить ее «написать в Интернете правду о том, о чем лжет ТВ». В частности, он писал, что именно заложники призвали людей собраться на антивоенный митинг, а вовсе не террористы, как утверждало телевидение.

— Я попросила людей продублировать мои посты в их журналах и газетах, — вспоминает Ольга, — потому что хотела, чтобы как можно больше людей знали о просьбах заложников.

Все дни, пока театр находился под контролем чеченцев, российские власти запрещали публиковать или пускать в эфир какие бы то ни было интервью с террористами и даже временно закрыли некоторые ТВ-каналы и веб-сайты за нарушение запрета. В этой ситуации ЖЖ оставался одним из независимых каналов — та же роль у него была и после штурма. Одним из наиболее

важных источников стал в этот момент дневник репортера Степана Кравченко, который принимал участие в спасении заложников.

— Он писал о жертвах больше и глубже в своем ЖЖ, чем мог бы в том издании, где работал, — говорит Антон Носик, — есть большая разница между публичным высказыванием в СМИ и заметками в ЖЖ Журнал Степана был вполне эмоционален, но также содержал информацию, недоступную в любом СМИ, например касавшуюся числа погибших заложников и причин их смерти. За полчаса до того, как СМИ сообщили первые цифры погибших, Кравченко уже оценил общее число жертв, основываясь на том, что он сам видел.

Вначале власти старались скрыть детали штурма, и ЖЖ стал местом для дискуссий, где врачи и свидетели старались раскрыть правду о газе, убившем 116 человек Версия об использовании опиатов для того, чтобы усыпить террористов, ныне подтвержденная немецкими экспертами, впервые была высказана именно здесь.

Журнал Ольги Бруковской и других близких заложников теперь вернулся в обычный режим. Последний пост в Ольгином журнале гласит: «Марк выписан из больницы!!»

«Спасибо, Ольга, — пишет один из ЖЖ-юзеров, — благодаря тебе множество людей, не знавших Марка лично, сопереживали ему, и через него — всем другим заложникам».

Ни одна из моих статей, в том числе политически острые и дискуссионные, не вызывала такого шквала негативных эмоций. Даже сейчас, по прошествии полутора лет, я невольно ежусь, вспоминая, как писали обо мне люди, которых я еще недавно считал друзьями.

Нельзя сказать, будто я не понимал, что вступаю на опасное поле. Одно дело — писать про кино и всякое тру-ля-ля на умные темы и другое — высказаться о таких травматичных событиях, как захват заложников, да еще и в американском журнале.

Когда я писал статью, я больше всего боялся сбиться на сенсационный тон и начать пересказывать личные подробности про героев — прежде всего про Ольгу Бруковскую и Марка. В дневнике Бруковской хватало рассказов о еечувствах, эмоционально убедительных и впечатляющих. Будь я писателем, именно на них бы и сконцентрировался, но в статьях я специально избегал их цитировать, ограничившись несколькими спокойными репликами. Можно сказать, меня интересовала не тема «люди и террористы» или «близкие заложников», а история о новой технической игрушке, которая оказалась востребована в столь экстремальных условиях.

В отличие от других моих статей, написанных в Wired, эта статья шла туго. Мой американский редактор, беседуя со мной по ICQ, задал несколько уточняющих вопросов, в том числе — о возрасте и профессии героев, на которые я ответил, не подозревая подвоха. Каково же было мое удивление, когда я увидел текст, начинавшийся словами. МаркРанков, одиниз750заложников, захваченныхчеченскими экстремистами на прошлой неделе, просил передать русскому народу:

«Ваше ТВ лжет!» Ранков, 28 лет, хотел, чтобы его соотечественники знали, что не одни только чеченские террористы просили провести в Москве митинг с требованием прекратить войну в Чечне, как утверждало российское телевидение. О том же самом просили и сами заложники. Вопрос: как он передал это послание?

Дальше статья более-менее следовала моему тексту, но акценты уже были переставлены. Мне стало не по себе, и я тут же связался с Бруковской, которой переслал ссылку, чтобы Оля сказала, все ли нормально. Она показала текст Марку и заверила меня, что все о'кей. Я несколько успокоился, но в ЖЖ началась настоящая буря.

В первую очередь меня обвинили в том, что я хожу в ЖЖ «за контентом с ведром» (слова Маши Нестеровой). Насколько я понимаю, эти обвинения означали, что мне не следовало бы использовать «Живой журнал» как источник для статей. Надо заметить, всю информацию я не только брал из открытой части ЖЖ, но еще и спрашивал разрешение на ее использование у авторов, так что речь идет именно об эстетическом неприятии подобного подхода: мы здесь живем, а вы пришли за контентом с ведром. С чем-то похожим пришлось столкнуться через год Линор Горалик, когда она объявила о создании коммьюнити «Дети 70-х», предназначенного для публикации и обсуждения мемуаров о детстве ее сверстников, людей семидесятых годов рождения. Линор не скрывала, что собирается использовать эти материалы для книги (указывая, разумеется, авторов цитат), однако нашлось много людей, резко негативно отозвавшихся о ее проекте.

Внешней причиной в обоих случаях называлось то, что информация слишком легко нам достается: мол, прочитал, copy-paste сделал — и все хорошо. Никому, однако, не приходит в голову сказать «я сделаю то же самое быстрее и лучше»: понятно, что отбор и обработка информации — тоже тяжелый труд. Так что попробуем найти еще какую-нибудь причину столь сильных эмоций, вызванных моей статьей.

Вероятно, дело в том, о чем я писал в своих старых статьях: ЖЖ позиционирует себя как частное, приватное пространство. И

потому многие авторы ЖЖ чувствуют себя уязвленными, когда кто-то использует их записи как рабочий материал для статьи или книги.

С похожей проблемой сталкиваются не только журналисты. Много лет в ЖЖ функционировала так называемая «Лента fiꞙa», где были собраны почти все русскоязычные пользователи ЖЖ. Один из администраторов «Ленты fiꞙa» Антон Монахов, писал мне во время истории со статьей в Wired:

Многим людям не нравилось, что они попадали в «список фифа». Сводя к одной фразе их возражения, не нравился им тот момент, что из-за этого их публичные записи «мог прочитать кто угодно». Непонимание базового свойства сервиса именно в этом и состоит. Причем пробиться сквозь их возражения и объяснить, что их и так мог читать кто угодно, не удавалось, хотя в начале эпидемии я потратил на переписку много времени. Обида на то, что в их «персональное пространство» влезают, заставляла часть людей переходить к угрозам в надежде, что таким образом они смогут его оградить. Угрозы были разные, от технических до юридических. До физических, как бывало в фидо; не доходило.

Иными словами, в этом случае, как и в случае хождения за контентом с ведром, речь не идет о нарушении прайвеси — в конце концов все эти люди добровольно сделали свои записи доступными, выложив их в так называемой «публичной моде», или дали согласие на публикацию. Юридически и даже этически позиция журналиста вполне обоснована, однако понятна и эмоциональная реакция, о которой рассказывает Монахов. В рамках собственного журнала автор чувствует себя защищенным от обесценивания и критики — он всегда может забанить нежелательных пользователей или разрешить комментарии только друзьям. Однако стоит его мыслям и рассказам попасть в иной контекст — в книгу, статью или «Ленту fiꞙa», они становятся уязвимыми. Более того — теряется ощущение уникальности. Мне кажется, именно в возможности балансирования на грани частного и общественного заключается один из секретов обаяния ЖЖ: в конечном итоге добрая половина записей в ЖЖ — это призыв ко всему миру: «Посмотрите на меня! Полюбите меня! Восхититесь мной!»

Этот призыв зачастую обращен ко всем людям но ответ всегда хочется слышать только от тех, кто в самом деле готов любить и восхищаться. «Публичная мода» ЖЖ — самообман; в глубине души большинство из нас готово открыть запись не любому незнакомому читателю, а только любому доброжелательному — пусть даже незнакомому.

Часть пятая
ЛИРИКА

В этой части собраны написанные в разные годы статьи странного жанра. Это не рассказы о сайтах, не рассказы о событиях, не репортажи и не заметки. Скорее, это эссе об Интернете, как правило, написанные не для веба, а для бумажных изданий. Некоторые сегодня поражают меня своим бесстыдным эссеистическим передергиванием — в угоду красивой фразе и неожиданному повороту мысли я не задумываясь жертвовал точностью. С другой стороны, эти статьи было так приятно писать, что они до сих пор вызывают у меня теплые чувства — как стихи, которые на досуге пишет академик-графоман.

Жанр лирики не предполагает развернутого комментария, хотя в ряде случаев я счел возможным пояснить, по какому поводу текст был написан или кто в нем фигурирует.

1. Маленький город, затерянный в лесах (тезисы, 1996)

Посвящается Зафару Хашимову, подсказавшему одну из идей, использованных в этой работе

1

Представим себе маленький городок, да еще к тому же затерянный в лесной глуши, представим себе это общее место провинциальной прозы, это воплощенное «В Москву, в Москву!», эти недели, похожие на месяцы, и месяцы, что отличаются друг от друга только сезонными изменениями, одними и теми же каждый год; представим себе это воплощение скуки и однообразия жизни, куда новости доходят, уже потеряв всякую актуальность и превратившись в легенды…

Это — периферия культурного мира, а в центре — блистательные столицы, равно недостижимые, вне зависимости от государственных границ, они находятся будто в другом пространстве, эти столицы, где происходит настоящая жизнь.

Вообразим себе людей, живущих там с рождения и не

имеющих возможности уехать (почему, собственно, не имеющих? Не важно. Просто вообразим). И представим, что среди них есть те, кого волнует эстетика, поэтика и культура. Что их двое-трое в городе. Или даже больше, но они не знакомы друг с другом, к тому же еще очень молоды. Представим это, и если не струсим, дальше представим себе меру их одиночества, сравнимого разве что с одиночеством самого городка, со всех сторон окруженного лесами.

— В нашем городе нет культурной жизни, — говорят они, подразумевая, что ее и не может быть в маленьком городке, что настоящая культурная жизнь предполагает совершенно другой топос: Нью-Йорк, Париж или, на худой конец, Санкт-Петербург. Культурная жизнь должна быть *уже* описана, но никто не опишет этот маленький городок, а если кто и попробует, жители не признают описания.

А теперь поставим в этом городке антенны и завезем туда телевизоры, воткнем вилки в розетки (сначала, разумеется, проведем электричество, вычтя, если понадобится, из коммунизма советскую власть). Огоньки (голубые) замигают, экранчик засветится, динамик заверещит человеческим голосом.

Жить станет веселей и, может быть, даже легче.

Конечно, город не изменится, население не увеличится, более того — половина тех, кто интересовался культурой («как бы интересовался культурой», сказали бы мы), перейдут от вздохов о латиноамериканском Париже к слезам над латиноамериканскими же мыльными операми, отчего оставшаяся половина, может быть, почувствует себя еще более одинокой. Но однажды кто-то увидит в проклятом ящике (а как его еще называть?) точно такой же город, услышит, как свистит птичка и поет лесопилка. И в этот момент маленький городок поменяется местами с прославленными столицами и, слившись со множеством других таких же маленьких городов, станет центром мира, где происходят самые увлекательные события…

2

Дорогой Дэвид Линч!

Пишут тебе жители небольшого города З., затерянного в лесах, как и твой Твин Пикс. Мы тоже заканчиваем школу, как и твои герои, и в нашем классе тоже есть классные[27] мальчики и девочки, такие же, как Бобби и Лора. Мы тоже любим наркотики, но кокаина, к сожалению, нам достать так и не удалось, и поэтому пока мы курим траву.

Вместо лесопилки у нас радиоэлектронный завод, но сосны вокруг нашего городка шумят точно так же, как вокруг Твин Пикса. Что до сов в здешних лесах, то они все равно не то, чем кажутся, поэтому и говорить о них ни к чему.

3

Чтобы город стал культурным центром, достаточно, чтобы это произошло в сознании хотя бы одного жителя, — эта солипсистская мысль чересчур проста и незатейлива, чтобы принимать — или критиковать — ее всерьез.

Посмотрим лучше, что случится потом, когда к городу подтянут высокоскоростные линии связи, поставят Sun или Cray (не иначе как на деньги Сороса) и подсоединят маленький городок к глобальной компьютерной сети, пресловутому Интернету, о котором не слышал сегодня только ленивый.[28]

Теперь наш герой (единственный, кого как бы интересовала культура; остальные же, кого, напротив, интересовала как бы культура, сидят у телевизоров, глядя одну из тех передач, названия которых нам, по счастью, известно только из телепрограммы, или даже подались в Москву, где работают в коммерческом ларьке или коммерческом банке, что в данном случае без разницы), так вот, наш герой сидит у монитора, переключаясь с сайта на сайт и отслеживая линк за линком. Где он сейчас? Уж, во всяком случае, не здесь. Сосны или сикоморы шумят за окном, а он давно ушел в голубой вигвам всемирной Паутины.

Былые вопросы больше не волнуют его; теперь он знает, что в культурном пространстве нет центра — оно подобно тому платью, что надела героиня сказки, дабы явиться к царю «ни голой, ни одетой». И в ячейках этого брюссельского кружева Сети дышит воздух; мандельштамовские проколы и прогулы.

4

Технология есть величайший инструмент геопоэтики. Этот способ изменения сознания на сегодняшний день остается мощнейшим, и притом — уголовно не наказуемым, в отличие от наркотиков, которые тоже орудие геопоэтики, но далеко не столь безопасное.[29]

Креативные возможности измененного сознания безграничны, хотя и не всегда позитивны. Побочным эффектом

своей деятельности оно меняет ауру окружающей среды, вызывая к жизни то, чего еще вчера не было в природе. И вот, глядя с высоты птичьего полета на знакомый городок, мы видим зеленую гущу леса, в раме которого, словно озеро, голубеет огромный, плоский, матово отсвечивающий экран.

Текст был написан для конференции по геопоэтике (см. заметку про Мадагаскарский клуб) и потом взят у меня для публикации, кажется, в «Новую Юность». Короче, я не уверен, что он был напечатан. Характеризуется обилием постраничных сносок, аллюзиями на недавно еще модного Дэвида Линча и неофитской уверенностью в том, что Сеть изменит жизнь людей. [30] После доклада ко мне почему-то подошел Сергей Летов и сказал:

— Да в вашем Интернете хорошей музыки наверняка нет. А мои друзья в Америке вообще не подают руки тем, кто смотрит MTV.

Тут как раз подходящий случай сообщить, что лидер панк-группы «Соломенные еноты» Борис Усов называет Интернет «вредной глобалистской выдумкой», а у Сергея Летова с тех пор, кажется, появилась пара онлайн-проектов.

2. Пусть пока всего четыре копии

Самиздат без политики

«Русский журнал», апрель 1998 г.

До того как начать печатать на компьютере, я печатал на машинке. Машинка была простая, даже не электрическая, называлась, в полном соответствии с хрестоматийной строчкой Галича, «Эрикой». Брала она, кстати, куда больше четырех копий, но не об этом речь.

Разумеется, печатал я различный самиздат, преимущественно не слишком политически крамольного содержания: Бродский, Цветаева, Хармс — короче, все то, что теперь можно в изобилии найти у Фарбера или Мошкова. Последнее неудивительно — именно из самиздатовских источников по большей части и сформированы виртуальные русские библиотеки (в основе, конечно, были тексты, напечатанные не на машинке, а на какой-нибудь БЭСМ-6, — мои отдельные поздравления молодым читателям, не знающим, что это за зверь). Впрочем, связь самиздата с русской литературой в Сети была отмечена еще Цокотухиным в его классической работе — меня же интересует

совсем другое: не столько тексты, сколько способ их бытования, который — анонсирую идею статьи — является одним из бесчисленных аналогов Сети в real world.

Итак, первый принцип, заявленный в самом названии — самиздат — равноправное участие читателя в процессе создания «книги». Точно так же, как среди драг-дилеров трудно найти неупотребляющего, среди читателей самиздата почти не было не принимавших участия в создании «продукта», то есть в изготовлении, распространении или хранении (напомню, что три последних слова пришли из соответствующей статьи старого УК). Это участие — или, точнее, соучастие — в появлении на бумаге очередного стихотворения Бродского носило, конечно, полумагический характер. В некотором роде перепечатывая «Шествие» (от которого его автор к тому моменту почти отрекся), я присваивал себе авторские права — не только в юридическом, но и в духовном смысле. Классическая новелла Брэдбери рассказывает историю школьной учительницы, от руки переписывающей Диккенса и притом отождествляющейся с ним. Подобными персонажами были все создатели самиздата — до сих пор большую часть стихов, которую я помню наизусть, я выучил «с кончиков пальцев». Если угодно, можно назвать этот метод общения с материалом интерактивностью, или вовлеченностью, или еще каким-нибудь словом.

Важнее, однако, второй принцип: прочел — передай товарищу. При позитивном отношении он вызывает в памяти распространение христианства, при негативном — гербалайф или финансовую пирамиду. В те времена меня волновал — гипотетически, разумеется, — вопрос учета тиража самиздатовских книг. Помнится, я даже продумал систему маркировки экземпляров, чтобы можно было отследить, сколько раз книга копировалась тем или иным способом. Резонно подозревая, что мои идеи заинтересовали бы людей, исследующих этот вопрос по долгу службы, я удержал оные идеи при себе. Однако уже тогда образ множества (сотен? тысяч?) людей, принимающих участие в тиражировании и распространении самиздата, не давал мне покоя. Они представлялись мне огромной сетью, связующей всех нас.

Вы только представьте — по всей огромной стране ночью сидят незнакомые друг с другом люди и делают общее дело. Они связаны между собой только за счет информационного обмена — книжек, которые ходят от одного к другому. Многих из тех, кто перепечатывал романы или стихи, перевернувшие мою жизнь, я никогда не увидел и не узнал ни имени их, ни пола. Временами я воображал, как прекрасная девушка при свете лампы

перепечатывает «1984» или, напротив, читает «Остановку в пустыне», перепечатанную мной (некую сусальность этой картинки можно списать на подростковый возраст). Подобные мысли были, вне сомнения, эротическими — и сегодня я склонен предполагать, что это не случайно.

Само видение огромной сети, связующей различных людей, есть — помимо прочего — идеальная эротическая карта общества. Как и в случае самиздата, составлением подобных карт занимаются преимущественно специалисты. В этом смысле можно сказать, что гипотетических кагэбэшников, отслеживающих наши ночные перестукивания, заменили венерологи (боюсь, столь же гипотетические), отслеживающие пути распространения ВИЧ-инфекции. Случайный попутчик в метро мог нести в портфеле копию книжки, что я распечатал полгода назад, а случайный знакомый в гостях или на тусовке может оказаться в той же цепи обмена body fluids, что и я. Учитывая нравы моих знакомых, вероятность последнего даже выше.

Когда нечто — информация, вирус, сексуальная энергия — передается другому человеку, оставаясь одновременно и у дающего, возникает цепная реакция передачи, объединяющая всех ее участников в сеть. Возникает структура, большая, чем сумма ее составляющих, — структура, в которой люди превращаются в узлы сети.

В «Алмазном веке» — романе киберпанка № 2 Нила Стивенсона — рассказывается о подпольной мировой сети CryptNet, связывающей людей посредством микроскопических кибернетических устройств, которые живут в мозге и передаются при половых контактах. Все люди, вовлеченные в эту сеть, сами того не зная, одновременно занимаются решением общих для всех задач, в том числе хакерских. Эта сеть не имеет центрального органа управления — решения, полученные в результате работы, остаются невостребованными, поскольку замурованы в глубине коллективного разума всех участников, к которому никто по отдельности не имеет доступа. Возможно, такой симбиоз подпольного самиздата, всеобщей сексуальной повязанности и информационных сетей и явится итогом второго тысячелетия нтернета, выведя человечество на новый эволюционный виток.

Пока же остается ограничиваться тем, что есть, — компьютерами и модемами, подругами и друзьями. Впрочем, это не так уж и мало: мы помним продолжение вынесенной в заголовок цитаты — «Этого достаточно».

Статья была написана еще для Zhurnal.ru — последний номер как раз и назывался «1000 лет российского Интернета». В ZR она

почему-то не вышла, и Женя Горный унес ее в «Русский журнал», где взял в «НетКультуру». Две последующие статьи были уже написаны специально для этого раздела «РЖ».

3. Человек с железной головой

«Русский журнал», апрель 1998 г.

Чем волка ни корми — он смотрит в известное место. Вот и Сергей Кузнецов, последние годы слишком много времени проводящий в Сети, во всем склонен видеть метафору этого замечательного образования. На этот раз он добрался до известной всем книжки Дюма, в которой, как догадываются читатели, о компьютерах не сказано ни слова…

Мы любим Сеть за то, что она подыгрывает одной из наших сокровенных фантазий: мечту об утрате человеческой сущности, превращении себя в иное существо — мутанта, робота, монстра. Думается, что в удовлетворении этой фантазии — одна из причин популярности Сети. Многочисленное потомство легендарной Элизы — самый стереотипный, но не самый удачный пример. Куда интереснее вещи более простые и незамысловатые — программы для игры в крестики-нолики, покер, шахматы и т. д. Ваш партнер — уже не человек, но, вероятно, не совсем машина — у него может быть имя, психология, он может спать (когда сервер упал) или погружаться в раздумья (если сервер перегружен). В этом принципиальное отличие сетевых игр от поединков с Deep Blue или программами на персоналке — Сеть создает иллюзию «реальности» соперника: временами возникает подозрение, что по ту сторону трансатлантического кабеля сидит такой же любитель, как ты, уверенный, что он играет с компьютером.

Прецеденты подобного обмана хорошо известны: еще в XVII–XVIII веках были повсеместно распространены шахматные автоматы, в которых на самом деле были спрятаны люди. Были, конечно, и настоящие автоматы — они обычно танцевали или выполняли другие механические действия — их-то и следует признать первыми предтечами роботов (если не считать легендарного Голема и его многочисленных родственников). Оставим Бодрийяру рассуждения о том, что настоящие роботы отличаются от старинных, потому что заменяют человека в процессе труда, а не забавы, — эти рассуждения, вероятно, верны, но не имеют отношения к нашей теме — и продвинемся еще глубже в историю. Если виртуальные креатуры, автоматы и

роботы на психологическом уровне служат удовлетворению тяги человека к разного рода гибридам, что же предшествовало им, когда техника еще не позволяла себе (нам) то, что стало возможным, начиная с века Просвещения?

На некоторое время оставим в покое Сеть и ее окрестности — рискуя быть неверно понятым, я хотел бы предложить для подробного рассмотрения образ, знакомый большинству читателей со школьных лет, — легендарного Человека в железной маске, фигурирующего в «Виконте де Бражелоне» и множестве апокрифов, среди которых почетное место занимают шесть (насколько мне известно) фильмов, включая классическую ленту Дж Уэйла 1939 года (боевой трофей, который демонстрировался в СССР с русскими субтитрами), французское кино с Жаном Маре и свежую голливудскую поделку с целой плеядой замечательных актеров, которых не хочется перечислять, тем более что кино привлечено в этой статье лишь в качестве наглядного примера.

Отправной точкой фантазии Дюма (и его не известных мне предшественников) являются сведения о некоем узнике в железной маске, томившемся в Бастилии в правление Людовика XIV. Кто же под ней скрывался? Не будем спешить с известным наперед ответом, а сначала немного пофантазируем.

Маска может скрывать лицо известного человека (как предполагает Дюма), но не реже она скрывает уродство — вспомним рассказ Борхеса о «Хоакиме из Мерва, красильщике в маске», где очередной азийский пророк, скрывающий свое лицо под тканью, оказывается прокаженным, боящимся разоблачения. Представим себе на секунду, что под маской скрывается лик монстра — и тогда таинственный Узник предстанет еще одной ипостасью *нечеловеческого человека,* о котором мы говорим с самого начала: у него человеческое тело и железная голова, в глубине которой таится второй, тоже нечеловеческий, лик. Он оборачивается связующим звеном между забавными/пугающими уродцами древности и Средневековья, с одной стороны, и машинами и механизмами нового времени — с другой.

К слову сказать, еще одной реализацией того же гибрида науки и уродства является монстр Франкенштейна — самый известный фильм о нем снял все тот же Уэйл на восемь лет раньше своего «Человека в железной маске». Фильмы эти странным образом похожи — например, в обоих присутствует эпизод опознания героем своего лица, определяющего его судьбу.

Вернемся, однако, к известной с детства версии: под маской таится двойник Людовика, его брат-близнец Филипп. Разумеется, тема двойника — традиционная романтическая тема, за которой кроется идея двойственности человеческой природы. Сюда же

примыкают многочисленные рассказы об ожившей тени, отражении в зеркале и тому подобное. Как ни странно, все они атакуют ту же идею «обыкновенного человека» — но вместо того, чтобы исказить его тело, изуродовав его или заменив механическим подобием, они это тело удваивают. Иными словами, что бы ни таилось под маской — уродство или двойничество, это нечто действительно достойно сокрытия: оно подрывает наше традиционное представление о телесной сущности человека.

То же самое делает Интернет и киберкультура в целом, создавая фантомы, вовсе лишенные тел. Все эти бесконечные никнэймы и виртуальные личности, пять человек, пишущих под одним именем, почтовые роботы и прочее — только реализация старой идеи об анонимности, о маске, скрывающей подлинное лицо и вселяющей странное и пугающее предчувствие, что под маской — только пустота. В этом подлинный пафос всеобщего возмущения при известии о виртуальности безвременно почившей Деткиной — пустота смерти скрывала за собой пустоту несуществования (опять-таки оставим любителям буддистские — a la Пелевин — спекуляции вокруг этого наблюдения).

И еще одна роман Дюма и многочисленные фильмы создают альтернативный вариант истории — причем альтернативный не только учебнику, но и друг другу, поскольку в романе Филипп возвращается в Бастилию, а в фильмах железная маска захлопывается на лице Людовика. Мы вынуждены поверить авторам на слово — реально мы так никогда и не узнаем, кто же скрывается под маской. Как известно, альтернативность — один из главных принципов гипертекста и компьютерных игр («Победите в Сталинградской битве!» В данном случае: «Захватите трон Франции!»). И маска на лице бесконечно переживающего все новые и новые финалы истории Узника предстает первым прообразом виртуального шлема, отрезающим его обладателя от мира живых и взамен открывающим ему бесконечную вселенную вероятностей и видимостей.

4. Спасибо, хорошо

«Русский журнал», сентябрь 1998 г.

Вначале — история в качестве эпиграфа. Просится к Вернеру, но взята из жизни.

> У моего папы в незапамятные времена был однокурсник, отличавшийся не только гениально острым

языком, но и не менее гениальной способностью пускать его в ход в самое неожиданное время по самому неожиданному поводу. Об этой его способности можно рассказывать довольно долго, но к сегодняшней теме имеет отношение только один случай.

Однажды он сидел на кухне у моих родителей рядом с плитой, на которой стоял чайник.

Желая узнать, вскипел ли он, моя мама спросила:

— Леня, как там чайник?

— Спасибо, хорошо, — не задумываясь, ответил он.

Всякий жаргонизм вызывает целую волну трактовок и объяснений, называемых иногда «народной этимологией». Рассказывают, что «халява» произошла от ивритского слова «халев», молоко, потому что в начале века в Одессе бедным евреям от синагоги выдавали бесплатное молоко. А слово «шантрапа» возникло благодаря помещику, отбиравшему крестьян для театра и говорившему по-французски «годится» и «не годится» — соответственно «chantrez» и «chantrez pas». Настоящая статья — всего лишь попытка разобраться, откуда пошло слово «чайник» в смысле «малограмотный компьютерный пользователь», проследив — а при необходимости воссоздав — его народную этимологию и заодно изучив смысловую сеть, в которую попадает это слово.

Возмущенные письма («но ведь на самом деле все это неправда») просьба направлять в Институт русского языка — пусть они разбираются. Наше дело — вымысел, а их — наука.

Краткий опрос знакомых и незнакомых показал, что наибольшей популярностью пользуются несколько версий.

Первая. Слово «чайник» пришло в компьютерный жаргон оттуда же, откуда слово «тачка», — от автомобилистов. «Чайник» означал начинающего водителя, который пыхтит, свистит, а сам ни с места.

Вторая. Слово «чайник» — рифма к «начальнику», а известно, что начальство отличается (или, по крайней мере, отличалось много лет назад, когда и формировался жаргон) удивительным сочетанием тупости и самоуверенности. То есть именно тем, что характеризует настоящего чайника. Отметим, кстати, что «ключик» в строчке из народной песни про реченьку — «ты начальничек, ключик-чайничек» — тоже вызывает отчетливые компьютерные ассоциации.

Третьи говорят, что слово «чайник» было всегда и восходит ко временам седой старины, когда ни компьютеров, ни автомобилей не было.

Версии «чайник — это тот, кто не работает, а только чай пьет» мы отметаем за нереалистичностью и неизобретательностью.

Читатели, разумеется, приглашаются высказать свое мнение. Нам же, в свою очередь, хочется обратить внимание на несколько аспектов. Первый — феминистский. Слово «чайник» — редкое бранное слово мужского рода, в равной степени применимое к обоим полам. Таких слов довольно мало — не различают полов обычно слова женского рода, такие, как «сволочь», «сука» или «дрянь», слова же мужского рода — «кобель», «мерзавец», «негодяй», «дурак» — либо вообще не применимы к женщинам, либо требуют изменения: «мерзавка», «негодяйка», «дура». В этом смысле слово «чайник» стоит особняком — никакой «чайницы» в природе не существует (если не брать в расчет строчку Галича «получайник-получайница», смысл которой вообще не очень ясен). Вряд ли это может означать некую локальную победу феминизма — скорее, подразумевается, что компьютерный пользователь — мужчина по умолчанию. С женщинами за компьютером якобы все ясно до такой степени, что даже специального слова для них придумывать не надо. Баба — она и есть баба.

Второй аспект — фонетический. В слове «чайник» явственно слышаться не только «чай», но наречия «нечаянно», «случайно» и «отчаянно». Набор этот вряд ли произволен, всем известно, что говорит чайник, отформатировав жесткий диск или завалив систему: «Я нечаянно, я не хотел, это случайно получилось». За это его, разумеется, бьют отчаянно — так что три созвучия к слову «чайник» указывают и на причину несчастий, и на ее последствия для виновника. Да и вообще неожиданность, случай и отчаяние образуют отличную триаду, характеризующую сознание *незнающего*.

Оба соображения — феминистское и фонетическое — в общем, лежат на поверхности. Однако метод свободных ассоциаций вытаскивает из коллективного бессознательного еще несколько чайников:

— чайник Эдиссона;

— чайник из анекдота про сумасшедшего, который говорил «ту-ту, я чайник»;

— чайники, в которых для маскировки разносят водку — в Петрограде начала века (см. одну из революционных поэм Маяковского) и в США времен сухого закона (см. «Однажды в Америке»);

— символ кухни шестидесятых — семидесятых: чайник как уменьшенная копия самовара. Нетрудно видеть, что все они

трактуют чайник как фигуру значительную и победную. Чайник Эдиссона становится причиной изобретения паровой машины (на заднем плане опять появляется компьютер, благодаря «The Difference Engine» — роману о компьютерах на пару, написанному на пару Стерлингом и Гибсоном). Сумасшедший перевоспитывает профессора, взявшегося его лечить (тот через сутки выходит из палаты, повторяя «дзыньдзынь, я чашечка»).

Петроградские и шестидесятнические чайники служат символом победы над официозом и властью, одновременно заявляя мотив расширяющих сознание веществ (водки и чая), еще более ясный в песне Алексея «Хвоста» Хвостенко «Чайник вина»:

> Не пойду ли я собирать коноплю,
> Ведь любимой уж нету со мной,
> В одиночестве я мухоморы коплю…

—и так далее, включая мак и финальный «чайник вина».

И наконец, последняя ассоциация. Один мой знакомый получил пятнадцать лет назад прозвище «чайник» в честь карандаша, на котором было написано «made in China» — «мэйд ин Чайна». Иными словами, чайник напрямую связан с Китаем.

Перечисленные компоненты в сумме дают образ, близкий к тому, что стоит за словом «чайник». Изобретательный, как Эдиссон, и безумный, как пациент психбольницы; дорвавшийся до изменяющих сознание компьютеров и вконец от них одуревший; многочисленный, как население КНР, и столь же непознаваемый для европейского ума, он триумфально высится в центре компьютерного мира, вытесняя на периферию профессионалов и хакеров. Будущее принадлежит ему. На смену каждому сгинувшему — обучившемуся — чайнику приходят двое новых, вооруженных, наподобие цитатника Мао, книжкой Фигурнова и серией»… для чайников». Лучшие умы работают на него, придумывая все более простые интерфейсы и развивая все более разветвленные службы поддержки. Это только кажется, что чайник боится компьютера — на самом деле он уже диктует условия. Только WYSIWYG, что увидишь, то и получишь; никакого транслита и многоступенчатых меню. Все доступно с десктопа. Романтическая эпоха «Бури и натиска» подходит к концу. Хлопанье крышки и победный свисток носика возвещают пришествие новой эры.

По большому счету, это правильно; это и есть демократия. Вершинные изделия человеческого ума должны принадлежать всем — персональный компьютер сделал с кибернетикой то же, что караоке — с поп-музыкой. Каждый может быть творцом; спеть

песню в караоке-баре и создать интернет-страницу во FrontPage.

Как чувствует себя чайник в этом прекрасном новом мире? Он не ответит, он слишком занят — два указательных пальца целятся в клавиши, глаза лихорадочно блестят.

Впрочем, за него нам много лет назад уже ответили.

Он чувствует себя хорошо. Спасибо.

Забавно отметить, что главный герой — Леня — живо откликнулся на эту статью, написав мне письмо из Бостона. До сих пор мы с ним иногда обмениваемся весточками, вспоминая давнее время. В глубине души, я думаю, из него получился бы хороший веб-обозреватель или онлайн-колумнист, родись он лет на тридцать позже. А так получился просто хороший и остроумный человек. Что тоже, как подумаешь, немало.

5. Академия им. Эдиты Пьехи

«Интернет. ру», февраль 2000 г.

Слово «академия» имело в СССР немного иной статус, нежели на Западе. Возможно, это связано с тем особым положением, которое занимали в советской науке академики, этакие генералы от науки (не случайна, думается, здесь параллель академика Сахарова и генерала Григоренко… не могу припомнить никого из диссидентов, чья фамилия столь упорно сочеталась бы с выданным соввластью титулом). Академий, впрочем, было несколько, но все они были наперечет («Большая» Академия наук, национальные академии и академии, так сказать, отраслевые, главная — педагогических наук). С перестройкой воцарился хаос, и академии стали плодиться, как кролики на ферме в Кентукки.

Учитывая это, остается лишь удивляться, что так долго обходилось без Интернет-академии. Появление Российской Интернет-академии (РАИ) всколыхнуло Интернет сообщество. Читатели Internet.ru, вероятно, помнят первую реакцию на помпезное шоу и академиков Газманова с Башметом. На волне негодования на листе периодических Интернет-изданий ЕЖЕ была создана Всероссийская Интернет-академия(ВИА), состоящая из победителей Интернет-конкурсов. После того как РАИ в свою очередь провела доприем членов, две академии стали изрядно пересекаться, что, вероятно, должно гарантировать добрососедские отношения между этими двумя организациями рунетовской «элиты».

Но среди «элиты» были люди, наотрез отказавшиеся входить в любую из академий.

Так, один из старожилов Рунета, создатель РОМАНа и «Бессрочной ссылки» Роман Лейбов утверждал, что Интернет — самодостаточная система, она не нуждается в совершенствовании и консолидации усилий, разве что в ограждении от регуляторов. Этому могут послужить только организации типа EFF, тогда как все академии по природе своей корпоративны и заведомо работают в противоположном направлении. В Интернете, по Лейбову, нет и быть не может элиты, заслуг и степеней. Они могут быть только в отдельных областях — в нет- арте, в сетевом дизайне, даже, скажем, в администрировании серверов. Но не вообще в Интернете, представляющем из себя объединение временами пересекающихся мини- коммьюнити, от посетителей чата «Кроватка» и до крупных контент-провайдеров типа ФЭПа или Port.ru. Внутри «Кроватки» тоже есть своя элита — и совершенно непонятно, чем одна элита элитней другой.

Однако вскоре от атак на идею академии, как таковой, Лейбов перешел к прямым действиям. Действия эти в высшей степени характерны для традиций интернет-полемики, оставшихся еще с юзнетовских времен. Вместо того чтобы наскакивать на РАИ/ВИА, Лейбов поступил проще: он создал еще одну академию, названную им Вокально-Инструментально-Аналитическая Интернет-академия «Поющие сердца» им. Эдиты Пьехи (сокращенно ВИА «Поющие сердца» им. Эдиты Пьехи). Как у всякой академии, у нее есть свой сайт, свой устав («1. Настоящий устав состоит из 13 пунктов. 2. Вторым пунктом настоящего устава является данный пункт») и внушительный список академиков, в число которых входят не только известные сетевые деятели типа членов всех академий Антона Носика, Антона Никитина или Анатолия Левенчука, но и огромное количество персонажей типа Ганнибала Лектора («заведующий хладильным сектором»), В.И. Чапаева (академик по военной части) или Марии Кошман (полное имя кошки Лейбова Мурки). Мои любимые академики — Кукуц и Мукуц, герои зоофильских стихов уральского поэта Берникова:

> Кукуц и Мукуц поймали ежа.
> Сгинул зверек в глубине гаража.

Создав свою ВИА, Лейбов тут же стал настаивать на ее равноправии с уже существующими Интернет-академиями, требуя, к примеру, места в жюри конкурса РОТОР++ и так далее. В самом деле — чем она хуже других: точно так же создана инициативной группой, и в нее входят известные в Интернете люди. ВИА им. Эдиты Пьехи оказалась лучшей иллюстрацией к

тезису о несуществовании интернет-элиты, или, точнее, о множественности этих элит. Каждой из них надо бы выдать по академии — и, когда количество академий перевалит за сотню, девальвация самого слова будет полной.

В Интернете лучший способ борьбы с сигналом — создание такого уровня шума, чтобы сигнал потерялся. Будь я Центризбиркомом РФ, в ответ на elections.com Глеба Павловского создал бы еще два десятка фальшивых exit polls (часть из которых Павловским бы и подписал), полностью дискредитировав идею брать оперативную социологическую информацию из Интернета.

Впрочем, пример с академиями показывает, что нет нужды самому создавать двойников: достаточно просто кинуть клич. Теперь академии множатся без участия Лейбова: на днях стало известно о создании Сосисочной Интернет-академии.

История создания академий Интернета достаточно подробно рассказана выше. В настоящий момент ни одна не функционирует — в 2004 году даже отменили ежегодную премию, вручаемую самой первой академией. Можно сказать, что Лейбов был прав: Интернету академий не нужно. А можно сказать, что не прав: стоило ли разваливать то, что благополучно само развалится?

6. Киллер

«Птюч», январь 2001 г.

Предложение

Работа в Интернете имеет свои преимущества. Одно из них — обратная связь.

Читатели пишут письма, спрашивают совета и делают разные предложения.

Об одном из них мне и хотелось бы рассказать.

Автор письма, отправленного с бесплатного — и потому фактически анонимного — почтового сервера, писал, что является моим давним поклонником и хотел бы мне сделать несколько необычный подарок Письмо было подписано «Джеф»: помню, я еще подумал о самодельном стимуляторе времен моей юности. Джефу бы хотелось, чтобы это был сюрприз, и потому он не желает раскрывать карты раньше времени. Он предложил увидеться как-нибудь вечерком в real life.

Мы договорились встретиться у памятника Грибоедову. В осенних сумерках я пришел на место свидания, обуреваемый смутным беспокойством: в последний момент я вспомнил, что

забыл выяснить у своего читателя, как он выглядит. Утешало, что он мог узнать меня по фотографиям, изредка печатающимся в разных журналах и на сайтах.

У памятника было неожиданно пусто. На скамейке спала старушка бомжеватого вида. Увлеченная друг другом парочка целовалась по соседству. Солидная машина была припаркована едва ли не поперек трамвайных путей. Обойдя ее я еще раз огляделся: никого. И когда я уже начал раздумывать, не розыгрыш ли это, меня окликнули.

Неприятный, слишком жесткий мужской голос назвал меня по имени. Я обернулся. От машины в мою сторону шел человек.

Какая машина? Я плохо разбираюсь в марках, но это был не фольклорный шестисотый и не джип, в котором мог бы ездить человек, вышедший мне навстречу. Как он выглядел? Высокий, выше меня на голову, крупный, коротко стриженный. Неброско, но очень дорого одетый. Одним словом, его машина представляла собой нечто среднее между джипом и мерседесом, а сам он напоминал быка, решившего стать светским человеком и преуспевшего… или, может быть, светского человека, решившего по какому-то капризу сменить имидж, но в последний момент передумавшего.

— Сергей? — повторил он.

Я кивнул.

— Давайте пройдемся, — и он сделал почти незаметный жест машине, которая тронулась с места и медленно повернула налево — в сторону кинотеатра «Ролан», ресторана «Ностальжи» и клуба «О.Г.И.» — одним словом, параллельно тому маршруту, которым шли по бульвару мы. Я почему-то представил, что Джеф предложит мне сесть в машину, где меня будет ждать не то длинноногая блондинка, не то — высыпанный на кожу сиденья бархан кокаина. «Придется, видимо, отказаться», — подумал я. Надо вам сказать, что к блондинкам я равнодушен.

Но Джеф сказал:

— Я вот читаю ваши статьи… вы ведь любите всякого там Джона Ву, Леона-киллера, Тарантино, в конце концов?

— Ну, — словно оправдываясь, сказал я, — их, собственно, все любят.

— Но вы хорошо пишете, — сказал Джеф тоном, обсуждения не предполагающим, — и потому я хочу сделать вам подарок. — Выдержав паузу, он продолжил: — Дело в том, что в одном городе, не в Москве, должны убить одного человека… и, если вам это интересно, я хотел бы вам предложить… — Он неопределенно махнул рукой и, словно упреждая мои слова, продолжил: — Все будет подготовлено, вам нужно будет только нанести последний

штрих. Никто из исполнителей вас не знает и никогда больше не увидит, так что все абсолютно безопасно.

«Наверное, на блондинку я бы все-таки согласился» — подумал я, а Джеф — названный, как я теперь понял, в честь героя «Киллера» Джона Ву — сказал:

— Просто вы столько писали про смерть и убийства, что я подумал — вам может быть интересно. Поймите меня правильно, — пояснил он, — у меня, вообще-то, есть люди для таких акций… так что это именно подарок. И кстати, — вдруг вспомнил он, — если вас волнует этическая сторона дела, могу дать вам почитать досье на этого человека.

— Спасибо, Джеф, — сказал я, — но, видимо, я все-таки откажусь. Понимаете, я не хочу вас обидеть *(да что там не хочу! я чудовищно боялся его обидеть!)*, но я предпочитаю решать подобные проблемы на, так сказать, символическом уровне. Вы понимаете — кино, фантазмы, галлюциноз…

Он кивнул.

— А в реальной жизни, — продолжил я, — предпочту оставить это профессионалам. К тому же, — прибавил я, — карма и все такое…

Мы уже дошли до «Белого лебедя», где много лет назад находилось индийское кафе «Джелторанг».

— Ну, как хотите, — сказал мне Джеф, — мое дело предложить. Вы понимаете, я из лучших…

— Да, конечно, — кивнул я. Машина уже стояла наготове.

— Ну, что же, удач вам, — сказал он, — буду вас читать и дальше, — и протянул мне руку.

Пожатие было крепким — ровно в меру, без пережима, словно он точно рассчитал мою силу и счел возможным превысить ее на едва ощутимую величину.

Через минуту машина растворилась в сгустившихся сумерках, а я остался размышлять, не был ли это розыгрыш и что встречи виртуальных знакомых всегда чем-то похожи: все боятся друг друга обидеть и стремятся быть подчеркнуто деликатными.

Полгода я не вспоминал о Джефе, но месяц назад получил от него письмо. Как всегда, подчеркнуто вежливо, он писал, что, как ему известно, скоро состоится чат с датским режиссером Ларсом фон Триером, автором «Идиотов» и «Танцующей во тьме». Опасаясь неразберихи, туда допускали только журналистов. Джеф попросил меня задать один вопрос — мол, именно мнение фон Триера было бы ему особо интересно, «куда больше мнения столь любимого Вами Джона Ву».

По его просьбе, я спросил великого датчанина:

— Скажите, Ларс, какая версия загробной жизни кажется вам

наиболее интересной и убедительной?

И фон Триер ответил, словно обращаясь через мою голову к Джефу, читающему в этот момент наши вопросы и ответы на экране своего плазменного монитора:

— Все, что мы знаем об аде, базируется на опыте нашей жизни. Поэтому после смерти может быть только лучше. Здесь же, глядя в окно, я вижу растения и животных, одержимых одним желанием — убить кого-нибудь… что за игра!

Как ни странно, в этой истории далеко не все вымысел. Во-первых, на он-лайновой пресс-конференции я в самом деле задал фон Триеру вопрос и получил процитированный ответ, а во-вторых, — предложение насчет далекого города и очень плохого человека действительно было мне сделано, хотя и в несколько других обстоятельствах.

7. Миниатюризация

Потому что — миниатюризация. Сведение к формуле. Иероглиф. Знак. Компьютерные эти… как их. Ну, когда все — мозг. Чем меньше, тем больше мозг. Из силикона

(Иосиф Бродский. «Мрамор»)

Миниатюризация, или Почему падает NASDAQ?

«НасНет», январь 2001 г.

С моей американской подругой мы как-то обсуждали культурные последствия миниатюризации. В качестве феминистского теоретика она выдвинула прекрасную теорию.

Но перед тем как перейти к ее изложению, хотелось бы напомнить, что в различных версиях теоретического психоанализа — начиная, как минимум, от Лакана — большое внимание уделяется фаллосу, то есть члену в его символическом измерении. Мужчины, конкурируя в любой области, на самом деле всего лишь спорят о том, чей фаллос длиннее и больше в диаметре. Речь, повторю, идет о члене как метафоре, а не о реальном сексуальном органе. Больше денег, больше женщин, больше написанных статей и положительных рецензий — все это формы одного и того же. Да что нам Лакан! Вот проницательный

Довлатов писал, даже используя все то же малоупотребительное слово на букву «ф»:

У любого животного есть сексуальные признаки. (Это помимо органов.) У рыб-самцов — какие-то чешуйки на брюхе. У насекомых — детали окраски. У обезьян — чудовищные мозоли на заду. У петуха, допустим, — хвост. Вот и приглядываешься к окружающим мужчинам — а где твой хвост? И без труда этот хвост обнаруживаешь. У одного — это деньги. У другого — юмор. У третьего — учтивость, такт. У четвертого — приятная внешность. У пятого — душа. И лишь у самых беззаботных — просто фаллос. Член как таковой («Соло на ундервуде»).

В силу вышеизложенного считается, что зацикленность европейской культуры на количественном и идея «чем больше, тем лучше» есть результат фаллоцентризма, то есть примата мужского начала. И потому, развивала теорию моя приятельница, момент, когда люди начали конкурировать, у кого мобильник меньше, — поворотный момент в истории культуры. Потому что установка «чем больше, тем лучше» оказалась подорвана. И мою подругу, как феминистку и лесбиянку, это не может не радовать.

Разговор происходил в сан-францисском районе Mission, где как раз и тусуются такие девушки. Надо сказать, только в Сан-Франциско «розовой» культуре удалось создать себе настоящий заповедник. Уже по приезде в Москву другая моя подруга, Катя Вергилесова, высказала предположение, что Сан-Франциско стал таким местом не случайно: рядом как раз Силиконовая долина — а значит, миниатюризация, а значит, ниспровержение фаллоцентризма с его «чем больше, тем лучше».

Но правда ли, что хай-тек в самом деле атакует этот принцип? Размер — да, размер имеет значение — а тактовая частота? Она-то по-прежнему — чем больше, тем лучше! Опять же всякие платы памяти, объемы жестких дисков и так далее. До недавнего времени стабильно уменьшались две вещи: цены на комплектующие и размеры устройств. Но с недавних пор еще один параметр, имеющий отношение к хай-теку, тоже стал стремительно уменьшаться. Это пресловутый индекс NASDAQ. И неудивительно — назвался груздем, полезай в кузов. Если уж сказал: «Чем меньше, тем лучше», — то и деться тебе уже некуда.

Так что, может, черт с ним, с фаллоцентризмом, пусть себе растет NASDAQ-то?

Взлет и падение NASDAQ было важным событием не только в Америке, но и в России. Неожиданно появились инвесторы, дававшие сотни тысяч долларов людям, которые привыкли иметь дело с десятками тысяч. Можно сказать, что короткая эпоха сетевого бума в Рунете примерно соответствует той золотой поре

первоначального накопления, когда новые русские еще носили малиновые пиджаки. В Сети эта эпоха закончилась сравнительно быстро и безболезненно: важным отличием Рунета от Ру-бизнеса было то, что бандитов в этой индустрии реально не встречалось. Для несостоявшейся книжки по истории русского Интернета мы с Демой и Гагиным с трудом наскребли фактов на страницу, которую хотели назвать «Без бандитов». Тогда же Дема объяснял, почему так произошла мол, в Рунете не было чиновников, перераспределяющих собственность, потому и бандитов не было. Кажется, он даже говорил, что эту концепцию позаимствовал у Бориса Березовского, чьим ближайшим сотрудником и являлся.

Березовский, кстати, несказанно порадовал всех нас, сообщив в интервью журналу «Афиша», что Дема — «молодой поэт Кудрявцев» — его учитель, у которого он научился любить поэзию Бродского и многому другому.

Бродский всплывает в этой главке с завидным постоянством, и не остается ничего другого, как рассказать про акцию «Похороны Бродского», организованную в свое время в Питере контркультурщиком нового поколения, неким Сумерком Богов. Через несколько лет я так описал эту историю для журнала «Playboy»:

Многие считают, что сетяне в реальной жизни друг с другом не встречаются. Вовсе нет — они, как и все нормальные люди, любят выпить, потанцевать, еще выпить, еще потанцевать… а дальше — как получится. Так что обычно вечеринки, где встречаются члены «сетевого сообщества», ничем не отличаются от всех остальных.

Бывают, однако, исключения. Так, однажды представитель молодого поколения сетевых контркультурщиков, известный под именем Сумерк Богов, организовал на Васильевском острове виртуальные похороны известного поэта Иосифа Бродского (который, как известно, однажды сказал, что придет умирать именно туда, но умер пять лет назад в Нью- Йорке). На роль Бродского был выбран бомж из распивочной, а участники акции (в числе которых — не только живые люди, но и пластилиновые фигурки, представлявшие некоторых авторов журнала «Playboy») распили с «Бродским» бутылку чудовищной бормотухи и убили его — морально. Смысл акции предполагался таким: в том, что лавры старой русской культуры (последним великим представителем которой считается Бродский) переходят к молодой сетевой шпане.

Мораль: уж не знаю, при чем тут Бродский, но мало кто способен организовать такое изобретательное времяпрепровождение: лепить фигурки и пить с бомжом по

заранее намеченному сценарию. Браво, Сумерк!

8. Что делает супница за завтраком?

От картины до старых новостей

«НасНет», июль 2001 г.

Чтобы не слишком завышать планку, начну с текста вообще не моего. Это — вкладка к выпущенному Третьяковской галереей паззлу. И я прошу читателя прочесть ее до конца, несмотря на очевидное желание ее пролистнуть.

Текст озаглавлен так:

СЕРЕБРЯКОВА Зинаида Евгениевна (1884–1967)

За завтраком (1914 г.)

(фрагмент)

Картина, прошу отметить, выбрана с умом. Например, Google о ее существовании вообще не догадывается, равно как и «Яндекс». Впрочем, один выдает вот такую ссылку, а другой — такую. Из любви к Носику попробуем поискать «Рамблером» — и находим ничего.

Итак, картинки не будет. Описывать ее словами я не стану, чтобы не вступать в конкуренцию с анонимным автором аннотации. Пусть читатель пришпорит свою фантазию и постарается догадаться, что там нарисовано. Или сходит в Третьяковку, в конце концов.

Потому вернемся к тексту.

Создать детский портрет — трудная для художника задача. Ребенок обычно не может долго сидеть на одном месте, его настроение быстро меняется, и портретисту нужно мгновенно схватить самые неожиданные выражения лица, позу, настроение. Одним из лучших произведений в жанре детского портрета стала картина «За завтраком». У Зинаиды Серебряковой, автора этого произведения, было четверо детей: Женя, Шура, Таня и Катя. Как и многие другие работы Серебряковой, это не просто портрет, а портрет-картина. Художница написала своих детей, сидящих за

столом в ожидании еды. А почему работа называется «За завтраком», ведь если на столе находится супница, то это уже обед? В семье придерживались французского режима: в 8 утра — маленький завтрак — булочка и молоко, а в 12 часов — большой завтрак, как наш обед.

Заметим, как сервирован стол. Это не милая сердцу клеенка, а белоснежная скатерть. Наверное, и фарфоровая супница — не ежедневный гость на сегодняшних обедах. А ведь ее присутствие более красиво, чем кастрюля, поставленная прямо на стол. Эти предметы и еда на столе — все рассказывает о жизни спокойной, размеренной, без затей, такой, какую сегодня называют «здоровым образом жизни».

А кем стали все эти дети (и Катя, которая была слишком мала в момент написания картины и поэтому не сидит за столом)? Женя стал архитектором, все остальные — художниками. Правда, Таня сначала собиралась быть балериной и даже училась в балетной школе в Петрограде. Но случилась неприятность: она сломала ногу и после выздоровления танцевать уже не могла. Таня начала заниматься живописью и, спустя годы, стала известным художником-декоратором в Московском художественном театре.

Вот и все, дорогой читатель. Не правда ли, очень интересно обнаружить такой текст на обороте паззла?

Когда-то я написал, что именно такие жанры — объявления в газете, тексты на обороте, реклама на пакете молока (вы помните англичанина Томаса Пара?[31]) — это и есть прообраз Интернета. Злые языки говорят — информационный мусор. Кто-то жалуется на отсутствие иерархии и предлагает ее — иерархию — любой ценой создать. А я вернусь к искусствоведческому эссе про Серебрякову — потому что если иерархии нет, то все равно, о чем писать.

Так не говорил Ролан Барт.

Но, вероятно, так он думал.

Итак, если присмотреться, мы видим, что на самом деле это вовсе никакое не искусствоведение: в тексте нет ни слова о картине как объекте искусства. Скорее, можно подумать, что речь идет о фотографии: кто изображен, что стоит на столе, что это значит и что было потом. Речь даже не идет о столь излюбленном критиками старой формации «настроении»: так, фраза «дети, сидящие за столом в ожидании еды», очевидно, вызывает у читателя образ голодных детей — тогда как дети, изображенные на картине, во-первых, не голодные, а во-вторых, вообще не ждут еды: один мальчик ест, другой рассматривает стакан, а девочка смотрит куда угодно, только не в сторону, откуда к ней спустится

тарелка. Можно гадать, почему двое из троих детей так настороженно смотрят на зрителя, но поворот в эту сторону был бы нечестен по отношению к читателю, который картины не видел. И потому вернемся к тексту.

Текст неявно предполагает, что главное в картине — ее связь с реальностью. Неявно предполагается, что изображенная сцена имела место в действительности и что семья художницы действительно вела «жизнь спокойную, размеренную, без затей, такую, какую сегодня называют «здоровым образом жизни». Эпизод завтрака — одно из череды событий, среди которых найдется место и Таниной травме, и будущей успешной работе, и многому другому.

Автор текста видит не картину, а фото в семейном альбоме. Не здесь-и-сейчас, которое занимало Серебрякову, а часть диахронической анфилады эпизодов. И принадлежность утра за белой скатертью течению времени для него (для нее?) важнее всего прочего.

То же самое происходит и с Интернетом. Любой документ — особенно старый — существует как бы в двух модусах: с одной стороны, он предваряет собой множество других документов, написанных позже, а с другой — отличается от них, вызывая вопросы типа «если это завтрак, то почему суп?», то есть, скажем, «а при чем тут голубая ленточка?».

Скажем, идешь по ссылке и за 4 октября 1997 года видишь заметку Настика Грызуновой, в которой она анонсирует новую форму для ИнтерНовостей. Читая сами новые ИнтерНовости, каковых вышло всего два выпуска (4 октября 1997 и 16 января 1998 г.), задаешься разными вопросами. Ну, например, Настик пишет:

> Практически все домены. ru, делегированные за последние две недели (из тех, которые уже имеют какой-никакой контент), принадлежат коммерческим фирмам. Например, занимающимся поставкой реактивов. Или какому-нибудь «Норильскому никелю». Исключение составил только www.billiard.ru, да и то — «Русской пирамиде» только имя придумали, а существует она уже очень давно.

И что? Что это значит? Точнее, что значило это в 1997 году? Я тогда уже тут был и, хоть убей, не могу понять. Виделся ли в том, что домены делегируются коммерческим фирмам, признак скорого удушения утопии коммерцией? Или — нечистоплотности РосНИИРОС? И что делает супница за завтраком?

Впрочем, очевидно, что это красивее кастрюли, поставленной

прямо на стол.

Дальше читаем:

> 16 октября 1997 г. Государственная дума признала глобальную сеть Интернет.
>
> Согласно информации, любезно предоставленной депутатом Государственной думы Ириной Хакамадой, 16 октября впервые в постановлении, принятом Государственной думой, появилось упоминание о глобальной сети Интернет. Создана специальная Комиссия по контролю за информационным представлением Государственной думы в глобальной сети Интернет. «Историческое» постановление заслуживает того, чтобы с ним познакомиться, но еще большего внимания, видимо, заслуживает проект федерального закона о внесении изменений и дополнений в закон о средствах массовой информации, недавно подготовленный депутатами- членами Комитета по связи и информационной политике совместно с депутатом Шенкаревым О.А., где, в частности, предполагается распространение понятия «средства массовой информации» на электронные и компьютерные источники со всеми вытекающими отсюда последствиями…

И тут мы можем сказать, что упомянутая в тексте Ирина Хакамада впоследствии вошла в СПС, которое выступало заказчиком Глеба Павловского, который как раз в этот момент перекупал Женю Горного у того самого Zhurnal.ru, который мы и читаем теперь.

А Настик Грызунова и дальше занималась новостями и, спустя годы, стала самым знаменитым Интернет-обозревателем в «Русском журнале» и других изданиях.

Один из последних текстов, написанных для «НасНет», сделан в рамках «давайте, наконец, я сделаю то, что собирался сделать последний год». Точно помню, что паззл с картиной Серебряковой лежал у меня на столе очень долго, и я все никак не мог собраться написать про него. Ну вот, случилось, наконец.

Последующие тексты были написаны для журнала «Жалюз» в 2002–2003 годах. Каждый номер этого журнала посвящен тому или иному понятию — и эти эссе служили наполнением полосы про Интернет. Названия соответственно повторяют тему номера — чтобы проще было понять, к чему это я. Датировать их не представляется возможным — да, собственно, и не нужно: они вполне вневременные.

9. Сны

Наша жизнь есть Интернет

До того как появился Интернет, слова «виртуальная реальность» обычно относили к снам и галлюцинациям. Поэтому нет ничего удивительного, что с самого своего рождения Сеть чувствовала какое-то родство с миром сновидений. Возможно, поэтому в англоязычной части Паутины не сосчитать сайтов, посвященных снам — их толкованию, пересказыванию, архивированию и так далее. В русской же части Интернета все началось спроекта» Онейрократия»(http://www.zhur-nal.ru/ oneirocratia/), бывшегочастью легендарного Zhurnal.ru — первого полноценного онлайн-журнала в Рунете. Главным разделом «Онейрократии», созданной мифическим Мирзой Бабаевым, является библиотека сновидений, пополняемая читателями. Благодаря тому, что пять лет назад, когда возник этот «сновидческий сервер», людей в Сети было мало, а последние годы «Онейрократия» себя не рекламирует, библиотека не превратилась в сливную яму снов типа «мне снилось, что я сплю с Моникой Белуччи (Земфирой, Алсу, Пьером и Жилем)», а представляет собой по-настоящему увлекательное чтение. Там, в частности, напечатан один из моих любимых снов:

Снится мне, что все языки вымерли и вместо них остались только профессиональные жаргоны. На дворе март. Мы идем вдвоем с таким старообразным чеховским доктором, в шубе, в пенсне с золотой оправой. Невдалеке дворник ломом колет подтаявший лед, чистит грязь и посыпает все песком. Доктор, поворачиваясь ко мне и блестя пенсне, говорит многозначительно: «Колит. Цистит. Сыпь».[32]

Девиз «Онейрократии» отражал общий эзотерический настрой раннего Рунета и гласил:

«Сновидение — путь к пробуждению». Как память о тех временах можно найти сайты, посвященные методике сталкинга — управления своими сновидениями по Карлосу Кастанеде(смотри, например, на сайте с выразительным названием http://www.necromancers.com/) или рассуждениями о магии сна(http://www.ad- store.com/magic/son/).

Однако со временем эзотерики в Сети становилось все меньше, а новые пользователи настойчиво подсказывали, что Интернет имеет отношение скорее к отдыху, чем к тайному знанию или откровению. И потому Интернет все чаще описывали не через метафору сна, а через метафору релаксации. Как грибы

после дождя, полезли «развлекательные порталы» и «серверы анекдотов». Содержимое этих порталов было столь неоригинальным, что их трудно было различить: юмор, картинки, музыка и, конечно, мода. Попадая на их виртуальные страницы, читатель увязал, словно муха в паутине, — время тянулось долго, как во сне. Возможно, поэтому на сайте «Сарафан» (www.sarafan.ru) портала «Много. ру» (www.mnogo.ru) рассказы о московской клубной жизни называют «Снами»: так их и нумеруют — первый, второй, третий…

Впрочем, эти сны — не настоящие и, скорее, напоминают о баннерах с красотками, обещающими вам «исполнение всех ваших снов» и зазывающих на очередные порносайты, которые, кстати, можно считать сетевым аналогом эротических снов. Адресов давать, конечно, не имеет смысла: уж интимные-то сны у каждого должны быть личные — зачем же ссылками делиться?

О настоящих снах можно поговорить в чатах (причем об эротических снах можно беседовать вовсе не только в эротических чатах). Некоторые пользователи чрезвычайно модного в последний год в Рунете «Живого журнала» (www.livejournal.com) любят рассказывать в своих дневниках сны, спрашивая друзей, «Что бы это значило?». Однако для тех, кого ответ волнует по-настоящему, есть специальный сервер — «Сонник» (www.sonnik.ru), где даны трактовки на все случаи жизни.

Трактовки эти, впрочем, иногда обескураживают. Например, там сказано:

> Если Вам приснилось, что Вы занимаетесь контрабандой наркотиков, то в скором времени Вы совершите честный поступок, который чрезвычайно поднимет Вас в глазах окружающих.

Вероятно, это надо понимать как намек: мол, Интернет — все тот же наркотик. Впрочем, мой многолетний опыт жизни в Сети подсказывает, что Сеть больше похожа на сон, от которого нет сил проснуться. Происходящее в этом сне может быть весьма отдаленно связано с реальной жизнью. И потому не следует верить всему, что видишь на экране монитора. Но выключать его так же глупо, как вовсе отказаться от сна.

10. Белый

(color = «#ffffff»)

Вынесенная в заголовок абракадабра — код белого цвета, используемый при верстке интернет-страниц. 000000 — черный, c000ff — фиолетовый, ffffff — белый. И так — 512 раз. Однако до того, как Интернету понадобилось так много цветов, их было всего два — черный и зеленый. Любой, кто ходил в Сеть десять лет назад, знает это не хуже зрителя «Матрицы», где — в память о героических временах — титры сделаны именно так: зеленым по черному.

В телевизоре и в кино, на страницах журналов и книг белый цвет был всегда. Слово «цветной» означало «не только белый и черный». В Интернете «цветной» означало «не только черный и зеленый». В эпоху Интернета как набора букв и цифр белый цвет казался излишеством — и картинки тоже, не говоря о музыке. Но именно с таких излишеств и начался Интернет, который мы знаем сегодня: где нам важно не только что, но и как. Первый бантик, которым завязали шкуру мамонта, чтобы она не только грела, но и украшала, породил всю индустрию моды. А белый цвет породил веб-дизайн.

Белый цвет веб-страниц превращал их в подобие настоящих, бумажных, страниц журналов и книг. Не случайно самый знаменитый русский веб-дизайнер Артемий (Тема) Лебедев так любил в середине девяностых минималистское оформление: черно-белые картинки на белом фоне. Они словно возвращали Интернет к детским годам массмедиа, к средневековым рукописям и книгам Гутенберга.

Стараниями Темы Лебедева веб-дизайнеры заняли в русском Интернете странно-почетное место. Профессия эта, считающаяся в Америке, скорее, прикладной, в России девяностых была модной. До сих пор на многих страницах Рунета внизу красуется копирайт веб-дизайнера — на английских, французских или китайских сайтах вы почти никогда такого не увидите. Западный веб-дизайнер анонимен; российский ставит свою подпись с уверенностью художника. В данном случае «особый путь» можно только приветствовать — кто-то должен был первым догадаться писать на книгах имя художника, на лейблах — имя дома моды, а на веб-страницах — имя веб-дизайнера. Давайте считать, что этими первыми были мы.

Возможно, всему виной белый цвет — традиционный цвет русских снегов. Буквы на белой странице — как следы на снегу. Человек, выросший в стране, где зима длится полгода, по определению должен быть особо чуток к тому, кто заметает страницы белым, словно Дед Мороз — поля снегом.

Белые следы не видны на белом, и потому один из старых интернетовских трюков — писать буквами того же цвета, что и

фон. Тогда буквы не видны читателю, их обнаруживает только робот, обходящий веб-страницы, чтобы занести их в базу поисковой машины. Невидимыми чернилами, как правило, пишут популярные поисковые слова: «секс, рефераты, анекдоты», — чтобы студенты, ищущие рефератов, клубнички и шуток, доверчиво шли на домашнюю страницу Васи Пупкина, где он рассказывает о своей любимой собаке и летнем отдыхе.

Но кто мешает предположить, что этими симпатическими чернилами написано что-то тайное, что белый фон веб-страниц скрывает секретные послания, раскрывающие нам Интернет и реальный мир? В фильме «Матрица» герою предлагались две таблетки: красная и синяя. Что было бы, выбери он белую, чистую как снег и включающую в себя все остальные цвета спектра? Какой реальный мир открылся бы ему тогда?

Мы так и не узнаем ответа на этот вопрос но, вероятно, не случайно по адресам www.belizna.rn и www. beloe.ru нет ровным счетом ничего.

Белый цвет — не только цвет чистоты. Он — цвет тайны, которая не имеет разгадки.

11. Шестидесятые

Ноев ковчег

Как любая модная вещь, Интернет порождает легенды. Одна из них, особенно популярная в России лет пять назад, гласит, что всемирная Сеть есть детище шестидесятников, бывших хиппи и левых активистов. Тезис этот казался столь очевидным, что даже не требовал доказательств. Сеть казалась воплощением радикальной мечты о всеобщем равенстве и едва ли не прорывом to the other side, о котором пел Джим Моррисон. Ко мне, моя крошка, зажги мой огонь и включи мой лэптоп.

Не было недостатка в примерах. Скажем, участник культовой группы The Grateful Dead Джон Перри Барлоу основал Фонд электронных рубежей — правозащитную организацию, которая борется за кибернезависимость. А кислотный гуру Тимоти Лири в последние годы пропагандировал Сеть с той же страстью, с какой в шестидесятые пропагандировал ЛСД. Более того, он даже транслировал в Сети свою смерть. Кроме того, Силиконовая долина — центр интернет-индустрии — находится поблизости от бывшего «красного Беркли» и как раз в тех местах, где жили Кен Кизи и его Проказники. Отсюда отправился в путешествие тот самый автобус, который «либо ты в автобусе, либо ты не в

автобусе». И именно здесь был самый центр интернет-бума конца девяностых.

Но постепенно стали возникать сомнения в том, что старые хиппи так спешат покинуть неэлектрифицированные коммуны для скорейшего подключения к оптоволоконным кабелям и освоения новой духовной техники — медитации на мигающие диоды модема. Возражали, что правозащитники защищают права всюду, где оказываются, и были бы рады объявить независимым любой клочок земли, воды и воздуха. Что Тимоти Лири и яппи восьмидесятых зачислял в продолжатели дела шестидесятников, а умер безо всякой помощи компьютера — как все нормальные люди. Что в Беркли при слове «Интернет» кривились и жаловались на дороговизну из-за наплыва богатых дот-комеров (от dot-com,com). Что работающие в Силиконовой долине китайцы, индусы и русские слыхом не слыхивали о Кене Кизи. В крайнем случае — видели фильм про гнездо кукушки.

При этом, конечно, шестидесятники в Интернете есть. Бывший берклийский активист Джон Кейдж стал одним из руководителей компании Sun. Куча его менее известных сверстников заняли менее ответственные посты. Вопрос только в том, что значит «шестидесятник». Если человек, который учился в университете сорок пять лет назад, то шестидесятников получается слишком много, и Интернет они заполняют просто по законам демографии. Если же иметь в виду только активистов и героев контркультуры, то миф об Интернете как о порождении шестидесятых оказывается именно мифом.

Вопросу «Какие такие шестидесятники?» вторит вопрос «Что такое Интернет?». Как известно, изначальная модель децентрализованной Сети была придумана скорее военными, чем» makelove notwar» пацифистами. Уже потом Интернет стал межуниверситетской сетью (а университеты, разумеется, оккупированы шестидесятниками), а после — сетью коммерческой, с магазинами, порталами и всем прочим. При этом «всего прочего» так много, что оно перевешивает — и мало-помалу Интернет превращается в любимое место контр-культурщиков: в свалку.

На этой свалке сложены идеи всех сортов и всех поколений. В том числе — прекраснодушные идеи шестидесятых о расовом, сексуальном и прочих равенствах — как, впрочем, и идеи о White Power, «убить жида» и прочей очистительной ненависти.

Интернет — не психоделический автобус Кена Кизи, а новый Ноев ковчег. Про него нельзя сказать «либо ты в Сети, либо ты не в Сети». Любое поколение найдет себя там.

12. Европа

Железный занавес, лоскутное одеяло и рыболовная сеть

Беседуя с европейцами, приятно рассказывать, что для России Интернет был дверцей в железном занавесе, том самом, который всегда представлялся мне подобием пожарного занавеса из старого хичкоковского фильма — металлической штукой, отделяющей сцену от зрительного зала и падающей сверху при пожаре. Вероятно, Запад отгораживал себя от на-горе-всем-буржуям раздутого на Востоке огня — но для нас, жителей Советского Союза, эта метафора оборачивалась другой стороной. Мы сидели в зрительном зале, и сцена была для нас закрыта. Что там происходило, можно было только догадываться — по еле слышным звукам, по смутным теням на железной изнанке занавеса (ни слова о платоновской пещере!). И в этом театре Европа представлялась в лучшем случае яркими огнями рампы (парижские кабаре, итальянские развалины), тогда как настоящим запретным зрелищем была Америка.

Потом занавес поднялся — или, точнее, рухнул. Перестройка примерно совпала с первыми электронными письмами, пересекшими границу, причем техническая возможность слать байты в Финляндию совпала с возможностью политической.

Итак, занавес рухнул, и тут случилось странное — Америка так и осталась зрелищем (теперь уже разрешенным, чтобы не сказать — усиленно навязываемым), тогда как Европа оказалась Вещью. Тем, что можно потрогать.

Мои сверстники ринулись в Европу, как вода обрушивается на мирно спящую долину после взрыва плотины, устроенного вредителями. Те, у кого были знакомые, ехали в гости; те, у кого было много денег, останавливались только в пятизвездочных отелях; те, у кого денег не было, ехали автостопом, а те, у кого их было совсем мало, тряслись в автобусах. Русский медведь последовал примеру олимпийского быка (www metamorphose-europe.com) — в девяностые годы не было такого туристского городка во всей Европе, где, стоя на улице, ты через пять минут не услышал бы родную речь.

Америку отделял океан. Еще в советские годы многим эмигрантам (brodsky.alfabank.ru) она казалась конечной точкой путешествия в капитализм. Так что не приходилось удивляться, что путь до нее не близок Для многих реальное знакомство началось только в середине десятилетия, когда биты и байты побежали по проводам и кабелям.

Иностранный Интернет до сих пор остается для многих прежде всего американским. Да, там больше всего пользователей; да, мы лучше знаем английский, чем немецкий или итальянский; да, Интернет вообще придумали в Америке — но все это не важно. Матрешки придумали в Японии, а гжель — в Голландии, что до языка — то из всего британского Интернета я захожу разве что на Би-би-си (www.bbc.co.uk) и последний год на Ананову (www.ananova.com), тогда как Yahoo! Google, IMDB, CNN и без счета иных любимых сайтов были и остаются американскими.

То, о чем мы подозревали с самого начала, оказалось правдой: Америка — место виртуальное, гиперреальное, телевизионное в восьмидесятые и интернетовское в девяностые. Европа — живой организм, реальная вещь, место, где можно побывать, что можно потрогать.

Объединение Европы (europa.eu.int) почти совпало с созданием Интернета, но было бы ошибкой описать эти два интеграционных процесса как родственные. Объединенные в Сеть серверы и собравшиеся в Европейский союз страны организованы совершенно по-разному.

Как все знают, изначальная идея (www.arpanet.org) архитектуры Интернета — сеть, сохраняющая связность при значительном повреждении. На это и купились в свое время пентагоновские военные — русская эй-бомб не могла одним ударом вывести из строя всю структуру. В Интернете не просто нет центра (его нет и в Объединенной Европе), — любой узел может быть удален без ущерба для остальных.

Европейское единство основано на уникальности каждого узла. Точнее, впрочем, было бы говорить не об узлах, а о лоскутках. Европейский килт не развалится, если вырвать один лоскут с корнем, — но из разрыва будет слишком ощутимо дуть. Так почти десять лет несет гарью из дыры на Балканах, образовавшейся не то расплатой за попытку перешить одеяло, слив две Германии в одну, не то — просто напоминанием о том, что война столь же необходима в уравновешенной картине универсума, как и мир.

Конечно, нарисованная выше картина (виртуальная Америка, реальная Европа) субъективна. Но в самой ее субъективности есть смысл. Очевидно, что для американца США — именно соединенные штаты, а не просто аббревиатура. Карта — то же самое лоскутное одеяло, в котором Калифорния похожа на Мичиган не больше, чем Греция на Англию. Оттуда тоже ничего не вырвешь, а виртуальности во всем этом не больше, чем в гамбургере, — с одной стороны, ясно что ты ешь рекламный продукт, но, с другой стороны, живот наполняется чем-то

реальным. Возможно, в этом причина падения NASDAQ (www.nasdaq.com) и кризиса Интернета: опомнившись от пятилетнего морока, материальные американцы отозвали свои деньги из виртуальной экономики. Вероятно, им виртуальной представляется Европа, хотя я не рискну забираться так далеко в чужую черепную коробку.

Противопоставляя материальную Европу виртуальной Америке и причисляя ее к реальности, мы, русские, неявно расписываемся в своем родстве с Европой. И для меня это веский довод, чтобы считать Россию частью этого великого культурного материка — где бы там ни проводили границы брюссельские теоретики и практики.

13. Тело

Электронное тело пою

Первые годы, когда бумажные газеты и журналы только начали писать об Интернете, было две главных темы, которые волновали журналистов, решивших написать о Сети: первая — это, конечно, хакеры, а вторая, разумеется, секс. С хакерами все понятно — где компьютер, там и хакер, а вот при чем тут секс? За долгие годы разговоров об Интернете, передач по телевидению и статей в желтых, и не только, газетах это осталось для меня загадкой. Ну да, есть порнография (хотя меньше, чем иногда кажется), есть онлайновый флирт, есть даже любители виртуальных занятий любовью, но вот секса как такового, в Сети нет и не было.

Потому что секс — это прежде всего история про тело (про тела), а телам нечего делать в альтернативной реальности киберпространства. Можно писать письма, обмениваться мессиджами по ICQ, комментировать записи в чужом «Живом журнале», вести эротические беседы в чате, колотить одной рукой по клавиатуре, засунув вторую куда-то под стол, но потрогать, погладить, укусить и поцеловать онлайн невозможно. Потому что, как ни крути, написать «я тебя целую» и даже «я тебя страстно целую» — совсем не то, что поцеловать, и тем более — поцеловать страстно.

В Интернете не может быть секса, только виртуальный секс; не может быть тела — только виртуальные тела. Иногда их описывают, иногда прилагают фотографии, иногда их даже можно изобразить в трехмерном эмуляторе реальности; тогда их называют восточным термином «аватары».

Впрочем, как правило, партнеры обходятся вовсе без тел — для общения достаточно имен.

Потому что идея виртуальности — идея отказа от тела. В этом смысле виртуальность — это последняя точка в долгом маршруте, на котором остановки размечены пластической хирургией, бодибилдингом, тату, пирсингом, изменениями пола, фильмами Кроненберга и безумными художниками, прилюдно отрезающими себе части тела. Человеческое тело — человеческое, слишком человеческое — это нечто, что должно быть изменено, улучшено, трансформировано. В конечном счете — уничтожено. Тогда, лишенные несовершенства наших тел с их липкими выделениями, непрочными тканями, хрупкими костями и гниющими внутренностями, мы станем как ангелы. Как боги.

Это — изначальная эротическая утопия Интернета. Бесплотные, как души, пользователи Сети сетей, сливающиеся воедино в алхимически-электронном оргазме взаиморастворения. Будь ты прыщавый подросток, слабосильный старик, разжиревшая домохозяйка — в Сети никто не узнает, кто ты есть. Потому что тебя там на самом деле нет. Ты — это твое тело, а оно может существовать только по эту сторону монитора.

Всякая утопия таит в себе зародыш собственной гибели: желая отказаться от своего тела, мы в то же время желаем обладать чужим. И потому редкому сетевому Казанове удается сдержаться и не спросить телефон, не договориться о встрече. О встрече, которая все разрушит, потому что реальное тело человека никогда не совпадает с его воображаемым телом. Придя на свидание, ты увидишь совсем другого человека, чем представлял себе раньше. С таким же успехом можно было знакомиться в метро.

Сотни (тысячи?) браков, заключенных после онлайн-знакомства, и миллионы (миллиарды) половых актов, совершенных в реальной жизни как продолжение виртуального секса, ничего не доказывают. Например, мой ближайший друг познакомился со своей женой в автобусе.

Пройдут годы. Та, которую ты раньше знал только по никнэйму, обзаведется не только именем-отчеством, но и детьми. Если повезет — общими. Спустя вечность, лежа ночью рядом, вспомнишь ее такой, какой ты ее когда-то видел и какой она никогда не была. И тебе станет жаль утраченного виртуального тела, которого никогда не существовало.

14. Десять

Паутине — 10 лет

Он получает тонну спама ежедневно. Газетчики осаждают его просьбами об интервью. Школьники со всей Америки норовят задать ему пару вопросов, чтобы украсить свой проект цитатой из живого классика. Сумасшедшие всех мастей, одержимые идеями, «способными-изменить-мир», пишут ему так же упорно. О его личной жизни неизвестно ничего.

Его зовут Тим Бернерс-Ли, и он — человек, который изобрел World Wide Web.

Историки и журналисты затрудняются назвать точную дату появления Интернета: считать ли ею 1974 год, когда Винт Серф и Боб Кан опубликовали работу, где описали TCP-протокол, который через несколько лет превратится в TCP/IP-протокол, основу нынешнего Интернета (не спрашивайте меня, что значат эти буквы, я все равно не поверю, что вам в самом деле интересно знать ответ)? Или 1972-й, когда Рэй Томилсон разработал первую программу для электронной почты и стал использовать @ в почтовых адресах? Или все-таки 1966 год, когда был разработан первый план создания прообраза Сети сетей — ARPANETa? Или, наконец, 1965-й, когда осуществили первое соединение двух компьютеров через телефонную линию?

Все эти даты мешаются в голове, и без вводной лекции трудно понять, о чем речь. Какой еще протокол, зачем в почтовых адресах @, что такое ARPANET? Для многих нынешних пользователей Интернет — это прежде всего WWW, веб, Повсеместно Протянутая Паутина, сеть файлов, связанных между собой ссылками. Именно ее и изобрел Тим Бернерс-Ли в 1991 году. В то время он работал в Швейцарии, в месте, которое теперь называется Европейская организация ядерных исследований (CERN), так что идея мировой Паутины — европейского, а не американского происхождения. В 1992 году она покорила мир Интернета, и нынче мы смело можем отмечать десять лет появления электронной Паутины.

Интернет — это множество компьютеров, WWW — это множество файлов. Среди них могут быть картинки, тексты, фильмы — что угодно. Важно то, что они соединены друг с другом, и для нас, пользователей, нет никакой разницы, находятся они на одном компьютере или на удаленных за тысячу километров друг от друга. Идея эта кажется сегодня столь очевидной, что непонятно, почему она не приходила никому в голову раньше.

Хотелось бы написать историю изобретения WWW как сказку — «жил-был мальчик, который мечтал о том, чтобы люди во всем мире…» — но Тим Бернерс-Ли ничего не рассказывает о своей жизни. Был ли мальчик и о чем он мечтал, мы не знаем.

Тридцатипятилетний ученый Тим Бернерс-Ли мечтал о глобальной системе, позволяющей людям делиться друг с другом информацией, — и веб стал прекрасной реализацией этой мечты.

Придумав веб, Тим Бернерс-Ли придумал и первую программу-браузер для его просмотра (читатель, скорее всего, сейчас делает это с помощью Internet Explorer, а автор — с помощью Opera). Она была очень примитивной и даже картинки показывала в соседнем окошке, а не вместе с текстом, как мы привыкли. И разумеется, тогда не существовало ни JavaScript, ни флэш-анимации — до появления Масяни оставалось почти десять лет. Люди, которые придумали первый браузер, позволяющий видеть картинки в тексте, как в книге, стали одними из первых веб-миллионеров. Тим Бернерс-Ли предпочел остаться в некоммерческом секторе, хотя имел массу возможностей превратить Паутину в золотую жилу.

Думаю, изобретая веб, он понимал, что основывает новый прииск. Не случайно одним из альтернативных названий для Паутины была «Информационная жила». Впрочем, сокращение от «The Information Mine» — TIM — показалось ему нескромным, и в конце концов он остановился на World Wide Web. Еще в середине девяностых ему приходилось объяснять, что пишется это в три слова (хотя существует английское слово worldwide) и без дефисов — сегодня трудно представить, что «тройное дабл ю» могло расшифровываться как-то иначе.

Графически выразительный, легко запоминающийся, манящий неведомыми смыслами и кодирующий в рисунке своих букв взлеты и падения новой индустрии, WWW стал одним из лучших брэнднеймов девяностых. В 1995 году легендарный (и виртуальный) Май Иванович Мухин придумал переводить World Wide Web как Повсеместно Протянутую Паутину — но, несмотря на все остроумие перевода, он так и не прижился. В ППП было слишком много прямых углов, а рисунок его слишком напоминал городской ландшафт тоскливых многоэтажек— WWW пришлось остаться непереведенным на русский, а нам, журналистам, каждый раз переключаться на английский язык, когда мы хотим помянуть изобретение Тима Бернерса-Ли. Точно так же не прижилось во всем мире сокращение w3, напоминающее не то обозначение новой модели машины, не то имя очередного робота из «Звездных войн».

Сегодня всемирно знаменитый (world wide famous?) ученый разрабатывает новую идею, которую называет «семантической паутиной». Удастся ли ему снова изменить пейзаж виртуального мира — и если да, то через сколько лет мы забудем WWW и будем отмечать десятилетие появления другой Паутины?

15. Мужчины

Месть ботаника

Среди всех достижений хай-тека Интернет считается наименее мужским. Его нельзя сравнить ни с машиной, ни с мобильным телефоном, ни с карманным компьютером или даже с компьютером настольным. Видел кто-нибудь где-нибудь когда-нибудь настоящих мужиков, которые похвалялись бы своим Интернетом? Выкладывали бы его на стол в баре тем жестом, каким еще несколько лет назад клали мобильные телефоны? Вынимали ли бы из кармана карточку почасовой оплаты с деланой небрежностью, с какой вытаскивают палм-пилот? Хотя бы один мужчина приглашал девушку к себе домой, говоря, что покажет ей, какая у него там выделенная линия на 128 Кб/сек? И если да, то приняла ли девушка приглашение? А если даже приняла, успели ли они вообще дойти до компьютера? Нет, вы только представьте, что вместо фразы: «Пойдем, прокатимся на моей новой машине», можно сказать: «Пойдем посерфим на моем новом канале»? Даже если она знает, что значит «посерфить», и догадывается, что вряд ли ты прикупил канал им. Москвы. Нет, это определенно не работает.

Зато хорошо звучит фраза: «Я поставил моей маме Интернет, и теперь она не звонит мне во время совещаний, а только бомбардирует по айсикью». Хорошо звучит, убедительно. Куда лучше, чем: «Я купил своей маме мобильный телефон и классную тачку». Интернет — не для настоящих мужчин, он — для женщин, детей и лиц старшего возраста. Он слишком прост. Пользоваться им — все равно что управлять государством по Ленину: дело кухарок, домохозяек и пенсионеров.

То, что Интернет изобрели мужчины, ничего не меняет. Мужчины изобрели множество вещей, которые не служат символом мужественности и целиком оказываются в распоряжении женщин. Взять, к примеру, пылесос или стиральную машину. Конечно, фраза «Милый, купи мне, пожалуйста, хорошую выделенную линию» еще не стала столь же распространена, как просьба купить новый холодильник, но связано это, конечно, с тем, что Интернет — вещь новая и большинство женщин относятся к нему с легкой консервативной опаской. Но впереди, конечно, большие перспективы — в особенности для маркетологов. «Все женщины делают это. Без этого ты не можешь чувствовать себя женщиной. Канал ISDN, 256 Кб/сек». Что-нибудь в этом роде.

Между тем, посмотрев на историю изобретений Настоящих Мужских Вещей, мы видим странную закономерность. Самих изобретателей трудно назвать крутыми мужиками. В лучшем случае, когда слава приходит к ним при жизни, они могут компенсировать очки, отсутствие бицепсов и навыков рукопашного боя за счет своего богатства, но так везет считанным единицам. Большинство людей, придумывающих крутые тачки, мобилы и домашние кинотеатры, остаются в глазах потребителей своих изобретений чудаками, занудами, ботаниками и очкариками, даже если в ботанике они ничего не понимают, а вместо очков давно носят контактные линзы. Женщины тоже пренебрегают изобретателями в пользу покупателей — и в этом женщин можно понять. Занудливые инженеры и аутичные программисты слишком увлечены внутренней жизнью своих изобретений, чтобы уделять достаточно внимания своей внешности. Да и чужой тоже, честно говоря.

Конечно, им было обидно. Столько столетий труда — и все насмарку. Лучших теток все равно уводят те, у кого фигура древнего грека, интеллект кроманьонца и смутное понимание, кто такие эти греки и кроманьонцы.

И тогда ботаники придумали Интернет, самое совершенное орудие мести. Он позволил им стать настоящими мужчинами — в полночных чатах, в «Живом журнале», на каналах IRC и в переговорах по ICQ они могли дать сто очков вперед богатым и красивым. Долгие столетия одиночества и десятилетия сидения у экрана монитора выработали в них то, чего не хватало настоящим мужчинам прошлого: они могли говорить, не видя собеседницы и не слыша ее голоса. Им не нужно было читать в глазах обожание и слышать волнение в интонации. В изобретенном ими виртуальном мире они чувствовали себя как дома, очаровывая незнакомок, отдававших им свою душу в хитросплетении проводов и оптоволоконных кабелей. Души им достаточно — как уже отмечено, тела их не особо интересуют.

Вот он, ссутулившись, сидит перед монитором. У него красные от недосыпа глаза, ранняя лысина, навсегда испорченное зрение и пивное брюшко. Девушка, которую он никогда не видел, пишет ему: «Я хочу брать в рот пальцы твоих ног». Желтые ногти на этих пальцах давно не стрижены, но его это не заботит. Ударяя по клавишам, он выстукивает мелодию вечной страсти, не нуждающейся в телах, — и кто скажет, что в этот момент он не настоящий мужчина?

16. Юг

Применительно к Интернету условность географических понятий, включая Север и Юг, мне стала ясна еще лет семь назад, когда я завел себе первую персональную страницу на сервере www.israel.ru.[33] «Ru» означало, что речь идет о России, «Israel» — что об Израиле. Между тем физически сервер находился, если я не ошибаюсь, в штате Юта. К какой географической точке следует приписать то, что получается, я не знал тогда и не знаю сейчас.

Впрочем, на заре Интернета была сделана попытка хоть как-то укоренить Сеть в традиционной политической географии. К уже существовавшим «тематическим» доменам верхнего уровня (com — для коммерции, org — для организаций, gov — для правительства США) были добавлены домены для стран: ca — для Канады, fr — для Франции, su — для Советского Союза и так далее. Пример с «израиль. ру» показывает, что все оказалось не так гладко, как думали организаторы. Достаточно сказать, что зона su благополучно существует сегодня, хотя Советского Союза нет уже более десяти лет.

Однако самая интересная история случилась с островным государством Nieu (Ния?), расположенным как раз в Южных морях, неподалеку от Новой Зеландии. На одном из крупнейших коралловых островов в мире (260 кв. км) живет чуть более двух тысяч человек, большинство из которых — этнические полинезийцы. Впрочем, все вместе они образуют нацию ниянцев. Они живут в тринадцати деревнях вдоль кольцевой дороги, идущей по берегу океана. Вероятно, одна из деревень является столицей Нии и называется Алофи. Одним из важных составляющих местной экономики до недавних пор являлся выпуск и продажа иностранным коллекционерам почтовых марок.

Несмотря на малый размер, острову-государству тоже был выделен собственный домен. nu, права на управление которым островитяне несколько лет назад передали частной американской компании. NU Domain Ltd. Она тут же развернула бойкую торговлю, в частности приманивая покупателей конкурсами, победители которых отправлялись на неделю отдыхать на Нию. Впрочем, обычно успех домена объясняют тем, что nu — это начало слова nudity («обнаженка» по-нашему), но зачем, скажем, компании Dell или шинам GoodYear домены, ассоциируемые с этим самым ню, мне не ясно. Между тем они тоже зарегистрировали себе соответствующие адреса.

В настоящий момент зарегистрировано более 30 тысяч адресов (среди них — www.gazeta.nu, где лежал архив

носиковской «Газеты. ру» за 1999 год). От заработанных компанией. NU Domain Ltd денег часть, разумеется, перепала и ниянцам. Помимо разных других благ, наиболее любопытным представляется установка бесплатного спутникового Интернета для всех жителей острова. Теперь маленький южный остров стал единственным в мире государством, где все жители бесплатно подключены к Сети. К сожалению, эта льгота распространяется только на тех, кто находится на территории Нии, — ниянцу, приехавшему в Москву или Нью-Йорк, никто халявного доступа не обещает.

Все это делает остров Ния одним из самых привлекательных мест для жизни. Бесплатный Интернет, тропический климат, парламентская демократия, южный океан и, хочется верить, дружелюбное население — что еще нужно, чтобы достойно встретить старость?

Говорят, правда, что иногда над островом проносятся тайфуны, — но это можно считать элементом местной экзотики. К тому же — что за тропики без тайфуна? Зато местные жительницы, надо надеяться, ходят нагишом — обязывает климат и доменное имя.

17. Ночь

Время: ночь

Для всех нас, людей, пришедших в Сеть в середине девяностых, Интернет начинался ночью. Дело было даже не в том, что нашей ночью в Америке был день и можно было болтать с уехавшими друзьями по IRC (ICQ тогда еще не было в помине, как не было чатов и прочих средств общения в режиме реального времени). Говорили, что ночные тарифы всегда дешевле дневных — однако многие из нас быстро пересели на халявный Интернет, будь то ломаная русская «Америка-онлайн» или оплаченный какой-нибудь работой дайалап, — но ночи никто не изменил. Была легенда, что ночью связь лучше, потому что меньше загрузка на телефонные линии. Связь тогда была плохая, и все говорили, что нет смысла покупать модем на 28,8 — потому что линия не потянет. Сейчас на тех же линиях все сидят на 5бК — и ничего, но тогда это казалось нереальной сказкой.

Так или иначе все ходили в Сеть по ночам. Даже в американском фильме «Хакеры» видно, как в момент массированной хакерской атаки всюду день — и только в Москве ночь. Двое субъектов у компьютера поднимают стакан с водкой и

говорят: «Поехали». И машут рукой, как Гагарин, стартовавший в звездное — и такое ночное — небо.

Сегодня я думаю, что привычка ходить в Интернет по ночам мало связана со всем вышеперечисленным. Просто ночь — время нового и неведомого. Я еще помню времена, когда видео смотрели по ночам. «Терминатора», «Эммануэль» и «Казанову» Феллини. Собирались человек пять-шесть, с ночевкой, кто-то приносил кассету — и смотрели. Все молодые, времени хоть отбавляй, можно и днем собраться, но собирались всегда ночью. Как подпольщики.

К тому же Интернет — интимное дело, требующее сосредоточенности и одиночества. Даже теперь, когда все изменилось, подростки по-прежнему ждут, пока лягут спать их родители, и отправляются читать русский перевод фанфика пятого тома Гарри Поттера. Похотливые мужья ждут, пока уснут жены и дети, и идут на «Стульчик» или на porno.ru. Ищущие безопасных ночных приключений девушки, дождавшись, пока уснут, напившись «Клинского», их друзья, отправляются в эротический чат.

Интернет — одинокое ночное дело, не терпящее суеты, располагающее к легкой дремоте. В нет-серфе нет цели. Перетекая с сайта на сайт, ты засыпаешь, и во сне тебе снится все то же: строка браузера, адреса, взвизг аськи, цифры, отсчитывающие тонны спама в твоем почтовом ящике. Не случайно сон называют одной из разновидностей виртуальности.

Днем слишком много солнца, слишком много людей, телефонных звонков, посторонних разговоров. Одним словом, слишком много жизни. Ее мелькание отвлекает от мерцания монитора, от родных буковок, всплывающих в рамочке ICQ. Отвлекает от Интернета.

Ночью наступает тишина, никто тебя не потревожит. Наберешь урл, пошлешь мейл, подашь реплику в чате. Улыбнешься счастливо. Время: ночь. Чувство: счастье.

Но с каждым годом все больше и больше людей нарушают традицию. Они ходят в сеть днем, из светлых офисов, по быстрой цифровой линии. Они ходят в Сеть, твердо зная, зачем они туда идут. Они там — вы не поверите! — работают. Они относятся к Сети, как мы относимся к телефону. Как к телевизору: посмотрел программу, выбрал канал, включил, выключил. Никакой тайны, никакой магии.

Эти люди — предвестники будущего. Они забыли — или не застали — времена, когда ночь была самым интернетным временем. Для них сидеть у компьютера по ночам так же странно, как собираться группами по пять человек, чтобы с часа до трех

ночи смотреть «Терминатора». У их детей будет персональный монитор в своей комнате, чтобы чатиться днем, а по вечерам читать фанфик седьмого тома Гарри Поттера. Конечно, они могут зайти в Сеть и ночью — мы же иногда смотрим телевизор после двенадцати и даже изредка звоним по телефону, если бессонница или что-то случилось.

У этих детей не будет ночного Интернета. Но хочется верить, что у них будет что-то другое. Что-то новое, неведомое, для чего лучшее время — ночь.

Именной указатель

Алексрома (Ромаданов Александр) — 127
Андреев Алексей (Леха) — 120, 179,314
Андреев Максим — 76, 286
Антонов Вадим — 20
Армалинский Михаил — 231, 233, 235-237
Ашаров Михаил — см. Якубов, Михаил
Ашуратова Намнияз — 325, 326, 327
Бабаев Мирза — 292
Барлоу Джон Перри — 13, 31,188, 426
Березницкая Елена — 188
Березовская Юлия — 179
Бернес-Ли Тим — 19, 434-436
Борисов Дмитрий — 269
Борискина Маша — 245—247
Бруковская Ольга — 379—382
Вербицкий Миша (Сомнамбулист Чезаре) — 15, 22, 54, 56, 171, 188, 199, 202, 219, 222, 223, 279, 282, 283, 305, 306, 336, 337, 353, 368, 374, 377
Вергилесова Екатерина — 271
Вернер Дмитрий — 321, 323, 324, 400
Вика- 117,181,374
Витухновская Алина — 270, 271, 272
Возняк Стив — 34
Володин Дмитрий — 20
Воробьев Кирилл — см. Баян Ширянов
Воронежский Роман — 46, 58, 70, 90
Воронов Анатолий — 65
Ворошилов Игорь — 342
Гаврилов Александр — 139,296
Гагин Александр (Паровозов Иван 3Рыч) — 39, 46, 47, 57,
Составитель Максим Кузнецов 59–63, 103, 150, 179–181, 200, 377, 414
Геласимов Андрей — 101
Гельман Марат- 129, 130, 201, 258, 325, 326
Гессен Маша — 27
Глушенков Александр — 210—212
Горалик Линор — 55,56,101,135,137,138,139,110,141,235, 260,296,297,315,374,382
Горный Евгений — 19, 21, 27, 30, 33,34,41,45,47,103,251,259, 302, 374, 395, 420, 422
Горчев Дмитрий — 101

Готовцев Кирилл — 21
Грызунова Анастасия (Настик) — 5, 9, 30, 43, 45, 70, 75, 97, 106, 123, 139, 165, 179,
180, 228, 252, 253, 258, 270, 291, 292, 293, 294,295, 296,297,313, 391,419,421
Гусев Дмитрий — 219
Гущин Вадим (ВадВад) — 126
Давыдов Иван — 291, 302
Джобс Стив — 34
Делицын Леонид — 30, 31, 34,42, 56, 103, 106, 109, 113, 117–119, 122, 123, 126–128, 219, 220, 222, 324
Деткина Екатерина — 66–71,80, 91,102,105,399
Житинский Александр — 71,120, 127
Завалишина Женя — 339, 340
Захаров Емельян — 56, 64,65, 78, 79, 88, 226, 270
Иванченко Александр — 128— 132
Иванов Александр — 194, 197, 199, 203–205, 207, 208, 209, 210,211,212,259
Ицкович Дмитрий — 32, 34, 60, 71,80,81, 148, 150,251
Каганов Лео — 260
Кадиева Екатерина (см. также Вергилесова Екатерина) — 5, 91,273,283,365,366
Кан Боб — 19
Кармоди Остап — 260
Коваленин Дмитрий — 127
Колпаков Валерий — 122
Кононенко Максим (Mr. Parker) — 70, 126, 147, 179, 302, 342, 343
Корзун Никита (Кит) — 225, 227, 228
Королев Сергей — 26
Короленко Псой — 163–164,263, 341
Костылева Лена — 367—370
Костырко Сергей — 26 Кротов Яков — 335-338
Куб (см. Якубов Михаил) Куваев Олег — 8
Кузьминский Борис— 76, 201, 262, 302
Кудрявцев Демьян (damian) — 46, 63, 70, 71, 76, 78, 79, 80, 88, 106, 200, 236, 224, 225, 228, 229,230,270,373,414
Кукулин Илья — 122, 260
Курицын Вячеслав — 76, 97, 130, 139, 194, 196, 197, 200, 201, 298
ЛебедевАртемий(Тема)—22,30,36,38,39,47,63,65,68,71,81,88, 150,269,270,425
Левенчук Анатолий — 406
Левин Владимир — 188—191

Левкин Андрей — 259
Лейбов Роман- 21,22,27,30,31, 42, 105, 109–111, ИЗ, 117, 122, 209, 219, 220, 221, 223, 297, 305, 306, 372–374, 377, 379, 406,407
Литвинович Марина — 285, 287, 291
Лифановский Борис — 171
Львовский Станислав — 260
Лялина Оля — 87, 326, 345—353
Мадисон Андрей — 302
Май Зак (Май Захар) — 127, 309, 314, 354, 367, 369
Малюков Александр (САМ) — 56, 243
Манин Дмитрий — 15, 22, 30, 53, 56,71,110–113,117,122,220, 221,265
Маслов Вадим — 31
Милованов Александр (Alex Msk) — 82, 295
Миндер Юлия — 179
Монахов Антон — 383
Мордвинова Амалия — 269, 270
Морейнис Аркадий — 225, 227,228, 296
Митник Кевин — 188-191
Мошков Максим —11, 44, 202, 203, 206, 236, 254–257, 289
Мухин Май Иванович — 28, 30, 59,67,102–105,109,116,117, 436
Мхеидзе Георгий — 66, 260, 261
Настик (см. Грызунова Анастасия)
Нельсон Тед— 107
Немцов Макс — 139, 252
Нестерова Маша — 45, 218, 295, 382
Никитин Антон — 406
Носик Антон — 8, 22, 30, 37, 38, 42,44,46,47, 59,60,62,63,65, 66, 69, 71, 78, 80, 88, 91, 122, 126, 146–153, 171, 179, 181, 182, 223, 224, 228, 230, 246, 250, 269, 284, 285,
286, 314, 322, 325, 341, 372–375, 377, 378, 380, 406, 416
Норвежский Лесной — 179, 251, 314
Овчинников Илья — 280
Ояйла Петри — 20
Павловский Глеб — 14, 22, 23, 60, 118, 146, 153, 154, 258, 259, 268, 287, 290, 297, 298, 302, 373,407,420
Паравозов Иван Зрыч — см. Гагин Александр
Пелевин Виктор — 29,31, 32,42–46, 60, 81, 86, 131, 193, 201, 206, 255, 267, 279, 299, 399
Пенская Елена — 259, 302
Пескин Евгений — 34
Пономарева Аллена — 46, 65
Пригов Дмитрий — 29, 42, 119, 267

Простоспичкин Егорий — 200, 217
Райхман Инна — 127
Ратнер Илья (Эли) — 113
Рождественская Ксения — 286
Ростоцкий Станислав Ф. — 173, 260
Себрант Андрей — 286
Семеляк Максим — 261
Сергеев Алексей — см. AlexSYS
Серф Вин— 19
Скелетрон — 325
Скляров Дмитрий — 237, 241, 243-246
Смолев Макс— 81
Соколова Соня — 286, 328, 329
Сомнамбулист Чезаре — см. Вербицкий Миша
Сорокин Владимир — 97, 102, 109, 131, 142, 144, 192, 194, 196–198, 204, 206, 207, 209, 210, 212, 215, 247, 249
Стругацкий Борис — 120, 193
Сумерк Богов — 415
Тучков Владимир — 180
Тышкевич Борис — 264
Уманцев Леонид — 64, 65, 79
Фарбер Алекс — 107, 323, 392
Фрайман Илон — 374 Фридман Юлия — 223, 372
Хашимов Зафар (churkan, Зеф) — 283, 387
Ходаков Павел — 286, 328, 329
Храброе Алексей — 111
Черницкая Мария — 75–77, 262
Чернов Андрей («ache») — 45, 55, 97, 102, 142, 144, 192, 193, 196–212,236,259,353
Чернозатонский Константин — 41,71,191
Шелли Мерси — 101
Шерман Александр — 42, 56, 57, 149, 179,321,322
Ширянов Баян (Воробьев Кирилл) — 101, 123, 127–129, 132, 152, 212, 221, 237, 301,
Шогди Нагиб (Корсаков Александр) — 67, 247- 253
Эдемский Михаил (Мишин Эд) — 82,97
Экслер Алекс — 285, 374 Эпштейн Вадим (eps) — 262–266, 279
Эпштейн Михаил — 105, 132 — 135
Якубов Михаил (Куб, qub, Михаил Ашаров) — 19–22, 30, 32, 80, 84,181, 236, 251, 269,
276, 322, 371, 374, 422
Ache — см. Чернов Андрей
AlexSYS (Алексеев Сергей) — 181 aqualung— 372, 373 alexmsk

— см. Милованов Александр damian — см. Кудрявцев Демьян eps — см. Эпштейн Вадим

Mr. Parker — см. Кононенко Максим qub — см. Якубов Михаил Webster — 185-188

notes

Примечания

1

Горный просит специально отметить, что он на тот момент был женат на старшей сестре жены Куба — и потому они с Кубом как бы родственники (здесь и далее примеч. авт.

2

В этом месте ехидный Настик написал «детородный?», но все равно оставим так — в частности, потому, что в самом деле из чресел ZR много чего вышло.

3

Евгений Горный комментирует: «Смешная история, но про этого нефа я ничего не знаю. Была другая история — когда рано утром раздался звонок в дверь, я открыл, и там стоял неф. Это был Серафим Макангила, фронтмен группы «Маркшейдер Кунст» — его ограбили в поезде, отобрав все деньги и документы. Он попросился пожить какое- то время, и это время затянулось месяца на полтора. Спал он в моей комнате на диване, который стоял напротив моего матраса. Я же спал на полу из-за переломанного позвоночника»

4

Горный пишет. «Можешь отметить, что ширинка была моя. Я первый раз увидел сканер и немедленно стал совать туда различные предметы и смотреть, что получается. Отсканировал, в частности, свои шорты — эта картинка и была использована для обложки». как нормальный человек. К этому времени Zhurnal.ru фактически прекратил существование — но еще долгие годы почти все крупные проекты Рунета делались людьми, которые в свое время встречались на Калашном.

5

Добрый Настик пишет: «А увлеченность с ним тоже беседовала, спорила и шутила?» Мне остается вздохнуть и сказать, что да, вот именно так чудовищно я мог написать. Надеюсь, что по дороге на полосу это место исправили — но я оставляю здесь так, как было написано у меня. Так сказать, в качестве покаяния.

6

Как уже заметил читатель, мне казалось очень остроумным объявлять реальных людей виртуалами. Подробнее о Шогди см. в третьей части.

7

Be a good-looking corpse, прибавила Настик, цитируя Тома Уэйтса.

8

Настик замечает по этому поводу: «Что чистая правда, как мы понимаем — и повод для сожалений».

9

«Это как удои, что ли?» — интересуется Настик. Да, Настик, как удои. Когда выходишь на три статьи в день, чувствуешь себя именно что коровой. Первая дойка, вторая дойка…

10

Примечание Настика: «Только еле на плаву держится, и каждый раз, когда вдруг откуда-нибудь выплывает инвестор, СМИ разражаются воплями, глазам своим не веря, потому что в любой момент готовы были его похоронить».

11

Настик замечает по этому поводу: «Что чистая правда, как мы понимаем — и повод для сожалений».

12

Кажется, на самом деле его зовут М.И. Мухин, но пользователи Интернета имеют привычку скрываться за псевдонимами. Мухин — человек нелегкой судьбы и один из старейших жителей Интернета, достойный отдельного разговора. Оставим же за ним возможность скрываться под пресным «Лейбовым»: пусть так и будет, тем более что фамилия прикольная. Отметим, раз уж открыли примечание, роль вышеупомянутого Л. Делицына, много сделавшего для развития РОМАНа и содержащего американское «зеркало», где большая часть текста представлена в кодировке КОИ-8, а не транслитом, как на эстонском сервере Лейбова. — Оригинальное примечание к статье.

13

Настик считает, что эта байка здесь — не пришей кобыле хвост. По-моему же, она характерна для тех времен, когда тот факт, что два человека связаны с русским Интернетом, еще воспринимался как нечто, их объединяющее.

14

Это я проврался: «Автопортрет с догом» был до «Монограммы», а в девяностые Иванченко не особо и печатали.

15

Почему, кстати, Иванченко называет свое произведение «статьей», мне было неясно тогда и неясно теперь.

16

Резонное замечание одного из первых читателей: «Ну, отец, какое от калипсола возбуждение, а?»

17

«Суки какие! — пишет на полях Настик Грызунова. — У меня эмпатия!». Интересно, а если бы женщины топтали ногами кузнецов — я бы тоже запереживал?

18

«И как такое словоупотребление действует на антисемита?» — интересуется на полях Настик.

19

Мексикано-американцы, выражаясь политкорректным языком.

20

Настик вспоминает «Да-да-да. Я помню, было прекрасное письмо осенью 1997 года: «Русский журнал» рассылал просьбы об интервью — сотрудникам «Журнала. ру», в частности, — и писал, что «главная цель этого дискуссионного форума» (Русского то есть журнала) — «диагностика и терапия культурной сферы послекоммунистической России». Диагностика и терапия приводили нас в глубокое уныние».

21

Последний раз я видел Эпштейна, когда эта книга уже была написана. За три года, что мы не встречались, он изменился, но остался столь же невыразимо прекрасен. Теперь он занимается видео и по-прежнему работает в Хьюлетт-Пакарде.

22

Настик спрашивает. «Ощущение такое, будто что-то пропущено — например, в лебедевской реплике. Потому что реакция совершенно неадекватная». Нет, Настик, ничего не пропущено. Да, Настик, именно такой она и была — неадекватной.

23

Ссылка, увы, больше не работает, поэтому даже и приводить ее я не буду

Буа-а. Нет уж, мы за свободу слова

(коммент. Настика).

25

Настик попросила восстановить одну из цитат в ее первозданном виде. Вот, пожалуйста: голосовалка про Сербию на самом деле состояла из двух частей:

— Может, разбомбить их к ебеням?

(Варианты ответа: «Разбомбить к ебеням» и «Ну их на хуй».)

— Или ну их на хуй?

(Варианты ответа: «Ну их на хуй» и «Разбомбить к ебеням».)

26

Сегодня эта аналогия кажется мне несколько натянутой.

27

Простим авторам письма этот повтор. Два «класса» выражают замешательство авторов. *Оригинальное примечание.*

28

Голос из зала: «Интер… — как вы сказали? Повторите, пожалуйста». *Оригинальное примечание.*

29

Среди прочих небезопасных орудий можно назвать залежи урана и других радиоактивных материалов, вызывающие необратимые и неподконтрольные изменения в поэтической ауре близлежащих территорий. Характерно, что все три перечисленных орудия в разные времена назывались в качестве возможных причин превращения обезьяны в человека (если таковое действительно имело место) — психоделический гриб, атомная мутация и технологический прорыв. В последнем случае палка, которую обезьяна впервые взяла в руки, играет роль джойстика. Нам подсказывают, что мы забыли о сексе, но об этой увлекательной материи — как-нибудь в другой раз. *Оригинальное примечание.*

30

«Ты будешь смеяться, — пишет мне Настик, — я до сих пор в этом уверена. Я только еще думаю, что люди свой шанс то ли уже проебали, то ли еще не вычислили».

31

На момент написания текста — персонаж, о котором было что-то написано на каком-то молочном пакете. Кажется, он прожил много лет, потому что пил молоко.

32

Читателям «Жалюза» ни к чему было знать, что этот сон записан Кубом, но здесь об этом, конечно, нельзя умолчать. К слову сказать, как раз благодаря «Онейрократии» я познакомился с Мирзой Бабаевым и Женей Горным — за несколько месяцев до того, как мы все встретились на Калашном, на первой редколлегии Zhurnal.ru.

33

Он же — уже упоминавшийся в книге sharat.co.il